INSPIRIA

В МИРЕ ПРОДАНО БОЛЕЕ
30 МИЛЛИОНОВ ЭКЗЕМПЛЯРОВ
КНИГ ШАРЛОТТЫ ЛИНК

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ШАРЛОТТА ЛИНК

Национальный
бестселлер №1

INSPIRIA

Annotation

В МИРЕ ПРОДАНО БОЛЕЕ 30 МИЛЛИОНОВ ЭКЗЕМПЛЯРОВ КНИГ ШАРЛОТТЫ ЛИНК.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР № 1.

Шарлотта Линк – самый успешный современный автор Германии. Все ее книги, переведенные на почти 30 языков, стали национальными и международными бестселлерами. В 1999-2023 гг. снято более двух десятков фильмов и сериалов по мотивам ее романов.

Сочетание глубокого психологизма и мастерски выстроенного детектива-триллера. Пронзительный роман о духовном одиночестве и опасностях, которые оно несет озлобленному и потерянному человеку.

Самсона Сигала все вокруг считают неудачником. Да он такой и есть. В свои тридцать лет остался без работы и до сих пор живет в доме со своим братом и его женой… Он странный и замкнутый. И никто не знает, что у Самсона есть настоящее – и тайное – увлечение: следить за своими удачливыми соседями. Он наблюдает за ними на улице, подсматривает в окна их домов, страстно желая стать частью их жизни… Особенно привлекает его красивая и успешная Джиллиан Уорд. Но она в упор не видит Самсона, и тот изливает все свои переживания в электронный дневник. И даже не подозревает, что невестка, которой он мерзок, давно взломала пароль на его компьютере…

Когда кто-то убивает мужа Джиллиан, Самсон оказывается главным подозреваемым у полиции, к тому времени уже получившей его дневник. Осознав грозящую опасность, он успевает скрыться. Никто не может ему помочь – за исключением приятеля Джиллиан, бывшего полицейского, который не имеет права участвовать в расследовании. Однако он единственный, кто верит в невиновность Самсона…

«Блестящий роман с яркими персонажами». – Sunday Times

«Потрясающий тембр авторского голоса Линк одновременно чарует и заставляет стыть кровь». – The New York Times

«Пробирает до дрожи». – People

«Одна из лучших писательниц нашего времени». – Journal für die Frau

«Мощные психологические хитросплетения». – Focus

- Шарлотта Линк
  -
  - Пролог
  - Часть I
    - Суббота, 31 октября 2009 года
    - Воскресенье, 22 ноября
    - Среда, 2 декабря
      - 1
      - 2
      - 3
      - 4
      - 5
    - Пятница, 4 декабря
      - 1
      - 2
    - Суббота, 5 декабря
    - Понедельник, 7 декабря
    - Вторник, 8 декабря
      - 1
      - 2
    - Вторник, 8 декабря, 22.10
      - 3
    - Среда, 9 декабря
      - 1
      - 2
      - 3
      - 4
    - Четверг, 10 декабря
    - Суббота, 12 декабря, 19.05
      - 1
      - 2
    - Четверг, 17 декабря

        - 1
        - 2
        - 3
    - Понедельник, 21 декабря
        - 1
        - 2
    - Четверг, 24 декабря
        - 1
        - 2
    - Вторник, 29 декабря
        - 1
        - 2
        - Четверг, 31 декабря
    - Пятница, 1 января 2010 года
        - 1
        - 2
        - 3
        - 4
- Часть II
    - Воскресенье, 3 января 2010 года
        - 1
        - 2
    - Четверг, 7 января
        - 1
        - 2
    - Суббота, 9 января
        - 1
        - 2
    - Воскресенье, 10 января
    - Понедельник, 11 января
        - 1
        - 2
        - 3
    - Вторник, 12 января
        - 1
        - 2
        - 3

- 4
- 5

- Среда, 13 января
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
- Четверг, 14 января
  - 1
  - 2
  - 3
- Пятница, 15 января
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
- Суббота, 16 января
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12

        - 13
        - 14
        - 15
    - Среда, 20 января
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4

Шарлотта Линк
Наблюдатель

Original title: Der Beobachter by Charlott e Link
© 2012 by Blanvalet Verlag, a division of Penguin Random House

© Боченкова О.Б., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2024

Пролог

Он спрашивал себя, заметила ли что-нибудь его жена. Эти ее странные взгляды… она как будто в чем-то хотела его уличить. Ничего не говорила, что совсем не исключало того, что она пристально за ним наблюдает. И делает выводы.

Они поженились в апреле. Сейчас сентябрь, а их отношения так и не продвинулись дальше той фазы, когда молодожены настороженно приглядываются друг к другу, стараясь удерживать при себе собственные комплексы и странности. Но он уже сейчас понимал, что она – нытик. Такие женщины не устраивают истерик, не бьют тарелок и не угрожают вышвырнуть супруга из дома, предпочитая изматывать его беспрерывным нытьем.

До сих пор она держалась. Всячески старалась быть примерной супругой. Готовила его любимые блюда, вовремя убирала пиво в холодильник, гладила его рубашки и брюки и смотрела с ним спортивные программы вместо романтических мелодрам. При этом он все время чувствовал на себе ее пристальный взгляд.

Она вышла за него, потому что не справлялась без мужчины, нуждалась в его заботе и защите. Он женился на ней, когда жизнь вдруг стала разваливаться на куски – ни денег, ни постоянной работы. Он как будто потерял равновесие и уже начинал слишком много пить. Даже если и удавалось пристроиться куда-нибудь, где зарплата позволяла оплачивать унылую квартиру, в которой он жил, вкус к жизни был совершенно утрачен. Собственно, это была не жизнь, а бесперспективное существование. Поэтому, когда появилась Люси, с маленькой велосипедной мастерской, доставшейся в наследство от покойного мужа, он увидел в этом шанс. Он всегда умел при случае ухватить быка за рога и гордился этим.

И вот теперь он был женат, имел свой бизнес и крышу над головой. Но не успела жизнь наладиться, как появилось это чувство, похожее на одержимость, – невозможность думать ни о чем, кроме нее. Хотя в глубине души он подозревал, что этим кончится.

Это была не Люси.

Блондинка – не крашеная, как Люси, у которой уже сейчас то там, то здесь мелькали седые волосы, а самая настоящая, с волосами до талии которые переливались на солнце, как шаль из золотого шелка. Глаза сине-зеленые. В зависимости от того, насколько светло было снаружи, от цвета ее платья и окружающей обстановки, они казались то синими, как незабудки, то серо-зелеными, как лесное озеро. Ни у кого раньше он не наблюдал ничего подобного.

И еще ему нравились ее руки – такие изящные, с длинными, тонкими пальцами… Ноги – словно вырезанные из светлого драгоценного дерева кем-то, кто потратил на это уйму времени и сил. Ни малейшего намека на грубость или неуклюжесть. Она была сама грация, само совершенство.

При одной мысли о ней его бросало в пот. Увидев ее, он уже не мог оторвать от нее глаз, и Люси, наверное, это замечала. Когда она шла по улице, он старался встать возле дворовых ворот. Или испытывал на тротуаре недавно отремонтированный велосипед, чтобы иметь предлог находиться снаружи. Он любил ее движения, легкий, пружинящий шаг. Она шагала уверенно, никогда не семенила. Столько силы было во всем, что она делала… Бежала ли, говорила, смеялась – она излучала силу, энергию. И красоту. Такой избыток красоты и совершенства, что он почти не мог в это поверить.

Наверное, здесь была не только одержимость и ненасытность глаз, но и любовь, из которой произрастало все остальное. Любовь стала началом, почвой, на которой расцвела его страсть – не имевшая к Люси никакого отношения. Так или иначе, Люси была вынужденной мерой. Он все еще не мог от нее отказаться из-за угрозы социального коллапса. Жизнь иногда вынуждает нас терпеть неприятные вещи, и с этим ничего нельзя поделать. Он давно это понял.

И все равно бунтовал, снова и снова проваливаясь между вспышками бунта в черную безысходность. Потому что какие у него были шансы? Он не был привлекательным мужчиной и не строил на этот счет никаких иллюзий. Может, когда-то давно, но не теперь. С большим животом, которым был обязан пиву и жирной пище, с дряблым, одутловатым лицом. Ему было сорок восемь, и он мог выглядеть на десять лет старше, особенно если много выпивал на ночь – вредная привычка, отказаться от которой не получалось.

Ему следовало бы заняться спортом, есть больше овощей, пить воду или чай, но – боже мой! – после тридцати лет совсем другой жизни не так легко измениться. Он спрашивал себя, сможет ли этот эльф, сказочное существо тем не менее полюбить его. Несмотря на мешки под глазами, потливость и одышку при малейшей физической нагрузке. В конце концов, под неказистой внешней оболочкой кое-что было. Главное – дать ей возможность это разглядеть.

Он давно понял, что не сможет от нее отказаться. Несмотря на жену, ее ревность и весь риск, на который он шел – сорокавосьмилетний толстяк, с телом и душой, охваченными пламенем…

И вся проблема в том, что существо, фея, которой он одержим день и ночь, была намного его моложе.

И даже более того – ей исполнилось всего девять лет.

Часть I

Суббота, 31 октября 2009 года

Лайзе удалось незаметно покинуть зал, когда слово взял сын юбиляра. Ему пришлось долго стучать вилкой по бокалу, прежде чем сотня или около того гостей разгадали его намерение. Разговоры и смех, наполнявшие помещение несмолкаемым гулом, стихли, и все взоры обратились к нервозному мужчине, который в этот момент ни о чем как будто так не сожалел, как о своем решении произнести хвалебную речь на этот семидесятипятилетний отцовский день рождения.

Несколько мужчин не удержались от шуток, потому что выступающий то краснел, то бледнел, а потом так запутался, что начинал три раза, прежде чем более или менее освоился со своей ролью. Так или иначе, незадачливый оратор привлек всеобщее внимание.

Момент для бегства был как нельзя более подходящий. Вот уже четверть часа Лайза пробиралась к выходу, и теперь оставалось сделать последние два шага, чтобы оказаться снаружи. Прикрыв за собой тяжелую дверь, она прислонилась к стене и тяжело задышала. Как тихо здесь было… И как прохладно! В переполненном зале стояла невыносимая жара. Причем Лайзе казалось, что никто не страдал от этого так, как она.

Хотя, в общем и целом, вечеринка, можно сказать, удалась. Изысканные костюмы, украшения, парфюм, громкий, непринужденный смех – и сама она посреди всего этого, тем не менее будто отделенная от остальных невидимой стеной. Она машинально улыбалась, отвечала, когда ее спрашивали, кивала или качала головой, потягивая шампанское, и в то же время будто не вполне осознавала происходящее, чувствуя себя подвешенной на веревках марионеткой, кем-то управляемой и совершенно неспособной к самостоятельным действиям. Примерно так она и жила последние несколько лет. Если, конечно, это можно назвать жизнью.

Проходившая мимо сотрудница отеля «Кенсингтон» задержалась, решив, как видно, что прислонившейся к стене женщине нужна помощь. Наверное, Лайза выглядела жалко. Судя по тому, как себя

чувствовала, по крайней мере. Она выпрямилась и попыталась улыбнуться.

– Всё в порядке? – спросила сотрудница отеля.

– Да. Просто в зале… душно.

Она кивнула на дверь. Молодая женщина сочувственно посмотрела на нее и пошла дальше. Лайза поняла, что нужно срочно привести себя в порядок.

Туалетная комната, отделанная мраморной плиткой, встретила ее мягким светом и умиротворяющей музыкой, доносившейся из скрытых динамиков. На какое-то мгновение Лайза испугалась, что не одна здесь, но быстро успокоилась. Похоже, в кабинках никого не было. Лайза понимала, что это ненадолго. Сотня гостей праздника плюс постояльцы отеля – ее одиночество грозило оказаться нарушенным в любую секунду. Значит, нужно поторапливаться.

Лайза оперлась на дорогую раковину. Женщина в зеркале показалась ей чужой, но такое случалось и раньше, даже когда Лайза не была так взвинчена, как сейчас. Роскошные светло-русые волосы, которые она тщательно убрала к сегодняшнему вечеру, свисали вдоль висков неопрятными спутанными прядями. Губная помада, как видно, вся осталась на бокале, потому что губы выглядели почти бесцветными. И Лайза вспотела, судя по блестящему носу и размазанной косметике.

Все это она предчувствовала. Поэтому последние двадцать минут и не мечтала ни о чем другом, кроме как выбраться из этого ужасного помещения. Нужно немедленно исправить ситуацию, чтобы потом как-нибудь пережить остаток вечера. Не может же это продолжаться вечно. Часть с шампанским уже практически закончилась. Далее – шведский стол. Что, конечно, лучше обыкновенного праздничного обеда из пяти перемен, который мог бы растянуться на несколько часов и где гораздо труднее спрятаться, по крайней мере от глаз двух ближайших соседей. Шведский стол предоставляет куда больше возможностей тому, кто желает улизнуть раньше времени.

Лайза поставила сумочку на край мраморной раковины, неуклюже покрутила замком и наконец выудила пудреницу и тюбик тонального крема. Если б еще руки не дрожали так сильно… Не хватало только испачкать платье, что стало бы достойным завершением этого кошмарного вечера.

Пытаясь открыть пудреницу, что ей долго не удавалось, Лайза разрыдалась. Слезы просто полились из глаз, и она ничего не могла с этим поделать. В ужасе снова подняла глаза на свое-чужое лицо, теперь уже заплаканное. Это конец. Могла ли она вернуться в зал с красными, опухшими глазами?

Почти в истерике, Лайза рванула целую кипу шелковистых бумажных салфеток из держателя на стене. Но любые попытки унять слезы как будто лишь усугубляли ситуацию – те снова и снова заливали глаза. «Ничего не поделаешь, – подумала Лайза. – Придется вернуться домой».

И, как будто всего этого было недостаточно, позади послышался шум. Ведущая в коридор дверь открылась, и по мраморной плитке зацокали каблуки. Сквозь слезы Лайза разглядела женщину, направлявшуюся к туалетным кабинкам, прижала салфетку к лицу и сделала вид, что сморкается.

Ну же, проходи скорее…

Шаги стихли, и на некоторое время комната погрузилась в тишину. Женщина повернулась и подошла к Лайзе. На вздрагивающие плечи легла теплая рука. Лайза снова подняла глаза к зеркалу и увидела позади своего лица еще одно, обеспокоенное, с застывшим в глазах вопросом. Лайза не знала эту женщину, но, судя по одежде, она тоже была из числа гостей.

– Вам нужна помощь? – обратилась к ней незнакомка. – Не хочу быть навязчивой, но…

Доброта, неподдельное участие в ее голосе – это было свыше того, что могла выдержать в тот момент Лайза. Рука с салфетками бессильно упала. Лайза перестала сопротивляться своей боли, и слезы хлынули потоком.

Воскресенье, 22 ноября

Поздним вечером в воскресенье Карла впервые обратила внимание на необычное поведение лифта. Теперь жить ей оставалось совсем недолго, но воображения Карлы не хватило бы, чтобы представить, что произойдет ближайшей ночью.

Она сидела в своей квартире, несколько удивленная внезапным открытием. Ведь это, похоже, продолжалось уже несколько дней. Лифт поднимался на ее восьмой этаж, останавливался, двери автоматически открывались, но никто не выходил и не входил. Шагов Карла, во всяком случае, не слышала. Она могла поклясться, что их не было.

Ее дом не из тех, что поглощают звуки. Многоэтажка семидесятых годов постройки – довольно унылая коробка с длинными коридорами и множеством квартир внутри. Более-менее просторные из них занимали семьи с детьми, в меньших ютились одиночки, полностью поглощенные работой и почти не бывавшие дома. Хакни – один из беднейших районов Лондона, притом что та его часть, где жила Карла, была далеко не худшей.

Она попыталась вспомнить, когда в первый раз случилось так, что лифт остановился, но из него никто не вышел. Конечно, само по себе это ничего не значит. Когда кто-то нажимает не на ту кнопку и, осознав ошибку, выходит раньше, лифт все равно поднимается на тот этаж, куда его отправили по ошибке, где его двери открываются, и ждет следующего вызова.

Но в последнее время ошибки уж слишком участились. Как давно, с неделю? Может, две? Карла выключила телевизор. Это ток-шоу все равно ее не занимало. Она подошла к входной двери, отперла, открыла. Щелкнула выключателем рядом с дверным звонком, заливая коридор слепящим белым светом. Эти лампы придают коже трупный цвет, кто их вообще здесь установил? Она оглядела длинный коридор – никого и ничего. Двери лифта закрылись.

Может, какой-нибудь шутник? Подросток из этого же дома, взявший в дурную привычку каждый раз жать на восьмой этаж, прежде чем сойдет ниже… Для чего это ему могло быть нужно,

оставалось для Карлы непостижимым. Как, впрочем, и многое другое из того, что делают люди.

Одинокая, всеми оставленная, она вот уже пять лет как вышла на пенсию. Когда каждое утро встаешь и завтракаешь в одиночестве, коротаешь день в тесной квартире перед телевизором или за книгой и лишь изредка выходишь на прогулку, а вечером ужинаешь одна и снова пялишься в экран, волей-неволей отклоняешься от социальной нормы. Просто перестаешь понимать людей, чья повседневная жизнь неотделима от работы, коллег, семьи, детей – и всех неприятностей и, конечно, радостей, с ними связанных. Очень может быть, что таким людям Карла казалась куда более странной, чем могла себе это представить.

Она вернулась в квартиру, хлопнула дверью и, прислонившись к ней спиной, глубоко вздохнула. Карла переехала в эту многоэтажку – одну из немногих в Хакни, состоявшем в основном из викторианских, по большей части порядком обветшавших зданий – в надежде на лучшее. Думала, что не будет чувствовать себя такой одинокой в доме, полном людей. Все получилось наоборот. Здесь каждый сам по себе, и соседи, похоже, даже незнакомы друг с другом. Вдобавок много пустых квартир. С некоторых пор на восьмом этаже Карла жила одна.

Она направилась в гостиную, размышляя на ходу, не включить ли телевизор. В итоге не стала, вместо этого налила себе вина. Карла пила его каждый вечер, но взяла за правило не прикасаться к бутылке раньше восьми. До сих пор ей удавалось придерживаться этого распорядка.

Она вздрогнула, когда снаружи лязгнула дверь. Лифт поехал вниз, значит, его кто-то вызвал. Мысль о том, что в доме она не одна, несколько успокоила Карлу. «Может, все-таки стоит подыскать другую квартиру», – подумала она.

Что касалось возможностей переезда, здесь ее свободу ограничивала скромная пенсия. Карла не могла позволить себе многого. И потом, где гарантия, что на новом месте она не будет чувствовать себя еще более одинокой? Очень может быть, что дело здесь не в доме, а в ней самой…

Когда тишина стала невыносимой, Карла схватила телефон и набрала номер дочери. Слишком быстро, чтобы застенчивость или страх могли помешать ее намерению. Собственно, у нее всегда были

хорошие отношения с Кирой. Но с тех пор как дочь вышла замуж, а теперь еще и родила ребенка, связь день ото дня становилась все более эфемерной. Молодым людям приходилось устраивать собственную жизнь. Где им было взять силы и время на престарелую мать-неудачницу?

Ее брак распался спустя двадцать восемь лет, Карла сама не могла в это поверить. Муж увяз в долгах, потому что слишком долго жил не по средствам. В итоге сбежал, прежде чем кредиторы успели привлечь его к суду, и в течение многих лет не подавал признаков жизни.

Карла выла от отчаяния. Дочери удалось спастись с тонущего корабля в одном из бесчисленных жилых комплексов Брэкнелла, что в сорока пяти минутах езды к юго-западу от лондонского центра. Математик по образованию, Кира переучилась на финансиста и вышла замуж за человека, чье положение в администрации банка казалось незыблемым. Карла понимала, что должна радоваться за дочь.

Кира ответила после второго сигнала. В ее голосе слышалось напряжение, на заднем плане кричал маленький сын.

– Привет, Кира, это мама. Просто хочу знать, как вы…

– Ой, привет, мам, – Кира, похоже, не особенно обрадовалась звонку. – Всё в порядке. Вот только малышу снова не спится… Совсем меня вымотал.

– Может, у него режутся зубки?

– Угадала. – На некоторое время Кира замолчала, а потом виновато добавила: – Ну а ты как?

На какую-то долю секунды Карла подумала, что пора наконец открыть правду. Что ей плохо, что она совершенно одна. Но Карла знала, что дочь не хочет этого слышать. Что ей хватает и без того, и единственная возможная реакция на жалобу – раздражение.

– А… ну… Похоже, я слишком много провожу времени в одиночестве… – Ну, вот она почти сказала. – С тех пор как вышла на пенсию, я имею в виду…

Развивать тему не имело смысла. Все равно это ничего не изменит.

Кира вздохнула.

– Так найди себе какое-нибудь дело. Хобби – хотя бы ради общения. Ну, курсы кулинарии или спорт… главное, чтобы там были люди.

– Что-нибудь вроде гимнастики для старух?

Кира опять вздохнула, на этот раз не без раздражения.

– Совсем необязательно. Боже мой, сейчас столько всего… Ты обязательно найдешь занятие по душе.

Тут Карла чуть не призналась дочери, что некоторое время тому назад и сама посещала что-то вроде группы поддержки для одиноких женщин, но и там не смогла завязать более-менее прочных дружеских отношений с ровесницами. Наверное, потому, что слишком много ныла. Кому это надо? В общем, Кире лучше не знать об этом проекте.

– Я думаю, что так будет только хуже, – ответила Карла. – Разве нормальные люди плавают в бассейне средь бела дня или готовят, только потому что им больше нечем заняться? Я сразу почувствую себя неполноценным членом общества, у которого нет ни семьи, ни работы. А когда вернусь домой, все равно там меня никто не будет ждать.

– Зато обязательно познакомишься с приятными женщинами, с которыми иногда можно будет общаться…

– И у которых тоже не будет времени на меня, потому что у всех семьи…

– Да, конечно. Ты единственная разведенная пенсионерка во всей Англии, – нетерпеливо перебила Кира. – Так и будешь хандрить перед телевизором до конца жизни?

– И раздражать своими жалобами дочь…

– Этого я не говорила.

– Дом, вот что меня угнетает, – продолжала Карла. – Здесь никому ни до кого нет дела. Лифт останавливается на моем этаже, но из него никто не выходит…

– Как так?

Карла уже пожалела о сказанном.

– Ну да, я только сейчас заметила… что это повторяется слишком часто, я имею в виду. Здесь ведь никто не живет, кроме меня. Тем не менее лифт поднимается на восьмой этаж.

– Значит, кто-то отправляет его наверх. Или система так устроена, что он автоматически проходит все этажи.

– Но это началось неделю или две тому назад…

– Мама!

– Да, я знаю, что иногда веду себя странно. Но пусть тебя это не беспокоит. В конце концов, до сих пор я справлялась.

– Ну конечно… Мама, малыш сейчас надорвется.

– Всё, заканчиваем. Было бы неплохо, если б вы когда-нибудь навестили меня с малышом. Может, на выходных?

– Посмотрим, – уклончиво ответила Кира.

После чего быстро попрощалась, оставив мать наедине с неприятным чувством.

«Она моя дочь, – успокаивала себя Карла. – И для меня нормально рассчитывать на ее поддержку, когда дела идут не лучшим образом».

Она взглянула на наручные часы – начало одиннадцатого. И все-таки решила лечь. Может, почитать перед сном немного? Она надеялась, что уснет быстро. Карла уже собиралась в ванную чистить зубы, когда опять услышала лифт. Он поднимался. Карла встала в прихожей, прислушалась. «Хорошо было бы все-таки, если б здесь кто-то жил, кроме меня», – подумала она. Лифт остановился, двери открылись. Карла ждала, и на этот раз кое-что действительно произошло. Шаги – она слышала их достаточно отчетливо. Шаги снаружи, в ярко освещенном коридоре. Карла сухо сглотнула, ощутив покалывание на коже. Главное – не сходить с ума. До сих пор ее пугало, что из лифта никто не выходил, теперь пугает обратное…

Шаги приближались. «Это ко мне, – подумала Карла. – Кто-то идет ко мне». Словно парализованная, она застыла перед входной дверью. Там, снаружи, кто-то был.

Звонок прозвучал как крик петуха на рассвете. «Грабители не звонят», – подумала Карла. Тем не менее посмотрела в глазок. Помедлила несколько секунд. Потом открыла.

Среда, 2 декабря

1

Джиллиан вернулась на кухню.

– Это мама Дарси, – объяснила она. – Дарси сегодня не пойдет в школу, у нее болит горло.

Но звонок телефона не пробудил Бекки от апатии, с которой она склонилась над тарелкой с мюсли. Дочь все так же угрюмо смотрела на хлопья и фрукты, залитые молоком.

«Ей только двенадцать, – подумала Джиллиан, – а она уже вялая и равнодушная, как подросток на пике полового созревания. Неужели и мы в свое время были такими?»

– Хмм… – неопределенно отреагировала Бекки.

Рядом с ней на стуле сидел Чак, черный кот. Они нашли его полумертвым от голода на обочине дороги во время отпуска в Греции и тайком пронесли в отель. Оставшуюся часть отпуска только и думали о том, как бы незаметно вынести Чака из отеля к ветеринару, а потом вернуть в номер. Ветеринара навещали каждый день. Джиллиан и Бекки часами выкармливали Чака питательным раствором из пипетки, и все равно ничто не внушало надежды, что он выживет. Бекки плакала. Но, несмотря на безысходность и трудности, общая забота сблизила мать и дочь. В конце концов кошачья воля к жизни победила, и Чак уехал в Англию с новой семьей.

Джиллиан села на стул напротив дочери. Теперь ей нужно отвезти Бекки в школу. Вместе с мамой Дарси они организовали что-то вроде совместной транспортной компании, где работали посменно, и на этой неделе была очередь мамы Дарси. Но, конечно, не в тот день, когда ее дочь остается дома по болезни.

– Есть еще одна интересная новость, – продолжала Джиллиан. – Сегодня ты пишешь контрольную по математике.

– Может быть.

– Не «может быть», а точно. У тебя контрольная, а я только сейчас узнаю об этом…

Бекки пожала плечами. На верхней губе у нее остались «усы» от какао. Она носила черные джинсы, настолько тесные, что Джиллиан удивлялась, как Бекки удается влезть в них. Кроме них, черный обтягивающий пуловер и такого же цвета шарф, несколько раз обернутый вокруг шеи. Бекки делала все возможное, чтобы выглядеть круто, но с «усами» от какао больше походила на маленькую девочку в странном маскарадном костюме.

– Почему ты мне ничего не сказала? Я каждый день спрашивала, когда у вас контрольная, и ты отвечала, что пока ничего такого не намечается. Как же так?

Бекки снова пожала плечами.

– Как так получилось? – настаивала Джиллиан.

– Не знаю, – пробормотала Бекки.

– Чего ты не знаешь?

– Почему я тебе ничего не сказала.

– Ты просто не хотела готовиться, вот и всё, – сделала вывод Джиллиан.

Бекки остановила на матери злобный взгляд.

«Что я делаю не так? – спрашивала себя Джиллиан. – Что я делаю не так, если она смотрит на меня с такой ненавистью? Почему мать Дарси знала, и остальные матери, наверное, тоже?»

– Иди чистить зубы, – велела она. – И поторапливайся, нам пора.

По дороге в школу Бекки не проронила ни слова, только смотрела в окно. У Джиллиан чесался язык спросить, как дочь вообще собирается писать эту контрольную, имеет ли она хоть малейшее представление о материале? Но Джиллиан молчала, потому что боялась очередной дерзости. Между тем на глаза у нее наворачивались слезы.

В последнее время такое случалось все чаще, и Джиллиан не знала, что с этим делать. Медленно, но верно она мутировала в плаксу, которая худо-бедно противостоит жизненным трудностям, но до смерти боится провокационного поведения двенадцатилетней девчонки. Может ли женщина сорока двух лет до такой степени утратить контроль над собой?

Возле школы Бекки холодно распрощалась и зашагала через улицу на своих тощих ногах. Длинные волосы развевались на ветру. Рюкзак («Кто сейчас носит ранцы, мам?») хлопал по спине. Она так ни

разу и не обернулась. А ведь было время, когда посылала воздушные поцелуи и улыбалась всем лицом. Как Бекки могла так перемениться за какие-нибудь несколько лет?

Ну, допустим, сегодня утром Джиллиан вынудила ее обороняться. Бекки понимала, что контрольная по математике дело серьезное и было ошибкой с ее стороны манкировать подготовкой. Ей нужно было что-то делать с этой злобой на себя. Джиллиан мучилась вопросом, все ли они сейчас такие? Безжалостные. Бесчувственные. Агрессивные.

Она завела машину, но остановилась за ближайшим перекрестком на обочине. Открыла окно и закурила. Во дворах на траве лежал снег. Вдалеке свинцовой лентой блестела река Темза, которая в этих местах особенно широкая и подчиняется ритму приливов и отливов в своем стремлении к морю. Ветер пах водорослями, кричали чайки. Холодное, неприветливое утро.

Она уже говорила об этом с Томом. Два года прошло с тех пор, как они вдвоем пытались выяснить, в чем Джиллиан оплошала как мать и таковы ли и другие дети. У Тома не было ответов на эти вопросы.

– Если б ты только чуть больше общалась с другими матерями, – сказал он, – тогда бы лучше понимала, что делаешь не так. Возможно, ты даже знаешь, как нужно, но по каким-то непонятным причинам отказываешься налаживать контакт.

– Я не отказываюсь. У меня действительно не получается общаться с другими матерями.

– Это обыкновенные женщины, и они не сделали тебе ничего плохого.

Конечно, Том прав. Но дело было не в этом.

– Они ведь тоже меня не принимают. И каждый раз почему-то получается… будто мы говорим на разных языках. Любая моя мысль истолковывается превратно. И совершенно не вяжется с тем, что говорят они.

Джиллиан прекрасно понимала, как это прозвучало для Тома, конченого рационалиста, – бред, полная ерунда.

– Чушь! – воскликнул он. – Это все твое воображение. Ты же умная женщина. Привлекательная, успешная. И у тебя довольно симпатичный муж, тоже не совсем неудачник. Наконец, здоровый, яркий, красивый ребенок. Откуда эти комплексы?

Разве у нее есть комплексы?

В задумчивости Джиллиан стряхнула пепел с сигареты в окно машины.

В самом деле, какие у нее были причины комплексовать? Пятнадцать лет тому назад они с Томом основали в Лондоне фирму – налоговое и финансовое консультирование. Оба выкладывались по полной, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, и это принесло плоды. Сейчас у них работали шестнадцать человек. И Том не упускал случая лишний раз напомнить, что ничего не добился бы, если б не Джиллиан.

С тех пор как родилась Бекки, Джиллиан перестала появляться в офисе каждый день, но всегда вела своих клиентов. Ради них ездила на электричке в Лондон три-четыре раза в неделю. Пользовалась возможностью самой планировать свой день. Когда была нужна Бекки, просто оставалась дома и наверстывала упущенное по работе в выходные. Все шло хорошо. Джиллиан не на что было жаловаться.

В зеркальце заднего вида мелькнули темно-синие глаза под рыжей челкой. С длинными, вечно растрепанными волосами, Джиллиан плохо вписывалась в стандартный образ деловой женщины и слишком хорошо помнила, сколько неприятностей принесла ей в детстве рыжая грива, плюс неизменное приложение к ней – веснушки. Потом Джиллиан поступила в университет, где познакомилась с Томасом Уордом, который стал не только ее первым парнем, но и единственной любовью, главным мужчиной жизни. Он восхищался ее волосами, а после того как пересчитал все до одной веснушки, Джиллиан и сама начала ценить особенности своей внешности и перестала стесняться. «Об этом ты тоже должна помнить, – говорила она себе. – Обо всем хорошем, что Том привнес в твою жизнь. Ты замужем за прекрасным человеком».

Джиллиан докурила сигарету, и тут ей пришла мысль съездить в лондонский офис. Работы накопилось, а она – лучшее средство против навязчивых мыслей, это Джиллиан знала из собственного опыта. Она решила заглянуть домой и выпить последнюю чашку кофе, прежде чем отправиться на вокзал.

Джиллиан завела машину. Может, стоит еще разок встретиться с Тарой Кейн… Подруга работала в Лондоне прокурором и была, по словам Тома, которому не особенно нравилась, радикальной

феминисткой. Последний раз Тара так прямо и сказала Джиллиан, что та на пороге глубокой депрессии. Возможно, она была права.

2

Самсон долго прислушивался, и лишь убедившись, что внизу никого нет, прошмыгнул по лестнице в одних носках. Он хотел быстро обуть ботинки и куртку и незаметно выскользнуть за дверь, но не успел завязать шнурки, как кухонная дверь приоткрылась, и появилась его невестка Милли. То, как она к нему приближалась, напомнило Самсону выслеживающую добычу хищную птицу.

Он выпрямился.

– Здравствуй, Милли.

Милли Сигал была из тех женщин, кто, еще не перешагнув сорокалетний рубеж, навлекает на себя сомнительные комплименты вроде: «А ведь когда-то наверняка была хорошенькой…» Блондинка с безупречной фигурой, она была злостной курильщицей и слишком любила загорать, из-за чего ее лицо с правильными чертами испещряли бесчисленные морщинки и трещинки, которые не только старили Милли, но и придавали ей изможденный, озлобленный вид.

Последнее, впрочем, объяснялось не только нездоровым образом жизни. Милли действительно была вечно всем недовольна. Самсон говорил об этом с братом, и тот объяснил ему, что Милли живет в неколебимом убеждении, что она обижена судьбой. И дело не в том, что с ней когда-то приключилось что-то трагическое, но в совокупности ежедневных мелких несправедливостей и разочарований. Всякий раз, когда Гэвин, муж Милли, спрашивал, что именно делает ее жизнь такой невыносимой, она отвечала: «Всё. Всё вместе».

Часть этого «всего вместе» составлял Самсон, и сам это прекрасно понимал.

– Мне послышалось, ты куда-то собираешься…

Она не была одета. Когда Милли не особенно спешила на работу, надевала спортивный костюм и готовила мужу завтрак. Гэвин работал водителем автобуса. Иногда ему приходилось вставать в пять утра. Милли варила ему кофе, жарила яичницу с беконом и подсушивала в тостере хлеб для сэндвичей, которые Гэвин брал с собой. Она вела

себя как заботливая супруга, но Самсон очень сомневался, что за этим стояли искренние чувства.

Гэвин, которому приходилось выслушивать ее бесконечные жалобы и упреки, платил за эти завтраки слишком высокую цену. Во всяком случае, он немного потерял бы, если б в эти ранние часы оставался на кухне один – с чашкой кофе, тостами, домашним джемом и утренней газетой.

– Мне нужно идти, – ответил Самсон, застегивая куртку.

– Что-то насчет работы?

– Пока нет.

– Ты хоть пытаешься?

– Конечно. Но времена сейчас тяжелые.

– На этой неделе ты ничего не дал на хозяйство, а я как раз собиралась в магазин…

Самсон вытащил из кармана бумажник и протянул ей купюру.

– Этого хватит?

Милли замялась, но деньги взяла.

– Все лучше, чем ничего.

«Что ей нужно? – спросил себя Самсон. – Она ведь остановила меня не только из-за денег».

Он вопросительно посмотрел на невестку.

– Гэвин вернется в полдень. Обедаем в два. Я сегодня работаю в вечернюю смену.

– Я не приду к обеду.

Она пожала плечами:

– Просто чтобы ты знал.

Поскольку больше Милли сказать было нечего, Самсон коротко кивнул, открыл входную дверь и вышел в холодный день.

Каждое столкновение с Милли вселяло в него нервозность, неуверенность и робость. В ее присутствии становилось трудно дышать. За дверью у Самсона словно гора с плеч свалилась.

Как-то раз ему довелось подслушать разговор брата и Милли, из которого он узнал самое сокровенное желание невестки – чтобы Самсон как можно скорее съехал куда-нибудь, оставив дом в их с Гэвином полном распоряжении. После этого Самсон стал воспринимать ее иначе. Ведь в его присутствии Милли никогда не строила никаких намеков, ничем не давала Самсону понять, что он

здесь лишний. Кроме того, до того он не подозревал, какое давление оказывает она на брата.

– Я хотела нормальную семью, – прошипела Милли, – а что получилось? Какое-то общежитие.

– Не говори так, – отвечал Гэвин тоном человека, слишком много раз имевшего дело с набившей оскомину темой. – Он мой брат, а не квартирант.

– Если бы! Тогда, по крайней мере, мы бы имели с него деньги. А так…

– Это ведь и его дом, Милли. Мы оба унаследовали его от родителей. У Самсона здесь не меньше прав, чем у меня.

– При чем здесь права, я о другом…

– О чем же?

– О воспитанности. Чувстве такта, наконец. Мы с тобой – супружеская пара, когда-нибудь у нас будут дети. Самая настоящая семья. Он – пятое колесо в телеге. Любому на его месте было бы ясно, что он мешает и должен подыскать себе другое жилье.

– Но мы не можем этого от него требовать. Я должен буду выплатить Самсону стоимость его доли, чего сделать не могу, либо компенсировать арендную плату, хотя бы на первое время… Боже мой, Милли, ты ведь знаешь, сколько я зарабатываю. Этот вариант точно не для нас.

– Как брат, он не должен брать с тебя денег.

– Но ему ведь придется платить за съемное жилье. Он безработный. Как ты вообще себе это представляешь?

– Тогда давай съедем мы.

– Ты действительно этого хочешь? А как же дом с садом? Ничего не имею против квартиры, но ты уверена?

Самсон вспотел, подслушивая этот разговор за дверью. Конечно, Милли не нужна никакая квартира. Престиж для нее превыше всего. Ради этого она смирится и с нелюбимым деверем.

Родители Милли – люди скромного достатка. Брак с владельцем особняка – самое большое достижение в ее жизни, даже если речь идет об узком типовом доме на оживленной улице. Ей так нравится приглашать в гости подруг, хвалиться садом, за которым она действительно тщательно ухаживает… Нет, Милли не съедет. Это должен сделать он, Самсон.

На последний вопрос мужа Милли не ответила, но ее молчание было достаточно красноречивым.

Самсон стряхнул с себя воспоминания о неприятном разговоре и пошел по улице. Обычно он выстраивал маршруты прогулок по определенной системе, привязанной к строгому расписанию, от которого уже отклонился на пять минут, потому что слишком долго не решался спуститься в прихожую, а потом был остановлен Милли.

Работу водителя по доставке на дом замороженных продуктов Самсон потерял еще в июне. Замороженные продукты стали дороги, и клиенты сбавили обороты. В результате фирма пошла на сокращение штатов. Самсон, которого взяли на работу последним, оказался в числе первых жертв, что было ожидаемо.

Он шагал бодро. Дом, который они с Гэвином унаследовали от родителей, стоял в самом конце улицы, впадавшей в этом месте в еще более шумный и менее шикарный переулок с узкогрудыми домами и вытянутыми, как полотенце, садиками. Та же улица на другом конце, упиравшемся в гольф-клуб, являла совсем иную картину – просторные особняки с башенками и эркерами, большие участки земли с высокими деревьями за подстриженными живыми изгородями, коваными чугунными оградами или приземистыми каменными заборами. Импозантные автомобили на подъездных дорожках и разлитое в воздухе сонное, нерушимое спокойствие.

Саутенд-он-Си располагался в сорока милях к востоку от Лондона и простирался вдоль левого берега Темзы до того места, где она впадала в Северное море. Здесь было все необходимое для нормальной жизни – магазины и школы, детские сады и кинотеатры, обязательный парк аттракционов, протянувшийся вдоль побережья, песчаные пляжи, клубы парусного спорта и серфинга, пабы и дорогие рестораны.

Многие семьи, для которых Лондон оказался слишком дорог или пожелавшие воспитывать детей в более здоровой среде, нежели та, которую может предложить современный мегаполис, переехали сюда. Саутенд состоял из нескольких округов, в числе которых был и Торп-Бэй, где жил Самсон. Торп-Бэй, в свою очередь, состоял по большей части из широких, слегка волнистых лужаек и теннисных кортов, располагавшихся сразу за городом и отделенных от него только дорогой. Это была настоящая приморская идиллия – зеленые улицы, любовно ухоженные сады и уютные дома. Ветер с реки нес запах соли

и водорослей. Самсон вырос здесь и не представлял, как мог бы жить где-то в другом месте.

Незадолго до Торп-Холл-авеню он повстречал молодую женщину с большой беспородной собакой. Они гуляли здесь каждое утро, но на этот раз уже возвращались домой. Самсон часто следовал за этой женщиной до самого ее дома и достаточно уверенно представлял себе обстоятельства ее жизни. Ни мужа, ни детей. Была ли она разведена или никогда не имела своей семьи, этого Самсон сказать не мог. Но жила она в маленьком двухквартирном доме с большим садом. Работала, очевидно, из дома, потому что никуда не выходила, кроме как в магазин или гулять с собакой. Часто получала пакеты через различные курьерские службы. Возможно, ее деятельность была связана с литературой. Женщина писала рецензии или редактировала рукописи для издательства.

Время от времени она уезжала на несколько дней, и тогда собаку выгуливала ее подруга. Как видно, иногда и фрилансерам приходится наведываться к работодателю.

Чуть дальше пожилая дама подметала тротуар перед домом. Ее часто можно было видеть на улице, и сегодня она убирала последние листочки, нападавшие с дерева за забором в ее дворе. Похоже, уборка давно стала для нее ритуалом, который дама соблюдала, даже когда мести, с точки зрения постороннего человека, было нечего.

Самсон знал, что она не замужем. Даже менее внимательному наблюдателю было понятно, что не ради листьев женщина старается как можно дольше задержаться на улице. К ней никто не ходил – ни друзей, ни знакомых. Если и были дети, они о ней не заботились.

– Доброе утро, – беззвучно прошептала старушка.

– Доброе утро, – пробормотал в ответ Самсон.

Он взял за правило не вступать в контакт с людьми, за которыми наблюдал, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Но мимо этой женщины не мог пройти, не поздоровавшись. Кроме того, подозрительный молчун имел бы еще больше шансов остаться у нее в памяти. Так она по крайней мере не будет думать о нем плохо.

Наконец Самсон добрался до домов, выходящих окнами на парк, особенно красивый и тенистый летом. Один из домов принадлежал семье Уорд. Самсон знал об Уордах больше, чем о ком-либо из их соседей. Когда после смерти родителей возникли проблемы с налогом

на имущество, Гэвин заручился поддержкой Томаса Уорда. Уорд с женой занимались юридическим и финансовым консультированием, держали офис в Лондоне и помогли вконец отчаявшемуся Гэвину на таких щадящих условиях, что он до сих пор не позволял себе ни одного недружелюбного слова в их адрес. Хотя в целом Томас Уорд являл собой тот тип, который одинаково не нравился обоим братьям – слишком большая машина, костюмы из тонкого твида, неброские, но явно очень дорогие галстуки.

– Никогда не суди о людях по внешнему виду, – так говорил Гэвин, когда речь заходила об Уордах. – С ними всё в порядке.

Самсон знал, что Джиллиан Уорд не каждый день ездит в лондонский офис, причем так и не смог обнаружить в ее графике какой-либо регулярности. Похоже, ее не было. Зато была двенадцатилетняя дочь Бекки, о которой нужно заботиться и которая часто казалась Самсону замкнутой и дерзкой. Похоже, матери приходилось с ней нелегко.

Самсон был поражен, увидев, как машина Джиллиан повернула к гаражу. Это и в самом деле было странно. Самсон заметил, что Джиллиан и другая женщина – очевидно, мама одноклассницы Бекки – по очереди отвозят обеих девочек в школу. И на этой неделе была точно очередь не Джиллиан. Может, она ездила не в школу, а в другое место, но куда? Что за дела могут быть у нее в столь ранний час?

Самсон остановился. Уж не собирается ли она в офис? На машине до железнодорожного вокзала, «Торп-Бэй» или «Саутенд Сентрал», далее на поезде до лондонского вокзала «Фенчерч-стрит». Самсон прекрасно представлял себе все ее маршруты.

Он проследил, как она исчезла в доме. В прихожей зажегся свет. Поскольку в красивой, покрытой красным лаком двери Уордов имелось ромбовидное окошко, с улицы можно было заглянуть в прихожую и на кухню напротив. Как-то раз Самсон наблюдал, как Джиллиан, после того как семья позавтракала, вернулась за кухонный стол, налила себе чашку кофе и выпила ее медленными глотками. Забытая газета лежала рядом. Джиллиан смотрела в противоположную стену.

Тогда Самсон впервые подумал о том, что она несчастна. Эта мысль причинила ему боль, потому что Самсон очень симпатизировал Уордам. Джиллиан совершенно не соответствовала тому типу женщин,

которых принято жалеть, и Самсона самого удивила и обеспокоила его участливость.

Уорды – идеальная семья. К такому выводу он пришел, когда однажды вечером застал их всех за барбекю на внутреннем дворе. Их совершенство притягивало почти магической силой. Респектабельный отец. Очаровательная, интеллигентная мать. Симпатичный, живой ребенок. Милый черный кот. Красивый дом с ухоженным садом. Два автомобиля. Ни богатства, ни излишней роскоши, уверенный в себе средний класс – мир, который всегда прав. О такой жизни Самсон всегда мечтал и находил утешение в том, чтобы наблюдать ее со стороны, раз уж ему не суждено быть ее частью.

Он подошел к садовой калитке и попытался заглянуть на кухню. Джиллиан стояла, прислонившись к столу. Держала в руках толстую керамическую кружку и пила, как всегда, в задумчивости, маленькими глотками. О чем она думала на этот раз? Джиллиан казалась погруженной в свои мысли.

Самсон не мог позволить себе подолгу задерживаться на одном месте, тем более посреди улицы. Но ему очень хотелось знать, чем так взволнована Джиллиан Уорд, хотя бы ради того, чтобы успокоиться самому. Вряд ли это связано с мужем или ребенком. Может, мать или отец Джиллиан больны? Скорее всего, что-то в этом роде.

Самсон быстро зашагал по Торп-Холл-авеню, мимо парков, теннисных кортов и Торп-Бэй-Гарден, пересек Торп-Эспланаду, где уже успокаивалось лихорадочное утреннее движение, и оказался на побережье, по-зимнему холодном и пустынном. Куда ни глянь – ни души.

Самсон глубоко вздохнул. Он чувствовал себя измотанным, как после долгого рабочего дня, и знал почему. Он видел Джиллиан Уорд, чуть не столкнулся с ней нос к носу, и это обстоятельство, к которому он оказался не готов, вызвало столь сильное эмоциональное напряжение, что Самсон опрометью бросился к морю – в вечную тишину, где только и мог восстановить душевное равновесие.

Самсон наблюдал за столькими людьми… Запоминал их распорядок дня, привычки, вникал в условия жизни. Он и сам не смог бы объяснить, чем так увлекало его это занятие. Но оно затягивало, будто трясина, из которой уже невозможно было выбраться самостоятельно.

Он читал о компьютерных фанатах, создающих параллельный мир в «Секонд лайф»[1]. Похоже, Самсон занимался примерно тем же, что и эти люди. Жизнь, отдельная от его фактического существования. Чужие судьбы, о которых можно грезить. Роли, которые можно примерять на себя.

Ничто не мешало Самсону вообразить себя респектабельным Томасом Уордом, с красивым, просторным домом и дорогой машиной. Перевоплотиться в крутого парня, который не станет краснеть и заикаться перед симпатичной женщиной с собакой, уверенно пригласит ее на свидание и, конечно, получит согласие.

Мечты хоть как-то скрашивали серую повседневность. Возможно, они были не так безобидны. Самсон нисколько не сомневался, что психолог подобрал бы множество заумных названий для его увлечения, без которого жизнь Самсона вылилась бы в сплошную тоску.

И все-таки в последнее время кое-что изменилось, и это внушало беспокойство.

Он пошел вдоль берега. Здесь было ветренее, чем в городе, и Самсон быстро продрог. Перчатки он забыл дома, поэтому приходилось дуть на руки, чтобы хоть чуть согреть окоченевшие пальцы. Разумеется, Самсон и не думал уклоняться от намеченного маршрута. Каждый вечер в его компьютере появлялась запись об увиденном и пережитом во время очередной прогулки. Этот дневник всегда много для него значил. Лишь в последнее время Самсон стал замечать, что ведет его не с такой увлеченностью, как раньше. И виноваты в этом были Уорды, прежде всего Джиллиан.

Самсон почти сроднился с этим семейством. Уорды были главными героями его фантазий, и не было ничего, чего бы он не знал о них и не захотел бы пережить вместе с ними. Наверное, такой исход был закономерен. Интерес к жизни других людей, одно время достигший стадии одержимости, шел на убыль. Но это почему-то пугало Самсона. Только теперь он понял, почему с самого начала старался как можно более расширить круг объектов наблюдения: чтобы ни один из них не выделялся из общей массы. Чтобы Самсон мог участвовать в чужой жизни, не теряясь в ней. И в этом отношении Джиллиан Уорд представляла угрозу.

Ветер с северо-востока и вправду был очень холодным. Сейчас не то время, чтобы коротать дни на побережье. Летом Самсон мог с утра до вечера бродить по улицам и находил в этом спасение от гнетущей домашней атмосферы. Но зима есть зима. Одно хорошо: рано темнеет, и уже с пяти вечера можно заглядывать в ярко освещенные окна домов.

Однако сейчас Самсон, похоже, отморозил себе все, что только можно. Он принюхался к ветру, как животное, и ему показалось, что воздух пахнет снегом. Снег на юго-востоке Англии не частное явление, но в этом году их, похоже, ожидает настоящее белое Рождество. Самсон готов спорить на что угодно. Хотя к тому времени, конечно, многое может измениться…

Оставаться здесь и дальше было невозможно. Самсон покинул холодный пляж и, проходя мимо киоска на набережной, остановился. Похоже, сегодня утром он вручил жадной Молли всю свою наличность. В карманах с трудом набралось два пенса на кофе.

Горячая чашка приятно покалывала ладони. Самсон укрылся от ветра за дощатой будкой киоска, оказавшись лицом к лицу с ежедневными газетами. Пробежал глазами заголовки. Взгляд уцепился за передовицу «Дейли мейл»: «Чудовищное убийство в Лондоне».

Самсон напряг зрение, пытаясь ухватить суть. Пожилая женщина убита с изощренной жестокостью в высотном доме в Хакни. Тело около десяти дней пролежало в квартире, прежде чем его обнаружила дочь убитой. Никаких указаний на мотив преступления на сегодняшний день не имеется.

– Плохи дела, – подал голос продавец из киоска. – Я имею в виду, если человек десять дней как мертв и никто ничего не заметил. Что с нами стало, а?

Самсон пробормотал что-то, соглашаясь.

– Куда катится этот мир… – подхватил продавец.

– Вы правы.

Самсон вздохнул и допил кофе. Сдачи хватило на «Дейли мейл». Он взял газету и побрел дальше.

3

По крайней мере, ее перестало трясти.

Питер Филдер, инспектор штаб-квартиры английского полицейского ведомства, более известной как Скотланд-Ярд, совсем не был уверен в том, что свидетельница вообще вменяема. Но время было дорого. Судя по всему, мертвая Карла Робертс пролежала в своей квартире больше недели, прежде чем дочь ее обнаружила, что уже дало убийце хорошую фору. Нужно действовать, даже если до сих пор молодая женщина только дрожала как осиновый лист, прижимая к себе ребенка, и заплакала, как только сотрудница полиции попыталась взять его на руки.

Вчера вечером патрульная машина отвезла Киру Джонс в больницу, где она приняла лекарства и осталась на ночь. Утром ее вернули домой, в Брэкнелл. Сопровождавшие свидетельницу полицейские сообщили по мобильному, что Кире Джонс полегчало. И вот сейчас инспектор пьет минеральную воду в уютно обставленной, теплой гостиной, а напротив сидит Кира Джонс, белая как мел и все-таки более спокойная, чем вчера.

Ее муж Грег Джонс тоже здесь. Накануне появления Филдера он покормил и уложил спать ребенка и теперь стоял у окна, скрестив на груди руки, выражая тем самым скорее желание защититься от инспектора, нежели принять его защиту. Очевидно, Грег Джонс был потрясен случившимся, но из последних сил старался оставаться спокойным и сосредоточенным.

– Миссис Джонс, – осторожно начал Филдер. – Понимаю, что это для вас нелегко, и мне очень неловко беспокоить вас в такой час, но, к сожалению, у нас мало времени. По предварительной оценке судмедэксперта, ваша мать пролежала мертвой около десяти дней, то есть была обнаружена довольно поздно…

Кира прикрыла глаза и кивнула.

– У нас маленький сын, инспектор, и сейчас он тоже переживает тяжелый период, – ответил за нее Грег Джонс. – Последние месяцы моя жена выбивается из сил. Я целый день на работе и мало чем могу ей помочь. Теща жаловалась на недостаток внимания со стороны Киры, и я…

– Грег, – вымученно прошептала Кира, – она не просто так жаловалась. Я действительно бросила ее.

– Бога ради, Кира. Я много работаю. У нас маленький сын. Ты не могла постоянно ездить в Хакни и утешать ее.

– Я могла бы звонить ей почаще…

– Когда вы звонили ей последний раз? – перебил Киру Филдер. – Или так: когда вы в последний раз общались с матерью в какой бы то ни было форме?

На какой-то момент Кира задумалась.

– Это было… ах, ну да, в позапрошлое воскресенье! То есть больше недели тому назад. Она позвонила мне поздно вечером, что-то около десяти.

– И после этого вы с ней не разговаривали?

– Нет.

Филдер быстро подсчитал:

– В воскресенье, стало быть, двадцать второго ноября. Сегодня второе декабря. То есть, по всей видимости, ваша мать позвонила вам незадолго до того, как подверглась нападению.

– Незадолго до того, как была убита, – шепотом поправила Кира.

Филдер кивнул:

– Совершенно верно.

– Это ужасно, – сказал Грег Джонс, – действительно ужасно. Но кто мог знать…

Филдер посмотрел в окно. Чистый, ухоженный дворик с качелями, песочницей и детской горкой. И все такое красивое, веселое, с любовью сооруженное отцом для подрастающего сына… С Джонсами, похоже, всё в порядке. Ни Кира, ни Грег не оставляют впечатления бессердечных эгоистов. Просто так сошлось. У него работа, она с ребенком, а путь до Хакни неблизкий и трудный, особенно с малышом. Карла Робертс, похоже, умела нажать на больное место, взывала к совести дочери, но Кира так и не придумала способа интегрировать престарелую мать в свою жизнь. Что ж, так оно во многих семьях.

– Ваша мать была разведена? – задал следующий вопрос Филдер.

Кира уже говорила об этом во время беглого допроса на месте преступления, но инспектору хотелось знать подробности.

– Да, – ответила Кира. – Десять лет, как разведена.

– Вы поддерживаете связь с отцом? Ваша мать с ним контактировала?

– Нет, – Кира покачала головой. – Мы даже не знаем, где он сейчас. Он занимался стройматериалами, возглавлял свою фирму. Мы жили в достатке и думали, что все хорошо. Но потом оказалось, что

отец по уши в долгах. Сразу все рухнуло, и он как будто сбежал за границу от кредиторов.

– Но ведь ваши родители развелись раньше?

– Все правильно. Когда банкротство стало очевидным фактом, открылся его роман с одной молодой сотрудницей, и мама сразу подала на развод.

– То есть вы не уверены в том, что ваш отец сейчас не в Англии?

– Нет. Это не более чем наше предположение.

– И при этом утверждаете, что он не поддерживал контакт с вашей матерью?

– Да. Иначе она рассказала бы мне об этом.

Филдер сделал пометку.

– Мы попробуем разыскать вашего отца. Может, знаете имя или адрес его тогдашней возлюбленной?

Кира покачала головой.

– Кларисса, кажется… Фамилии не помню. В то время я уже не жила с родителями, училась в Суонси. Честно говоря, не особенно вникала в детали этой истории… – Тут Кира Джонс снова ударилась в слезы. – Мама часто звонила мне. Она была в отчаянии, ее жизнь рухнула как карточный домик. Мой отец изменял ей с другой женщиной, а потом вдруг не стало денег и дом конфисковали. Ей пришлось очень тяжело, а я отмахнулась… Не хотела иметь ничего общего со всем этим… – И Кира разрыдалась еще сильнее.

Грег подошел и неловким движением погладил ее по волосам.

– Успокойся… Не вини себя так. Ты училась в колледже, у тебя была своя жизнь… Да и чем бы ты могла ей помочь?

– Я должна была быть рядом с ней. Тогда и сейчас. Она больше недели пролежала мертвая в своей квартире, а мы ничего не заметили… Этому нет оправдания.

В этот момент заплакал ребенок, и Грег с явным облегчением на лице покинул комнату.

«Они на пределе, – подумал Филдер. – Но это неудивительно. То, что случилось, слишком ужасно. Джонсы никогда не оправятся от этого».

Кира потянулась за сумочкой, достала бумажный платок, высморкалась.

– Он никогда особенно не стремился поддерживать с ней связь, – кивнула она вслед Грегу. – Слишком много работы, отдых только на выходные. Видите ли, моя мать была довольно тяжелым человеком. Слишком много ныла – из-за развода, банкротства и так далее… Общение с ней очень напрягало. Думаю, поэтому ей так и не удалось завести подруг. Редко кому под силу долго такое выносить… Это ужасно, то, что я говорю, да? Я не должна говорить о ней плохо. И потом, какой бы она ни была… она не заслужила такой смерти.

Филдер сочувственно посмотрел на Киру. Он видел мертвую Карлу Робертс. Она лежала в гостиной, связанная по рукам и ногам клейкой упаковочной лентой. Убийца затолкал ей в горло скомканный кусок ткани, на поверку оказавшийся клетчатым кухонным полотенцем. Карлу Робертс, с большой вероятностью, вырвало, и она всеми силами пыталась выдавить из себя кляп.

– Что ей, по-видимому, все-таки удалось, – предположил судмедэксперт еще на месте преступления. – Но потом злоумышленник так глубоко затолкал в нее эту тряпку, что женщина захлебнулась собственной рвотой. Ужасная, должно быть, была агония…

Филдер в очередной раз понадеялся, что Кира Джонс не станет расспрашивать его об этих деталях.

– Миссис Джонс, – снова начал он. – Вчера вы сказали, что открыли дверь квартиры матери собственным ключом, поскольку на ваши звонки она не реагировала. Как вы попадали в ее дом до того? У вас есть ключ и от подъезда тоже?

– Да, но дверь в подъезд все равно была открыта. Я звонила в домофон, ждала, потом поднялась на лифте. Снова звонила, в дверь ее квартиры. Наконец отперла своим ключом.

– Вы уже тогда заподозрили неладное?

Кира затрясла головой.

– Нет. Я ведь не предупреждала, что приду. Мамы могло просто не оказаться дома. Она ведь иногда гуляла, ходила в магазин… Я думала дождаться ее в квартире.

– У кого-нибудь, кроме вас, есть ключи от этой квартиры?

– Нет, насколько мне известно.

– Судя по всему, – продолжал Филдер, – ваша мать сама впустила убийцу. Не обнаружено никаких следов взлома. Конечно, пока рано

делать окончательные выводы, но вполне возможно, что ваша мать его знала.

Глаза Киры наполнились ужасом.

– Она… его знала?

– Что вы можете сказать о ее знакомых?

Филдер заметил, что на глаза Киры снова навернулись слезы, которые ей на этот раз удалось сдержать.

– Собственно… у нее их не было. В этом и состояла проблема. Мама жила в полной изоляции. В тот вечер, когда мы в последний раз говорили с ней, я упрекала маму в этом. Что она не заводит подруг… ничего не делает для того, чтобы они у нее были. Мама терпеливо выслушала, но у меня не сложилось впечатления, что что-то изменится.

Филдер кивнул. Это вполне вписывалось в общую картину. Если у человека есть друзья или знакомые, его десятидневное отсутствие вряд ли останется незамеченным.

– Как давно ваша мать вышла на пенсию?

– Пять лет назад. После развода она устроилась на работу в аптеку, но там ей не очень нравилось. В конце концов в шестьдесят лет она вышла на пенсию. К счастью, до того мама не устраивалась куда попало, поэтому и зарабатывала неплохо. Иначе на пенсии оказалась бы в сложном финансовом положении. А так ей все-таки удавалось сводить концы с концами.

– В аптеке у нее бывали конфликты с другими сотрудниками?

– Нет, она ладила со всеми, и все с ней. Но связи оборвались, как только она уволилась. Не думаю, чтобы она общалась с кем-нибудь из бывших коллег.

– А кроме них? Разве у нее не было какого-нибудь увлечения, хобби? Иногда люди сходятся на этой почве…

– Нет. Ничего такого.

– А в доме? Разве она не общалась с соседями?

– Тоже нет. Там, похоже, каждый жил сам по себе, и соседи не знали друг друга. Моя мать не из тех, кто может подойти познакомиться первым. Для этого она была слишком застенчива. Но она никому плохого не делала. Мама была хорошим, дружелюбным человеком. Уму непостижимо, как она могла спровоцировать в ком-то такую ненависть… это просто не укладывается у меня в голове.

Филдеру пришли на ум жестокие подробности убийства. Очень может быть, преступник ничего не имел против Карлы Робертс – дружелюбной, застенчивой, несколько жалостливой по отношению к себе пенсионерки. У него могли быть проблемы с женщинами в целом. Садист, психопат, извращенец – именно так все это до сих пор выглядело.

– Больше ничего не хотите добавить? – спросил инспектор.

Кира задумалась.

– Нет, как будто… Или… не знаю, насколько это может быть важно, но в тот вечер, когда мы разговаривали с мамой в последний раз, она упомянула об одной странности… По крайней мере, ей это казалось странным. Она заметила, что в последнее время слишком часто случается, что лифт поднимается на ее этаж, но из него никто не выходит.

– Никто не выходит? Она была уверена в этом?

– Да, судя по всему. Иначе она бы слышала шаги. Все это тем более странно, что на восьмом этаже мама жила одна.

– И как долго это продолжалось? Она что-нибудь говорила об этом?

– Неделю или две, так она сказала. До того ничего подобного не было. Я еще ответила, что, может, система так устроена, что лифт останавливается на каждом этаже через равные промежутки времени. Но мы не успели углубиться в эту тему. Мама поняла, что у меня нет возможности продолжать разговор.

Кира закусила губу. Филдер перегнулся через стол. Он искренне жалел молодую женщину. Потерять мать ужасно, тем более при таких обстоятельствах. Но отныне Кира обречена жить с чувством вины, мучиться, ежедневно и ежечасно, сознанием того, как бессердечно пренебрегала матерью, отмахивалась от ее проблем. И это для миссис Джонс должно оказаться самым невыносимым. Инспектор был почти уверен в этом.

– Миссис Джонс, – снова начал он, – у вас не создалось впечатления, что ваша мать почувствовала угрозу?

Глаза Киры наполнились слезами.

– Да, – выдавила из себя она, – мама была чем-то напугана. Она чувствовала угрозу, да. Но я отмахнулась от нее и на этот раз…

Кира ткнулась лицом в колени и пронзительно закричала.

4

Мама Дарси пекла маффины.

«Почему сейчас все мамы пекут маффины? – подумала Джиллиан. – Кому-то ведь приходится все это съедать?» Эта мысль отозвалась в голове ноющей болью.

Диана, мать Дарси, вычерпывала тесто из большой керамической миски в формочки. На кухне пахло шоколадом, маслом и миндалем. На столе стояли красные свечи, чайник с ванильным чаем и миска с леденцами.

– Наливай чай, – сказала мама Дарси.

Она была стройная, привлекательная блондинка. Хорошо играла в теннис и гольф. Фантастически готовила и умела создать в доме уют и красоту. Дочери любили ее. Диана часто вызывалась оформлять школьные вечера и с удовольствием участвовала в экскурсионных поездках в качестве сопровождающего лица. За это ее любили и учителя тоже.

И еще она пекла маффины. Правда, на этот раз мысли Дианы были далеки от теплой кухонной атмосферы. Она думала об убийстве одинокой пожилой женщины, всколыхнувшем весь Лондон. Одну Джиллиан, похоже, это не затронуло.

Бекки хотела отнести больной Дарси домашнее задание, и мать взялась ее сопровождать, поскольку не хотела, чтобы дочь одна разгуливала по темноте. Когда девочки уединились в комнате Дарси, Диана предложила Джиллиан выпить чаю. Джиллиан только что вернулась из лондонского офиса и очень устала. В другой день при подобных обстоятельствах она, конечно, отказалась бы от такого предложения, но мама Дарси еще в дверях набросилась на нее с расспросами:

– Ну и что ты думаешь об этом ужасном преступлении?

Джиллиан, в полном недоумении, попросила разъяснить, о чем речь, и это решило ее судьбу. Словоохотливая Диана затащила соседку на кухню, где выложила все, что знала со всеми возможными подробностями.

– Говорят, бедняжка пролежала в квартире больше недели и никто ее не хватился. Представляешь, какой ужас! Это насколько же одинокой надо быть…

– Ужаснее всего, как мне кажется, то, что она была убита в собственной квартире, – ответила Джиллиан. – Как преступник вообще проник к ней? Об этом что-нибудь известно?

– Следов взлома нет. Выходит, она сама его впустила. Так что, вполне возможно, убийца – кто-то из ее знакомых. Не могла же она открыть неизвестно кому, только потому, что тот позвонил в дверь. Не могу поверить, что на свете бывают такие легкомысленные люди.

Тут Диана снова занялась тестом для кексов, а Джиллиан, попивая чай, размышляла об ужасном убийстве и идеальных матерях и в то же время пыталась расслабиться, потому что где-то на фоне мыслей все еще маячила головная боль.

Наполнив все формочки, Диана поставила их в духовку и установила нужную температуру.

– У нее как будто осталась взрослая дочь, – сказала она, присаживаясь за стол и наливая себе чаю, – она и обнаружила тело.

– Какой кошмар, – искренне ужаснулась Джиллиан.

– То есть до того дочь не замечала, что от матери вот уже десять дней как ни слуху ни духу, – подхватила Диана. – Странно, по меньшей мере. Надеюсь, мои дочери не такие.

Джиллиан вспомнила утро и ненависть в глазах Бекки. Насколько оправданы подобные надежды в отношении ее ребенка? И вообще, может ли нечто подобное когда-нибудь случиться с Джиллиан?

– И как ее… убили? – спросила она.

– Об этом полицейские не особенно распространяются, – с сожалением ответила Диана. – Тайны следствия и тому подобное… Разглашение, видишь ли, может повлечь подражательные преступления и ложные признания. Так написано в газете. Но, похоже, убийство совершено самым зверским способом.

– Наверное, какой-нибудь психопат, – Джиллиан поморщилась.

– Или кто-то с патологической ненавистью к женщинам.

– Как можно так ненавидеть? В любом случае это ненормально. Надеюсь, его скоро поймают.

– Я тоже надеюсь на это, – подхватила Диана.

Некоторое время обе женщины молчали, а потом Диана вдруг сменила тему:

– Ты пойдешь на рождественский вечер в гандбольный клуб?

– Я ничего об этом не знала. Вечер, говоришь?

– Разве Бекки тебе не сказала? Уже в эту пятницу.

– Может, она и говорила, да я пропустила мимо ушей, – ответила Джиллиан, хотя и знала, что ничего такого не было. Она всегда внимательно ловила каждое слово дочери. Но Бекки никогда ничем с ней не делилась, и в этом была проблема.

– Так ты идешь? – повторила вопрос Диана. – Каждый приносит что-нибудь к чаю – ну, печенье или что-то вроде того… Уверена, будет весело.

– Да, конечно.

Так вот зачем эти дурацкие кексы… Ничего, переживем и это.

Лишь четверть часа спустя Джиллиан удалось вырваться – под предлогом, что скоро вернется Том и нужно готовить ужин. Оказавшись с Бекки на темной улице, Джиллиан с облегчением подставила лицо холодному ветру. На какой-то момент она возненавидела и украшенную к Рождеству кухню, и запах выпечки, и безупречную во всех отношениях Диану.

– Почему ты не сказала мне о рождественском вечере в гандбольном клубе? – спросила Джиллиан дочь.

– Просто не возникло такого желания, – пробормотала Бекки.

– Какого такого желания? Говорить со мной об этом или идти на вечер?

– Говорить.

– Почему?

Бекки молча ступила на подъездную дорожку. Машина Тома стояла перед гаражом. Обычно он уезжал в Лондон раньше Джиллиан и позже возвращался. Джиллиан приходилось приспосабливать свой график под Бекки и домашнее хозяйство, поэтому в офис они с Томом ездили порознь.

Джиллиан схватила дочь за руку:

– Я жду ответа!

– Какого ответа? – как будто удивилась Бекки.

– На мой вопрос. Почему ты не сказала про вечер в гандбольном клубе?

– Я хочу, наконец, отдельное подключение к интернету.

– Это не ответ.

– Все в нашем классе…

– Чушь! Ни за что не поверю, что у каждого в вашем классе отдельное подключение к интернету. Интернет – это…

– …очень опасно. Там за каждым кустом прячутся извращенцы, которые заманивают невинных девочек в чаты, а потом…

– К сожалению, есть и такое, – вздохнула Джиллиан. – Но это полбеды. Просто ты еще недостаточно взрослая, чтобы самостоятельно разгуливать по интернету. Это не пойдет тебе на пользу.

– Но почему? – почти закричала Бекки.

– Потому что сейчас для тебя куда важнее учиться, делать домашние задания, общаться с друзьями, заниматься спортом…

Бекки закатила глаза.

– Мне уже двенадцать, а ты обращаешься со мной как с пятилетним ребенком.

– Это не так.

– Это так. Даже когда я просто хочу пойти к Дарси, ты увязываешься со мной, потому что боишься, что по дороге что-нибудь может случиться. Ты так ненавидишь общаться с ее матерью… Почему бы тебе не отпустить меня одну?

– Потому что уже поздно. Потому что…

– Почему ты мне не доверяешь?

Тут Бекки увидела отца, который стоял на пороге дома на фоне ярко освещенной прихожей. Не дожидаясь ответа матери, девочка бросилась к нему в объятия.

Джиллиан медленно последовала за ней.

5

Она вздрогнула, заметив скользнувшую по стене за телевизором световую кеглю, и тут же задумалась, не вообразила ли себе это? Или же свет – просочившийся в реальность отголосок сновидения?

Энн уснула, хотя по телевизору шел интересный детектив, но такое случалось и раньше. Она была жаворонком. Просыпалась в половине пятого утра бодрой и полной сил. А вечером могла лечь и в восемь.

Энн села на стул. Прислушалась, но ничего не услышала. В последнее время так бывало вот уже три или четыре раза. Снаружи

подъезжала машина, и по стенам гостиной пробегал отблеск фар. А потом все прекращалось – ни света, ни звука, вообще ничего. Как будто кто-то вдруг выключал и мотор, и фары. Для чего, интересно? Чтобы просто так стоять в темноте?

Энн Уэстли была не из слабонервных. Когда такое случилось в первый раз, она встала с постели и открыла входную дверь. Даже прошла по мощеной дорожке через сад к воротам. Но, как ни вглядывалась, ничего не увидела. Лес почти вплотную подходил к ее забору. Энн знала, что ночная темнота никогда не бывает совершенно непроницаемой для человеческого глаза, но в этом месте она сгущалась почти до абсолютной черноты.

Именно расположение дома и делало поведение машины таким странным. Поблизости не было даже нормальной асфальтированной дороги. Чуть в стороне располагалась полузаброшенная парковка, от которой отходили пешеходные тропки в лес. Летом, особенно по выходным, там еще наблюдалось некоторое оживление, но зимой, тем более ночью… Разве какая-нибудь влюбленная парочка. Только вот зачем им гонять машину?

Энн подошла к окну, но увидела лишь собственное отражение на стекле. Она выключила телевизор и ночник в углу и снова вгляделась в ночь, где смутно угадывались очертания сада – заросли кустарников, высокая трава, ветви плодовых деревьев, теперь совершенно голые.

Каждое лето Энн собирала богатый урожай вишни, яблок и груш и неделями варила желе и джемы. Все это хранилось в банках, под крышками на резиновых кольцах. И на каждой банке была аккуратно подписанная этикетка. Помимо прочего, это память о Шоне. Он больше всего на свете любил этот сад, как и домашнее варенье, которое Энн и варила прежде всего для него. Теперь ей вовек не съесть того, что хранится на полках в подвале и будет безжалостно выброшено на помойку после ее смерти.

Они с Шоном обнаружили этот дом восемь лет тому назад во время прогулки. Тогда они приехали в Танбридж-Уэллс – симпатичное местечко, затерявшееся среди лугов, лесов и полей на западе Кента. Эта местность славилась фруктовыми садами и бесконечными полями хмеля. Лето было жарким и сухим, поскольку дожди шли нечасто, а весной в воздухе висел тяжелый, сладкий аромат цветущих яблонь и груш. Шон и Энн бродили по лесу, где в свежей майской зелени белели

колокольчики ландышей и золотилась ветреница, когда их глазам открылось это строение, более всего напоминавшее одинокое пристанище охотника или лесника.

Заброшенный и явно нежилой дом не выглядел особенно привлекательным. Но Шона это не смутило. Он с первого взгляда влюбился в сад и с тех пор говорил только о нем:

– Какой большой участок и столько деревьев! Сирень, лабурнум, жасмин – чего здесь только нет! Это то, о чем я мечтал всю жизнь.

Ей сразу не понравилась его идея. Тогда им обоим было под шестьдесят, и Энн казалось неразумным обременять себя под старость имуществом, требующим тяжелого физического труда. Но Шон убеждал ее в обратном:

– Именно потому, что скоро выйдем на пенсию, мы можем себе это позволить. Тогда нам не нужно будет никуда торопиться. Сама подумай, что ты станешь делать в квартире? Смотреть в окно? Давай, решайся. Почему бы еще раз не попробовать что-то новое?

И они купили этот дом. Это оказалось несложно, потому что больше он никому не был нужен. Дом находился в муниципальной собственности, и от него были рады избавиться. С тех пор все свободное время, каждые выходные и праздники, Шон и Энн проводили в лесу. Медленно, шаг за шагом, отремонтировали дом, и Энн с удивлением обнаружила, что эта кропотливая работа действительно скрасила ее жизнь.

Они отшлифовали старый паркет, выложили плиткой кухню и ванную, покрасили стены и вставили новые окна. Укрупнили комнаты, разрушив внутренние перегородки. Деревянную террасу с южной стороны оградили перилами и снабдили спускавшимися в сад ступеньками. Срубили несколько деревьев, чтобы больше стало света и солнца. На чердаке, под крышей, Энн оборудовала студию. За несколько лет до того она открыла для себя мир живописи, которая с тех пор стала ее страстью.

Она подумывала выйти и посмотреть. Но увидеть припаркованную машину можно было не иначе как проделав путь до самых ворот. Энн поежилась при одной мысли о ночном холоде, поджидавшем снаружи. Не говоря о том, как там темно. Похоже, она все-таки вообразила себе этот скользивший по стене свет. Или же он ей приснился.

Но что-то ведь разбудило ее. Энн попыталась подавить поднимавшуюся изнутри волну панического страха. Она здесь совсем одна. Днем это не доставляло никаких неудобств, но ближе к вечеру приходилось брать себя под контроль, чтобы не предаваться тревожным мыслям.

Энн снова зажгла свет и прошла на кухню – красивую, новую кухню из беленого дерева, с плитой посредине и большим разделочным столом напротив двери, выходящей на террасу, где можно было позавтракать, почитать газету за чашкой кофе. Плеснула в рюмку бренди, выпила. Энн не имела привычки решать проблемы при помощи алкоголя, но на этот раз бренди ее успокоил.

Даже когда умер Шон, Энн не пристрастилась к бутылке и ни у кого не просила помощи. По опыту она знала, что работа – лучший способ справиться с психическими проблемами, поэтому первым делом бросила все силы на сад. Потом много рисовала и так пережила первый, самый ужасный год. С тех пор прошло еще два с половиной года, а у Энн все было под контролем – мысли, чувства и вся ее одинокая жизнь.

Шон умер, когда они уже управились с домом, – в середине лета, спустя пару недель после своего шестидесятилетия. Он вышел на пенсию в июне. Месяц спустя и Энн оставила педиатрическую практику ради заслуженного отдыха. В первых числах июля хотели отпраздновать начало новой жизни в отремонтированном доме, расставили мебель в саду, утопавшем в цветущем жасмине.

Они пригласили восемьдесят человек, и почти все согласились. За день до торжества Шон взобрался на крышу, чтобы развесить вдоль желоба гирлянду с разноцветными лампочками. Спускаясь, пропустил на лестнице первую ступеньку и упал.

Шон сломал шейку бедра, но в остальном поначалу ничто не предвещало трагической развязки. Притом что он попал в больницу и вечеринку пришлось отменить, что повергло Шона в отчаяние. Но самым страшным оказалась пневмония, которая развилась впоследствии и от которой не помогали никакие лекарства. Шон умер месяц спустя, прежде чем Энн успела осознать, что произошло.

После похорон, где-то в ноябре, она сама взобралась на крышу и сняла все еще висевшую там гирлянду, явно не стоившую принесенных ей жертв.

…После второй рюмки Энн окончательно расслабилась и пришла к выводу, что действительно вообразила себе скользнувший по стене свет. А разбудил ее, скорее всего, телевизор. Крики, выстрелы – такое бывает в криминальных фильмах. Тем не менее заперла дверь со всей возможной предосторожностью, использовав предохранительную цепочку, что редко делала. И закрыла ставни на окнах первого этажа.

Хуже, по крайней мере, не будет.

Пятница, 4 декабря

1

– Ну и чем ты занимаешься дни напролет? – спросил Бартек.

В пабе было шумно. Смех, разговоры, всхлипывания – и ни одного свободного столика. Самсон не любил сюда ходить, но Бартек всегда настаивал именно на этом пабе, а Самсону не хотелось расстраивать единственного друга.

Время от времени они встречались по пятницам, когда у Бартека заканчивалась рабочая неделя, не позже шести – половины седьмого. Девушка Бартека злилась, когда он проводил весь вечер в пабе в компании друга, поэтому в половине девятого расходились по домам.

Самсон приехал на машине и уже поэтому не мог пить спиртное. Собственно, он никогда не увлекался алкоголем и не любил автобусы. Ожидание на холодной остановке, да еще после длительной прогулки, не особенно вдохновляло.

Машину Самсон унаследовал от матери, что до сих пор не давало Милли спать по ночам. Ее всегда беспокоило, когда кто-то получал то, что хотелось бы иметь ей.

– Ну, я же не все время сижу дома, если ты это имеешь в виду, – ответил Самсон на вопрос Бартека. – Это действительно было бы скучно. Кроме того, на этой неделе Милли работает во вторую смену и полдня дома, а это… ну ты меня понимаешь… Милли для меня не лучшая компания.

Милли работала в доме престарелых, который ненавидела всеми фибрами души. Самсону приходилось слышать, как она отзывается о своих подопечных, и мысль на старости лет оказаться во власти подобной фурии приводила его в ужас.

– И как тебе только удается жить с братом и невесткой? – удивлялся Бартек. – В твоем-то возрасте…

– Но это ведь и мой дом тоже!

– Тогда пусть компенсируют тебе хотя бы часть арендной платы. Подыщи себе что-нибудь, с тобой там плохо обращаются.

– Я боюсь одиночества, – шепотом признался Самсон.

Бартек поднял брови.

– Тебе сколько лет? Тридцать четыре! Самое время подыскать себе женщину. Разве ты не собираешься заводить семью?

Самсон глотнул безалкогольного пива. Бартек затронул деликатную тему. Они и раньше заговаривали об этом – жениться, обзавестись детьми, начать наконец нормальную взрослую жизнь… У Бартека с этим тоже были проблемы. В свои сорок он никак не мог решиться узаконить отношения с женщиной, с которой жил вот уже много лет. Проблемы Самсона носили другой характер, но перед Бартеком Самсон прикрывался все тем же страхом обременять себя ответственностью супруга и отца семейства – страхом, которого у него и в помине не было.

Совсем напротив, самым заветным желанием Самсона было познакомиться с женщиной, которая вышла бы за него замуж. Дом, сад, дети, собака – эта картина до мельчайших деталей сложилась в его воображении, и Самсону казалось, он готов сделать все, чтобы воплотить ее в реальность.

Но смущающим обстоятельством было то, что Самсон совершенно не имел опыта общения с противоположным полом – ни в школе, ни позже. Никогда вообще. Поэтому тема женитьбы оставалась чем-то из области отвлеченных фантазий.

– Ну да, – ответил Самсон Бартеку. – Только ведь не каждый день встретишь женщину, с которой можно создать семью.

– В нашем случае проблема назрела и перезрела, – отозвался Бартек. – Моя чуть не нож мне к горлу приставила… Что ж, может, так оно и лучше. Летом намечается большой праздник. Ты, разумеется, в числе приглашенных.

Бартек вовсе не выглядел несчастным.

– Как мило, – пробормотал Самсон.

Он завидовал, хотя и старался не подавать виду. Бартеку всегда везло, во всех смыслах. Когда они познакомились, Самсон еще не развозил замороженные продукты, а работал в автосалоне «Лимузин». Бартек работал там же, только его не уволили, в отличие от Самсона. Да и как такого уволишь! Бартек нравился всем – от босса до рядовых сотрудников и клиентов. К нему обращались чаще других, с самыми разными запросами, когда бронировали автомобиль – «а можно нам того симпатичного поляка, Бартека?»

Он прекрасно говорил по-английски, разве что с неподражаемым восточноевропейским акцентом, который так нравился женщинам. Бартек знал, чем увлечь публику. Пара захватывающих дух историй якобы из собственной жизни – и внимание клиента безраздельно принадлежало ему. Самсон, долгими бессонными ночами предававшийся бесполезным размышлениям, почему женщины обходят его стороной и как так получается, что он всегда первый попадает под сокращение, невольно приходил к выводу, что всему виной его скучная, беспросветно серая биография. Ну о чем здесь рассказывать?

Или имя… Чего Самсон не мог простить покойным родителям, так это своего имени. Так уж вышло, что, будучи беременной, мама прочитала книгу, где фигурировал некто Самсон, и нашла это имя просто замечательным. Гэвину, двумя годами старше Самсона, повезло больше. Его по крайней мере не дразнили в школе – все десять лет.

– Тебе нужно на люди, – вот уже в который раз повторял Бартек. – Иначе никогда не найдешь себе женщину. Чем ты вообще занимаешься? Когда не сидишь в четырех стенах, я имею в виду.

«Я ничего ему об этом не рассказывал, – подумал Самсон несколько раздраженно. – С чего он вообще взял, что я не бываю на людях?»

Бартек никогда не прислушивался к его словам – как видно, потому, что не ожидал услышать от Самсона ничего интересного. Самсон ненадолго задумался, насколько будет разумным ему довериться. Но больше некому, а необходимость такого разговора давно назрела.

– В каком-то смысле, – таинственным шепотом начал он, – я весь день провожу среди людей.

– Правда? И что ты делаешь?

– Наблюдаю жизнь других.

– Что?!

– Брожу по улицам, придерживаясь строгого расписания. Это очень интересно… столько людей, столько разных судеб… то, как они живут, я имею в виду… Есть ли у них семьи, счастливы они или несчастны, и все такое.

Самсон сразу понял, что ошибся. В глазах Бартека его признание выглядело сущим идиотизмом. Он ясно увидел это по лицу друга.

– Хочешь сказать, ты следишь за разными людьми? – спросил Бартек спустя некоторое время и, как видно, все еще сомневаясь, что не ослышался.

– Я анализирую их жизнь, – объяснил Самсон.

– Как? Ты… анализируешь? Как это понимать?

– Пытаюсь разобраться в том, как они живут. Почему, например, кто-то из них не имеет семьи и как с этим справляется.

– И что тебе это дает?

– Понимание.

– Да, но зачем? Я имею в виду, что именно таким способом ты пытаешься себе уяснить?

Самсон уже видел, что это бессмысленно. Они с Бартеком говорили на разных языках. Да и можно ли было в принципе объяснить его увлечение?

– Ну вот, к примеру, я одиночка, – тем не менее продолжал он. – И много размышляю над тем, почему это так. Поэтому мне и интересно знать, так ли оно и с другими, как со мной.

– Не сердись, прошу тебя, но, видишь ли, твой метод отдает… извращением, что ли. Почему бы тебе не выйти в интернет? Там тысячи людей с такой же проблемой и бесчисленное множество форумов, где можно обменяться идеями.

– Я делал это, – признался Самсон. – Но в интернете все слишком анонимно. Вот, положим, я беседую с кем-то, кто живет в пятистах милях от меня и о ком мне ничего не известно, кроме того, что у него так же, как и у меня, нет жены. После такого общения чувствуешь себя еще более одиноким.

– Но ты хочешь познакомиться с женщиной?

– Да, и это тоже.

– То есть это ради этого ты бродишь по улицам и заглядываешь в чужие окна? – Бартек пытался внести хоть какую-то логику в то, что представлялось ему верхом абсурда.

– Ну не совсем.

– Черт возьми, тогда какой в этом смысл?

Самсон пожал плечами.

– Для меня это не имеет значения.

– Нет, подожди… Не сердись на меня, Самсон, но это выглядит слишком странно. Мой совет – срочно устраивайся на работу. У тебя

появляются странные причуды.

– Я без работы не по своей воле.

– Нет, конечно. Но почему бы тебе не попробовать что-нибудь новое. Ты молодой. Устроиться таксистом, к примеру… Все лучше, чем заглядывать в чужие окна.

– Но это действительно очень увлекательно.

Бартек покачал головой.

– Ну хорошо… Удалось ли тебе найти подходящую женщину? Должно же это хоть к чему-то тебя привести.

Самсону пришлось признать, что молодых незамужних женщин во время прогулок он встречает не так много.

– Большинство старше меня, значительно старше. Есть, правда, одна моего возраста и без семьи. Работает из дома, выгуливает большую собаку…

– Ты говорил с ней?

Бартек и в самом деле ничего не понимал. В планы Самсона не входило заговаривать с теми, за кем он наблюдал.

– Нет.

– Так пригласи ее на чашку кофе.

– Пожалуй, – согласился Самсон.

Такое было совершенно невозможно, но должен же он был как-то успокоить Бартека.

– И поищи женщину в интернете, – повторил тот.

– Я знаю, но…

– Что «но»? Что толку говорить об этом и мечтать? Надо действовать.

– Там есть одна семья…

У Самсона пропало всякое желание откровенничать с Бартеком, но он хотел разубедить его в том, что все сводится исключительно к поискам женщины. Бартек был потрясен, и этого нельзя было так оставлять. Самсон не хотел выглядеть маньяком в глазах единственного друга.

– Там есть одна семья… они живут на другом конце нашей улицы, прямо напротив гольф-клуба.

– Так, и что с ними?

– Он финансовый консультант. Одно время помогал Гэвину. Она – очаровательная женщина. И у них совершенно замечательная дочь.

Бартек выглядел не менее озадаченным, чем до того.

– И чего ты от них хочешь? Отбить симпатичную мамашу?

– Нет же, конечно нет. Они – само совершенство, понимаешь? Идеальная семья. Такая, какую я хотел бы когда-нибудь иметь.

Теперь Бартек обеспокоился всерьез:

– Самсон, у меня такое впечатление, что ты слишком отдалился от реальности. Примеряя на себя чужую жизнь, ты не изменишь своей собственной. Я бы назвал это бегством.

«Почему бы и нет? – подумал Самсон. – Если есть куда бежать, иногда работает и это».

– Со мной все будет хорошо, – заверил он Бартека.

Зачем было вообще все это затевать? У Самсона возникло ощущение, что теперь Бартек будет снова и снова поднимать эту тему, вгрызаться в нее, как терьер в любимую игрушку.

– Мы еще посмотрим, что можно для тебя сделать, – пообещал Бартек. – Где-то ведь бродит и твоя половинка. Ты хорош собой, владелец дома… половины его, по крайней мере. Не глуп и не имеешь вредных привычек. Было бы странно, если б…

– Я безработный, – подсказал Самсон.

– Именно поэтому для тебя сейчас важно всерьез озаботиться поисками работы.

– Я ищу как сумасшедший, поверь.

Это было неправдой. На этот раз Самсон даже не подавал заявление на биржу труда, о чем уже успел пожалеть. Прежде всего такое не могло продолжаться вечно. Он не получал никакой поддержки, а сбережения таяли с каждым днем. Но официальная регистрация на бирже чревата заполнением кучи бумаг, подтверждающих его неустанные поиски нового места, а это было несовместимо с его увлечением. Сколько раз уже Самсон собирался заняться этой проблемой, но так до сих пор ничего и не сделал.

Он не мог передать Бартеку, насколько сильным было желание и дальше наблюдать за другими людьми. Собственная жизнь без этого казалась бессмысленной.

– Если очень постараться, обязательно что-нибудь найдешь, – оптимистично заверил друга Бартек.

И далее, к большому облегчению Самсона, сменил тему и вернулся к своим планам на будущее – свадьбе, покупке квартиры и

следовавшей из этого проблеме получения кредита, и так далее, и тому подобное…

Самсон слушал вполуха. Он ничего не ел с самого завтрака, а финансы не позволяли заказать даже гамбургер – самое дешевое блюдо в меню паба. Но в один момент все это перестало иметь какое-либо значение. Самсон почувствовал приятное головокружение – как после бокала хорошего вина, и все вокруг замелькало, контуры размылись, звуки – звон бокалов и разговоры – стали приглушенными. В помещение ворвался свежий ветер, потому что кто-то открыл дверь. Бартек продолжал болтать.

Самсон вспоминал Джиллиан Уорд.

2

«Если бы только удалось выскользнуть отсюда незамеченной», – думала Джиллиан.

Пустые мечты. Она не могла уйти из спортзала без Бекки – во всяком случае, так, чтобы это не бросилось кому-то в глаза. Дети из разных гандбольных команд резвились на поле внизу. Бекки в черных легинсах и розовой футболке была одной из самых активных. Ни малейшего шанса вытащить ее отсюда.

Родители, по большей части матери, сидели в ресторане, отделенном от собственно спортивного зала стеклянной перегородкой. Здесь обычно проходили клубные встречи и торжества.

Помещение украсили к Рождеству, проигрыватель для компакт-дисков играл рождественские гимны. В баре желающим наливали кофе, чай и шампанское. Родители принесли закуски для шведского стола – тонны рождественского печенья и сливового пудинга, немыслимое разнообразие пирожных и салатов, две сырные тарелки, галеты – съесть все было невозможно.

Джиллиан испекла шоколадный торт, к которому до сих пор так никто и не притронулся, что, к ее собственному удивлению, повергло ее в безутешное детское горе. Произведение Джиллиан выглядело совсем неплохо, но на столе стояли еще два точно таких же шоколадных торта. Возможно, причина была в этом.

Диана не пришла, потому что в последний момент у Дарси снова заболело горло. И так как Джиллиан ни с кем из родителей больше не

общалась, первые полчаса просидела в полном одиночестве, сжимая в руке чашку с кофе. Съела, правда, пару кексов, но без особого аппетита. Нужно было что-то делать – не сидеть же вот так, уставившись в стену?

Остальные матери как будто от души радовались обществу друг друга. Звон посуды, смех, разговоры смешались в неразличимый гомон. Все были радостны, возбуждены, счастливы. Кроме Джиллиан.

В конце концов к ней подсела одна из родительниц, которая подошла позже других и, как видно, просто не смогла найти себе другого места. Она поставила перед собой поднос с разными видами салатов, сыра и большим бокалом шампанского.

– Боже, как я голодна… – Женщина взглянула на пустую кофейную чашку Джиллиан и блюдце с двумя надкусанными рождественскими печеньями. – Вы – нет?

– Не особенно, – ответила Джиллиан.

Женщина вгляделась в ее лицо:

– А вы Джиллиан, мама Бекки?

Джиллиан кивнула, в очередной раз удивившись, почему другие родительницы всегда всё знают. Кто чья мама, например, и как кого зовут. Сама она понятия не имела, где чей ребенок.

Женщина с живостью принялась за еду и завела долгий рассказ о своем сыне, который с раннего детства страдал нейродермитом, а потом всевозможными аллергиями и непереносимостью разных пищевых продуктов. Она перепробовала с ним множество врачей и медикаментов. Настоятельно не рекомендовала принимать в таких случаях кортизон. А вот из мазей кое-что могла бы посоветовать, исходя из собственного богатого опыта.

– У Бекки тоже аллергия? – спросила она.

Джиллиан покачала головой:

– Нет.

«У нее аллергия на меня, – добавила она про себя. – Мне хотелось бы, чтобы это была аллергия на что-нибудь другое – цветочную пыльцу, пылевых клещей или лактозу. Тогда я бы, по крайней мере, знала, что делать. Я так…»

Ничего этого Джиллиан, разумеется, не сказала, но почувствовала, как близко подошла к тому, чтобы разоткровенничаться, и это ее напугало. Рядом с ней сидела совершенно незнакомая женщина. Их

дети играли в одной гандбольной команде, только и всего. И Джиллиан чуть было не доверила незнакомке свое самое сокровенное горе. «Нука, не раскисать», – приказала она себе. Вечером нужно будет позвонить Таре Кейн. Тара не станет сплетничать о ее проблемах, в ней Джиллиан была уверена.

Женщина рядом, имени которой Джиллиан все еще не знала, сделала хороший глоток шампанского и наконец сменила тему:

– Бёртон выглядит просто фантастически, вы не находите?

Джиллиан поискала глазами, пока не обнаружила тренера Джона Бёртона, который, прислонившись к барной стойке, беседовал с группой окруживших его мам – как видно, отвечал на вопросы об успехах детей. Взбудораженные дамы напирали и перебивали друг друга, но если ситуация и напрягала Бёртона, то он не подавал вида. Ничего другого, впрочем, Джиллиан от него и не ожидала. Она часто видела его в окружении женщин, когда привозила или забирала Бекки с тренировки. Возможно, женщины действительно хотели быть в курсе любого, даже самого незначительного происшествия, как-то связанного с командой. Но в то же время здесь, вне всякого сомнения, имело значение и то влияние, которое Бёртон оказывал на них.

Дело было не только в красоте. Бёртона окружала тайна. Говорили, когда-то он служил в полиции и сделал блистательную карьеру. Но в тридцать семь лет по причине, так и оставшейся непроясненной, подал в отставку и основал охранное агентство, в котором сейчас работали больше двадцати человек.

Бёртон жил в Лондоне и дважды в неделю приезжал в Саутенд тренировать две гандбольные юниорские команды. Он намеренно подбирал игроков в том числе из неблагополучных семей, поскольку считал командный спорт действенной профилактической мерой против развития преступных задатков. Джиллиан подслушала однажды, как Бёртон объяснял это группе восторженных родительниц. Можно представить, каким рыцарем он выглядел в их глазах.

«А ведь на самом деле наверняка не таков», – подумала она. Но вслух была вынуждена признать, что Джон Бёртон действительно привлекательный мужчина.

– Правда? – оживилась соседка. – Но я стараюсь не давать волю фантазиям. Бог знает, до чего они могут довести. Самое интересное, что он как будто не женат.

– Зато, наверное, потерял счет любовницам, – отозвалась Джиллиан.

– Похоже на то, – согласилась соседка. – С другой стороны, если он такой донжуан, это должно было бы как-то здесь проявиться… ну, кто-то посмотрел бы на него по-особенному… или уехал бы с ним в одной машине. Нет, это и в самом деле удивительно… я никогда не видела Бёртона с женщиной.

– Он не хочет афишировать свою личную жизнь, так ли это странно? – возразила ей Джиллиан. – Эти дамы вокруг него как стервятники.

– И все-таки это странно… – в задумчивости повторила незнакомка. – Как и многое другое, с ним связанное.

Джиллиан не стала расспрашивать, что она имеет в виду, что, конечно, не помешало соседке объясниться.

– Мне было бы любопытно знать, – продолжила она, – почему он ушел из полиции. Бёртон работал в Скотланд-Ярде, такую карьеру не прерывают добровольно. И зачем ему эти тренировки? Он живет в Лондоне, где любой спортклуб принял бы его с распростертыми объятиями. Зачем ему все это?

Тут Джиллиан поняла, что монолога об аллергии с нее более чем достаточно. Подробностей о странностях личной жизни тренера она не выдержит. Джиллиан посмотрела в лицо незнакомки – самодовольное, с грубыми чертами – и поднялась со стула.

– Прошу прощения, но мне срочно нужно покурить. – Она старалась оборвать разговор так, чтобы женщина не обиделась. – Вредная привычка, знаете ли… это сильнее меня…

Господи, только бы она не оказалась курильщицей…

Незнакомка кисло усмехнулась. Она обиделась, это было видно.

Интересно, что сказал бы на это Том? *Ну теперь тебе, надеюсь, понятно, почему ты одна? Ты немедленно отталкиваешь человека при малейшей попытке с тобой сблизиться.*

Джиллиан протиснулась сквозь толпу в зале в гардероб, где вздохнула с облегчением. Тишина, если не считать приглушенных голосов из-за двери. Она провела рукой по лбу – жарко. Понадобилось пять минут, чтобы отрыть свое пальто в куче верхней одежды, накинуть его на плечи и выйти в темный вечер – холодный, но не такой ветреный, как в последние дни.

Туман с реки обволакивал голову, как прохладная влажная ткань. Джиллиан закурила. Никотин действовал на нее расслабляюще, несмотря на неотъемлемое от курения чувство вины. Том ненавидел эту ее вредную привычку – и был прав в каждом своем аргументе. Вот уже несколько лет подряд накануне Нового года Джиллиан принимала решение покончить с сигаретами раз и навсегда. Но в том, что сигарета одержит верх и на этот раз, она почти не сомневалась.

Джиллиан помассировала висок указательным пальцем. Все-таки в зале ужасный воздух. Нечего и думать вернуться туда. «Потерплю еще с полчаса, а потом скажу Бекки, что нам пора возвращаться», – решила она. Еще одно очко не в ее пользу. Так стоит ли удивляться тому, что Бекки не бывает с ней откровенна? И кто знает, чем на самом деле отзываются для девочки материнские причуды?

Не успела Джиллиан загасить сигарету в пустом цветочном горшке, как из двери вышел Джон Бёртон, в черной куртке и с шарфом, несколько раз обмотанным вокруг шеи. Увидев Джиллиан, он улыбнулся.

– Неужели вы занимаетесь здесь тем же, что и я? – спросил он. – Портите легкие…

Она кивнула.

– Боюсь, что так. Но это…

Джиллиан оборвала фразу на полуслове, боясь выглядеть бестактной, но Джон Бёртон понял, что она хотела сказать.

– …единственный способ вырваться из всего этого? – Он кивнул в сторону спортзала и собравшихся там людей.

– Вы тоже так считаете? – удивилась Джиллиан.

Джон Бёртон вытащил пачку сигарет, предложил угоститься, и Джиллиан не отказалась. Вставив сигарету в угол рта, он несколько раз щелкнул зажигалкой, но крошечное пламя вздрагивало и гасло, прежде чем удавалось сделать затяжку. Бёртон выругался. Джиллиан достала свою зажигалку и помогла ему. Он поблагодарил.

Некоторое время курили молча.

– Я видел, как вы выходили, – сказал наконец Джон. – Было такое впечатление, что вы ищете предлог улизнуть.

– Я старалась сделать это незаметно, – смутилась Джиллиан.

– Никто ничего и не заметил, кроме меня, – успокоил ее Бёртон. – Они не обращают внимания на такие вещи. Но мне показалось, что вы

не очень хорошо себя чувствуете.

Джиллиан сглотнула. Просто удивительно, как легко человек покупается на одну только видимость искреннего сочувствия. Ей показалось даже, что на глаза наворачиваются слезы, что, конечно, было бы совсем ужасно. Джиллиан представила себя рыдающей на улице перед спортзалом, рядом с тренером дочери по гандболу.

– Незнакомая женщина только что изложила мне историю болезни сына, – объяснила Джиллиан. – Во всех подробностях. Так что в конце концов у меня в голове зазвенело. Может, поэтому я и выгляжу несколько измученной…

– Это мама Филиппа, – как будто чему-то обрадовался Джон. – Хороший, смышленый мальчишка. Только, по-моему, нет у него никакой аллергии. Мать – единственная его проблема.

Последняя фраза была произнесена сухим, профессиональным тоном доктора, провозглашающего диагноз. Джиллиан расхохоталась, что испугало ее саму. В словах Джона Бёртона не было ничего особенно смешного. Приятно щекочущая волна нахлынула откуда-то изнутри, возникла где-то в животе и фонтаном вырвалась наружу. Джиллиан как будто от чего-то освободилась. Ей давно не было так весело, но смех, более громкий и заливистый, чем к тому располагала ситуация, со стороны, как видно, воспринимался как не совсем здоровый. Джон Бёртон, во всяком случае, посмотрел на нее озадаченно.

– Что еще, если не она, – закончил он свою мысль насчет мамы Филиппа.

Потом положил руку на предплечье Джиллиан, и в следующий момент она поняла, что не смеется, а плачет, и что совершенно не заметила, как одно перешло в другое. Слезы хлынули, и уже влажное от тумана лицо стало соленым.

– Я… не знаю, – всхлипывала она. – Извините… сама не понимаю, что со мной…

Джиллиан никак не удавалось успокоиться, и это приводило ее в отчаяние.

– Боже мой… – простонала она.

Бёртон взял из ее руки сигарету и затушил о дно цветочного горшка. Затем взял Джиллиан за руку.

– Пойдемте, пока никто не видит. Вы ведь не хотите стать главным предметом сплетен на ближайшие несколько месяцев?

Сил Джиллиан хватило только на то, чтобы покачать головой. Она послушно позволила провести себя через парковку и села в машину, дверцу которой он перед ней распахнул. Потом заметила, что Бёртон сел с другой стороны на место рядом. Джиллиан продолжала рыдать, но, по крайней мере, ей удалось открыть сумочку и поискать носовой платок.

– Простите… – всхлипывала она.

Бёртон качнул головой.

– Перестаньте, наконец, извиняться. Я весь вечер наблюдал за вами – и знаете что подумал?

– Что?

– «В какой-то момент она обязательно заплачет». Я надеялся, что это случится не в зале. Уж лучше здесь, в машине.

Джиллиан достала платок. Слезы все еще текли, но приступ дикого, сумасшедшего отчаяния миновал.

– Уж лучше в машине, – согласилась она. – Большое вам спасибо.

– Как вы? – поинтересовался Бёртон.

– Более-менее. Но я не могу вернуться в зал.

Он задумался:

– Здесь неподалеку есть паб… Хотите водки? Это иногда помогает.

– Хорошая идея. Если, конечно, я вам не помешаю…

Он завел мотор и вырулил на дорогу.

– Думаете, я в восторге от их компании?

– Мне трудно в это поверить.

– То-то.

Спустя несколько минут они припарковались возле «Дома на полдороги». Он располагался на Восточной Эспланаде – паб с видом на реку, которая теперь только мелькала из темноты и тумана. За ярко освещенными окнами играла музыка.

– Не лучший в городе, возможно, зато ближайший, – объяснил Бёртон, когда они вышли из машины. – И крайне маловероятно, что вы встретите здесь кого-нибудь из знакомых.

Публика громко переговаривалась и смеялась. Джиллиан увидела битком набитый зал, бар и всего несколько столов со стульями. Ни

комнатной растительности в горшках, ни картин на побеленных известью стенах, но спартанская обстановка, похоже, не мешала популярности этого места. Публика разновозрастная, и Джон Бёртон прав: это не то место, куда может заглянуть Том или кто-то из его друзей или коллег.

Бёртон увидел свободный столик с двумя стульями и начал прокладывать путь сквозь толпу.

– Что будете пить?

– Бренди, – пожала плечами Джиллиан, как будто удивившись вопросу. – И лучше двойной.

Он кивнул и направился к бару, между тем как Джиллиан сняла пальто, повесила на спинку стула и села.

Ей вдруг стало хорошо. Вот что значит выплакаться… Джиллиан достала из сумочки зеркальце и внимательно оглядела свое лицо. Красное, но это еще полбеды. Откуда эти пятна на коже, опухшие веки, нос? Вот так с ней всегда. В кои-то веки оказалась в пабе с красивым мужчиной – и выглядит как зареванная школьница…

Хотя школьница в такой ситуации не худший вариант. «Мне можно дать все пятьдесят, – с грустью констатировала она. – И какой жалкий вид… неудивительно, что он со мной так возится». Джиллиан захотелось умыться, и она огляделась в поисках туалета. Ничего подобного не просматривалось – возможно, из-за большого количества людей, стоявших в основном группами.

Взгляд зацепился за мужчину, который показался ей знакомым. Моложе Джиллиан, лет тридцать пять, не больше. Он сидел за пивным бокалом рядом с другим мужчиной и смотрел на нее. Джиллиан почти не сомневалась, что знает его, и спустя несколько секунд вспомнила. Мужчина жил на той же улице, что и она, но в другом конце, с братом и невесткой. Том консультировал его брата по делам наследства, а потом еще как-то заметил, что они странные люди.

Джиллиан робко улыбнулась мужчине. Здорово все-таки… А ведь кто-то только что утверждал, что она не встретит здесь никого из знакомых. Вот как, выходит, можно ошибиться…

Сегодня вечер пятницы, и Джиллиан, заплаканная, оказалась в пабе с незнакомым мужчиной, да еще встретила соседа… Нет, все-таки в этой жизни иногда происходят чудеса.

Молодой человек так же застенчиво улыбнулся в ответ. Он выглядел удивленным не меньше ее. Джон Бёртон вернулся с двумя высокими бокалами.

– Быстрее не получилось, – оправдывался он. – Вы уже акклиматизировались?

– Да, и увидела, как ужасно выгляжу. Простите еще раз.

– Мы договорились, кажется, что вы больше не будете извиняться. – Он поднял бокал. – Ваше здоровье!

Джиллиан глотнула, потом еще и еще. Бренди обжег желудок. Наверное, Джиллиан ошиблась, когда его выбрала. Да еще эта публика… И это был не двойной бренди, как минимум четвертной. Джиллиан вспомнила, как мало съела за сегодняшний день. Сначала нужно было отвезти дочь домой, а потом напиваться… Но эти мысли Джиллиан сразу отбросила и сделала еще глоток. Расслабиться – вот все, чего она сейчас хотела, и алкоголь для этого – лучшее средство. Забыть, дистанцироваться от забот, страхов, печали…

– Можете рассказать, что вас так тяготит? – спросил Джон спустя некоторое время.

Собственно, почему бы и нет…

– В двух словах, – начала Джиллиан. – Моя дочь отстранилась от меня, потому что я задушила ее своей опекой. Мой муж не воспринимает меня всерьез… В общем, все, наверное, как и должно быть.

Она попыталась рассмеяться, но Джон Бёртон смотрел серьезно.

– О вашем муже мне сказать нечего, но дочь я знаю достаточно хорошо. Мне нравится Бекки. Она спортивна, амбициозна и обладает командным духом. Кроме того, это сильная, независимая личность. Возможно, дело в возрасте. Бекки взрослеет, ей приходится отстаивать свою индивидуальность. В конце концов все будет хорошо.

– Вы уверены? – спросила Джиллиан, потрясенная ясностью объяснения.

Он кивнул.

– Готов спорить на что угодно.

– Спасибо.

Джиллиан не могла поверить. Тучи рассеялись. Не то чтобы ей сразу стало хорошо, но, вне всякого сомнения, что-то изменилось. Этот человек воспринял ее всерьез и тем не менее попытался утешить. В

отличие от Тома, сводившего все ее проблемы к нездоровым фантазиям. Или Тары, которая сразу принималась строить такие сложные диагнозы, что у Джиллиан кружилась голова. Наконец, в отличие от Дианы, для которой жалобы Джиллиан служили лишним подтверждением незамутненности собственного материнского счастья.

Впервые у Джиллиан возникло чувство, будто ей действительно помогли.

– Вы хорошо понимаете детей, – сказала она.

– Я кое-что понимаю в спорте. Человек хорошо раскрывается в командных играх, не важно, подросток или взрослый. В конечном итоге на поле люди ведут себя так же, как в обычной жизни.

Джиллиан с интересом посмотрела на собеседника.

– Это правда, что вы ушли из Скотланд-Ярда?

Бёртон сразу будто закрылся:

– Да.

Стало ясно, что он не горит желанием беседовать о прежней работе, тем более обсуждать обстоятельства увольнения.

Тогда Джиллиан решила задать полицейской теме иное направление:

– Что скажете об этом ужасном убийстве в Хакни?

– Мне нечего добавить к тому, что пишут в газетах.

– Но вы занимались такими вещами профессионально…

– Да, но не этим конкретным случаем. Полиция замалчивает способ убийства – крайне необычный, судя по всему, и это делается в интересах следствия. Я читал только, что жертва не была ни ограблена, ни изнасилована. То есть дело не в деньгах и не в сексе. Так, по крайней мере, это выглядит.

– Выглядит?

– Садистская манера убийства указывает на то, что сексуальные мотивы все же могли сыграть определенную роль.

– Это может повториться? Я имею в виду, есть указания на то, что будут еще жертвы?

– Возможно. Мотивы неясны, но даже когда злоумышленник таким образом сводит личные счеты, вне сомнения, его нужно рассматривать как бомбу замедленного действия. Потому что, бесспорно, это очень необычный способ улаживания конфликтов.

– Как страшно… – прошептала Джиллиан. – После таких новостей остается удивляться тому, что мы до сих пор живы.

– Все прояснится. Большинство преступлений в конце концов раскрывается.

– Но не все?

– Не все, – признался Бёртон.

– Поэтому вы и ушли из полиции? Ужасно, наверное, каждый день сталкиваться с насилием, не имея возможности восстановить справедливость?

Бёртон снова замкнулся в себе:

– Тому были свои причины.

Потом допил бокал и взглянул на часы:

– Боюсь, нам пора возвращаться в клуб. Не то чтобы меня туда тянуло, но наше отсутствие может навести людей на неправильные мысли.

В этот момент Джиллиан вдруг осознала, что не сводит с него глаз. Что она не просто смотрит на Бёртона, но буквально впилась в него взглядом. Все осталось как было – и шум, и люди вокруг, но словно невидимая стена отгородила ее и Бёртона от остального мира.

«Это все бренди, – подумала Джиллиан. – Я переборщила со спиртным».

– Что за мысли? – спросила она неожиданно резким тоном, которого сама испугалась.

Флиртовать – совершенно не в ее стиле. Джиллиан в жизни не занималась ничем подобным.

– Я думал, вы догадаетесь, – ответил Джон, вставая.

Голос его оставался спокоен, но Джиллиан показалось, что Бёртон раздражен. Взволнован, по крайней мере. Возможно, он нашел ее вопрос глупым. Или же Джиллиан задела бывшего полицейского за живое, затронув тему прежней работы… Так или иначе, стена, ненадолго обеспечившая их тет-а-тет, была разрушена. Оба снова стали частью этого мира – толпы, смеха, звона бокалов, запахов алкоголя, пота и влажной верхней одежды.

На пути к выходу, когда они близко подошли к столику, где сидел мужчина с улицы Джиллиан, она вдруг вспомнила его фамилию и имя. Сигал. Самсон Сигал.

– До свидания.

Он кивнул, не сводя с нее глаз. Как и в тот момент, когда Джиллиан впервые его увидела. Невольно в голову закралась мысль, не смотрел ли он на нее так все это время.

Суббота, 5 декабря

Инспектор Филдер обещал жене съездить в город за рождественскими покупками, но неожиданно был вызван на место преступления, в квартиру погибшей Карлы Робертс.

Филдер просил понимания, но сжатые губы жены предвещали тяжелые выходные, с непременными дискуссиями о жизненных приоритетах. Совершенно бесполезными, поскольку для следователей каждая минута была на вес золота.

Коллеги уже прочесали дом, где жила Карла Робертс. Говорили с жильцами. Оставляли номера телефонов, на случай если кто-нибудь что-нибудь вспомнит. Все было без толку. Никто из них не был лично знаком с Карлой Робертс. Те же, кто мог хоть что-то вспомнить, описывали ее как тихую, замкнутую женщину, которая вежливо здоровалась при редких встречах с соседями, но инициативы завязать более близкое знакомство не проявляла.

– По-моему, она вообще не выходила из квартиры, – сказал мужчина с шестого этажа. – Исключительно нелюдимая особа. И совершенно одинокая. Никто из нас ничего не почувствовал, когда ее не стало.

Филдер задался вопросом, не это ли сделало Карлу Робертс жертвой. Ее изоляция не только облегчила работу убийце, но и дала ему хорошую фору до начала полицейского расследования. Обстоятельства жизни Карлы Робертс ясно указывали, что ее хватятся не сразу. Каждый день, каждый час до того, как заработает следственная машина, дает преступнику неоценимое преимущество. И существенно осложняет работу полиции.

Эти размышления снова и снова возвращали Филдера к версии, озвученной им в прошлую среду в гостиной Киры Джонс. А именно, что преступник не имел ничего против Карлы Робертс персонально, что у него проблемы с женщинами вообще. И он выбирает тех из них, чей образ жизни упрощает его задачу.

В известном смысле этот вариант был наихудшим для следствия. Ведь если между Карлой Робертс и ее убийцей не существовало никакой личной связи, поиск преступника оборачивался блужданием в

тумане. Но кое-что свидетельствовало против этой версии: Карла Робертс сама впустила преступника в квартиру. То есть должна была его знать, хотя бы в лицо.

Детектив-сержант Кристи Макмарроу направилась к Филдеру, как только он вышел из машины. Филдер ценил в Кристи преданность полицейской профессии, неутомимость и амбициозность. Такие, как она, готовы работать днем и ночью. Кроме того, он находил Кристи привлекательной женщиной, осознавая при этом, что не должен думать о ней в этом ключе.

– Звонил столяр, сэр, – сообщила она. – Думаю, вам имеет смысл с ним разобраться.

Маленький краснолицый мужчина стоял перед входной дверью и тяжело дышал. Филдер уже говорил с ним. Спрашивал насчет лифта сразу после разговора с Кирой Джонс. Со слов мужчины выходило, что лифт не мог подняться на какой-либо этаж без соответствующей команды. И если Карла Робертс часто замечала его на восьмом этаже, значит, кто-то его туда намеренно отправлял. Или же поднимался в лифте сам, но не выходил, каким бы странным ни казалось инспектору такое поведение.

– Что-то не так с входной дверью, инспектор, – начал столяр и показал в сторону подъезда. – Странно только, что я не замечал этого раньше. Обычно она сама захлопывается за вошедшим, и замок срабатывает автоматически. Раз или два я замечал, что она открыта; думал, это небрежность. И только сегодня мне пришло в голову, что причина может быть в другом… и я сразу позвонил вам.

– И правильно сделали, – одобрил Филдер и внимательно оглядел дверь.

На память пришли слова Киры Джонс, что дверь в подъезде, где жила ее мать, стояла открытой.

– И почему эта мысль пришла вам только сегодня? – спросил инспектор.

Мужчину явно смутил его вопрос.

– Потому что я долго размышлял над всем этим… я имею в виду эту ужасную историю. Тут-то меня и осенило, что с дверью не все так просто. Там пружина, и, если вы просто войдете в подъезд, дверь закроется за вашей спиной и замок сработает, как я уже сказал, автоматически. Чтобы этого не случилось, ее нужно придержать, а

потом осторожно прикрыть. Понимаете? Меня самого удивило, насколько я был глуп. Получается, каждый входивший осторожно прикрывал дверь за собой, чтобы она не захлопнулась. Зачем? Полный абсурд.

– В самом деле, – согласился Филдер. – Значит, механизм с пружиной сломан?

Столяр кивнул.

– Дверь не захлопывается, а закрывается медленно. Поэтому замок и не срабатывает.

– Давно?.. Или так, когда вы впервые это заметили?

– Не так давно… Ну, может, с месяц.

Филдер повернулся к Кристи:

– Пусть криминалисты осмотрят дверь. Что именно вызвало такой дефект? Является ли поломка следствием износа механизма или тут другая причина?

– Хорошо.

– Положим, кто-то сломал входную дверь, чтобы беспрепятственно проникать в дом. Далее он затевает эту игру с Карлой Робертс – время от времени отправляет на восьмой этаж пустой лифт. А месяц спустя поднимается в лифте сам. Идет к двери, звонит, и его впускают. Могла ли она так поступить? То есть насколько вероятно, что Карла Робертс открыла дверь не глядя, только потому, что в нее позвонили? С учетом того, что на восьмом этаже она жила одна.

– Может, она до того видела убийцу в доме, хотя бы раз или два, – предположила Кристи, – и приняла его за жильца. Вы открыли бы в таком случае, не так ли?.. Хотя, с учетом того, что в этом доме никто никого не знает, ответ не очевиден.

Филдер рассеянно кивнул. Слишком много неясностей в этом деле. До сих пор не удалось выйти даже на бывшего мужа Карлы Робертс. Если он действительно живет за границей, возможно на другом континенте, поиски могут затянуться. Правда, в этом случае он вряд ли имеет какое-либо отношение к смерти бывшей жены.

Поиски его возлюбленной также зашли в тупик. Ее личность была установлена, но по последнему известному адресу она проживала много лет тому назад. Филдер подозревал, что она уехала за границу вместе с бывшим мужем Карлы Робертс.

Инспектор устало провел ладонью по лицу.

– Нужно срочно прояснить личную жизнь Карлы Робертс. Должен же быть кто-то, с кем она хоть изредка встречалась, может, ходила в кино… У вас есть что-нибудь об этом?

– Пока нет, – грустно призналась Кристи. – Дочь почти ничего не знает о личной жизни матери. У меня есть записная книжка убитой, и там несколько фамилий, которые стоит проверить. По словам дочери, это в основном сотрудники аптеки, где когда-то работала Карла Робертс. Может, это нам что-нибудь даст?

– Попробуйте, – пожал плечами Филдер.

Его не особенно обнадеживала эта записная книжка. Коллеги по работе, которую Карла оставила много лет тому назад, – что это может дать?

Но Кристи он этого не сказал. Не хотел раньше времени разочаровывать сообразительную и деятельную помощницу.

Понедельник, 7 декабря

– А ты пробовала поговорить об этом с Бекки? – спросила Тара. – Я имею в виду, как-нибудь донести до нее, что ты воспринимаешь ее всерьез. Если ей не нравится, что ты обращаешься с ней как с ребенком и она бунтует, то с годами ситуация только усугубится. Вы должны как-то договориться.

– Тара, может быть, я и обращаюсь с Бекки как с ребенком, но она и есть ребенок. Ей двенадцать лет. Я знаю, что Бекки считает себя взрослой, но в этом она, к сожалению, ошибается.

– Сейчас дети взрослеют быстрее. Я не говорю, что ты должна позволять Бекки делать все, что ей вздумается, но не преувеличивай проблемы.

– Я этого и не делаю. Просто всякий раз, когда я пытаюсь объясниться с Бекки, мы оказываемся по разные стороны баррикады. Бекки упорно не хочет меня слышать, даже не пытается взглянуть на вещи с моей точки зрения. Поэтому ничего и не меняется.

– Вспомни себя в ее возрасте, – ответила Тара. – Ставила ты себя в двенадцать лет на место своей матери?

Они сидели на кухне Джиллиан. Был вечер понедельника. Бекки после школы сразу ушла к Дарси. Джиллиан в лондонском офисе допоздна разбиралась с одним скандальным клиентом. Потом поехала за покупками и, только выставила на стол пакеты с продуктами, кормом для Чака и наполнителем для кошачьего туалета, как позвонила Тара. Она допрашивала в Шоберинессе свидетеля, который, по ее словам, играл ключевую роль в актуальном на сегодняшний день расследовании, и на обратном пути решила заглянуть к Джиллиан, о чем и сообщила по телефону.

Спустя пару минут Тара уже стояла в дверях – как всегда, несколько напряженная и совершенно неотразимая в своем темно-синем брючном костюме, бежевых сапогах из дорогой кожи и такого же цвета пальто. Джиллиан, к тому времени успевшая накормить голодного Чака, лихорадочно рассортировала оставшиеся покупки и пригласила Тару за стол.

– А с Томом у нее как? – спросила Тара, имея в виду Бекки.

– С Томом? Прекрасно! – ответила Джиллиан. – Но в этом-то как раз нет ничего удивительного. Том редко бывает дома, и в эти немногие часы может позволить себе быть папой мечты, который все разрешает дочери и даже сам участвует в ее безумствах. Черная работа остается на мою долю.

Тара внимательно посмотрела на подругу:

– А у тебя как с ним… ну, с Томом?

Джиллиан глубоко вздохнула.

– Ничего хорошего. Ну, то есть… в общем и целом, все не так плохо… По крайней мере, мы не ругаемся. Мы вообще редко друг с другом разговариваем. Он почти не бывает здесь, как я уже сказала. Целый день занят то в нашем лондонском офисе, то в теннисном клубе. Остается не так много времени.

– То есть он все тот же заядлый спортсмен, что и раньше?

– Даже хуже. Приходит домой только переодеться – и на корт. Другие пьют пиво, чтобы снять напряжение после работы, а ему надо выпустить пар… По мне, так лучше бы пил, только дома. Но он ведь не только ракеткой машет. Есть еще нетворкинг, разные клубные мероприятия… Они собираются каждый вторник, и Том ни за что не пропустит очередной встречи, даже если я буду лежать при смерти… Не уверена, что ему нравится ходить в клуб, но, говорят, прогульщиков там не одобряют.

– И почему бы тебе не пойти вместе с ним?

– Я ведь не играю в теннис, а они ни о чем другом там не говорят. И потом, мне не нравится оставлять Бекки одну. Только не вечером.

Тара улыбнулась:

– Ты наседка.

Это прозвучало ласково. Джиллиан улыбнулась в ответ.

Они познакомились на курсах французского языка в Лондоне лет пять тому назад. Джиллиан решила освежить свой школьный французский и записалась в языковую школу. Тара, проработавшая несколько лет адвокатом в Манчестере, незадолго до того была принята в лондонскую прокуратуру. Так уж получилось, что первое дело, легшее на ее стол на новом месте, требовало хорошего знания французского. И Тара пошла учиться – характерное для нее поведение в подобных ситуациях.

На занятиях женщины сидели рядом и сразу прониклись взаимной симпатией. Так они стали подругами.

– Но… ты только не сердись на меня, ладно?.. Такое ведь невозможно, чтобы у Тома был роман на стороне?

– У Тома? Никогда в жизни! – ужаснулась Джиллиан.

И в этот момент одновременно произошли две вещи: зазвонил телефон и зажглась рождественская гирлянда на кухонном столе, подключенная к таймеру.

– Боже ты мой! – Тара ухмыльнулась, она ненавидела Рождество.

– Извини.

Джиллиан поспешила к телефону в коридоре и представилась в трубку:

– Джиллиан Уорд.

– Это Джон Бёртон. Не помешал?

Джиллиан удивило, что звук его голоса вызвал странное покалывание в животе. Что-то внутри напряглось, и этого ощущения у нее давно не было. На ум пришли слова незнакомой женщины на вечере в гольф-клубе: «Я стараюсь не давать волю фантазиям». «К чему бы это?» – спросила себя Джиллиан.

– Я только хотел узнать, как вы добрались домой в пятницу…

– О, спасибо. Все нормально.

Джиллиан ждала. Она сама слышала, как неестественно-возбужденно звучит ее голос. И Тара, конечно, насторожилась.

– Тут еще вот что… – продолжал Бёртон. – В среду вечером я снова собираюсь в тот паб. Буду рад и вас там видеть.

Джиллиан была ошарашена. В пятницу она слишком много выпила и флиртовала с Джоном Бёртоном самым бесстыдным образом. Она чувствовала, что расстроила его, и успокоилась за выходные одной-единственной мыслью, что такое было в первый и последний раз. До того Джиллиан, во всяком случае, удавалось привозить дочь в спортзал и забирать ее оттуда, не вступая в разговоры с тренером. Да это было бы и затруднительно, при всем ее желании, поскольку Бёртона вечно осаждали толпы восторженных родительниц.

Так оно и должно было продолжаться в будущем. Пятница была ошибкой, случайностью, которая скоро забудется. Да, Джиллиан разрыдалась, поэтому выпила, флиртовала – все одно к одному. Бёртон

не мог этого не понять. А если все-таки не понял, какое ей до этого дело?

– В среду? – переспросила она.

– Да, я буду там около семи, сразу после тренировки в группе юниоров.

Бекки пока посещала детскую группу, и в среду у нее тренировки не было.

– Даже не знаю… – замялась Джиллиан.

– Я не тороплю вас с ответом, – сказал Бёртон. – Так или иначе, я там буду. А вы можете сомневаться до последней минуты.

– Зачем?

Это было единственное, что пришло ей в голову.

– Зачем что?

Было затруднительно беседовать в присутствии Тары, но если Джиллиан и дальше продолжала бы выдавливать из себя несвязные слова, у Бёртона могло сложиться впечатление, что на большее она не способна. Нужно было срочно менять стиль общения.

– Почему вы хотите со мной увидеться? – спросила она.

– Потому что нахожу вас интересной, – просто ответил Бёртон, чем окончательно поставил Джиллиан в тупик.

– Хорошо, я подумаю, – сказала она.

– Договорились.

«Он уверен, что я приду», – подумала Джиллиан.

– Ну, тогда до встречи, которая все-таки не исключена, – попрощалась она.

– До встречи.

Он повесил трубку.

«Какой ты все-таки самоуверенный», – мысленно добавила Джиллиан.

– Кто это был? – тут же поинтересовалась Тара. – Не хочу тебя смущать, Джиллиан, но ты так покраснела… Что произошло?

– Это был Джон Бёртон, тренер Бекки по гандболу.

– И что?

– Он хочет встретиться со мной в среду вечером в пабе.

Взгляд Тары стал подозрительным.

– Больше ты мне ничего не хочешь рассказать?

Джиллиан застыла на месте. Лицо ее горело, она это чувствовала.

– Пока нет. Между нами не было ничего, о чем можно рассказать, и я понятия не имею, будет ли.

Тара хмыкнула. Совершенно очевидно, что она ни на минуту не поверила в то, что отношения подруги и тренера были настолько невинны, какими Джиллиан пыталась их представить. И в то же время ясно понимала, что сегодня она больше ничего не узнает.

Тара посмотрела на часы, схватила сумочку и встала.

– К сожалению, мне пора. Еще одна встреча.

– Трудная? – спросила Джиллиан.

– Возможно. – Тара пристально посмотрела на подругу. – И ты пойдешь?.. В среду?

Джиллиан пожала плечами.

– Пока не знаю… Можно я скажу Тому, что иду на встречу с тобой?

На лице Тары появилась озорная улыбка.

– Договорились. Я обеспечу тебе алиби на любой день, дай только знать.

Джиллиан проводила ее до подъезда. Она только что ступила на тропу обмана и сделала по ней первый шаг, попросив подругу свидетельствовать против правды.

На улице было темно и холодно. Украшенные к Рождеству дома сияли огнями, словно перемигивались.

– Ради Бекки – не сдавайся, – сказала Тара. – Я не психолог, но могу предположить, что она сильно страдает. То, что ты несчастлива, видно невооруженным глазом. Бекки это не нравится. Детям нужны счастливые матери.

– Но…

– Не у всех матерей получается быть счастливыми, – перебила ее Тара. – Детям приходится приспосабливаться.

– Надеюсь, она приспособится. Я тут подумала, что недолгая разлука пойдет нам на пользу… После Рождества мы отправим Бекки к моим родителям. Отдохнем друг от друга.

Так было принято уже на протяжении многих лет. Бекки жила у бабушки с дедушкой с 26 декабря по первые числа января. Традиция восходила к тем временам, когда Джиллиан и Том участвовали в новогодних балах или сами куда-нибудь уезжали. Всего этого они давно уже не делали.

– Думай не только о ней, но и о себе, – сказала Тара. В свете уличного фонаря ее лицо выглядело озабоченным.

Мужчина прошел мимо садовой ограды, мельком взглянув на двух женщин, и скрылся в темноте.

Тара покачала головой:

– Опять он…

– О ком ты?

– Он околачивался здесь, когда я к тебе только приехала.

– Уверена? Здесь так темно…

– Тем не менее мне удалось разглядеть его лицо. Он и раньше здесь бродил.

Джиллиан посмотрела вслед мужчине.

– Похоже, это Самсон Сигал, – сказала она.

Джиллиан вспомнила, что тоже видела его здесь и теперь узнала со спины по походке.

– Он милый и совершенно безобидный. Живет в другом конце улицы.

«И шляется по барам в самое неподходящее время», – мысленно добавила она.

– Сейчас так неспокойно… – Тара покачала головой. – Столько сумасшедших бродит по городу!

Джиллиан рассмеялась:

– И я бы, наверное, думала так же, если б работала прокурором.

– Все-таки будь с ним осторожна, – предупредила Тара, открывая дверцу своего темно-зеленого «Ягуара».

Джиллиан проводила взглядом ее машину. Вернувшись домой, обула зимние сапоги и надела пальто. Нужно все-таки забрать Бекки от Дарси. Осторожность никогда не помешает, здесь Тара права.

Вторник, 8 декабря

1

Он купил сосисок, пару собачьих крекеров, и заманить дворнягу действительно получилось. Самсон прекрасно представлял себе их возможные маршруты, поэтому в то утро и не остался разочарован. Пес бежал по лугу, когда хозяйки еще не было видно. В распоряжении Самсона было не больше минуты, прежде чем молодая женщина покажется из-за деревьев. Он спрятался за кустами на краю опушки, достал сосиску и зачмокал губами:

– Ну, давай же. Иди сюда, у меня для тебя кое-что есть.

Как зовут псину, Самсон не знал. Никогда не слышал, чтобы хозяйка ее звала. Оставалось надеяться на собачье любопытство. Остальное сделает мясной запах.

Животное действительно тут же прыгнуло на Самсона и приветствовало его как старого друга. Пес проглотил сосиску не разжевывая и, полный ожиданий, последовал за незнакомцем. Самсон сделал крюк, пытаясь отстраниться. Его не должны были видеть с этой собакой.

Где-то в стороне раздался голос хозяйки:

– Джаз! Джаз, где ты?

Значит, Джаз. У большого, лохматого зверя появилось имя. Самсон взял следующую сосиску:

– Смотри, Джаз!

Жадность победила, и пес побежал за Самсоном, пока тот не решился схватить его за ошейник и увлечь за собой. Они добежали до конца лужайки и перешли дорогу, чтобы по краю обширного поля для гольфа повернуть туда, откуда начали путь. Самсон предположил, что хозяйка Джаза первым делом спустится к реке, то есть в том направлении, куда удалилась собака. Конечно, женщина боится, что Джаз выйдет на проезжую часть у перекрестка, где может стать жертвой аварии. Поэтому Самсон некоторое время бродил возле гольф-клуба и только потом появился на берегу.

Ему предстоял долгий холодный день. Декабрь – не лучшее время для таких прогулок, но не сидеть же дома в ожидании лета… Последний разговор с Бартеком сильно на него подействовал. Терять связь с реальной жизнью, превращаться в сумасшедшего, придаваться пустым мечтам никак не соответствовало планам Самсона. Нужно действовать, проявлять инициативу – в этом Бартек прав.

Идея с Джазом пришла Самсону позавчера ночью, и он нашел ее блестящей. Похитить собаку, придержать до вечера, а потом вернуть отчаявшейся владелице. Объяснить, что подобрал, встретил на улице случайно. Она, конечно, станет горячо благодарить, пригласит к себе, угостит кофе. И кто знает, может, из этого и получится нечто большее…

Джаз съел вторую сосиску и все крекеры и начал проявлять беспокойство. Он хотел вернуться домой. Самсон вытащил из брюк ремень и продел под ошейник наподобие поводка. При этом ласково уговаривал собаку успокоиться:

– Потерпи немного. Скоро будешь дома, обещаю. Если б ты только знал, как мне тяжело расстраивать твою хозяйку… Но представь себе только, Джаз, как она будет счастлива, когда увидит нас с тобой на пороге своего дома. Очень может быть, что я ей понравлюсь. Меня никогда еще не любила женщина, понимаешь?

Джаз внимательно выслушал и вильнул хвостом. «Как все-таки приятно бывает поговорить с собакой, – подумал Самсон. – У Джаза такой сосредоточенный взгляд, словно он действительно все понимает… И можно быть уверенным, что он не поднимет тебя на смех, не станет ерничать и главное – все сохранит в тайне».

– Я всегда хотел собаку, – пробормотал Самсон. – Но сначала родители были против, потом Милли…

При звуках этого имени ненависть комочком пламени обожгла желудок. Милли – вечно недовольная и бесчувственная. Одним своим видом она напоминала Самсону, кто он есть на самом деле – жалкий неудачник. Пятое колесо, ненужный балласт. Тот, кто ничего не добился в жизни.

– У нас все решает Милли, – пожаловался он Джазу. – Дом принадлежит нам с братом, но Гэвин давно у нее под каблуком. Не возьму в толк, как он мог жениться на этой фурии. Хотя раньше она была симпатичней…

Гэвин никогда не имел проблем с женщинами. Не то чтобы они слетались на него как мухи на мед, но и не обходили по широкой дуге. У Гэвина почему-то всегда получалось во всем строго держаться в рамках нормы. Он был незаметным, среднестатистическим во всех отношениях. Посредственность – большинство людей обиделись бы на такую характеристику. Они понятия не имели, каково быть тем, кто ни в чем не достиг уровня «нормы» и кого на этом основании все кому не лень топчут ногами.

– Я нахожу твою хозяйку очень симпатичной, – признался Самсон Джазу. – Честно говоря, Джиллиан мне нравится больше, но она замужем.

Джаз негромко заскулил. Самсон погладил его лохматую голову.

– До сих пор твоя хозяйка меня не замечала, но сегодня все изменится. Не бойся, малыш. Вечером ты ее увидишь.

Они дошли до парковки гольф-клуба. Там стояла только одна машина, поэтому Самсон и решился обойти клубное здание. Темные окна свидетельствовали, что внутри никого нет. На входной двери висела афиша рождественского бала в ближайшую субботу. Организатор мероприятия, если верить пронзительно алым буквам, – известный лондонский адвокат Логан Стэнфорд. Кульминацией вечера должна стать беспроигрышная лотерея в пользу бездомных детей России.

Самсон знал имя Логана Стэнфорда из многочисленных рекламных буклетов, которые Милли разбрасывала по всему дому. Стэнфорд был чрезвычайно успешным адвокатом и имел связи с самыми богатыми и влиятельными людьми страны, вплоть до Даунинг-стрит. Известность ему принесли и громкие благотворительные акции, которые Стэнфорд организовывал по всему миру. За ним даже закрепилось прозвище Благотворитель Стэнфорд, которому адвокат всячески стремился соответствовать. Он делал щедрые пожертвования в пользу тех, кто действительно в этом нуждался, и все-таки Самсон относился к нему крайне настороженно.

На глянцевой обложке журнала «Хелло!» Логан Стэнфорд выглядел до неприличия самодовольным, в окружении гостей с неживыми от ботокса лицами. Изысканные вечерние платья, мерцающие украшения и шампанское до упаду… Эти люди всегда

действовали в собственных интересах, тем не менее их деньги работали и на бездомных.

– Ну и что с того? – спрашивала Милли, замечая, с каким недоверием Самсон разглядывает глянцевые снимки. – Что с того, что им весело? Кого это волнует? По крайней мере, они хоть что-то делают для других.

Самсон и сам не смог бы объяснить, что именно его смущает. Его неприязнь была связана со смутным чувством, будто эти люди делают рекламу даже из нищеты и человеческого горя. Иначе при чем здесь были бы русские беспризорники? Они, в сознании Самсона во всяком случае, совершенно не увязывались с тем, что он видел на обложке. С другой стороны, деньги есть деньги, и они работают вне зависимости от того, с каким сердцем делается пожертвование. Все остальное – пустые домыслы, Милли права.

Побродив некоторое время возле здания клуба, Самсон наконец решился спуститься к реке, несмотря на риск столкнуться с обезумевшей от горя хозяйкой Джаза. Собственно, эта встреча особых неприятностей Самсону не сулила. Он всегда мог отговориться тем, что только что подобрал собаку и собирался вернуть ее владелице.

Самсон без помех добрался до берега. Песок был тяжелый и мокрый, над водой, как темная туча, нависал туман, из которого доносились приглушенные крики чаек. В сравнении с тем, какая температура держалась последние дни, потеплело. Но хуже холода была сырость, проникавшая сквозь одежду и пробиравшая до костей.

Они пошли вдоль берега, мимо запертых купальных кабинок с разукрашенными фасадами и резными украшениями на крышах. Куда ни глянь – ни души. Джаз как будто смирился со своей участью и покорно трусил рядом с Самсоном, время от времени обнюхивая выброшенный на берег рекой мусор. Или задирал лапу, обнаружив что-нибудь особенно интересное. Увлеченный прогулкой, он как будто на время забыл о своем беспокойстве.

Самсон ругал себя за то, что не догадался припарковать машину где-нибудь поблизости. Надо же быть таким идиотом! Собирался гулять до позднего вечера и даже не позаботился о месте, где можно было бы согреться… Чем позже Самсон вернет Джаза хозяйке, тем больше будет ее благодарность, но к тому времени можно и подхватить грипп. Как всегда, он поступил очень умно, умнее не бывает!

Между тем спустя некоторое время, показавшееся Самсону вечностью, они с Джазом достигли мыса в устье Темзы. Здесь, в Шоберинессе, были чудесные побережья и луга, перемежающиеся с оборонительными укреплениями, при помощи которых Англия пыталась защититься от возможного немецкого вторжения в последнюю войну.

Самсон хорошо знал эти места. В детстве они с Гэвином часто играли здесь, хотя до Торп-Бэй довольно далеко. Гэвин приводил друзей. Самсона тоже брали в игру, потому что на этом настаивала мама. Приятели Гэвина ворчали, но подчинялись. Уже тогда Самсон понял, каково быть изгоем.

Он вспомнил, что говорил Джазу возле гольф-клуба, – что находит его хозяйку очень симпатичной. Это было неправдой. Зачем вообще понадобилось так откровенничать с собакой? То есть нельзя сказать, что эта женщина была некрасивой, но точно не из тех, чей взгляд заставляет сердце биться чаще. Не вокруг нее крутились мысли Самсона, когда он ночью лежал в постели, уставившись в потолок, узоры на котором едва просматривались в свете уличного фонаря. Из всех, кого Самсон встречал во время прогулок, хозяйка Джаза была единственной женщиной примерно его возраста. И она точно жила без мужчины. Самсон уже видел, как Бартек выгибает бровь и задает самый естественный в этой ситуации вопрос: какого черта Самсон себя так ограничивает? Почему единственная подходящая женщина в этой прилегающей к его дому части города представляется ему единственной в целом свете? И далее снова пускается в рассуждения о возможностях интернета…

Как будто Самсон не знает этого без него! Более того, пару раз он уже знакомился с женщинами таким способом. Эти встречи оставили после себя самые тягостные воспоминания. Самсон понятия не имел, чем увлечь женщину, и уже спустя несколько минут оказывался в шкуре несносного зануды. Так он это чувствовал, по крайней мере. И после этого начинал заикаться или вдруг переходил на разные немыслимые в приличном обществе темы. Когда же дама узнавала, что Самсон живет с братом и невесткой, окончательно теряла к нему интерес. И безработица, конечно, не улучшила бы ситуацию.

Они покинули пляж и пересекли большую парковку, летом довольно оживленную и пустынную сейчас. Углубились в город и

достигли парка – обширного и почти не затронутого цивилизацией, несмотря на множество пересекавших его дорожек. Луга, небольшие перелески, обширные поляны с травой, выглаженной ветрами Северного моря… Этот парк, частично закрытый для широкой публики, был природным заповедником и поистине райским местом для бесчисленных видов птиц.

Самсон вспомнил школьные походы, обычно заканчивавшиеся здесь пикниками с грилем. Как нанизывали сосиски на собственноручно выструганные прутики и подносили к огню. Как открывали принесенные с собой пластиковые контейнеры с картофельным салатом и бутылки с яблочным соком. И все веселились и радовались жизни. Один только Самсон скучал в ожидании конца праздника. Он и там был чужой. Сидел в обнимку с рюкзаком, любовно собранным матерью.

Уже по тому, как мать снаряжала его на экскурсии, Самсон мог видеть, как она его любит. Мать желала ему добра и приятной компании, но ее власть ослабевала с каждым годом. Когда Самсон был маленький, она еще могла заставить других детей возиться с ним. Но по мере того как он рос и взрослел, это срабатывало все хуже. К тому времени, когда Самсон превратился в прыщавого подростка, мать уже ни в чем не могла ему помочь. Только не с девушками, во всяком случае.

Самсон опустился на скамейку, Джаз примостился рядом. Туман окутал их со всех сторон, закрыв обзор. Даже море исчезло за его густой, влажной пеленой. Самсон думал о Джиллиан Уорд. Собственно, в последнее время он только этим и занимался, и это были мысли, каких не принято допускать в отношении замужней женщины. На днях он снова прогуливался возле ее дома. Видел подругу Джиллиан и саму Джиллиан мельком. С некоторых пор он посвящал этой женщине все свое время.

– Я никогда не смогу жениться на ней, – пожаловался Самсон Джазу. – У Джиллиан есть муж и ребенок. Уорды – идеальная семья. Такую нельзя разрушать.

Джаз склонил голову набок, как бы обдумывая услышанное.

Идеальная семья… Самсон почти испугался, когда увидел Джиллиан в баре в пятницу вечером. Одна, без семьи, как она там

оказалась? И что за мужчина сидел рядом с ней? Никогда прежде Самсон не встречал его с Уордами и возненавидел с первого взгляда.

Впрочем, Самсон, как всегда, попытался проанализировать свои чувства. Может, он просто ревновал? Или же это зависть взяла верх над ним, потому что с первого взгляда было ясно, что собеседнику Джиллиан достаточно щелкнуть пальцами, чтобы заполучить в постель любую женщину.

Или же эта настороженность Самсона имела более объективные основания и в этом человеке действительно было что-то нехорошее, нечестное и нечистое? Нет, Самсон вовсе не хотел быть несправедлив к нему. Он страстно желал оказаться на месте этого мужчины, но только в воображении. Потому что в действительности предпочел бы тысячу раз умереть.

Сидеть с ней за одним столиком, говорить, пить вино – ничего этого не выйдет без того, чтобы она не почувствовала, насколько он жалок. Самсон не умел быть ни интересным, ни забавным, ни харизматичным. Он заикался, словно спотыкаясь о собственный язык, и портил этим любую мысль или остроту, даже если ее и удавалось придумать. И женщины начинали поглядывать на часы и подавляли зевоту.

У Самсона на лбу выступил пот. Нет, он не допустит такого с Джиллиан. Лучше смерть. Поэтому и стоит начать с кого-нибудь попроще – с хозяйки Джаза, например. Посмотрим, что из этого получится. Главное, чтобы все быстрее закончилось.

Самсон взглянул на часы – девять утра. А ведь он планировал появиться перед ней не раньше наступления темноты. Теперь он проклинал и себя, и свою идею, из которой просто не могло выйти ничего путного.

2

Милли закончила работу в двенадцать и сразу ушла домой. Она не задерживалась в доме престарелых дольше необходимого. Все в этих стенах ее удручало: затхлый запах старости и вид человеческой немощи, бессвязный лепет больных деменцией, длинные коридоры и уродливый линолеум на полу, большие тележки, на которых развозили обед по комнатам. Один вид такой тележки мог отбить у Милли

аппетит на весь день. Но это помогало Милли оставаться стройной – едва ли не единственный плюс в ее работе.

Милли выглядела старше своих лет – и сама это понимала. Зато до сих пор могла похвастать хорошей фигурой. В узких джинсах и черном топике с глубоким вырезом, она часами крутилась перед зеркалом в спальне только ради того, чтобы поднять себе настроение. Иначе никогда не выходила бы из депрессии.

Из Тилбери до Торп-Бэй Милли пришлось ехать на поезде. У них с Гэвином была одна машина на двоих, и пользовался ею по большей части Гэвин, потому что иначе ему пришлось бы еще раньше вставать, чтобы успеть в утреннюю смену. Поэтому Милли и раздражала так машина Самсона. Какой черт надоумил все-таки ее покойную свекровь завещать машину неудачнику? Гэвин пытался объяснить жене, что мать очень любила Самсона и считала, что он нуждается в особой заботе.

– Он был проблемным ребенком, вечно погруженным в себя и страшно одиноким. Что бы ни начинал, ничто не выходило толком. И так повелось еще с детского сада. Когда мать умирала, ее последней мыслью было, что станет с Самсоном.

Вспомнив этот разговор, Милли поморщилась. Как все-таки несправедливо все устроено! У Гэвина есть и работа, и жена. В конце концов, он нормальный человек. А машина досталась его незадачливому младшему брату…

Поезд тянулся целую вечность, и Милли приходилось из последних сил сопротивляться мысли о том, как быстро она могла бы доехать до дома на машине. Она не хотела злиться. Милли знала, что именно гнев прорезал на ее лице такие глубокие морщины и придал ему горестное выражение. Гнев состарил ее.

Милли сошла с поезда и быстро зашагала в направлении дома, находившегося довольно далеко от железнодорожного вокзала. Если ранним утром и по вечерам дома в городе сверкали рождественскими огнями, то сейчас, в полдень, все было по-декабрьски серо и мрачно. Голые деревья уставили острые, черные ветви в свинцовое небо. Но туман нависал над землей не так низко, как утром, так что ближе к вечеру сквозь него могли пробиться солнечные лучи. С другой стороны, что в них проку, если так рано темнеет… Милли пожала

плечами. Если б у нее были деньги, обязательно уехала бы из Англии в какую-нибудь более теплую, солнечную страну…

Краем глаза Милли заметила незнакомую женщину на безлюдной в остальном улице и вздрогнула, когда та вдруг к ней обратилась:

– Простите… – Высокий, пронзительный голос, полный отчаяния.

– Да? – Милли остановилась.

– Я ищу свою собаку.

Глаза женщины были широко раскрыты, волосы спутаны. Блестящий от пота нос подтверждал, что она не первый час бегает по улицам.

– Джаз, он довольно крупный и лохматый. Помесь немецкой овчарки. Может, видели?

Милли не особенно любила собак.

– Нет. Я только сошла с поезда.

– Он убежал сегодня утром. Было довольно темно, но… ничего не понимаю. Никогда раньше он не делал ничего подобного.

Милли с неудовольствием отметила, что женщина была ее возраста, но даже в таком состоянии выглядела заметно моложе и свежее. Наверное, в отличие от Милли, она любила свою работу.

– Я не видела собаку. Но если она мне встретится, как с вами связаться, мисс…

– Браун. Мишель Браун, – женщина достала из кармана пальто клочок бумаги и маркер и нацарапала несколько цифр. – Вот мой телефон. Заранее благодарна… Джаз, знаете ли, для меня всё.

«Да, не самая завидная доля, пожалуй», – отметила про себя Милли. Потом убрала записку, кивнула Мишель Браун и пошла дальше. То, что собака ей встретится, представлялось Милли крайне маловероятным.

Машина Самсона стояла на подъездной дорожке. Сегодня утром он опять отправился из дома пешком. Милли уже спрашивала его об этом, и Самсон ответил, что экономит бензин, который снова подорожал. Вполне резонный аргумент, тем более для безработного.

Милли отперла входную дверь. Деверя не было, как она и предполагала. В течение нескольких последних месяцев Самсон уходил из дома рано утром и гулял допоздна. И это не могло не вызвать подозрений. Где он все-таки шляется весь день?

В то, что Самсон таким образом ищет работу, Милли не верила. Тем более что для этого не требовалось дни напролет пропадать бог знает где. В понимании Милли поиск работы прежде всего связан с рассылкой резюме. Самсон часто сидел за компьютером, но зачем, во имя всего святого, делать под покровом ночи то, чем с тем же успехом можно заниматься среди бела дня?

Наконец, еще одно. Если человек ищет и не находит работу, он должен получать отказы. Причем на бумаге, которая доставляется почтой. Некоторые могут быть оформлены и в электронном виде, но точно не все. Почту из ящика обычно забирала Милли, и последние несколько месяцев для Самсона ничего не было. Одна-две рекламные брошюрки из интернет-магазинов, где он, возможно, когда-то что-то покупал. Но с письменными отказами от потенциальных работодателей эти конверты имели самое отдаленное сходство.

Милли взглянула на часы – четверть второго. Через полчаса Гэвин придет обедать. Сегодня он тоже заканчивает рано. И все-таки у нее есть немного времени. Когда-то Самсон работал курьером по доставке замороженных продуктов, с тех пор товары этой фирмы они покупают со скидкой. К этому, пожалуй, и сводилась вся польза от проживания Самсона в доме.

Недолго думая, Милли поднялась по лестнице. Это был не первый случай, когда она обыскивала комнату деверя, и каждый раз успокаивала себя тем, что Самсон, как человек с явными психическими отклонениями, нуждается в особом контроле.

Гэвин, который вырос с Самсоном и слишком свыкся с его странностями, многого просто не замечал. Другое дело Милли. Уже в тот день, когда Гэвин представил ей брата, она отметила про себя: «С парнем что-то не так». Дальнейшие события только подтверждали этот первоначальный вывод.

Милли позвала деверя и, не получив ответа, решительно вошла в комнату. Она была готова к тому, что ждало ее там, и тем не менее покачала головой. Это была комната подростка, а никак не мужчины тридцати пяти лет.

Здесь царил идеальный порядок – ни пылинки. На гладкой, как стекло, поверхности кровати лежало безупречно расправленное покрывало. Милли всегда удивляло, как ему это удается. Как ни

старалась она сделать то же самое в их с Гэвином спальне, ей так и не удалось добиться такого совершенства.

Она оглядела полки, косясь за окно. Оно выходило на улицу, так что Милли могла бы увидеть Самсона, если тому вздумалось бы вдруг вернуться, что все-таки было крайне маловероятно. Милли ждала Самсона только к вечеру.

Она открыла платяной шкаф – классическая молодежная модель из светлого дерева. Там лежали аккуратно сложенные пуловеры, рубашки и джинсы. Вполне пристойно. И все-таки Милли нисколько не удивляло, что Самсон до сих пор не смог расположить к себе ни одну женщину. Причина, помимо застенчивости и заикания, была в его манере одеваться. Самсон выглядел как школьник. Похоже, б*о*льшую часть этого гардероба сшила или купила его мать.

Но Милли пришла сюда ради компьютера, который стоял на столе. Самсон купил его, еще когда работал в автосервисе и неплохо получал. Плоский и довольно большой экран. Компьютер был единственной современной деталью этого странного интерьера. Самсон сиживал за ним часами. Милли так и не удалось выяснить, чем он занимается. Несколько раз она входила к нему без стука, но Самсон всегда оказывался проворнее и сворачивал текст на мониторе, прежде чем Милли успевала что-нибудь увидеть.

Милли прекрасно отдавала себе отчет, насколько неприемлемо то, что она делает, с точки зрения общечеловеческой морали. Но им с Гэвином важно знать, чем занимается Самсон. Безответственность в таких вещах недопустима. Что, если он просматривает сайты с детской порнографией? Когда-нибудь у них с Гэвином будет ребенок…

Милли включила компьютер, и тот стал загружаться с характерным жужжащим звуком. Потом бросила быстрый взгляд за окно – никого. Экран стал синим, и дальше произошло то, чего она опасалась: система запросила пароль.

Ну конечно, он не настолько глуп. Чаще всего в качестве паролей используют имена друзей или родственников, клички домашних питомцев. У Самсона ничего этого не было. Разве что Гэвин… Милли набрала имя мужа, но система не отреагировала. «Вряд ли это мое имя», – подумала она. Но чье же тогда, черт возьми? Сложный вопрос, с учетом всех его странностей. С другой стороны, нелюдимость Самсона значительно ограничивала число возможных вариантов.

Был все-таки один друг, еще со времен автосервиса. Самсон до сих пор встречался с ним в пабе по пятницам. Только вот как его звали? Бартек, кажется… Милли ввела «Бартек», и опять ничего не произошло. Она не хотела сдаваться, потому что никогда еще не заходила так далеко. Тут нужно рассуждать логически. Если только Самсон не использовал какое-нибудь им же выдуманное слово или комбинацию цифр, она должна справиться с задачей.

Милли оглядела комнату, как будто белые стены или чистый палас могли дать ей подсказку. Шкаф, полный свитеров, которые связала мама. Шторы на окнах, сшитые ее руками. Приключенческие книги на полках, подаренные мамой. Только поэтому Самсон и хранит их, хотя давно уже не читает ничего подобного. Вся эта комната – свидетельство любви, пережившей смерть. Трогательной заботы женщины о проблемном, многострадальном ребенке. И боли, которую тот обречен носить в себе, с тех пор как потерял единственного близкого человека.

Свекровь звали Ханна. Милли ввела имя в строку – и Сезам открылся под приглашающе-мелодичную последовательность звуков.

– Что ты делаешь? – спросил голос сзади.

Милли обернулась. В дверях стоял Гэвин и с ужасом смотрел на нее. Милли тут же выключила компьютер и встала, инстинктивно памятуя о том, что нападение – лучшая защита.

– Так ли обязательно было подкрадываться ко мне исподтишка?

– Ты копаешься в компьютере моего брата, – сказал Гэвин, очевидно, сбитый с толку ее напористостью.

Милли пожала плечами.

– Из соображений нашей же с тобой безопасности.

– Какой безопасности, о чем ты? Самсон мухи не обидит.

– Откуда такая уверенность? Ты хоть представляешь себе, чем он занимается за этим компьютером ночи напролет? Может, скачивает какие-нибудь садистские игры или смотрит порно?

– Он взрослый мужчина и волен смотреть что хочет.

Милли проскользнула в дверь мимо него и стала спускаться по лестнице. Гэвину пришлось последовать за ней.

– У меня на этот счет другая точка зрения, – продолжала она. – Твой брат психически ненормальный, за такими нужен глаз да глаз. Ты ведь не хочешь, чтобы когда-нибудь он учинил стрельбу в школе?

– Стрельбу? – переспросил Гэвин. – Зачем ему это?

– Ты либо не читаешь газет, либо не понимаешь, о чем в них пишут. Всякий раз, когда такой парень устраивает стрельбу, у родственников не укладывается в голове, что он оказался способен на такое. А потом выясняется, что преступник всегда вел себя немного странно, и ничего бы не случилось, если б родственники вовремя им занялись.

– Но Самсон…

– Это не более чем мера предосторожности.

Ей хотелось отхлестать себя по щекам за то, что позволила мужу незаметно подкрасться. Если Гэвин обо всем расскажет Самсону, тот, конечно, сменит пароль – и на этот раз выберет такой, который она точно не разгадает.

Но в глубине души Милли знала, что Гэвин будет молчать. Он был самым бесконфликтным человеком из всех, кого она знала, и тысячу раз подумал бы, прежде чем подливать масло в огонь и без того непростых отношений жены и брата.

– Будем и дальше пререкаться или пообедаем для начала? – холодно спросила она.

Гэвин как будто хотел сказать что-то еще, но раздумал. Он встал в пять утра. Работал водителем школьного автобуса и страшно уставал от своих шумных пассажиров. Поступок Милли ошеломил его, она это видела, но сил продолжать дискуссию не осталось.

– Давай пообедаем, – послушно согласился Гэвин.

Вторник, 8 декабря, 22.10

3

Она ничем не лучше других женщин – ни капельки. Мишель Браун – теперь я знаю ее фамилию и имя – на редкость высокомерная и неблагодарная особа. И не такая уж симпатичная, если приглядеться. Издалека выглядит гораздо лучше. Ее лицо было покрыто красными пятнами, а косметика поплыла. Никакого сравнения с Джиллиан Уорд! В «Доме на полдороги» та тоже сидела заплаканная, но от этого не превратилась в дурнушку. Слезы сделали Джиллиан нежной, беззащитной, так что ее сразу захотелось обнять. С Мишель Браун я ни за что не стал бы обниматься. Совсем не мой типаж. И все-таки у нее не было никаких оснований так пренебрежительно со мной обходиться.

И вот теперь я сижу с шерстяным шарфом, обернутым вокруг шеи. Передо мной на столе большая кружка горячего лимонного сока с медом. Меня знобит, я чувствую, что заболеваю. Такова плата за глупость с Мишель Браун.

Я был у нее около половины шестого. Часом раньше пустился в обратный путь из Шоберинесса, дольше не выдержал бы при всем желании. Холод пробирал до костей, я передвигался как старый паралитик. Кроме того, я проголодался. Откуда мне знать, где супермаркет в этом Шоберинессе? Летом на пляже можно купить сэндвич, но не в декабре же! Наверное, мне следовало бы брать бутерброды из дома, но я боюсь Милли, которая, конечно, не упустит случая попенять на мою никчемность. И, возможно, будет права.

Оставалась сосиска, предназначенная для Джаза, но у меня не хватило сердца лишать его этого удовольствия. Джаз был так добр и терпелив, так безропотно мерз и, наверное, боялся, что никогда больше не увидит хозяйки… Я чувствовал себя виноватым перед ним. За это он и получил сосиску, от одного запаха которой у меня закружилась голова. Я ведь утром не позавтракал как следует от волнения.

Я долго бродил по берегу в одиночестве. И все было бы хорошо, если б не холод. В сумерках вода стала черной и набегала на берег таинственными, полупрозрачными волнами. Потом зажглись огни, и за поредевшей пеленой тумана обозначились очертания города. Я видел закат, подумать только! Красное зимнее солнце опускалось в желто-серый лондонский смог. Добавьте к этому черную реку и баржу, медленно скользящую к устью Темзы. Обернувшись, я мог видеть колеблемую легким ветерком высокую, жухлую траву. Все было чудесно, не хватало только Джиллиан. Она должна была разделить со мной эту красоту.

Итак, в половине шестого я позвонил в дверь Мишель Браун, после того как пешком проделал путь от Шоберинесса до Торп-Бэй. Она рывком открыла дверь и уставилась на Джаза, который заколотил по полу хвостом как сумасшедший. Потом они обнялись. Мишель Браун присела на корточки, а Джаз скулил, вырывался и лизал ее заплаканное лицо. До меня никому не было дела. Когда же Мишель Браун наконец снова встала на ноги, она выглядела еще более растрепанной, чем раньше, и как будто несколько смущенной.

Сам не знаю, на что я надеялся. Помнится, прошлой ночью я воображал, как она обнимает меня. Сияющая. Исполненная благодарности. Но в действительности, взглянув мне в лицо, Мишель Браун сразу погрустнела. Сейчас, когда она получила назад свое сокровище, только вежливость мешала ей захлопнуть дверь перед моим носом.

– Где вы его нашли? – спросила она.

Я сделал неопределенный жест в направлении реки.

– Довольно далеко отсюда, почти в Шоберинессе. Я гулял там, когда он выбежал мне навстречу.

Я уже чувствовал, как стыдливый румянец заливает мне шею, и надеялся, что Мишель Браун этого не заметит.

Она беспомощно уронила руки:

– Что он там делал? Почему убежал? Ничего не понимаю… Такое с ним впервые.

– Может, увидел другую собаку и захотел с ней поближе познакомиться? – предположил я.

Моя версия не показалась ей убедительной; при этом Мишель Браун явно не догадывалась, что могло произойти на самом деле.

– Хорошо, что у него на ошейнике бирка с моим адресом и номером телефона, – сказала она. – Иначе вам пришлось бы долго меня искать. Хотя я уже заявила о его пропаже и в полицию, и в приют для животных. Рано или поздно мне все равно его вернули бы.

Мишель Браун понятия не имела, сколько всего я уже о ней знаю. Она же смотрела на меня так, будто видела впервые, и этим причиняла мне боль. Каждое утро на протяжении без малого полугода мы гуляли в одном месте, проходили в нескольких шагах друг от друга, но Мишель Браун меня не замечала. Как и другие женщины, впрочем. Я не тот, на кого оборачиваются на улице. Если я и могу чем привлечь внимание женщины, то разве своей никчемностью. В минуты самой беспросветной безнадеги мне кажется, что так будет всегда.

– Ну да… – согласился я. – Рад, что мне удалось найти его и вернуть вам. Джаз очень милая собака.

– Он для меня как ребенок, – ласково подхватила она.

Между тем я продрог. Все это время на задворках сознания крутилась одна-единственная обращенная к ней мысль: «Неужели ты не пригласишь меня на чашку кофе?» Конечно, Мишель Браун не знала, через что я прошел. Но я вернул ей ее «ребенка», неужели это не стоило кофе?

Некоторое время мы стояли и смотрели друг на друга, а потом Мишель Браун сказала:

– Итак, еще раз большое спасибо, мистер…

– Сигал. Самсон Сигал.

– Мистер Сигал, очень приятно. Я – Мишель Браун. Еще раз спасибо от всего сердца. Это был ужасный день. Я уже представляла, как Джаза переехала машина или его отловили для экспериментов над животными – чего я только себе не воображала… Это было ужасно.

– В таком случае желаю вам обоим приятного вечера, – сказал я и повернулся, чтобы уйти.

Она меня не удерживала. Прокричала вслед еще одно «спасибо», когда я был уже возле садовых ворот. Этим все и закончилось. Когда, уже на улице, я обернулся на ее дом, дверь была закрыта, и я снова остался один. Замерзший, голодный, до смерти уставший – ради чего?

Самое печальное, что в подобных ситуациях я неизменно прихожу к выводу, что такое случается только со мной. Вот, к примеру, Бартек – с пышными черными волосами, глубокими темными глазами, огненным взглядом и легким акцентом. Бартек, который становится совершенно неотразим в присутствии женщины. Кто может быть обаятельным и харизматичным, тому и достается их любовь и внимание. Его она бы точно пригласила, и вместе они отпраздновали бы счастливое возвращение собаки бокалом просекко. Может быть, Мишель Браун зажгла бы свечи или затопила камин, если, конечно, он у нее есть. И Бартеку не пришлось бы тащиться домой, как мокрому пуделю…

При этом подобное поведение кое-что выдает и в самой Мишель Браун. Она бросится на шею такому, как Бартек, и отмахнется от меня, как от навязчивого распространителя рекламы. Как будто я пытался навязать ей подписку на журнал. И это кое-что говорит о женщинах в целом. Большинство из них недорого стоит. Прядь черных волос, живописно падающая на лоб, восточноевропейский акцент – и от них можно получить что угодно. Бартек неплохой парень, но довольно поверхностный и чересчур рациональный. Я мог бы дать им гораздо больше, просто до сих пор у меня не было возможности себя показать.

Мама говорила то же. «Самсон – человек со второго взгляда, – вот ее слова. – У него большое сердце, но это надо разглядеть».

Женщины не склонны так углубляться. Они видят во мне застенчивого парня, который легко краснеет и не может даже пошутить как следует. С безработными тем более разговор короткий. Женщины любят деньги, и Мишель Браун не исключение. Она, конечно, заметила, что моя одежда совсем не дорогая и довольно поношенная. После этого со мной все стало ясно. Достаточно хорош, чтобы вернуть собаку, но пригласить на кофе… на это я непотянул.

Она как все. Чертовы женщины, они каждый раз выставляют меня комком грязи, потому что таков я и есть в их глазах…

Мишель Браун, я тебя ненавижу. Как и всех, кто причиняет мне боль.

Среда, 9 декабря

1

«Даже самая длинная ночь когда-нибудь заканчивается», – подумала Энн.

Только к шести утра ей наконец удалось успокоиться. Еще пару часов снаружи будет темно, но Энн всегда вставала в шесть – в будние дни, чтобы успеть на работу в клинику, а по выходным немного порисовать перед приготовлением завтрака. Независимо от времени восхода солнца, ее день начинался в шесть.

Энн всегда нравилось бодрствовать, пока другие спят. Она не изменила этой привычке и теперь, когда жила одна в доме посреди леса, который ночью звучал совсем иначе, чем днем. Это одиночество слишком непохоже на городское. В лесу размываются границы между сном и явью, ночью и днем, и в этом таится опасность. Особенно в самое темное время года, перед Рождеством.

Прошлую ночь Энн провела в гостиной. Закуталась в теплое одеяло и крохотными глотками пила горячее молоко, пытаясь успокоить нервы. А вчера легла спать около половины одиннадцатого вечера и еще с полчаса читала в постели. Быстро уснула, но спустя некоторое время словно что-то вырвало ее из сна. По стенам комнаты заскользили лучи света, загудел автомобильный мотор, а потом все кончилось.

Где-то там, в холодной декабрьской ночи, стоит машина. В ней сидит человек… и что? Чем он занимается в темноте, в этом безлюдном месте? Наблюдает за одиноким домом посреди леса? За голым зимним садом? Зачем?

Энн лежала в постели с колотящимся сердцем и так хотела надеяться, что ей все приснилось… Хотя и знала, что это не сон и не игра воображения. В последнее время этот свет пробегал по стенам гостиной достаточно часто, чтобы отнестись к нему серьезнее. Даже не имея ни малейшего представления о том, что это может быть.

Электронные часы возле кровати показывали двадцать три тридцать.

Энн встала и подошла к окну. Здесь тоже были ставни, но она никогда их не закрывала. Энн старалась двигаться осторожно, чтобы ее не заметили. Слабый лунный луч пробивался сквозь тучи. Все пусто – ни машины, ни человека. Но Энн знала, что там кто-то есть. Она замерла на месте, прислушиваясь к собственному дыханию.

На какое-то мгновение ей пришло в голову позвонить в полицию. Энн уже прокручивала в уме этот странный разговор:

Алло! Я живу посреди леса, совсем одна… Минут десять от Танбридж-Уэллс, если на машине. И мне кажется, кто-то наблюдает за моим домом. Это продолжается уже несколько недель. Там стоит машина… Я вижу свет, когда она подъезжает к моему дому с включенными фарами… По ухабистой лесной дороге, именно… а другой здесь нет. Потом свет гаснет, но машина-то должна быть. Я понятия не имею, чего этот человек от меня хочет.

Бред выжившей из ума старухи… Энн дважды одергивала тянувшуюся к телефону руку. Можно представить себе, как это выглядело бы со стороны. Женщина под семьдесят, достаточно странная, чтобы поселиться на богом забытой пустоши. К тому же вдова и рисует картины, похожие на предсмертный крик… Ну а теперь еще вообразила себе какую-то машину. И шум мотора.

По крайней мере, снаружи ее не видели. Энн зажгла везде свет, включила телевизор, чтобы слышать человеческие голоса. Убедиться, что не осталась одна в этом мире. Она вскипятила молоко. Снова замерзла, к собственному удивлению, и закуталась в одеяло. О сне теперь нечего и думать. Энн смотрела попеременно то на стену, то в телевизор, в то время как снаружи кто-то сидел в машине и наблюдал за ее окнами. Энн понимала, что сквозь щели в ставнях пробивается свет. Кто бы ни был таинственный незнакомец, он не мог не видеть, что она не спит. Но что значил для него этот факт, Энн не догадывалась.

Кошмар рассеялся вместе с рассветными сумерками. Энн собиралась на почту в город, отправить рождественские подарки старым друзьям. Дневная жизнь делала ночные страхи нереальными. Теперь Энн была рада, что не выставила себя дурой перед полицейскими. Кроме того, последняя бесконечная ночь натолкнула ее на единственно правильное в ее ситуации решение – продать дом и

вернуться в Лондон. Туда, где она прожила бо́льшую часть жизни и где еще оставались люди, которых она знала.

Энн много всего передумала за эти долгие часы. Оживила боль, в которую она погрузилась после смерти Шона. И решимость, с какой все это время боролась с одиночеством и страхом. Вспомнила и обещание, которое дала Шону и самой себе в первые минуты после того, как он навеки уснул в больнице. «Я не предам твоей мечты. Проживу за тебя эту волшебную жизнь – с домом, который ты любил, садом и тихими летними вечерами на террасе, с зимним лесом, снегом и тишиной… Я проживу эту жизнь за тебя».

В то утро Энн разрешила себе нарушить это обещание. И не только из-за сумасшедшего, который в темноте глазел на ее окна. Кто бы он ни был и что бы ни было у него на уме, он послужил лишь спусковым крючком для ее решения. Одно Энн осознала той ночью: до сих пор она действительно жила мечтой Шона. Тем, что не имело ничего общего с ее собственными желаниями, стремлениями, представлениями о жизни. Что для двоих – романтика, для одного может обернуться кошмаром.

Энн оживилась, несмотря на усталость. Прошла на кухню и включила кофеварку. Поставила вариться яйцо. Достала из пакета хлеб для тостов, напевая под нос. В городе имеет смысл обратиться к агенту по недвижимости. Может, выкроит время в ближайшие дни на осмотр и оценку дома. А там она сама примется за поиски. Симпатичная трехкомнатная квартира с большим балконом, на котором можно разводить цветы, Энн вполне бы устроила. Главное – вокруг будут люди, с которыми можно общаться. И городские огни, даже в ночное время… Энн чуть не расплакалась, вспомнив, как тяжело давалось ей одиночество. Впервые допустив до сознания эту мысль, она поняла, как была несчастна. Как долго жила вопреки своим мечтам.

Энн продолжала напевать. На какое-то мгновение ей привиделся улыбающийся Шон, который кивнул ей, и на душе посветлело.

2

– Ну и?.. – спросил Питер Филдер Кристи.

Было раннее утро, и жизнь в кабинетах и коридорах полицейского управления еще не начиналась.

Питер Филдер часто заявлялся на работу раньше всех и многое успевал сделать, пока его не отвлекали ни вечно спешащие коллеги, ни телефонные звонки, ни внезапные совещания. Кристи Макмарроу, похоже, разделяла эту его привычку, что следовало воспринять как хороший знак. И сейчас она, конечно, пришла к нему с новой информацией, а не просто поболтать и выпить кофе.

Так или иначе, выглядела Кристи не слишком довольной. Что бы там она ни нарыла, вряд ли рассчитывала сдвинуть расследование с мертвой точки.

– Вчера я беседовала с двумя бывшими коллегами Карлы Робертс из аптеки, – начала Кристи. – Они описывают ее как милую, дружелюбную, но в то же время чрезвычайно замкнутую женщину. Обе не верят, что у нее могли быть враги. Собираюсь встретиться с бывшим менеджером филиала, где работала Карла, но не думаю, что это нам что-то даст.

Питер Филдер хмыкнул.

– Что-нибудь еще?

– Я посмотрела адресную книгу Карлы Робертс, но там не так много записей. В основном коллеги из аптеки. После того как она оттуда ушла, ни одной строчки как будто не прибавилось. Либо она вообще не заводила новых знакомств, либо не считала нужным таким образом их фиксировать. Хотя обнаружилась одна давняя подруга, еще с тех времен, когда Карла была замужем. Элеонора Салливан, с ней я тоже встретилась.

– Ну и что вы думаете насчет нее?

В вопросе Филдера не было скрытой насмешки. За годы совместной работы он научился доверять интуиции Кристи. И это отчасти было связано с тем, что он уважал и восхищался ею как женщиной.

– Не самые радужные предчувствия, – с сожалением призналась Макмарроу. – На сегодняшний день крайне маловероятно, что убийца имеет какое-либо отношение к прошлому Карлы Робертс. Если только в ее прошлом нет бездонных прорех, куда до сих пор никто не заглядывал… Миссис Салливан хорошо помнит Карлу Робертс и описывает ее, как и все остальные, как застенчивую, сдержанную и очень дружелюбную особу. Насколько ей известно, у Карлы никогда не было проблем с другими людьми. «Она была слишком тихой и

незаметной, чтобы вступать в споры», – буквально так выразилась миссис Салливан. То есть избегала конфликтов и никогда никого не провоцировала.

Инспектор снова хмыкнул.

– В конце концов, это ненормально. У нее не было даже компьютера. Ни электронных адресов, ни страниц в социальных сетях, ни форумов – ничего. Мы блуждаем в темноте.

То, что осложняло жизнь Карлы Робертс, чрезвычайно затруднило выяснение обстоятельств ее гибели. Женщина без острых углов, идеальная сфера, безо всякой возможности с кем-либо сцепиться. И она должна была умереть такой ужасной смертью… Образец бесконфликтности все-таки спровоцировал у кого-то жуткую агрессию.

– Должно же быть в ее жизни что-то, что толкнуло преступника на такую немыслимую жестокость, – сказал Филдер. – Одно дело стрелять с безопасного расстояния, и совсем другое – засунуть в горло тряпку, чтобы человек захлебнулся собственной рвотой. Это ведь сразу не получится. Тряпку придется заталкивать все глубже и глубже, пока жертва корчится в ужасной агонии… По мне, за этим должна стоять просто чудовищная ненависть. Чем же Карла Робертс могла ее вызвать? Лично мне не верится, что она промелькнула по жизни незаметной, пугливой тенью.

– Разве только если убийство никак не связано с ее личностью, – заметила Кристи. – Возможно, выбор пал на Карлу Робертс исключительно из-за ее образа жизни. В таком случае у убийцы проблемы с женщинами в целом. И это было первое, о чем все мы подумали, когда увидели, что он с ней сделал.

– Тем не менее у нас нет других зацепок. – Филдер подавил зевоту. Он устал. – Эта миссис Салливан говорила что-нибудь о ее семейной жизни?

– Да. Похоже, до определенного момента это была нормальная во всех отношениях семья. Муж много работал, все время пропадал в офисе. Карлу ошеломило известие о его банкротстве и измене. Больше всего ее поразило то, что она столько лет ничего не замечала. Миссис Салливан разговаривала с ней по телефону, и эту мысль Карла Робертс повторяла снова и снова: «Как я могла этого не заметить?.. Где были мои глаза?» Похоже, с этим ей труднее всего было примириться.

– Он не проявлял склонности к насилию?

– Нет. Их семейная жизнь была довольно спокойной, хотя, возможно, тоскливой и однообразной. Муж тоже производил впечатление тихого парня. По словам Элеоноры Салливан, развод прошел гладко. Карла ничего не получила, потому что у него ничего не оставалось. А потом бывший супруг исчез, и больше никто его не видел.

Филдер не мог похвастать незаурядной профессиональной интуицией, но что-то ему подсказывало, что с бывшим супругом Карлы Робертс они тратят время впустую. Он сменил тему:

– А что с дверью в ее подъезд? Что-нибудь прояснилось?

На этот вопрос, по крайней мере, у Кристи было что-то конкретное.

– Да. Криминалисты говорят, с ней явно кто-то поработал. Пружину, благодаря которой дверь захлопывалась автоматически, вытащили из крепления плоскогубцами. После этого в подъезд мог проникнуть любой, в том числе убийца.

– Да, но сломать дверь мог обыкновенный малолетний вандал, не имеющий никакого отношения к убийству. Тем более с учетом того, что это Хакни. Столяр говорит, в последнее время подобные случаи участились.

Питер Филдер потер глаза. Только что она перед ним замаячила – долгожданная путеводная нить, на несколько мгновений замерцавшая в тумане этого безнадежного дела. Легкий намек – этого было достаточно, чтобы вызвать прилив адреналина и развеять усталость. Но потом она исчезла, и снова ничего не осталось, кроме ощущения блуждания с полной потерей ориентиров.

Кристи уловила эту перемену настроения:

– Эй, босс! Выше голову, скоро Рождество!

Он даже не улыбнулся.

– Да, скоро Рождество. Но по городу бродит опасный безумец, и даже Рождество ничего не изменит.

– Думаете, он может повторить?

– Не исключаю. У него проблема, которую убийство Карлы Робертс, конечно, не разрешило.

– То есть это тот, кто ненавидит женщин вообще и выискивает наиболее благоприятные возможности излить свою ненависть? Это

подтверждает версию случайной жертвы.

– Отчасти это так, и все же в чистую случайность я не верю. Что-то должно быть в жизни Карлы Робертс, что связывает ее с убийцей. Самое незначительное событие, о котором, возможно, никто не помнит, исчезающая малая точка – и в этом случае будет крайне сложно это разглядеть. Но я не думаю, что он вбежал в первый попавшийся дом, поднялся на восьмой этаж, позвонил в дверь случайно подвернувшейся квартиры и зверски убил хозяйку, по роковому стечению обстоятельств одинокую. По крайней мере, он должен был заранее знать о ее существовании и обстоятельствах жизни.

Филдер встал, исполненный решимости не допустить, чтобы усталость и депрессия снова взяли над ним верх.

– Он знал Карлу Робертс. Был осведомлен о ее замкнутости и нелюдимости. Именно поэтому мы должны внимательней присмотреться к ее жизни. Возможно, искать придется в тех местах, которые… не в первую очередь приходят на ум. И помните, у нас очень мало времени.

Кристи молчала. Она думала о следующей жертве.

3

В «Доме на полдороги» было не так многолюдно, как в прошлую пятницу. И все-таки в воздухе висел оживленный гомон, а у стойки сгрудилась кучка людей. Пол в грязных разводах. Где-то на заднем плане звучала приглушенная рождественская музыка.

Еще в дверях Джиллиан убедилась, что парня с ее улицы, Самсона Сигала, сегодня здесь нет. Иначе развернулась бы и снова вышла. Джиллиан не могла еще раз позволить себе показаться на глаза знакомому мужчине в таком месте и в такой компании. Но Самсона Сигала не было, насколько различали ее глаза. Присмотреться внимательнее не было возможности, потому что в зале уже раздавались первые недовольные выкрики:

– Закройте дверь! Не май месяц, леди!

Джон Бёртон приблизился в тот момент, когда Джиллиан показалось, что дольше она не выдержит. В глубине души она почти надеялась, что он ушел, потому что опоздала на сорок пять минут. То,

что Бёртон все-таки дождался ее, было лестно, но в желудке беспокойной бабочкой затрепетал страх.

– Рад, что вы пришли. – Он взял ее пальто и под руку подвел к угловому столику с графином вина и двумя бокалами. – Надеюсь, я вам угодил.

– Да, конечно… Извините, что припозднилась. Вечером мы не оставляем Бекки одну, пришлось ждать возвращения мужа.

На самом деле именно в этот день Том вернулся довольно рано, чтобы освободить Джиллиан, которая еще утром объявила о предстоящей встрече с Тарой. Тем не менее Джиллиан сомневалась до последнего, сама не понимая причины собственной неуверенности. Джон Бёртон – тренер ее дочери по гандболу, и он пригласил Джиллиан на бокал вина, причем не к себе домой, а в публичное место. Что в этом такого?

Тара, с которой Джиллиан разговаривала накануне, чтобы подтвердить готовность подруги предоставить «алиби», лишь усугубила ее метания:

– Если все настолько невинно, почему бы тебе не сказать мужу правду? И зачем я тебе в таком случае нужна?

– У Тома могут возникнуть необоснованные подозрения.

– Какие такие подозрения? – Тара рассмеялась. – Слушай, давай наконец определимся. Можешь спокойно прикрыться мной перед Томом. Лично у меня никаких проблем с тем, что сегодня ты ляжешь в постель с мужчиной мечты. Только не надейся, что после этого все вдруг утрясется и встанет на свои места. Небольшое любовное приключение может задать толчок, но не более того.

– Я не лягу с ним в постель.

На это Тара ничего не возразила, но ее молчание было достаточно красноречиво.

В конце концов Джиллиан пошла, потому что не хотела выглядеть трусихой. Выбрала джинсы и пуловер, расчесала волосы, накрасила губы – и только. Бёртон не должен был думать, что ради него она долго трудилась перед зеркалом. К тому же, переборщив с косметикой, Джиллиан сделала бы неправдоподобной версию с Тарой. То, что она подвела глаза ради подруги, могло навести Тома на подозрения.

…Они сели, и Бёртон наполнил бокалы.

– У них на удивление хорошее вино. Если вы голодны, мы могли бы…

– Нет, спасибо, – оборвала его Джиллиан, которая в этот момент даже думать не могла о еде. – Ограничимся вином.

Она сделала глоток, и вино действительно ей понравилось. Прежде всего тем, что успокаивало нервы.

– Как Бекки? – поинтересовался Бёртон.

Джиллиан покачала головой.

– Ничего нового, если вы имеете в виду отношения между нами. Она сразу повеселела, когда узнала, что меня не будет сегодня вечером. Бекки любит ужинать наедине с отцом, а потом смотреть телевизор. Я стараюсь не подавать вида, но мне больно.

– Думаю, что многие девочки проходят через этот этап, когда отец становится ближайшим доверенным лицом, а мать только мешает. Скоро все будет наоборот. Неожиданно в доверие войдете вы, а отец будет теряться в догадках. Пока наконец не наткнется в ванной на молодого человека, который только что переспал с его дочерью, и поймет, что действительно что-то пропустил.

– Как у вас все просто!

Бёртон пожал плечами.

– На мой взгляд, некоторые вещи воспринимаются сегодняшними родителями слишком драматично. Иногда нужно всего лишь оставить все как есть.

– Даже если это грозит обернуться катастрофой?

– Универсального рецепта на этот счет не существует, – признал Джон Бёртон.

Джиллиан сменила тему.

– Запомните, – сказала она, – по официальной версии, сегодня вечером я встречаюсь с подругой Тарой. Так я сказала мужу и предупреждаю вас, на всякий случай.

– То есть вы его обманули?

– Да.

– По вам не скажешь, что вы делаете это часто.

Джиллиан быстро глотнула вина и удивилась, что снова зашла дальше, чем предполагала. *Что угодно, только не флирт. Это не твой стиль!*

– Нет, конечно. Я всего лишь… подстраховалась от лишних проблем.

– Ему не понравилось бы, что вы встречаетесь со мной, это понятно.

– А вам на его месте?

– Я неженат. Отчасти потому, что не хотел бы когда-нибудь оказаться на его месте.

– Так или иначе, мне было проще сказать, что я встречаюсь с Тарой.

Бёртон кивнул:

– Понимаю.

Некоторое время они молчали, а потом Джиллиан задала следующий вопрос:

– Почему вам захотелось со мной встретиться?.. Я имею в виду… наш с вами последний вечер как будто не особенно способствовал такому желанию.

– С чего вы взяли?

– Ну… я слишком много ныла, даже плакала. Утомляла вас своими глупыми проблемами. Не думаю, что нытик может быть интересен.

Бёртон остановил на ней задумчивый взгляд.

– Я не видел в вас нытика.

– Тогда кого?

– Очаровательную женщину с незначительными проблемами в жизни. А у кого их нет?

– Мне показалось, что под конец вы расстроились…

– Я не расстроился. Отстранился – возможно. Вы затронули тему, которую я не желал обсуждать.

– Ваш уход из полиции?

– Именно.

На этот раз у Джиллиан хватило такта не настаивать.

– И все-таки вы мне не ответили, – продолжала она. – Почему вам захотелось встретиться со мной еще раз?

– Я ответил, – возразил Бёртон с улыбкой.

Джиллиан ждала разъяснений.

– Я только что сказал, что вы очаровательная женщина, – пояснил он.

– И в этом причина?

– Честно говоря, да.

Его прямота обезоруживала. Джиллиан рассмеялась:

– Но… я замужем.

– Я знаю.

– И куда это нас заведет?

– Вам решать… В конце концов, из нас двоих вы вынуждены скрываться, обманывать мужа и тому подобное. И вы должны отдавать себе отчет, как далеко готовы зайти.

– Что, если я просто хочу допить вино и вернуться домой?

Бёртон пожал плечами и улыбнулся. Тем самым он как будто признавал маловероятным, что она действительно способна на такое. Джиллиан снова показалось, что он злится. Неожиданно она увидела в Джоне Бёртоне опытного соблазнителя и почувствовала, что ею манипулируют. Похоже, он следовал хорошо проработанному сценарию, предусматривавшему определенную последовательность уступок и провокаций, спокойных заявлений и циничных улыбок в нужный момент. Вспомнился вечер в гандбольном клубе и мама Филиппа, которую так волновала личная жизнь красивого тренера. А секрет, похоже, в том и состоял, что Бёртон не имел постоянной спутницы. Он соблазнял тех, кто ему нравился, переходил от одного мимолетного романа к другому, и это его вполне устраивало. И Джиллиан, которая все еще не вполне осознавала, чего от него хочет, перспектива оказаться очередной жертвой ловеласа точно не прельщала.

Она допила вино и остановила Бёртона, снова потянувшегося к графину:

– Мне достаточно, спасибо. Рада знакомству, Джон Бёртон. Думаю, мне пора домой.

Он выглядел ошарашенным.

– Как, уже сейчас?

Джиллиан встала.

– Да, я уже все для себя решила.

Он тоже поднялся, но Джиллиан уже направилась к гардеробу, где схватила пальто и выскочила в дверь, еще не успев его надеть. После духоты в помещении паба так приятно было ощутить на лице влажную прохладу декабрьского вечера! Джиллиан наслаждалась тишиной.

Перед ней лежала река – бездонная в своей черноте. Плескались волны. Почувствовав запах морской соли и водорослей, Джиллиан наконец надела пальто. О чем она только думала, когда шла сюда?

Уже возле припаркованной на улице машины Джиллиан догнал Джон Бёртон.

– Подождите минутку… – Он немного запыхался. – Ну у вас и скорость… Я должен был по крайней мере расплатиться…

– Я и не собиралась вас ждать, – сказала Джиллиан, отпирая дверцу машины при помощи пульта дистанционного управления. Она хотела сесть, но Бёртон схватил ее за руку.

– Что я сделал не так?

– Все так, – ответила Джиллиан. – Просто… мне это не нравится.

– Что вам не нравится? Пить со мной? Разговаривать?

– Мне не нравится лгать мужу и дочери. И ввязываться в то, что сделало бы ложь необходимой.

– Но вы уже солгали мужу сегодня.

– Надеюсь, в первый и последний раз.

– Подождите… – взмолился Бёртон. – Вы не можете так просто сесть и уехать. Извините, если я вел себя как высокомерный глупец… – Он покачал головой, когда Джиллиан хотела возразить. – Да, именно так оно и было. Я хотел выглядеть опытным соблазнителем, и это вас, похоже, расстроило. Это очень прискорбно, правда… Больше мне сказать нечего.

– Ничего страшного не случилось, просто…

– Я всего лишь прошу вас… дать мне еще один шанс.

– Джон, вы понимаете…

– Не могли бы мы немного посидеть в вашей машине? – попросил он. – На улице холодно и… никогда не знаешь, кто может подслушать.

– Хорошо, – согласилась Джиллиан.

Она села за руль. Джон Бёртон проскользнул на пассажирское сиденье.

– Я очарован вами, – сказал он. – И хочу увидеть вас снова, вопреки всем неблагоприятным обстоятельствам. Поймите, я не могу просто взять и выкинуть вас из головы. Я пробовал сделать это на выходных – ничего не получилось.

– Уверена, что желающих вас утешить найдется более чем достаточно, – ответила Джиллиан.

Джон Бёртон серьезно посмотрел ей в глаза.

– Это не так, – возразил он. – Возможно, то, что я говорю, не вяжется со слухами обо мне, но вы должны мне поверить. Таких женщин не существует.

Похоже, он был искренен.

– Но среди родительниц в клубе вы имеете репутацию донжуана.

– Мне лестно, но это неправда. Мой последний роман остался в далеком прошлом. Все эти годы я жил как монах.

– При этом производите впечатление очень опытного соблазнителя.

– Если б это действительно было так, я вовремя обнаружил бы, что иду по ложному следу. Я извинился, Джиллиан. Я вел себя как идиот.

– …и при этом вам так нравится окутывать себя тайной… – продолжала она.

– Спрашивайте, что бы вы хотели обо мне знать. Я все скажу! – Его взгляд стал умоляющим. – Мне нечего скрывать от вас, Джиллиан.

– Почему вы ушли из полиции?

Бёртон всплеснул руками в беспомощном жесте:

– О боже… Почему это вас так волнует?

– Просто интересно.

– Ну хорошо, – согласился Бёртон. – Только, боюсь, после этого вы вышвырнете меня из машины и заберете дочь из клуба.

– Звучит интригующе.

– На самом деле, ничего интересного. Восемь лет назад одна молодая женщина заявила на меня в полицию… Моя практикантка. Она утверждала, что я ее изнасиловал. Прокуратура закрыла дело за недостатком улик. Мне даже не было предъявлено обвинение. Но оставаться после этого на прежнем месте я не мог. Удовлетворены?

Джиллиан испуганно посмотрела на него.

4

Когда она подъезжала к гаражу, на дорожке к дому скользнула тень.

– Я услышал твою машину, – сказал Том. – И вот подумал…

Джиллиан хлопнула дверцей.

– Что ты подумал?

– …подумал, что надо бы тебя встретить. – Он улыбнулся.

Заботливость Тома тронула Джиллиан. Иногда у нее складывалось впечатление, что он женат на их совместном лондонском бюро и вторым браком – на теннисном клубе. Но были моменты, когда под толщей повседневных забот и проблем шевелилось нечто, связавшее их много лет тому назад, и Джиллиан чувствовала подступающее к сердцу тепло. Хотя именно сегодня предпочла бы обойтись без этого.

Она заметила, как Том на нее косится. «Неужели догадался?» – мелькнула в голове пугливая мысль. Примерно то же в этот момент подумал и Том, который видел перед собой свою Джиллиан – женщину с длинными, чуть взлохмаченными волосами и тонким профилем. Ту, с которой познакомился еще в студенческие годы и вскоре после этого уже не представлял без нее жизни. Давно Том так не вслушивался в тишину в ожидании Джиллиан. Непонятная тревога выгнала его из теплой комнаты на холод, как только послышался гул автомобильного мотора. И его беспокойство было тем сильней, что он не знал его причины.

Джиллиан было девятнадцать лет, когда она поступила в университет, и с первого взгляда заинтересовала Тома. Она отличалась от других студенток, и дело было не только в ярких, вечно растрепанных волосах. В ней чувствовалось что-то старомодное. Единственный ребенок не в меру заботливых родителей, она вдоволь наслушалась предупреждений об искушениях и опасностях взрослого мира и только в университете в полной мере насладилась свободой.

Джиллиан выбрала Глазго, хотя и происходила из Норвича, то есть Восточной Англии. Основной причиной, которую она открыла Тому позже, было как можно больше дистанцироваться от родителей, чтобы мать не приезжала навещать ее каждые выходные.

Иногда Джиллиан оставляла впечатление нерешительной и инфантильной девушки, но под застенчивостью ключом било жизнелюбие. До последнего момента, благодаря бдительности матери, она ни разу не оставалась с мужчиной наедине, и это тоже не способствовало решительности. Большинство девушек гуляли с парнями с шестнадцати лет. А Джиллиан и в восемнадцать понятия не имела, какое впечатление производит на мужчин и производит ли вообще.

С появлением Тома все изменилось. Он быстро взял Джиллиан в оборот, и вскоре они стали любовниками. Джиллиан расцвела – не только из-за красивого молодого человека с репутацией звезды большого тенниса, но и потому, что открыла в себе новые силы и таланты – и вдруг обнаружила, что, вопреки предупреждениям матери, взрослый мир прежде всего безумно интересный и сложный, а представления о его опасности и искушениях иногда бывают преувеличены.

Джиллиан пользовалась популярностью не только у однокурсников, но и у преподавателей. Получала высокие баллы на экзаменах и танцевала ночи напролет по выходным. Когда она, за несколько месяцев до выпуска, устроилась в кинокомпанию, чтобы немного подзаработать, ее не хотели оттуда отпускать, быстро предложили постоянную работу и научили делать финансовые расчеты. В то время она будто светилась изнутри.

«Теперь все изменилось, – с тревогой подумал Том. – Может, это и заставило меня броситься ей навстречу? Джиллиан погасла. Она больше не светится».

– Ну, как Тара? – спросил он, когда Джиллиан уже достигла входной двери и переступила порог. – Вы ведь были в пабе?

– Да. Как ты догадался?

– От тебя пахнет пабом. Кстати, ты рано…

Простившись с Джоном Бёртоном, Джиллиан направилась к школе и некоторое время прождала там на парковке, чтобы не появляться дома слишком рано. Подумала было съездить к Таре, чтобы обсудить с ней тревожные новости, но вовремя осознала, что Тара не тот человек, с кем можно беседовать на эту тему. С Джоном Бёртоном, во всяком случае, после этого разговора было бы покончено раз и навсегда. И подруга не успокоилась бы, пока Джиллиан не забрала бы Бекки из гандбольного клуба. Тара была юристом, и факт, что делу против Джона Бёртона так и не был дан ход, не впечатлил бы ее. Тара слишком хорошо знала, что на самом деле в таких случаях может означать формулировка «за недостатком улик».

В какой-то момент Джиллиан почувствовала холод и поехала домой, все еще слишком рано для возвращения с вечера в компании Тары.

– У нее назначена еще одна встреча на сегодня, – объяснила она Тому. – Ты ведь знаешь, Тара вечно занята… Мы видимся в перерывах между ее деловыми встречами.

– Понятно, – Тома посмотрел на нее в ярком свете прихожей. – Ты выглядишь напряженной. Всё в порядке?

– Да. Это все истории из юридической практики Тары… Неудивительно, что я взбудоражена.

– Никогда не понимал, что вообще между вами… – Том осекся, потому что затронул запретную тему дружбы с Тарой.

– Бекки еще не спит?

– Легла двадцать минут назад. Спала, когда я к ней заглянул. С Чаком в обнимку, конечно. С ней все хорошо.

Ясно. У Бекки с Томом всегда все хорошо. Проблемы остаются на долю Джиллиан.

– Мы заказали пиццу, – неожиданно сообщил Том, – и тут же съели всё до крошки перед телевизором. Ты знаешь, как она это любит… прямо из коробки, сидя на полу.

Джиллиан истолковала это как намек.

– Но я не могу каждый вечер доставлять ей такое удовольствие, – объяснила она. – Время от времени Бекки должна есть и здоровую пищу, пользоваться ножом и вилкой. Да и ложиться ей желательно пораньше, чтобы потом не спать на уроках.

Это прозвучало резче, чем она рассчитывала. Том забеспокоился:

– Я и не думал предъявлять к тебе претензий. Разумеется, сегодняшний вечер – исключение. Но я не так часто остаюсь с ней наедине, так что могу немного побаловать.

Джиллиан и сама не знала, что вдруг на нее нашло. Том был прав, но то, что не следовало превращать каждый вечер в праздник для Бекки, тоже было верно. Джиллиан ревновала его к Бекки, поэтому и вела себя не как взрослая женщина. Несправедливость ситуации была очевидна, но это считалось нормой во многих семьях. Как отец, Том больше времени проводил на работе, поэтому каждый вечер с дочерью превращался в нечто необычное. Джиллиан же приходилось заставлять Бекки есть овощи, делать домашние задания и ругать за бардак в комнате. Ее популярность приносилась в жертву порядку.

– Может, и мне стоило бы ездить в Лондон каждый день, – сказала Джиллиан. – Думаю, больше работы пошло бы мне на пользу.

Том посмотрел на нее с удивлением.

– Ничего не имею против. Ты отлично справляешься, и мне хотелось бы чаще видеть тебя в офисе. Но что будет с Бекки?

– Бекки вполне может оставаться дома одна. Так или иначе, она тяготится моей заботой. Думаю, будет правильней ее отпустить – если не совсем, то хотя бы ослабить хватку. Я всегда считала, что мои родители слишком меня опекали, а теперь, похоже, повторяю их ошибки.

– Бекки двенадцать лет, – напомнил Том. – В этом возрасте дети считают себя взрослее, чем есть на самом деле. – Он прошел в гостиную, встал у окна и выглянул в темноту, где мог видеть лишь отражение комнаты на стекле, и задумчиво закончил фразу: – Хотя… может, стоит попробовать и это.

Джиллиан сбросила сапоги и последовала за ним.

– Бекки хочет, чтобы я ей больше доверяла. Я не могу это игнорировать.

Том повернулся к ней, и Джиллиан вдруг увидела, как он устал. В то же время муж вздрагивал от внутреннего напряжения, как будто стоял на теннисном поле и в следующую секунду собирался, взмахнув ракеткой, атаковать противника. Даже в нерабочее время Том не мог выключить перегруженный внутренний двигатель, и время лишь усугубляло эту проблему. Он выглядел как человек, двадцать четыре часа в сутки искусственно подпитывающий себя адреналином, но Джиллиан-то знала, что это не так. И не раз умоляла мужа обратиться к врачу, потому что боялась, что однажды его хватит сердечный приступ – классическое завершение сценария.

– С сердцем всё нормально, – сказал он, как будто знал наперед все ее возражения.

В конце концов, с тех пор, как они познакомились, Том по широкой дуге обходил все, что хотя бы отдаленно напоминало о медицине.

Джиллиан подошла и положила руку ему на плечо.

– Все будет в порядке, – заверила она.

– Конечно, – ответил Том.

Он не понимал толком, что она имеет в виду, но почему-то решил, что Джиллиан оставила тему Бекки и переключилась на что-то другое. С некоторых пор дистанция между супругами увеличилась, и

исчезновение блеска в глазах Джиллиан не в последнюю очередь было связано и с этим тоже. Том много работал, фанатично играл в теннис и слишком мало времени проводил с женой. Джиллиан никогда ни в чем его не винила, его компания была и ее компанией, и она прекрасно видела, через что им пришлось пройти, с тех пор как мировая экономика погрузилась в кризис – самый разрушительный после двадцатых годов прошлого века.

Джиллиан никогда не жаловалась, потому что Том из последних сил отстаивал их общее дело. И теннис был прежде всего отдушиной, без которой он мог бы не выдержать чудовищной нагрузки. И все-таки она не понимала, почему Том больше не с ней, даже когда лежит рядом в постели. Это причиняло ей страдания.

Том и сам себя не понимал. Он любил Джиллиан и прекрасно помнил, когда принял решение связать с ней судьбу, потому что вдруг осознал, что другого варианта для него нет и быть не может. Как-то осенью на выходных, еще в университете, они отправились в поход по Шотландскому нагорью, с палаткой. Погода выдалась солнечная, вокруг расстилались бескрайние холмистые равнины, поросшие темно-фиолетовым вереском. Вечером разожгли костер, а потом уютно устроились в спальном мешке, согревая друг друга. За ночь сильно похолодало, и они не видели собственных рук в опустившемся с гор тумане. Пришлось возвращаться, но на скалистом утесе Том неудачно поскользнулся и упал. Позже выяснилось, что это перелом, но тогда Том лежал между огромными валунами в сыром тумане и чуть ли не терял сознание от боли. Его тошнило, кружилась голова. Где-то на парковке осталась его потрепанная, ржавая машина, но он понятия не имел, как теперь будет до нее добираться.

Джиллиан перепугалась до полусмерти, но быстро взяла себя в руки. Соорудила шину из веток и марлевых бинтов и зафиксировала поврежденную лодыжку. Потом взвалила на плечи тяжелую палатку, помогла Тому подняться и поддерживала его, парня ростом сто девяносто сантиметров, на узких горных переходах, в вибрирующем от сырости тумане долин, на скалистых тропах, где холод пронизывал до костей. Подбадривала, когда становилось особенно больно, хотя сама едва держалась на ногах от усталости. И шла вперед, стиснув зубы, неколебимо и решительно.

А Том тем временем думал, что отныне и навеки никуда ее от себя не отпустит. И не только потому, что видел в ней свою спасительницу. Джиллиан обнаружила перед ним свою сущность и силу – при любых обстоятельствах, стиснув зубы, делать то, что нужно делать в данный момент.

Они поженились, еще не закончив учебы. И чувства Тома в отношении этой женщины с тех пор не переменились. Он по крайней мере знал это, по-прежнему любил Джиллиан и доверял ей во всем. Она была его опорой и лучшим другом. Но чтобы показать ей это, ему нужно было остановиться, перевести дух и стать прежним Томом. И это было то, на что он не был способен. Потому что жизнь давно тянула Тома за собой, как на буксире, и сбавить скорость было не в его власти.

– Я люблю тебя, Джиллиан, – мягко сказал он.

Она как будто удивилась, и Тому стало не по себе. Неужели он так давно в последний раз говорил ей об этом?

– Я тоже люблю тебя, – сказала она.

Он пытался разглядеть ее лицо. Оно показалось Тому не таким, как обычно. Очевидно, с Джиллиан происходило что-то, о чем он не догадывался.

– Я должна тебе кое-что сказать, – резко начала она. – Дело в том, что я сегодня…

Она осеклась. Том смотрел вопросительно.

– Что?

– Ничего… Так, пустяки…

Полтора часа назад, в машине, она на несколько минут потеряла дар речи после признания Джона Бёртона. Он схватил старый чек, валявшийся в бардачке, достал из кармана пиджака карандаш и нацарапал номер:

– Вот… мой мобильный. Я больше не стану вас беспокоить, но все время буду ждать вашего звонка. Сегодня вы узнали обо мне то, что хотели знать. Если возникнут еще вопросы, я готов говорить с вами о чем угодно – просто свяжитесь со мной.

С этими словами он вышел и исчез в темноте, а Джиллиан поняла, что бразды правления перешли в ее руки. Теперь она может ему позвонить. Или забыть все как кошмарный сон.

– Точно? – спросил Том. – Ерунда, ты уверена?

Джиллиан кивнула.
– Пойдем спать, – сказала она.

Четверг, 10 декабря

– Найти покупателя на дом будет не так просто.

На Люка Палма Энн вышла через подругу, и он без лишних возражений приехал в ее лесное имение под Танбридж-Уэллс из Лондона. Рынок недвижимости переживал не лучшие времена, поэтому риелторы радовались любой возможности заработать.

Теперь Люк Палм стоял посреди ее кухни, судя по лицу, впечатленный увиденным. Он не ожидал найти старый дом таким уютным и со вкусом обустроенным. Энн зарделась от гордости, как и всегда, когда изумленные гости бродили по комнатам. Все это сделано их с Шоном руками, и признание людей со стороны – заслуженная награда. Жаль только, Шон не успел ею насладиться.

– …но я должен признать, – продолжал агент, – вы сделали из него настоящую жемчужину.

– Мой муж осуществил мечту своей жизни, когда купил и перестроил этот дом, – объяснила Энн. – Мы вложили в него много труда и сил.

– Это видно, и все же… я о его местонахождении…

– Понимаю, – кивнула Энн.

В конце концов, именно по этой причине она и собиралась оставить этот райский уголок. Слишком далеко от людей.

– Да, это и заставило меня к вам обратиться, – грустно кивнула она. – Мы с мужем собирались провести здесь старость, но теперь я одна и мне одиноко.

Энн ни разу не усомнилась в правильности решения, принятого позапрошлой ночью. И все-таки одно дело – строить планы, и совсем другое – решиться на первый шаг в их осуществлении.

– Я тоже не смог бы жить здесь один, – неожиданно признался Люк Палм. – Думаю, вы поступаете правильно. Помимо прочего, одной посреди леса… это небезопасно.

– Что вы имеете в виду? – испуганно спросила Энн.

Она не стала рассказывать Люку Палму ни о странной машине под ее окнами, ни о бегающих по стене подозрительных лучах.

– Ну, если с вами что-нибудь случится, об этом никто не узнает. Скажем, вы можете упасть и лежать со сломанной ногой на лестнице, не имея возможности дотянуться до телефона. У вас нет соседей, до которых можно было бы докричаться.

– Ах, это… – Энн облегченно улыбнулась.

– Не говоря о том, сколько опасных психопатов бродит сейчас не только в городе, но и в его окрестностях.

Энн снова напряглась. Она предпочла бы услышать от него что-нибудь другое, пока не съехала отсюда. Что оснований для беспокойства нет. Что вероятность стать жертвой маньяка, преследующего одиноких женщин, один на миллион и не стоит понапрасну нагнетать истерию. Энн не нравилось, что люди со стороны разделяют ее страх. Подруга, которой Энн звонила по поводу агента, отреагировала в том же духе: «Ну наконец ты не будешь одна куковать посреди леса, как приманка для грабителей».

«Спасибо, – мысленно ответила агенту Энн. – Ваши слова гарантируют мне спокойный сон на ближайшую и последующие ночи, пока я не найду себе более подходящего жилья».

– Это скорее для большой семьи, – продолжал Люк Палм. – Или для тех, кто держит много животных. А вам я посоветовал бы сменить стиль жизни.

Во время обхода дома он много снимал на камеру и что-то отмечал в блокноте. Сказал, что это для рекламы.

– Как только возможные покупатели объявятся, немедленно дам вам знать. Конечно, кто-то из них захочет осмотреть всё на месте…

– С этим никаких проблем, – ответила Энн. – Я всегда дома. Только предупредите заранее.

Риелтор ушел довольный. Он рассчитывал на заброшенную лачугу – и неожиданно попал в сказочный замок посреди леса. Когда Энн провожала его, в сгустившихся сумерках кружили белые снежинки.

– Вы смелая женщина, – сказал на прощание Люк Палм. – И все-таки не забудьте хорошенько запереть все двери.

– Я делаю это, – ответила Энн. – Но разве от всего застрахуешься…

Фигура Люка Палма быстро исчезла за кустами на садовой дорожке. Энн старалась казаться бодрей, чем была на самом деле.

В минувшую ночь не было ни звука мотора, ни подозрительных лучей на стене, но это лишь усилило ее беспокойство. Энн больше не верила ни в то, что подозрительные явления не более чем плод ее воображения, ни в то, что все разрешится само собой. Тот, кто ее подстерегал, никуда не делся, только затаился на время. Притом что Энн по-прежнему не догадывалась, кто это мог быть и какие цели преследовал.

Просто Энн не покидало ощущение, что ее держат на мушке. И это заставляло ее по-иному воспринимать окружающий мир. Деревья в саду будто сблизились и угрожающе стонали под ветром. Вдруг заскрипели половицы в доме, почему Энн раньше этого не слышала? Пропасть, отделявшая ее от мира людей, стала еще глубже.

Энн тщательно заперла дверь и вернулась на ярко освещенную кухню. На столе стояли свечи, а на окнах она развесила гирлянды с разноцветными лампочками. Должно быть, сегодня ее дом смотрелся особенно уютным снаружи, но кто мог это видеть? Энн отмахнулась от этой мысли. О том, кто мог это видеть, лучше было не вспоминать.

Она поставила воду на чай и занялась буклетами, которые оставил Люк Палм. Предложения квартир в Лондоне – к этому стоило присмотреться внимательнее.

– Мне действительно есть что вам предложить, – говорил агент по недвижимости. – Светлые, просторные квартиры с красивыми, солнечными балконами. Вот фотографии… У вас еще будет возможность рассмотреть их в спокойной обстановке. Можем встретиться уже на следующей неделе.

«Мой первый самостоятельный шаг», – подумала Энн. Ей было двадцать шесть лет, когда они с Шоном поженились, с тех пор все решения принимали вместе. И вот теперь Энн одна выбирает квартиру своей мечты, в районе, который приглянулся ей, и только ей. И обустроит ее по своему вкусу. Энн охватил почти забытый дух радостного возбуждения. Она налила себе чаю и зажгла свечи. Энн размышляла о будущем, разглядывала снимки, изучала планы этажей и пила чай. Не хватало бокала шампанского, чтобы ощущение праздника стало полным. Но это ближе к ночи.

В этот момент Энн впервые услышала этот звук. В мире, где она жила, тишина никогда не бывала абсолютной. День и ночь ее полнили разнообразные шорохи, скрипы, стуки и трели, которые давно

отложились в сознании Энн. Но этот звук был другой, и он заставил ее вскинуть голову.

Похоже, кто-то топтался на крыльце перед дверью на кухню. Первой мыслью Энн было, что это мистер Палм что-то у нее забыл и решил вернуться. Но почему бы ему просто не позвонить в парадную дверь?

Энн оглянулась на окно. Но комната была ярко освещена, а снаружи царила кромешная темнота, так что Энн не могла ничего видеть, кроме своей кухни, свечей, чайника и женщины с широко распахнутыми глазами, в которой с трудом узнала себя. Ну почему она не закрыла ставни, когда агент по недвижимости еще был здесь? Почему не упаковала вещи и не устроилась на ночлег у подруги или где-нибудь в гостинице?

Энн встала и затаила дыхание. Теперь она ничего не слышала, кроме обычных ночных звуков. «Наверное, показалось, – подумала она. – Нервы совсем сдали».

И лучше все-таки закрыть ставни, тогда Энн сможет чувствовать себя в безопасности. Взломать их не так просто, и это невозможно сделать бесшумно. Плохо только, что Энн придется отпереть дверь террасы и выйти, чтобы высвободить створки ставень из кронштейнов на стене, закрыть ими окна и запереть на ключ.

«Ну же, – уговаривала она себя. – Не будь старой истеричкой. То, что ты слышала, тебе почудилось. Там никого нет. Не сходи с ума, ты не можешь такого себе позволить. Просто выйди и закрой чертовы ставни».

«Дело не только в этом звуке, – возражал другой внутренний голос. – Была машина посреди ночи, несколько раз. И твои нервы и воображение тут точно ни при чем».

Этот внутренний голос Энн решила проигнорировать. Так или иначе, ставни нужно закрыть, а там сколько угодно можно фантазировать и предаваться ужасным воспоминаниям.

Она решительно рванула дверь. Снегопад усилился. На сухой траве в саду уже лежало легкое белое покрывало. Ступеньки террасы тоже присыпало. Энн вгляделась, медленно соображая. Следы. Толстая подошва. Кто-то топтался здесь в теплых зимних ботинках, и это была не она, когда провожала Люка Палма. Они с агентом спускались в сад,

но с парадной лестницы. И снегопад тогда только начинался. Кто-то побывал здесь совсем недавно, в последние десять минут.

От стены дома оторвалась тень. Энн заметила ее краем глаза. Почти как в замедленной съемке, обернулась. Разглядела объемный пуховик и надвинутую на лоб вязаную шапку. «Что он здесь делает? – спросила себя Энн. – Зачем ему понадобилось стоять на моем крыльце?»

У этого человека не могло быть иных целей, кроме тех, о которых она боялась думать.

В этот момент Энн поняла, что ей ни в коем случае не следовало выходить из дома.

Суббота, 12 декабря, 19.05

1

Милли и Гэвин внизу только что посмотрели новости. Милли уже оделась – пальто, сапоги. У нее ночное дежурство в доме престарелых, и через полчаса уходить. Неудивительно, что она не в настроении. Милли всегда раздражительна перед выходом на работу, тем более в выходной день.

Неудивительно, что за ужином я снова сыграл роль громоотвода. Когда я наложил себе вторую порцию жаркого, Милли спросила, не хочу ли я что-нибудь внести в общую кассу. Мелочь, которую она от меня получила на прошлой неделе, давно израсходована. Настороженное выражение лица Милли не предвещало ничего хорошего. В конце концов, сказала она, я получаю пособие.

– Ты ведь регулярно рассылаешь резюме, не так ли? – спросила она. – Ты пытаешься устроиться на работу, значит, получаешь пособие.

– Конечно, – солгал я и покраснел.

Со мной такое происходит постоянно. Не думаю, что это так уж заметно со стороны.

Милли что-то заподозрила. Она, конечно, стерва, но не дура. И ей интересно знать, чем я занимаюсь во время ежедневных отлучек из дома. В то, что я хожу от двери к двери и прошу работу, она, конечно, не верит. В такой ситуации хорошо бы несколько дней посидеть дома и побездельничать – именно так Милли воображает себе жизнь безработного. Но я не выдержу, сойду с ума. С деньгами туго. Я ничего себе не покупаю, зато регулярно вношу суммы на еду, отопление, электричество, и мои сбережения тают с каждым днем.

Вчера мы опять встречались с Бартеком в «Доме на полдороги». Он жаловался на свою девушку, которая предъявляет повышенные претензии и вообще дорого ему обходится, но все-таки одолжил мне пятьдесят фунтов. Их-то я и вытащил из кармана за ужином и широким жестом положил перед Милли:

– Хватит на первое время?

Она озадаченно кивнула. Тем самым я не развеял ее подозрений, но повода для нападения у нее больше не было.

Гэвин, как всегда, молчал. Смотрел в тарелку и надеялся, что все разрешится мирно.

Сегодня в обед я видел Джиллиан, Тома и Бекки. Они как будто собирались на прогулку. Я стоял чуть ли не под их дверью, так что пришлось поздороваться. Это могло навести на подозрения, но, надеюсь, я недолго занимал их мысли. Может, они даже поверили, что я просто проходил мимо.

Так или иначе, они как будто не придали этой встрече большого значения. Тем не менее впредь я решил быть осмотрительнее. Короткие декабрьские дни склоняют людей к беспечности, потому что каждый чувствует себя надежно скрытым покровом сумерек. Но это обман. В сумерках человек еще заметнее. И потом, дневной свет ведь тоже никто не отменял, хотя сейчас он и не такой яркий, как летом.

На первый взгляд Уорды производили все то же впечатление безупречной во всех отношениях семьи. В пуховиках, сапогах и ярких шапках, они как будто радовались предстоящей прогулке. Но, присмотревшись внимательнее, я понял, что это не совсем так. Томас Уорд выглядел очень плохо. Лицо серое, вид измученный, и в то же время весь будто вибрирует от нездорового возбуждения… Это не могло кончиться ничем хорошим.

С Бекки тоже не все благополучно. Что-то как будто подтачивало ее радость изнутри. Вряд ли за этим стояла настоящая взрослая драма, но и к подростковым проблемам не стоит относиться легкомысленно, я слишком хорошо знаю это по себе.

Больше всех меня обеспокоила Джиллиан. Хотя она и выглядела гораздо лучше мужа – в том смысле, что никаких опасений насчет ее здоровья у меня не возникло. И все-таки за этим чувствовалось нечто более серьезное, чем просто плохое настроение, как у Бекки. Джиллиан была… чем-то обеспокоена, что ли. Или нет, «обеспокоена», пожалуй, слишком мягко сказано для такой напряженности на грани взрыва. У Джиллиан будто что-то разорвалось внутри, нарушились какие-то связи. И я спрашивал себя, в чем причина внутреннего конфликта.

Она улыбнулась мне – коротко, как случайному прохожему. Джиллиан ведь толком меня не знает и едва ли догадывается, как глубоко успела проникнуть в мои мысли, фантазии, сны – как ночные, так и наяву. Я так хочу быть рядом с ней, но ни в коем случае не ценой разрушения ее семьи. Любая семья в моем понимании священна. Меня ужасает, как легко сегодня люди расстаются, разводятся и вступают в новый брак. Как будто семья для них – перевалочная станция, и нет большой трагедии, если в очередной раз что-то не заладилось. Поэтому я никогда не стану добиваться благосклонности замужней женщины. Я презирал бы себя за одну только мысль об этом.

Я всего лишь хочу участвовать в их жизни, чтобы хоть так испытать то, чего у меня никогда не будет. Я знаю, что никогда не женюсь, не создам семьи, не стану отцом. Я понял это давно, хотя мой друг Бартек все еще не считает меня конченым в этом плане человеком и втягивает в очередную авантюру с интернет-знакомствами, которая, конечно, ни к чему не приведет. В театре жизни я не более чем зритель и давно с этим смирился.

Я смотрел, как они уезжали. Было холодно, шел дождь со снегом, но меня промораживало скорее изнутри. Что-то случилось с Уордами, и это ощущение не прошло у меня до сих пор.

Я продолжил прогулку, однако больше не мог ни на чем сосредоточиться. Без преувеличения, я назвал бы это предчувствием надвигающейся катастрофы. Я не ясновидящий, но тем не менее… Парень, с которым Джиллиан сидела в пабе, не шел у меня из головы. Он мне сразу не понравился, и угроза, нависшая над Уордами, похоже, исходила от него.

Входная дверь захлопнулась, я слышу шаги Милли по садовой дорожке – энергичные и озлобленные. Да и дверь она могла бы притворить тише. Похоже, они с Гэвином опять поссорились, и причина этому – я. Может, и в самом деле имеет смысл съехать? Я усложняю жизнь Гэвину и себе. Уж лучше одному, чем каждую секунду ощущать себя лишним ртом.

А еще лучше, если б меня вообще не было. И вместо меня был кто-то другой.

2

Джиллиан набрала номер, прежде чем мужество успело покинуть ее окончательно.

Было около десяти вечера, но Джон не оставлял впечатления человека, который рано ложится спать. Кроме того, проблема времени суток была ничто в сравнении с тем, что Джиллиан собиралась сделать, – позвонить мужчине, который признался ей в любви, ни больше ни меньше. И совершенно определенно собирался закрутить роман. С ней, замужней женщиной!

Том рано ушел в спальню – смотреть какую-то спортивную передачу, судя по звукам, доносившимся из-за прикрытой двери.

В полдень они все вместе ездили в Виндзор, долго гуляли, пили кофе в пригородном отеле, вернулись раскрасневшиеся и в прекрасном настроении. На ужин Джиллиан запекла багет с травяным маслом. Потом Бекки захотелось посмотреть «Сумерки» на DVD. Джиллиан уединилась с ней в гостиной и все пыталась понять, почему не только дочь, но и все ее подруги так пристрастились к этому сериалу. Но длительная прогулка на чересчур свежем воздухе утомила девочку, и в конце концов она уснула, прижавшись к матери.

Джиллиан погладила Бекки пальцы, как делала, когда та была совсем маленькой. Бекки чуть слышно дышала. Ее лицо полностью утратило мрачновато-недружелюбное выражение, каким она в последнее время реагировала на мать. Джиллиан давно отвернулась от Эдварда и Беллы на экране и любовалась спящей Бекки. «Как же я люблю ее», – думала она. Но внутреннее беспокойство не проходило. Джиллиан уложила дочь в постель, тщательно накрыла одеялом и спустилась в гостиную.

После двух бокалов вина ей удалось немного расслабиться. Джиллиан редко употребляла алкоголь, поэтому даже небольшие дозы оказывались действенными, и два бокала приравнивались к двум бутылкам.

– Это я, Джиллиан.

– Боже мой, – раздался голос Джона Бёртона. – Я боялся, что ты вообще никогда не позвонишь.

Похоже, он и в самом деле ждал ее звонка.

– Мне кажется, во время нашей последней встречи я не совсем адекватно отреагировала на твои слова. Не хотела оставлять это так…

– «Не совсем адекватно» – в каком смысле?

– Я просто встала и ушла, чего не должна была делать. Но то, что я услышала, стало последней каплей…

Смех на заднем плане усилился.

– Где ты? – спросила Джиллиан.

– В «Доме на полдороги». В клубе был турнир, а потом я приехал сюда. И теперь сижу за столиком в полном одиночестве и утешаюсь бутылкой виски. Буду рад, если составишь мне компанию.

Джиллиан поймала себя на том, с каким облегчением услышала, что он там один.

– Мне трудно вырваться, – ответила она. – Только не сегодня.

– Когда же?

Джиллиан рассмеялась:

– Почему ты так уверен, что я вообще захочу с тобой встречаться?

Он оставался серьезен.

– Ты только что сказала «только не сегодня». Вот я и решил, что это вопрос времени, а не окончательный отказ.

– Ты прав… – Она задумалась. – Я всего лишь хотела с тобой поговорить. Меня потрясло то, что ты рассказал о своем увольнении из полиции. Я хотела бы знать об этом больше.

– Только скажи когда.

– В следующий четверг Бекки приглашена на день рождения с ночевкой, а у мужа заседание в теннисном клубе. Я буду свободна.

– Следующий четверг? Впереди почти неделя…

– Я знаю.

За это время все успеет тысячу раз перемениться.

– *Take it or leave it*[2], – сказал Джон. – Вот и весь мой выбор… Значит, договорились? В следующий четверг у меня.

– У тебя дома?

– Почему бы и нет?

Джиллиан показалось, что ее вопрос прозвучал глупо. Выглядеть ханжой тоже не хотелось.

– Хм… Ну хорошо. Ты живешь в Лондоне?

Он продиктовал адрес в Паддингтоне, который Джиллиан записала на квитанции с его номером телефона.

– До встречи, – попрощалась она.

– Буду рад, – отозвался Джон.

Четверг, 17 декабря

1

Люку Палму было тридцать восемь лет, из которых восемь он работал свободным агентом по недвижимости, взявшим за правило не давить на клиентов сверх меры. Он знал таких коллег – напористых, умевших заговаривать людям зубы, толкая на самые невыгодные покупки, и ни в коем случае не хотел с ними равняться. Успех доказал его правоту. Люк Палм пользовался репутацией серьезного и порядочного риелтора. Люди ему доверяли.

Энн Уэстли обратилась к нему по рекомендации подруги. Очень приятная пожилая женщина, они быстро нашли общий язык. Кроме того, это была выгодная клиентка. Она хотела не только продать дом, но и искала для себя квартиру, что сулило удвоенный гонорар. Так что Люку Палму было ради чего стараться.

Он пытался дозвониться до нее несколько раз в течение недели и попадал на автоответчик. Просил срочно перезвонить – безрезультатно. Между тем у него было чем ее порадовать. На дом в Танбридж-Уэллс объявились потенциальные покупатели. Мало того, в дополнение к предложениям из буклетов отыскалась симпатичная квартира в Белгравии, идеально, по мнению Люка Палма, подходившая Энн Уэстли. И обе сделки было бы желательно провести к Рождеству.

Люк Палм не понимал, почему она не отвечает. Энн Уэстли как будто была решительно настроена оставить сомнительную идиллию в лесу ради подходящей городской квартиры. И он прекрасно понимал ее, потому что сам не продержался бы в этом доме и трех дней.

Другое дело – семья, заинтересовавшаяся лесным особняком. У них пятеро детей и много животных. И, опять-таки, Люк Палм не сомневался, что его вариант для них идеален, что усиливало его нервозность из-за невозможности выйти на контакт с Энн Уэстли.

В четверг, 17 декабря, его беспокойство достигло пика. Он звонил ей несколько раз в течение дня и больше не разговаривал с автоответчиком, на который надиктовал сообщение уже пять или

шесть раз. Поневоле Люк Палм начинал задаваться вопросом, не изменяет ли своему принципу лишний раз не беспокоить клиента. Оставалось самое простое – съездить к ней и повидаться. Выяснить из первых уст, что на самом деле происходит.

Было обеденное время, но встреч на остаток дня не планировалось – разве что масса бумажной работы, которую можно было сделать дома. Некоторое время он еще искушался мыслью вернуться к себе и сесть наконец за письменный стол, но беспокойство победило. У мистера Палма были плохие предчувствия. Она там совсем одна… Конечно, Энн Уэстли могла передумать, но в этом случае непременно дала бы ему знать. Она явно не из тех, кто исчезает просто так.

Люк Палм посмотрел на часы – самое начало четвертого. Снегопад усилился. На прошлой неделе несколько раз шел дождь со снегом, но теперь приближалась настоящая зима, и все надеялись на белое Рождество. Синоптики предсказывали снежные заносы на вечер, однако Люк не собирался задерживаться в лесу надолго. Всего лишь проверить, как она там. Убедиться, что всё в порядке, и рассказать о возможных покупателях.

В двадцать минут третьего он тронулся в путь. Из-за снегопада и ажиотажа на дорогах времени на то, чтобы выехать из города, потребовалось больше обычного. Было почти пять вечера, когда Люк Палм добрался до небольшой и абсолютно пустой парковки на краю леса. Поразмыслив, все-таки решил оставить машину здесь, с тем чтобы остаток пути пройти пешком. Проселочная дорога к дому Энн Уэстли не внушала доверия. Не хватало только застрять в снегу и потом откапывать машину лопатой…

В лесу, среди высоких деревьев, темнеет быстрее. Люк бодро шагал по дороге, но окружавшая его рождественская сказка дышала кошмаром. Укутанный снегом лес погрузился в тишину. Был ли это мирный сон или молчание подстерегающего добычу хищника, Люк не знал. Только снова и снова спрашивал себя, как можно решиться жить в одиночестве в таком месте.

Внезапно его охватила злоба на покойного мистера Уэстли. Затащить жену в такую глушь, только чтобы осуществить мечту своей жизни! Мечтай сколько угодно, но это не дает тебе права жертвовать благополучием и безопасностью близкого человека. Нет, Энн не

жаловалась, но не нужно быть психологом, чтобы догадаться, что стояло за ее словами. И ведь только память о муже до сих пор удерживала ее здесь…

Дорога вывела Люка на поляну, где стоял дом. Все выглядело как в прошлый раз, разве еще более сказочно, потому что с неба летели снежные хлопья, а деревья стояли будто покрытые белой сахарной глазурью. «Надеюсь, она не рассердится, что я без предупреждения», – подумал Люк. Ни в одном окне не горел свет, но он видел машину под навесом – значит, хозяйка дома. Вряд ли она решилась бы выбраться отсюда пешком.

Люк открыл садовую калитку и пошел по тропинке с высокими кустами. Сирень, как будто вперемежку с жасмином. Поистине райский уголок, особенно весной и летом. Но, если, не дай бог, что случится, никто ничего не узнает.

Люк поднялся на крыльцо и позвонил в дверь – никаких признаков жизни. Он ждал. Конечно, Энн могла отправиться подышать свежим воздухом. Почему бы ей не прогуляться, в самом деле? И машина для этого не нужна… Но Люк и сам не мог объяснить, почему не верил этой вполне правдоподобной версии. Почему вместо этого вдруг ощутил парализующий панический страх. Господи, как же здесь одиноко! Если б Люк сошел с ума настолько, чтобы перебраться в такое место, обязательно обзавелся бы по крайней мере двумя здоровыми доберманами. А уж если речь идет о женщине семидесяти лет, наверное, это и есть то, что называется «искушать судьбу»…

Чушь. Все чушь. Пока он здесь воображает картины одна другой краше, Энн Уэстли, здоровая и невредимая, бродит по лесу с топором в руке в поисках рождественской елки. Тем не менее Люк решил попытать счастья с противоположной стороны. С прошлого посещения он помнил, что там крыльцо и еще одна входная дверь, ведущая прямо на кухню.

Люк обошел дом. Несмотря на сгустившиеся сумерки, сразу увидел, что дверь на террасу широко распахнута. На ступеньках кучками лежал снег, совершенно нетронутый. Несмотря на открытую дверь, за последние несколько часов отсюда никто не выходил.

Люк остановился и вдруг услышал собственное дыхание. Все это не предвещало ничего хорошего. Если Энн дома, почему ни в одном окне не горит свет? Он вспомнил гирлянду из лампочек на окне ее

кухни и вдруг почувствовал, что тишина вокруг него не была мирной. Она скрывала какую-то страшную тайну.

Люк поискал в кармане телефон и понял, что забыл его в машине. Самое время развернуться и бежать обратно на парковку, но усилием воли он заставил ноги стоять на месте. Нужно выяснить, что случилось. Что, если Энн Уэстли упала и лежит где-нибудь в доме, не в силах пошевелиться? В этом случае его своевременное появление – вопрос жизни и смерти.

И все-таки почему открыта дверь? Люк медленно поднялся по ступеням. Теперь ему хотелось во что бы то ни стало остановить надвигающуюся ночь, которая усугубляла его проблемы.

– Эй! – негромко позвал он. – Добрый вечер! Это я, Люк Палм.

Не дожидаясь ответа, вошел на кухню, где было не теплее, чем на улице. Дверь, похоже, простояла открытой целую вечность. Люк нащупал выключатель, щелкнул – и вздрогнул от ударившего в глаза света.

Спустя несколько секунд он огляделся. За исключением космического холода, кухня выглядела так, будто хозяйка оставила ее пару минут назад. На столе стоял наполовину полный чайник, рядом – чашка и разложенные вокруг буклеты с предложениями квартир. Подсвечники с остатками догоревших свечей. Грязная посуда в раковине. Взгляд упал на отрывной календарь на столе – 10 декабря, четверг, день, когда он приезжал сюда в прошлый раз. Вот уже неделю как никто не отрывал листков…

Люк оглянулся на гирлянды. Вилки на концах шнуров кто-то выдернул из розеток, причем довольно резко, судя по тому, что одна из гирлянд соскользнула с окна и намоталась на стоявшую внизу кофеварку.

– Что-то здесь не так…

Он произнес эту фразу вслух, только для того, чтобы слышать звук собственного голоса. Пересек кухню и вышел в коридор, где включил свет.

– Миссис Уэстли?

На этот раз Люк позвал ее шепотом – и тут же понял почему. В глубине души он боялся, что произошел не несчастный случай, а что-то гораздо худшее и более зловещее. И виновник этого ужаса, быть может, до сих пор бродит по дому или прячется неподалеку в лесу.

Исчезнуть и немедленно – вот что было бы самым правильным. Но сначала нужно найти Энн Уэстли. Убеги Люк сейчас, он никогда больше не осмелился бы встретить собственный взгляд в зеркале.

Люк спрашивал себя, насколько правильно в такой ситуации включать во всех комнатах свет – тем самым он сигнализировал о своем присутствии. Но как иначе хоть что-нибудь увидеть? Люк проклинал себя за то, что на ночь глядя подался один в такую глушь. Сидел бы сейчас дома с чашкой кофе, а вместо этого приходится… Бросив быстрый взгляд из окна гостиной, Люк увидел, что снаружи разыгралась настоящая метель. Теперь вывести машину с парковки представлялось почти неразрешимой проблемой.

Люк ступил на лестницу, ведущую на второй этаж, и где-то на полпути впервые ощутил специфический запах разлагающейся плоти – на этот счет у него никаких сомнений не возникло.

Энн Уэстли он нашел в ванной, располагавшейся рядом со спальней. Пожилая женщина лежала поперек коврика перед душем и смотрела в потолок широко распахнутыми глазами. Из ее раскрытого рта торчало что-то похожее на кусок клетчатой ткани – не то шарф, не то полотенце, Люк не мог точно разглядеть. Нос был заклеен упаковочным скотчем. Им же связаны запястья и лодыжки. С первого взгляда было ясно, что это не несчастный случай. Энн была убита, причем самым изуверским образом. Убийца задушил ее, перекрыв все дыхательные пути. Можно представить, как она сопротивлялась, когда он заталкивал в нее тряпку, – отчаянно… и безнадежно. И произошло это, судя по календарю на кухне, неделю тому назад, 10 декабря. Сразу после того, как Люк уехал от нее, посоветовав на прощание хорошенько запереть двери.

Риелтор опустился на край ванны, потому что колени стали мягкими и он в любой момент мог рухнуть на пол рядом с Энн Уэстли. Лицо и тело взмокли от пота. Люк обхватил руками голову, стараясь не смотреть на мертвую и не чувствовать запаха и тем не менее дышать полной грудью. Чуть оправившись, он поднял голову. Обратил внимание на вывернутую дверную ручку и покореженную фурнитуру замка, похоже, взломанного. Представил разыгравшуюся здесь драму и застонал. Каким бы образом убийца ни проник в дом, Энн в первый момент удалось от него ускользнуть. Она укрылась в ванной, где могла запереться, но злоумышленнику не составило труда взломать замок.

Поистине ужасная ситуация. Энн оказалась заперта в тесной каморке – и ни малейшей возможности позвать на помощь, хотя бы через окно. Да и кто мог бы ее услышать? В какой-то момент она поняла, что обречена.

Люк поднялся, надеясь, что ноги, несмотря на дрожь, выдержат. Прямо сейчас нужно звонить в полицию. Вся надежда на телефон в гостиной. Он подумал, что Энн неделю как мертва, а значит, крайне маловероятно, что убийца все еще в доме. Люк подивился собственному хладнокровию и способности рассуждать логически в такой ситуации. Лишь позже он осознал, что был в шоке.

– Девять-девять-девять-девять-девять-девять…[3]

Телефон экстренного вызова полиции забыть невозможно.

2

– Я совершил ужасную ошибку, – сказал Джон, – и, осознав это, должен был хлестать себя по щекам следующие несколько месяцев. Я повел себя как идиот. Она была студенткой полицейского колледжа из Хендона, я – детектив-инспектор Скотланд-Ярда. Она проходила у меня стажировку. Ни при каких обстоятельствах мне не следовало начинать с ней ничего подобного.

Снег снаружи валил густыми, крупными хлопьями. Казалось, еще немного – и этому миру придет конец. Даже здесь, в городе, все звуки стихли, оборвавшись в бездонное, почти торжественное молчание.

Просторная квартира Джона Бёртона в старинном доме в центре Паддингтона была крайне скудно меблирована. Шкаф и матрас на полу вместо кровати – вот вся обстановка спальни. Ни занавесок, ни ковра. Вокруг матраса валялось несколько журналов, в углу – полупустая бутылка минеральной воды. Разгоряченная, Джиллиан откинула одеяло, хотя батареи в комнате чуть теплились.

Она чувствовала себя умиротворенной и расслабленной, не забывая ни на секунду, что увязла в многочисленных неразрешимых проблемах. Одна из них – на тот момент, пожалуй, самая важная – заключалась в том, сможет ли она по такой погоде вернуться домой раньше Тома. Не столь актуальной в данный момент, но еще более серьезной в долгосрочной перспективе представлялась проблемность

самой ситуации. У Джиллиан роман с другим мужчиной. Вряд ли такое могло разрешиться безболезненно.

…После мучительных раздумий и сомнений неделю назад все произошло быстро, как будто так и должно было быть. Джиллиан позвонила в дверь квартиры Джона Бёртона. Он немедленно открыл, взял ее за руку, провел в прихожую и выглядел при этом по-настоящему счастливым.

– Я до последнего момента боялся, что ты не приедешь, – сказал он.

– Я не могла не приехать, – ответила Джиллиан.

Первое время она полагала, что в любой момент может положить конец этой авантюре, и только теперь поняла, насколько увязла.

Джон все еще держал ее руку.

– Кофе?

– Лучше после, – ответила она и тут же ужаснулась.

Джон удивленно поднял брови.

– Ну хорошо. После так после.

Он помог снять пальто и провел Джиллиан в по-спартански убранную спальню.

Джиллиан не занималась сексом почти год и ни о чем не жалела, кроме как о собственной откровенности, граничащей с дерзостью, с какой чуть ли не с порога обозначила цель своего визита.

– Может, лучше все-таки кофе… – смущенно пробормотала она.

Бёртон рассмеялся:

– Как скажешь.

Джиллиан отступила на шаг. Ну почему каждый раз в его присутствии она становится какой-то другой, не такой, какая есть на самом деле? Откуда это бесстыдство, флирт, открытые намеки на секс? И все только ради того, чтобы тут же пойти на попятный и выставить себя в смешном свете…

– Я не знаю… – продолжала Джиллиан, – сама не понимаю, чего хочу… на самом деле я совсем не такая… какой ты меня видишь. Я имею в виду… когда я с тобой, говорю и делаю несвойственные мне вещи. Я… не знаю, почему так.

Бёртон протянул руку, провел пальцем линию от ее подбородка вниз к шее и декольте. Джиллиан не смогла сдержать пробежавшую по телу дрожь.

– А ты не думала, что все может обстоять с точностью до наоборот? – сказал Джон. – Что прямолинейная и дерзкая Джиллиан и есть самая настоящая, а та, другая, не более чем маска?

Джиллиан молчала, пораженная. Очень даже не исключено, что Джон прав, и в Джиллиан осталось больше от той застенчивой, погрязшей в массе ненужных условностей девушке, чем ей казалось до сих пор? Что она не вполне избавилась от родительского воспитания, основанного прежде всего на ограничениях. И, возможно, не избавится никогда.

– Разумеется, я не хочу тобой манипулировать, – добавил Джон.

– Я и не позволю собой манипулировать, – ответила Джиллиан.

«Этот момент – все, что у меня есть, – подумала она. – Если я так и не решусь, выпью с ним кофе и пойду домой, то больше никогда не осмелюсь переступить порог его квартиры. Второго шанса не будет».

– Я хочу переспать с тобой, – сказала она.

Джон обнял ее за плечи.

– Какое счастье… – прошептал он. – Все остальное для меня сейчас было бы невыносимым.

…Когда закончилось то, что показалось вечностью, оба обессилели и, возможно, даже ненадолго уснули. Джон открыл глаза и сказал, что любит ее. Джиллиан посмотрела на него и поняла, что это серьезно. Потом снова уснула, а когда проснулась, Джон встал и вышел из комнаты. Она видела, как он вернулся с двумя большими чашками. Пока пили кофе, смотрели на снег, который валил все гуще. Джиллиан видела фронтон дома напротив. В мансардном окне горела рождественская звезда. На крыше – нахлобученная снежная шапка.

– Почему у тебя нет кровати? – спросила она.

Джон пожал плечами.

– У меня вообще с мебелью негусто, как видишь. Похоже, с этим проблемы.

– Проблемы?

Джон рассмеялся.

– Можешь представить меня в мебельном магазине?.. Как я выбираю шкаф, журнальный столик или кресло?

– Ну, можно ведь не все сразу…

– То, что ты видишь здесь, куплено в разное время на блошиных рынках. Когда я замечаю, что веду себя как добропорядочный буржуа,

меня это беспокоит.

– И так было всегда?

Джон догадался, о чем она на самом деле хотела спросить.

– Ты хочешь знать, не связано ли это с моей прежней работой и тем, что я ее потерял?

– Это был серьезный перелом в твоей жизни.

– Но он не изменил меня как личность. Да, я всегда был таким.

– Ты собирался кое о чем рассказать, – напомнила Джиллиан.

Джон задумчиво играл с ее волосами.

– Ах да… Думаю, мне и в самом деле нечего от тебя скрывать.

И он рассказал ей об ошибке, изменившей его жизнь.

– То, в чем меня потом обвинили, было откровенной ложью… Я имею в виду принуждение к сексу. Но у нас был роман, и она хотела этого так же, как и я, подавая к тому недвусмысленные сигналы. Тем не менее для меня было чистым безумием пускаться в эту авантюру.

– Как долго это продолжалось?

– Около четырех месяцев. Мы хорошо проводили время. Она была молода и красива, и мне нравилось быть с ней.

– Сколько лет тебе было?

– Тридцать семь. Ей – двадцать один. Я думал: «Что ж, повеселимся вместе. Когда-нибудь она найдет того, кто больше подходит ей по возрасту, и выйдет замуж». Я просто наслаждался моментом.

– И когда все изменилось?

Джон горько усмехнулся.

– Когда она провалила экзамен… Нет, вообще-то она способная, просто тогда, как видно, был не ее день. Она не справилась с одним очень важным заданием. В этом не было большой трагедии, ей всего лишь нужно было еще раз проработать эту тему. Но она будто с цепи сорвалась и напрочь отказывалась признавать свою неудачу. Умоляла меня вмешаться. Поговорить с экзаменатором, чтобы тот изменил решение.

Джиллиан покачала головой.

– А ты не мог…

– Нет, конечно. Да и при всем моем желании… это так не работает. Я пытался объясниться, но она была невменяема.

Теперь Джон покачал головой, вот уже в который раз ошеломленный ситуацией, в которой когда-то оказался.

– Она была не в себе. Угрожала опозорить меня на весь Скотланд-Ярд, если я не заступлюсь за нее. Но я не мог пойти у нее на поводу… Все равно ничего не получилось бы.

– И как выглядело принуждение к сексу?

– Не было никакого принуждения. Я всего-то хотел разорвать наши отношения. Покончить с тем, что давно уже не имело смысла. И при этом я оказался достаточно глуп, чтобы… – Джон запнулся на полуслове.

– Что? – спросила Джиллиан.

– Чтобы переспать с ней в последний раз. К тому времени мы фактически расстались. Сам не пойму, как так вышло…

– Наверное, она действительно была молода и красива, – просто объяснила Джиллиан.

Джон вздохнул.

– Да, здесь ты права. Так или иначе, она поняла, что между нами все кончено и ничего уже не изменить. И тогда заистерила по-настоящему. Кричала, что придаст огласке нашу последнюю ночь… Что не хотела вступать со мной в сексуальную связь. Побежала к моему начальнику и официально обвинила меня в принуждении к половому сношению. Так началось расследование. Дело дошло до прокуратуры.

– И ты увяз…

– Можно сказать и так. Сам факт совокупления легко доказать, да я этого и не отрицал. Всего лишь утверждал, что все произошло по обоюдному согласию. Она сама нанесла себе телесные повреждения и, в общем и целом, вела себя как травмированная во всех смыслах женщина. Она у меня стажировалась. То есть на тот момент, можно сказать, я был ее начальником. Я не совершил никакого преступления, вступив с ней в интимную связь, но нарушил много неписаных законов. И меня временно отстранили от службы.

– Но ты ведь смог доказать свою невиновность?

– Нет. В таких случаях вообще крайне сложно что-либо доказать. К счастью, к многочисленным травмам на ее теле судмедэкспертиза отнеслась скептически. Часть их она точно нанесла себе сама. Остальные были делом ее рук с большой долей вероятности.

Примерно так было написано в рапорте. Кроме того, она запуталась в собственных показаниях. Прокурор не нашел достаточных оснований для предъявления обвинения.

– Тем не менее ты уволился?

– Я мог бы остаться, но одно было ясно: ответственность за случившееся лежит на мне. Я не должен был вступать в связь с этой женщиной. Поэтому я и ушел, почти сразу. Я знал, что этого пятна мне не смыть. Мне вдруг все надоело, понимаешь? Лицемерие коллег, жалостливые и злорадные взгляды… Я ушел, потому что так захотел, и до сих пор не раскаиваюсь.

– Правда не раскаиваешься?

– Правда. Ну а потом я открыл частное охранное бюро и теперь сам себе хозяин. Я не создан для того, чтобы карабкаться по карьерной лестнице, где слишком много интриганов, фаворитов и откровенных подхалимов. Я понял это поздно, но, к счастью, не слишком.

Джиллиан пристально смотрела на Джона и пыталась понять, насколько он сам верит в то, что говорит.

– Зачем ты вообще подался в полицию? – спросила она.

– Идеализм, – ответил Джон. – Я хотел защищать добро и наказывать зло. По крайней мере, вначале… Потом, конечно, энтузиазма поубавилось, но так, наверное, бывает на любой работе.

– А дети, которых ты тренируешь…

Джон рассмеялся:

– Ах дети… ну, это остатки идеализма. До сих пор убежден, что в наших силах направить энергию молодежи в нужное русло. Достаточно не позволять им бездельничать, вот и всё. Именно скука, бессмысленное времяпровождение заставляет их пробовать наркотики, драться, воровать… мешает реализоваться в жизни по-настоящему. Думаю, что при помощи спорта здесь многого можно добиться. Во всяком случае, это то, что у меня получается.

– Но почему Саутенд? Это так далеко…

– Я пробовал устроиться в два лондонских клуба, но после увольнения из Скотланд-Ярда и там, и там меня встретили настороженно. Вот я и решил уехать туда, откуда не так просто будет проследить мою личную историю. В Саутенде не очень много проблемных семей, и бóльшая часть моих подопечных вне группы

риска. Тем не менее я ими занимаюсь и, как кажется, не без обоюдной пользы… Во всяком случае, я рад, что оказался там… А ты?

Джон взял у нее кофейную чашку и поставил на пол рядом с матрасом, а потом обнял Джиллиан:

– Иначе я не встретил бы тебя… Вот это действительно была бы жалость.

Они еще раз занялись сексом, а когда закончили, в комнате и за окном было совсем темно. Джиллиан заметила, что ей с трудом удается держать глаза открытыми, и подумала, что главное сейчас – снова не провалиться в сон, которому больше не осталось сил сопротивляться. Такой счастливой и уставшей она себя чувствовала.

Проснувшись в очередной раз, она увидела, что вокруг ничего не изменилось. Снаружи непроглядная темень, но в свете фонаря, стоявшего прямо перед окном, можно было видеть, как летит снег. Джиллиан посмотрела на часы и ужаснулась: полдевятого! Том вернется самое позднее в десять. У нее полтора часа на то, чтобы добраться до дома и принять душ. А с учетом того, что снег валил вот уже пятый час подряд, обратная дорога обещала быть трудной.

Джиллиан прислушалась к глубокому дыханию Джона. Встала, бесшумно оделась, взяла сумочку и на цыпочках выскользнула из спальни. В просторной прихожей тоже не было мебели, только крючок на стене, на котором висели куртки и пальто. Джиллиан взяла свое, обула сапоги. В этот момент появился Джон с полотенцем, обвязанным вокруг талии.

– Уже уходишь? Я мог бы что-нибудь для нас приготовить… можно выпить вина…

Джиллиан покачала головой.

– Том скоро будет дома. Я припозднилась. И потом, на улице так метет… боюсь застрять в сугробе.

– Я могу тебя отвезти.

– Нет. Я справлюсь.

Он взял ее лицо в ладони.

– Когда мы увидимся снова?

– Я позвоню, – ответила Джиллиан.

3

Она вернулась почти одновременно с Томом, после кошмарной поездки, которая не раз грозила закончиться в сугробе, непроходимой пробке или перед застрявшей поперек дороги чужой машиной.

Джиллиан проклинала все на свете, видя, что ее временно́е преимущество перед Томом сходит на нет. При мысли о том, что не успеет принять душ, она и вовсе запаниковала. От нее пахло Джоном, сексом – Джиллиан не могла появиться такой перед мужем. Когда же увидела его машину, приближавшуюся к дому с противоположной стороны, поняла, что надо как-то выходить из положения.

В половине одиннадцатого Джиллиан повернула на подъездную дорожку. Том сегодня тоже задержался в клубе.

– Откуда ты? – удивился он.

– Из Лондона, – честно ответила Джиллиан. – Делала рождественские покупки. – Тут Джиллиан пришло в голову, что при ней нет ни сумки, ни пакета. – Эээ… все равно ничего не выбрала. Пообедала в городе, прогулялась немножко… ну и потом, этот снег… Лондон стоит в пробках.

– Где Бекки?

– Осталась ночевать у Дарси. День рождения.

Они поставили машины в гараж и вошли в дом. Чак выбежал навстречу, мяукнул и стал тереться о ноги. Автоответчик засигналил, что есть непрослушанное сообщение.

– Такая тяжелая дорога, – продолжала Джиллиан. – Я вся вспотела. Пойду приму душ.

Том рассеянно кивнул и нажал кнопку воспроизведения на автоответчике. Помещение заполнил незнакомый мужской голос:

– Здравствуйте, это Самсон Сигал. Я живу в нескольких домах от вас, в другом конце улицы… Мой брат был вашим клиентом… Я только хотел сказать, что… ваша дочь у меня. Она не могла попасть домой, стояла под дверью и плакала. Вы можете забрать ее в любое время… – Он сделал паузу. Было видно, что Самсон Сигал не из тех, кто любит прибегать к помощи автоответчиков. – Ну, в общем… до свидания.

Он нервно задышал и положил трубку.

– Что? – спросил ошеломленный Том.

Джиллиан, еще не успевшая войти в ванную, обернулась.

– Но это невозможно! Она должна быть у Дарси!

– Как получилось, что Бекки пошла с незнакомым мужчиной? – в ярости закричал Том. – Почему тебя не было дома?

– А тебя? – в тон мужу отозвалась Джиллиан.

– Я был в теннисном клубе. Я предупреждал, что задержусь!

– Ты всегда задерживаешься! Раз уж на то пошло, это я сутками напролет торчу дома и никуда не могу отлучиться, а ты как будто и не живешь здесь.

– Полагаешь, сейчас подходящее время выяснять отношения? – рявкнул Том.

Джиллиан протиснулась мимо него к гардеробу и взяла пальто.

– Я еду за своим ребенком.

– Я с тобой, – сказал Том.

Спустя несколько минут они звонили в дверь квартиры Сигалов. Открыл Самсон.

– Я… я так и понял, что это вы.

Том оттолкнул его, врываясь в прихожую:

– Где моя дочь?

– Уснула перед телевизором, – ответил Самсон.

Не дожидаясь приглашения, Том ринулся в комнату, где, судя по звукам, был телевизор. Джиллиан виновато улыбнулась Самсону и последовала за мужем.

В гостиной на диване и в самом деле спала Бекки. Рядом в кресле сидел Гэвин Сигал и просматривал какую-то документацию на компьютере. За обеденным столом посредине комнаты женщина красила ногти.

Гэвин тут же поднялся.

– Мистер Уорд…

– Как здесь оказалась Бекки? – резко оборвал его Том.

Джиллиан успокаивающе положила руку на предплечье мужа.

– Том…

– Я так понял, что мой брат случайно проходил мимо вашего дома сегодня вечером, а Бекки звонила в дверь вся в слезах, – объяснил Гэвин. – Она вернулась от подруги и никого не застала дома. Самсон не хотел оставлять ее одну на улице и привел сюда.

– Это я сказала ему, что нужно оставить для вас сообщение, – подала голос женщина за столом.

Бекки открыла глаза, удивленно посмотрела на родителей и, вскочив с дивана, бросилась в объятия Тому.

– Папа!

Джиллиан повернулась к Самсону, который робко прятался за ее спиной:

– Это было очень любезно с вашей стороны, мистер Сигал. Моя дочь собиралась ночевать у подруги. Иначе кто-нибудь из нас, конечно, ждал бы ее дома.

– Я поссорилась с Дарси, – объяснила Бекки, – поэтому и не захотела у нее оставаться.

– А мама Дарси знала, что ты пошла домой? – спросила Джиллиан.

– Да, я ей говорила.

– Она должна была убедиться, что мы дома, прежде чем отпускать тебя, – возмутился Том.

– Там было пятнадцать детей, и все собирались ночевать. Неудивительно, что у мамы Дарси голова шла кругом, – объяснила Джиллиан.

– И все-таки…

У Джиллиан не хватало сил выслушивать бесконечные обвинения Тома в адрес всех и вся. Она и без того чувствовала себя достаточно скверно.

Моя дочь не попала домой, потому что я развлекалась с любовником…

И это было правдой. В отличие от Тома, Джиллиан не предупреждала, что задержится, поэтому Бекки была уверена, что застанет мать дома.

А ведь ее мог забрать и не такой безобидный человек, как Самсон Сигал…

– Мне очень нравилось заботиться о Бекки, – ответил Самсон Джиллиан. – Я, знаете ли… очень люблю детей.

– Да, большое спасибо, – неохотно произнес Том, поняв наконец, что Самсон не сделал ничего плохого.

– Если еще понадоблюсь, всегда к вашим услугам.

– Мой деверь безработный, – объяснила женщина за столом и замахала руками, чтобы лак побыстрее высох.

– Спасибо, – повторил Том.

Он хотел вернуться домой. Джиллиан могла себе представить, насколько ужасным выглядело в его глазах все это. Вульгарная женщина с ярко-красными ногтями, заикающийся Самсон Сигал, его измученный брат и перегретая гостиная с орущим телевизором…

Том злился прежде всего на Джиллиан. Потому что это ее не оказалось дома в нужный момент, а значит, она и создала эту ситуацию. На недолгом обратном пути он молчал. Дома тоже не проронил ни слова. И лишь после того, как Бекки легла спать, а Джиллиан наконец приняла душ, неожиданно высказался:

– Мне не нравится этот парень. По-моему, у него в голове разболтан не один шуруп.

– С чего ты взял? Он застенчив, да. Но вполне дружелюбен.

– Он ненормальный, – продолжал настаивать Том. – Посмотри, как он живет. С братом и невесткой, между тем как ему по меньшей мере за тридцать. При этом не может связать двух слов и у него нет женщины…

– Откуда ты знаешь? – перебила Джиллиан.

– Это видно. Он слишком напряжен. И вот я спрашиваю себя, каким образом он разряжает это напряжение. Очень может быть, для этого ему и нужны дети…

Джиллиан покачала головой.

– Ты совершенно невозможен, Том. Мне стыдно за тебя. Мистер Сигал поступил как хороший сосед: оказался на подхвате, когда возникла необходимость присмотреть за нашим ребенком. Ты же изображаешь его чуть ли не растлителем малолетних. Я рада, что Самсон Сигал оказался возле нашего дома в нужный момент. На его месте мог быть кто-нибудь другой, и при мысли об этом мне становится плохо.

– В том-то и дело, – подхватил Том. Он отложил книгу и выпрямился в кресле: – Именно это меня и настораживает. Почему он снова и снова случайно оказывается возле нашего дома?

– Снова и снова? – не поняла Джиллиан.

– Вспомни прошлую субботу. Когда мы вышли из дома, он стоял на тротуаре возле нашего дома. Что он там делал?

– Ну, не знаю… Может, гулял и просто смотрел по сторонам. Его невестка сказала, что он безработный. Бродит, наверное, день-деньской по городу и не знает, чем заняться…

– Но почему возле нашего дома?

– Сколько раз ты его здесь видел? Только в прошлую субботу?

На самом деле Джиллиан стало не по себе. Она вспомнила, что говорила Тара во время последнего визита. Когда Джиллиан вышла ее проводить, вдруг появился Самсон Сигал, и Тара вспомнила, что уже видела его, когда подходила к дому. Действительно, в последнее время Самсон слишком уж часто пересекался с семьей Уорд.

Тем не менее и это могло быть совпадением.

Она нырнула в кровать и до глаз укрылась одеялом. Все мысли снова о Джоне. Пару часов назад она спала с ним. А сейчас лежала рядом с Томом, и они спорили, потому что вечер неожиданно обернулся кошмаром…

«Вот что значит жить двойной жизнью, – думала Джиллиан. – С одной стороны, страстный, хотя и чересчур таинственный любовник и секс в пустой лондонской квартире. С другой – уютный домик в Торп-Бэй, препирательства с мужем, проблемы с ребенком и прочие прелести семейной повседневности».

– Бекки должна усвоить, насколько опасно уходить с незнакомыми взрослыми, – сказал Том. – Я в самом деле думал, что она это понимает.

Он никак не хотел оставить эту тему. Джиллиан закатила глаза.

– Самсон Сигал наш сосед, пусть не самый ближний. Во всяком случае, Бекки знает его в лицо.

– И что? Такие вот соседи и пользуются доверчивостью детей, а потом вытворяют с ними что хотят…

– Завтра я еще раз поговорю с ней, – пообещала Джиллиан.

«И никогда больше не позвоню Джону, – мысленно добавила она. – Чтобы такая ситуация больше не повторилась».

Джиллиан имела в виду не только историю с Бекки, но и все остальное – ложь, кошмарное бегство домой по заснеженным улицам; наконец душ. Похоже, она просто не создана для жизни в двух мирах. Джиллиан заплакала в подушку. Вспомнила, как лежала с Джоном на матрасе и лондонскую квартиру, скромностью обстановки контрастирующую с ее домом, где столько всего лишнего…

Ей очень хотелось снова оказаться там. Джиллиан решила, что завтра позвонит Таре и расскажет ей все или почти все. Темное пятно в биографии Джона можно упустить. У него всегда был свой бизнес.

Восемь лет назад Тары не было в Лондоне, поэтому о деле Бёртона она ничего не знает.

Но не оно было главной проблемой Джиллиан, а Бекки, Том и вся их предыдущая совместная жизнь. Ей нужно было поговорить с кем-нибудь, кто мог бы дать совет.

При мысли о том, что на этот раз ей не поможет даже Тара, Джиллиан заплакала еще сильнее.

Понедельник, 21 декабря

1

– До Рождества совсем немного, – уныло заметил Питер Филдер, – а мы сидим уже со вторым убийством, и ни малейшей зацепки. По городу бродит маньяк, зверски убивающий женщин, и мы не можем приблизиться к нему ни на шаг.

По своему обыкновению, Филдер явился в отделение на пару часов раньше всех и наслаждался тишиной огромного пустого здания. Кристи Макмарроу, конечно, была с ним. Она принесла кофе. Оба выглядели измотанными еще до начала рабочего дня.

Сказать, что этот понедельник стал началом новой рабочей недели, означало погрешить против истины, поскольку выходных как таковых не было. В четверг вечером агент по недвижимости Люк Палм вызвал полицию в уединенный дом под Танбридж-Уэллс, где обнаружил тело своей клиентки, пролежавшее в ванной комнате неделю или около того. Увидев во рту убитой клетчатое полотенце, прибывшие на место полицейские немедленно позвонили инспектору Скотланд-Ярда Питеру Филдеру.

Несмотря на метель, они с Кристи выехали немедленно. Движение в Лондоне и его окрестностях почти встало, тем не менее в конце концов им удалось добраться до цели. Увиденное на месте преступления в деталях повторяло случай в квартире Карлы Робертс, с той только разницей, что на этот раз речь шла об уединенном доме в лесу.

– Здесь с ума можно сойти, – сказал Филдер Кристи. – Не перестаю удивляться, в каких странных местах порой селятся люди.

Первые несколько часов полицейские беседовали с Люком Палмом, риелтором из Лондона, которому было что рассказать об убитой женщине. Филдер нашел мистера Палма внизу, в гостиной, где тот сидел на диване, белый как полотно. Сердобольная сотрудница полиции налила ему чаю из своего термоса, но не похоже было, чтобы Палм сделал хотя бы глоток. Он сжимал в руках наполненную до краев

чашку, словно боялся, что у него ее отнимут, и при этом постоянно сглатывал и облизывал сухие губы.

Мистер Палм сообщил все, что знал об убитой женщине. Что ее звали Энн Уэстли, что ей было под семьдесят и что она три года как овдовела. Что этот дом они купили с мужем, но тот умер вскоре после того, как закончили ремонт. Что Энн обратилась к Люку Палму, потому что больше не могла выносить одиночества. Она хотела продать дом и переехать в Лондон, где подыскивала квартиру, тоже через него.

В какой-то момент Люку Палму показалось странным, что миссис Уэстли не выходит на связь, хотя он нашел заинтересовавшихся ее домом, о чем несколько раз оставлял сообщения на ее автоответчике. Поэтому он и приехал сюда – и вот обнаружил…

Тут мистера Палма затрясло так, что чай стал выплескиваться на пол. Филдер осторожно взял у него чашку, чего мистер Палм, похоже, вообще не заметил.

– Вас обеспокоило что-то конкретное? – мягко, как только мог, спросил инспектор. – Вы не смогли с ней связаться, хорошо. Но в такую даль, на ночь глядя… Что именно заставило вас сорваться с места?

Палм долго думал, но так и не смог сказать на этот счет ничего определенного.

– Да нет… ничего такого, пожалуй, не было… Меня обеспокоило, что женщина под семьдесят живет одна в такой глуши… Но я не думал об убийстве. Опасался скорее несчастного случая… что она, к примеру, упадет на лестнице и не сможет дотянуться до телефона. У нее не было соседей, до которых можно докричаться.

– Миссис Уэстли не говорила о том, что в последнее время с ней происходит что-то необычное?

Филдер вспомнил лифт в квартире Карлы Робертс, который странно ходил последние два месяца перед тем, как ее убили.

– Необычное? – переспросил Палм. – Да нет, ничего такого она не говорила.

– Почему она решилась на переезд именно сейчас, незадолго до Рождества? Насколько обычно это время для переезда?

– Совсем не обычно, – признался Люк Палм.

– Она как-нибудь это объяснила?

– Тем, что ей здесь одиноко. Она не сказала этого прямо, но, насколько я понял, до того терпела исключительно из уважения к памяти мужа. Этот дом – прежде всего его идея. Миссис Уэстли не хотела предавать его мечту, но в конце концов не выдержала.

– Было ли что-то, что подтолкнуло ее к этому решению?

– Ни о чем таком она не говорила.

– Коллеги сказали мне, что вы были здесь на прошлой неделе, десятого декабря, и осматривали дом. Полагаете, в тот день она и была убита?

– Календарь, – тихо ответил Палм. – Календарь на кухне, там до сих пор десятое декабря.

– Вы не заметили ничего странного, когда были здесь в прошлый раз?

– Нет.

– На парковке были другие машины, кроме вашей?

– Нет.

– А когда вы уезжали?

Люк Палм покачал головой.

– Я хотел бы помочь вам, но… ничего такого не было. Я, во всяком случае, машины не видел.

В этот момент в комнату вошла Кристи Макмарроу и позвала Филдера наверх.

– У криминалистов для вас есть кое-что интересное…

На втором этаже у двери в ванную стоял коллега и держал прозрачный пакетик, в котором Филдер разглядел пулю от огнестрельного оружия.

– Похоже, это то, чем он взломал дверь, за которой укрылась жертва. Он выстрелил в замок.

– Интересно, – Филдер покосился на пулю. – В квартире Карлы Робертс ничего такого не было. Есть повод еще раз хорошенько там всё прошерстить.

– Но, сэр, мы уже…

– Тем не менее. Завтра же отправлю команду в Хакни.

Работа продолжалась все выходные. Несмотря на тщательный повторный обыск, никаких следов применения огнестрельного оружия в квартире Карлы Робертс не нашли. Тело Энн Уэстли доставили в

судмедэкспертизу. Результаты вскрытия Кристи получила в понедельник утром.

Она глотнула кофе:

– Судмедэкспертиза подтвердила подозрения риелтора относительно времени убийства. Десятое декабря – самая вероятная дата. Одиннадцатое тоже было бы вариантом, но против этого свидетельствует календарь.

– Отчего она умерла? – спросил Питер Филдер. – Тоже захлебнулась рвотой?

– Нет… Как и в случае Карлы Робертс, убийца проталкивал ей ткань в горло, но рвоты, похоже, не было. Она задохнулась после того, как он заклеил ей нос скотчем.

– Он мог ее застрелить, как мы теперь знаем.

– Наверное, так было бы проще.

Филдер, кивнув, посмотрел на свои записи. Муж Энн, Шон Уэстли, был профессором Лондонского университета и умер от пневмонии после несчастного случая три года назад. Сама Энн до выхода на пенсию работала педиатром в Кенсингтоне. Детей у супругов не было.

– Нужно навести справки в клинике, не случалось ли врачебных ошибок, в которых могли обвинить Уэстли.

– Вы имеете в виду мстительных родителей? – спросила Кристи. – Как это соотносится с убийством Карлы Робертс?

– Никак. Я всего лишь хочу это исключить. Значит, мы оба полагаем, что здесь действовал один и тот же убийца?

– Поскольку историю с клетчатым полотенцем мы сохранили в строжайшей тайне, о подражании не может быть и речи. Здесь явно прослеживается один почерк. Подозреваю, что в случае с Робертс у преступника тоже был пистолет, просто необходимости стрелять не возникло. Но это объясняет, почему Карла Робертс дала связать себя по рукам и ногам. Ей угрожали пистолетом.

Филдер снова просмотрел свои записи, как будто ожидал, что это натолкнет его на какую-нибудь идею.

– Но что между ними общего? – пробормотал он. – Между Карлой Робертс и Энн Уэстли?

– Первое, что бросается в глаза, – одиночество, – предположила Кристи. – Обе жили изолированно, без мужей. Одна была в разводе,

другая – вдова. У Энн Уэстли не было детей. Карла Робертс практически не контактировала с единственной дочерью. Очевидно, что в обоих случаях преступник никуда не торопился. И рассчитывал на то, что труп найдут далеко не сразу.

– И всё?

– Это немало. Особенно с учетом того, что именно эти факторы могли иметь для убийцы решающее значение. Доступность жертвы, хорошая фора во времени до начала расследования. В этом случае личность жертвы ему безразлична.

– Хорошо, – перебил ее Филдер. – Теперь будем исходить из того, что убийство – чистая случайность. В случае с Уэстли это срабатывает. Некий психопат бродит по лесу в поисках добычи. Ему ничего не стоит выследить пожилую женщину из дома в безлюдном месте. Но как он вышел на Карлу Робертс? Нет, здесь должно быть что-то еще. Что-то их связывает, помимо одиночества. Одна – пенсионерка из Хакни, которая едва сводила концы с концами. Другая – бывший врач, вдова лондонского профессора. Это два разных мира, понимаешь?

– Но ведь и Карла Робертс не всегда жила на скромную пенсию в многоэтажке, – напомнила Кристи. – Было время, когда ее муж зарабатывал очень неплохие деньги. Можно вполне допустить, что Робертсы и Уэстли посещали одни и те же мероприятия в Лондоне.

– И эти женщины знали друг друга, хотите сказать?

– Не исключено. Что, если Кира Джонс, дочь Карлы, в детстве наблюдалась у доктора Уэстли? Это легко проверить.

– Да. С остальным будет сложнее.

– Впереди много работы, – кивнул Филдер.

И тут ему пришло в голову кое-что еще:

– Чердак в доме Энн Уэстли… Кажется, она писала картины. Ничто в доме Карлы Робертс не указывает на увлечение рисованием?

Кристи с сожалением покачала головой.

– Нет. Ни кисточки, ни рисунка – ни единого намека. Могу расспросить ее дочь, но… не думаю, что она что-нибудь такое вспомнит.

2

Понедельник, 21 декабря, 22.05

Джиллиан Уорд не лучше Мишель Браун. Обе одинаково высокомерны и плохо воспитаны. Одной я вернул собаку – похоже, единственное близкое ей живое существо. (Собственно, меня не удивляет, что у нее нет парня. Лично я теперь не взгляну в ее сторону, пусть хоть падает на колени.) Что касается Джиллиан, я подобрал на улице ее ребенка, ни больше ни меньше. И что за это получил? Прохладное «спасибо», только и всего. Похоже, она меня даже в чем-то заподозрила. Как будто я приютил малютку из личных низменных побуждений.

Муж и того хуже. Томас Уорд – пренеприятнейший тип! Он ворвался в наш дом, как будто устроил облаву на штаб-квартиру террористов. Запросто мог бы схватить дочь и, ни слова не говоря, исчезнуть. Сколько же усилий стоило ему поблагодарить меня… На беднягу было больно смотреть. Гэвин всегда находил его симпатичным, чего я совсем не понимаю.

Томас Уорд земли под собой не чует от высокомерия. Между тем его брак держится на честном слове, и он едва ли осознает это. Живет только для своего бюро и тенниса. Работа работой, но нельзя же забывать о жене и ребенке. Джиллиан скоро уйдет от него, это ясно как дважды два. И тогда он станет ломать голову, где и что сделал не так.

Как же я буду счастлив, когда однажды вечером Томас Уорд вернется в пустой, темный дом! Плохо только, что скоро он найдет Джиллиан замену. Парень хорошо выглядит и зарабатывает приличные деньги, а для женщин это главное. Ради этого они вытерпят и унижения, и его холодность. Мужчин вроде меня, готовых посвятить женщине всю свою любовь и внимание, обычно не замечают.

Он точно принял меня за растлителя малолетних – совсем не смешная шутка. Я люблю детей, но мои помыслы чисты. Я и сам хотел бы когда-нибудь иметь ребенка. Что касается Бекки, я всего лишь помог ей. Что, по мнению Томаса Уорда, я должен был делать в этой ситуации? Бросить девочку одну и идти своей дорогой?

Я видел, как Джиллиан уезжала на машине. И она ездила не в офис. Джиллиан в тот день поглотила все мое внимание, так что я забыл об остальных объектах наблюдения.

Она вышла из дома около четырех часов дня и выглядела не как обычно. Не то чтобы особенно разнаряженная… Чуть больше косметики, но дело не в этом. Аура была другой. Это трудно описать. И она выглядела красивой – более, чем я находил это раньше.

Меня обеспокоил ее отъезд. Будь я на машине, думаю, отправился бы следом. Но моя машина осталась в гараже, и возвращаться за ней не имело смысла. Джиллиан успела бы далеко уехать за это время. Следующие несколько часов я не мог думать ни о чем другом, кроме как о том, куда она отправилась. Насчет этого у меня были самые неутешительные предчувствия. Что-то нехорошее назревает в этой семье. Вина лежит на Томасе Уорде, но события развиваются по собственному, не зависящему от него сценарию, и начальный импульс уже задан.

Я завершил свою обычную прогулку. Снегопад усилился, но я не мог заставить себя вернуться в уютную, теплую комнату. Я хотел знать, когда Джиллиан вернется домой. И пока я стоял в сгущающемся снежном шквале, наблюдая за домом, в котором в какой-то момент автоматически зажглись рождественские огни, из темноты, откуда ни возьмись, появилась Бекки. Было самое начало седьмого. Я видел, как около полудня она шла к дому подруги. Как видно, на день рождения, потому что там были еще девочки. Теперь праздник закончился, но Джиллиан не вернулась. Ей это не идет, она не такая. Может, виной всему снегопад? Весь город стоит в пробках. Первая настоящая метель в этом году. В таких случаях проблемы на дорогах обычное дело.

Бекки позвонила в дверь, но ей, конечно, не открыли. Она звонила снова и снова. Обошла дом, заглянула в окна, снова звонила. Потом забарабанила в дверь кулаком. Я слышал ее рыдания в той особенной тишине, в какую погружается укутанный снегом мир. Это разорвало мое сердце.

Я перешел улицу, встал возле садовой калитки и позвал ее:

– Бекки!

Она обернулась. Я стоял под фонарем, она могла хорошо меня видеть. Было приятно наблюдать, как страх и подозрительность исчезли с ее лица, как только девочка узнала во мне мужчину из дома в другом конце улицы.

– Здравствуйте, – сказала она сквозь слезы.

– Что, никого нет дома?

– Никого, а у меня нет ключа.

– Родители знают, что ты должна вернуться?

Она покачала головой.

– Я собиралась ночевать у подруги, но мы поссорились. Поэтому я ушла домой.

Это до известной степени оправдывало Джиллиан. Она думала, что дочь проведет ночь в доме подруги и не ждала ее вечером.

– А знаешь что? – сказал я. – Ты можешь заболеть, если будешь долго стоять здесь, на морозе. Давай я отведу тебя обратно к той девочке.

– Нет! – закричала она.

– Ну, тогда пойдем ко мне, а потом я провожу тебя домой. Что скажешь?

Она сомневалась, конечно. Ее ведь учили не доверять незнакомым людям. Но меня-то она знала, по крайней мере в лицо. Она и ее родители здоровались со мной при встрече. Наверное, поэтому Бекки и согласилась. Да и что ей оставалось делать?

Мы налили ей апельсинового сока, угостили домашним печеньем, и Бекки, наверное, решила, что мы милые. Она говорила о школе, о празднике, на котором была, и о том, что отныне словом не перекинется с бывшей лучшей подругой. Она была очаровательна. С нетерпением ждала Рождества и встречи с бабушкой и дедушкой, которых должна навестить 26 декабря. Они родители матери и живут в Норвиче. То есть Джиллиан из Восточной Англии, и это ей подходит.

В моем понимании Восточная Англия – это прежде всего бескрайние зеленые долины. Не могу представить Джиллиан, скажем, среди озер и рек Норфолк-Бродс. Только среди лавандовых полей, где на летнем солнце ее рыжие пряди, должно быть, выгорали до белизны. Один день на пляже – и все лицо в веснушках. И морской ветер, который треплет и путает длинные волосы…

Милли посоветовала оставить на автоответчике сообщение для родителей Бекки, что, конечно, было хорошей идеей. Чуть позже Уорды объявились в моем доме. Он вел себя отвратительно, а она… да, я глубоко в ней разочарован. Мне почему-то подумалось, что Джиллиан может заглянуть к нам еще раз. Если не на следующий

день или в ближайшие выходные, то хотя бы сегодня. Чтобы поблагодарить и извиниться за поведение мужа. Но она не пришла. Я снова для нее никто.

Поэтому-то я и решил, что Джиллиан не лучше Мишель Браун. Та тоже больше не объявлялась. Гуляет со своей собакой как ни в чем не бывало, а меня… будто не существует. Женщины не замечают меня, что бы я ни делал. С тем же успехом я мог бы стать человеком-невидимкой. Или испускать нехороший запах, который чувствуется за версту. До последнего момента я надеялся, что Джиллиан другая, но нет…

Я как могу сдерживаю ненависть. Потому что ненависть уничтожает прежде всего того, кто ее испытывает.

Четверг, 24 декабря

1

Милли смотрела в окно туалетной комнаты на первом этаже и наблюдала за выходившим из дома Самсоном. Он говорил, что хочет съездить в город за подарками, но не на своей машине, поскольку в предрождественской суматохе могут возникнуть проблемы с парковочными местами.

Конечно, Милли ему не поверила. К тому времени она окончательно убедилась, что с утра до вечера Самсон занимается чем угодно, только не поисками работы. И что бы он ни делал в эти долгие часы до возвращения домой, это не могло быть хорошо. Иначе рассказал бы об этом хотя бы брату – с Гэвином у него всегда были доверительные отношения.

Но Милли уже говорила с мужем на эту тему.

– Чем это Самсон занимается весь день? – спросила она как бы между прочим. – Он не появляется дома с утра до вечера, между тем как на улице слишком холодно для таких длительных прогулок.

– Он ищет работу, – ответил Гэвин как само собой разумеющееся.

– Но разве в поисках работы нужно день-деньской бродить по улицам? Обычно в таких случаях люди рассылают резюме.

– Возможно, именно этим он и занимается, когда часами сидит за компьютером.

Но Милли не сдавалась:

– Тогда он должен получать ответы по почте – подходит он или нет.

– Он может получать их и по электронной почте. Сегодня бывает и такое, так ведь?

– Да, но где он бродит днями напролет?

Гэвин отложил автомобильный журнал и повернулся к жене:

– Просто оставь его в покое. Я знаю, что ты недолюбливаешь моего брата, но Самсон не сделал тебе ничего плохого. Ты все ищешь, в чем бы его обвинить, и ничего не можешь найти. Это сводит тебя с ума.

Милли сжала губы. «И я обязательно что-нибудь найду, не беспокойся, – подумала она. – Потому что там точно что-то есть».

Сейчас Милли прильнула к окну, потому что снова не поверила Самсону, который быстро и целенаправленно удалялся от дома – якобы покупать подарки. Милли надеялась, что к ней это не относится, потому что сама ничего не приготовила для Самсона. Гэвин купил ему книгу, этого достаточно.

Самсон уже исчез за углом. Сердце Милли бешено колотилось, но она сказала себе, что лучшей возможности не представится. Самсон в ближайшие несколько часов в городе – в торговом центре или где там еще. Гэвин работает до полудня. Ей же удалось взять отгул на ближайшие три дня. «Что ж, попробуем еще раз», – подумала она и на цыпочках поднялась по лестнице.

Осторожность, с которой Милли это сделала, ей самой показалась смешной. Ведь в доме никого не было. Милли открыла дверь комнаты Самсона и вошла. Как всегда, всё в идеальном порядке – ни пылинки. И покрывало на кровати гладкое, как стекло. Уже одно это ненормально! Милли включила компьютер и, пока он загружался, выглянула в окно.

Вот это Рождество! Приход настоящей зимы в прошлый четверг обернулся для города транспортным коллапсом. С тех пор зарядил снегопад. Крыши, заборы, деревья стали белыми. Милли нравилось такое Рождество, но третий на этом празднике был явно лишний.

Улица за окном выглядела безлюдной. Милли повернулась к компьютеру, ввела пароль и затаила дыхание. Что, если Гэвин все-таки предупредил Самсона?.. Но опасения оказались напрасными. Сезам открылся волшебным словом «Ханна».

Милли обхватила рукой мышь. Несколько секунд спустя осознала, что не дышит, сосредоточилась на пролистывании программ.

– Давай же… – пробормотала она.

Там определенно что-то было… что-то должно было быть, и Милли хотела найти это во что бы то ни стало.

Все получилось спустя десять минут. Файл назывался «Дневник». Милли открыла его, но сумела сохранить достаточно самообладания, чтобы подойти к окну и снова выглянуть на улицу. Никого. На этот раз, похоже, обойдется без неприятных сюрпризов.

Через пару секунд Милли опять сидела за столом и не отрываясь смотрела на экран. Ее подозрения оправдались в полной мере. Самсон был сумасшедшим. Теперь у Милли имелись тому доказательства, которые даже Гэвин не смог бы опровергнуть.

2

В доме было холодно и пахло затхлостью. Он пустовал уже неделю, и еще неделю до того хозяйка мертвой пролежала в ванной. Промозглая декабрьская зима проникла через распахнутую кухонную дверь. «Человеческое тело формируется десятилетиями и невероятно стремительно разлагается, – подумал Филдер. – Почему так?»

Они с Кристи вернулись в Танбридж-Уэллс и тихий заснеженный лес. Оставили машину на парковке и побрели к дому Энн Уэстли.

– И все-таки Рождество нужно встречать в лесу, – заметил вслух инспектор, наблюдая, как белка взбирается по стволу ели. – Здесь так спокойно и торжественно…

– Только холодно ужасно, – добавила Кристи.

Спустя два часа они добрели до дома. Коллеги закрыли все ставни и тщательно заперли двери. Филдер в принципе ожидал темноту и спертый воздух, но гнетущая атмосфера дома поразила его. Прежде всего беспросветная тоска, в которую он оказался ввергнут, едва переступил порог.

Питер Филдер работал в полиции не первое десятилетие и давно научился не поддаваться эмоциям во время расследования – ненависти, отчаянию, безнадежности. В каком бы состоянии ни пребывал этот мир, он не должен был давить на психику инспектора, потому что в этом случае Филдеру пришлось бы бросить работу.

В общем и целом, до сих пор инспектору удавалось с собой справляться, но только не сейчас – в этом лесу и этом доме. Он надеялся, что все дело в Рождестве и что самообладание потеряно не навсегда.

– Сэр! – Оклик Кристи вернул инспектора к реальности.

– Да-да… – пробормотал он. – Я хотел еще раз взглянуть на ее студию.

Они поднялись по лестнице. Все еще ни единого намека на то, что расследование на верном пути. Кристи побывала в клинике, где Энн

Уэстли работала три с половиной года назад, но не смогла найти ничего, что указывало бы на врачебную ошибку или небрежность, которая могла бы повлечь за собой скандал.

– Энн пользовалась огромной популярностью у маленьких пациентов, – сказал один из бывших коллег миссис Уэстли, совершенно потрясенный известием об убийстве. – И не только у них. Ее любили и родители, и сотрудники. Не припомню ни единого случая, когда бы ее в чем-то обвиняли.

– Может, это было до вас? – настаивала Кристи. – Энн Уэстли проработала в клинике больше тридцати лет.

– Насчет того, что было до меня, я, конечно, не так уверен, – согласился доктор. – Но если б что-то такое было, я наверняка знал бы об этом. Нет, честно говоря, не думаю…

Кристи внимательно просмотрела карточки пациентов – Киры Робертс среди них не было. Чтобы отбросить последние сомнения, позвонила Кире и спросила, не помнит ли она педиатра Энн Уэстли.

– Нет, – ответила Кира. – У нас был свой педиатр, который жил неподалеку от нашего дома. Ни к какой Энн Уэстли мама меня не водила.

– А ваши родители никогда не упоминали эту фамилию? Пусть вскользь, это могло быть самое мимолетное знакомство…

Кира долго копалась в памяти, но в конце концов дала вполне определенный и уверенный ответ:

– Нет. Мне жаль, сержант, но здесь я ничем не могу вам помочь. У моих родителей не было знакомых с такой фамилией.

Они прошли мимо ванной, где была убита Энн Уэстли. Инспектору прошлось отвернуться, несмотря на богатый профессиональный опыт. Мысль об ужасе, который пережила женщина в последние минуты, не давала ему покоя.

Студия на чердаке, под самой крышей, оказалась единственной светлой комнатой в доме, даже в тусклый декабрьский день. Стены были обшиты деревом, три больших мансардных окна выходили на юг. В разных местах стояло несколько мольбертов; на них, между ними, а также на полу и у стен висели, лежали и стояли готовые и незаконченные картины. Пахло краской и скипидаром. На двери висел халат в пятнах краски. Что касается полотен, в основном это были летние пейзажи и букеты цветов, написанные в светлых, сочных тонах.

– Жизнеутверждающая живопись, – сразу заметила Кристи. – Но не совсем в моем вкусе.

Инспектор задумчиво хмыкнул, переходя от картины к картине.

– Думаете, это что-нибудь даст? – спросила Кристи.

– Не знаю, – ответил инспектор. – Я всего лишь хочу поближе узнать Энн Уэстли. Картины – часть ее жизни. И они точно что-то о ней говорят, нужно только истолковать их правильно.

– Возможно, моя интерпретация покажется вам наивной, – сказала Кристи, – но если вы попросите меня описать Энн Уэстли по этим картинам, я скажу, что это была доброжелательная, счастливая женщина с гармоничным внутренним миром. Что, как мы знаем, не спасло ее от ужасной смерти.

Филдер остановился. Снял с мольберта покрывало и внимательно присмотрелся к картине под ним.

– Вот это, – сказал он, – не кажется таким веселым.

Кристи приблизилась. Да, работа и в самом деле не походила ни на что в этой студии. Черный фон и два световых конуса – лучи ламп или прожекторов. Резкие мазки, как будто художница в ярости замазывала что-то на холсте. Ни на одной другой картине ничего подобного не было. Всюду – покой и умиротворенность, во множестве тщательно и с любовью прописанных деталей.

Но Кристи подумала, что талант художницы в этом страстном полотне проявился, пожалуй, в большей степени, чем в цветочных летних пейзажах. Она недоумевала, что именно наделяет картину такой сильной энергетикой.

– И что это значит? Что скажете, сержант?

– Свет автомобильных фар в ночи, – не задумываясь ответила Кристи.

Инспектор кивнул и прищурился.

– То есть вам кажется, что вы смотрите прямо на источник света…

– На источник света? – не поняла Кристи. – Вы о чем?

– Ну… просто у меня такое впечатление, что это не тот свет, который видишь, когда машина слепит тебя фарами. Скорее… отражение, что ли.

– Возможно, – согласилась Кристи. – Но откуда это видно?

– Сам не знаю… Ну, к примеру, свет автомобильных фар, скользящий по стене.

– Я не понимаю, что…

– Я сам ничего не понимаю. Очень может быть, что это совершенно неважно. Но эта картина сильно отличается от остальных. И она была прикрыта, как будто Энн Уэстли сама избегала лишний раз на нее смотреть. Тем не менее она это нарисовала и, как мне кажется, довольно прочувствованно.

Кристи согласилась, не особенно веря, что это что-то даст расследованию.

– Сэр, все это не более чем наши смутные догадки. И мы всё еще не знаем…

– Мы ничего не знаем, все верно, – нетерпеливо перебил инспектор. – Но нужно ведь с чего-то начинать. Я не художник и не психолог, но страх – первое, что бросается в глаза в этой работе. В большей степени, чем гнев или агрессия. Энн Уэстли чего-то или кого-то боялась, и это то, что напоминает о Карле Робертс. Та тоже боялась, что и пыталась донести до своей дочери в последнем телефонном разговоре. Здесь точка соприкосновения, поэтому это для нас так важно.

– Думаете, это нас к чему-нибудь приведет?

Инспектор продолжал разглядывать картину.

– Ни малейшего понятия. Но если хотите знать мое мнение, Энн Уэстли знала, что ей грозит опасность. Поэтому и собралась переезжать за две недели до Рождества. Преступник был где-то рядом с ней – и, возможно, длительное время. И она это заметила.

– Но где он сейчас?

Филдер не ответил и наконец оторвался от полотна. Смотреть на него и дальше не имело смысла. Оно и без того врезалось инспектору в память, отпечаталось на сетчатке, и отныне он был обречен носить его в себе.

Они вернулись к лестнице. Рассеянный взгляд Кристи блуждал по фотографиям и рисункам на стенах, шторам на окнах и красивым коврам на полу. Все это было подобрано, развешано и расставлено с большим вкусом, любовью и тщательностью. То, что этот дом говорил о миссис Уэстли, категорически не вязалось с ее чудовищной

кончиной. Трудно было представить, что эта женщина могла вызвать у кого-то столько ненависти.

– Нужно будет попросить коллег навести справки о покойном профессоре Уэстли, – сказал Филдер, когда они спустились на первый этаж. – Хотя вряд ли это нам что-то даст. Потому что если убийство – акт мести конкретному человеку или семье, Карла Робертс совершенно не вписывается в общую картину. И наоборот. Нам нужно установить связь между двумя женщинами, это единственный путь.

Кристи осторожно коснулась его руки:

– И все-таки, босс, на носу Рождество. Вы заслужили этот праздник.

Инспектор оглянулся на помощницу. Как она собирается праздновать? Кристи жила одна, с двумя кошками. Интересно, повесит ли она чулок на камин? И если да, кто вложит туда подарок?

Кристи продолжила, как будто прочитав его мысли:

– Что касается меня, я хочу расслабиться. Провести в постели полдня и вставать только за очередной чашкой капучино. Такого, знаете… с шоколадной крошкой на молочной пенке. Буду пялиться в телевизор, переключая с канала на канал, чтобы не думать ни о каких убийцах.

Филдер улыбнулся и поймал себя на мысли, что охотно, пожалуй, разделил бы с Кристи такой праздник – с телевизором, капучино и, главное, постелью.

Он кашлянул, выругавшись про себя, потому что не должен был так о ней думать.

– А мы ждем в гости свекровь, – уныло объявил инспектор.

– Ждете, правда?

– Ну… она такая суетливая… И очень много спорит.

Кристи рассмеялась:

– Не переживайте, сэр. Рождество так быстро заканчивается.

– Идемте, – сказал Филдер.

В этом году им с Кристи предстояла еще одна прогулка по зимнему лесу.

И это было лучше, чем ничего.

Вторник, 29 декабря

1

Ночью снова мело, а наутро все выглядело так, будто мир медленно погружался под толщу снега. К полудню, по крайней мере, центр города был расчищен, но к вечеру объявили о новых снегопадах.

Как ни старалась Джиллиан, Рождество вышло самым безрадостным в ее жизни. Они с Томом и Бекки планировали покататься на коньках и санках, но утром 25 декабря Бекки пожаловалась на боль в горле. К полудню температура поднялась. Девочка пролежала в постели два дня. Незадолго до того Бекки ныла, что выросла из того возраста, когда зимние каникулы проводят у бабушки с дедушкой, но, когда традиционная поездка в Норвич сорвалась, заплакала, как маленький ребенок. Настроение упало ниже нулевой отметки, несмотря на все усилия родителей.

Джиллиан и Том по вечерам вместе готовили ужин, топили камин, играли с дочерью в карты и вот уже в который раз смотрели «Сумерки» на DVD, – Том при этом неодобрительно качал головой. Электрические свечи на елке заливали комнату теплым светом, а снег, холод и глубокая темнота рождественских ночей создавали идеальную атмосферу Рождества.

Со стороны посмотреть – семейная идиллия, островок уюта посреди снежной бури и мрака. Но Джиллиан знала, что это обман, и дело не только в простуде Бекки. Тома неудержимо тянуло в офис, где накопилось много работы. Рождество в кругу семьи обернулось для него почти невыносимой скукой. Джиллиан же тосковала по Джону. Она поклялась никогда больше с ним не встречаться, но ей до боли в груди не хватало чувств, которые мог вызвать у нее только он один, его внимания и восхищения. Джиллиан утешала себя тем, что большинство людей падки на такие вещи. Но она и в самом деле стала сильней и уверенней в себе, с тех пор как встретила Джона. И отношения с ним были ценны прежде всего этим.

На следующий день после свидания с Джоном Джиллиан долго разговаривала по телефону с Тарой. Подруга не осудила их роман ни

единым словом, но дала понять Джиллиан, что таким образом ее проблема не решится. Очень может быть, что в этом она была права. И вот за два дня до Нового года Джиллиан собралась снова проведать Джона. Просто увидеть – спать с ним на этот раз она не планировала.

Томасу, как и тогда, она сказала, что едет к Таре. Он отреагировал жестко:

– Опять? Вы же виделись накануне Рождества.

– То есть три недели назад. Хочешь сказать, это слишком часто?

– По правде говоря, я собирался в офис.

– У Бекки все еще температура. Мне не хотелось бы оставлять ее одну.

– У нас накопилось много работы. Сейчас самое время разгребать.

– Дай мне сегодняшний вечер, Том. Пожалуйста. А завтра, если Бекки выздоровеет, вместе поедем в Лондон и будем работать до вечера.

– Хорошо. Но прошу тебя в семь быть дома. Ты знаешь…

– Да, я знаю, – раздраженно перебила Джиллиан. – И не думаю, что когда-нибудь это забуду. Вторник – клубный день, это святое.

Том как будто хотел возразить, но вместо этого сжал губы. Таким Джиллиан видела его, когда направлялась к гаражу, – стоявшим в дверях со сжатыми губами.

Она добралась до дома Джона в Паддингтоне к четырем часам дня и даже отыскала неподалеку место для парковки. Позвонила в дверь подъезда, но ответа не дождалась. Позвонила еще, отступила на шаг и посмотрела на его темные окна. Похоже, Джона Бёртона не было дома.

Джиллиан почувствовала себя идиоткой. Что она о себе возомнила, в самом деле? Что все эти дни Джон Бёртон будет сидеть в квартире и ждать ее звонка? Праздник праздником, но даже между Рождеством и Новым годом здания нужно охранять и, возможно, даже более бдительно, чем в другие дни. А у Джона охранная фирма. Что же удивительного в том, что этот вторник был для него обычным рабочим днем? То есть Джиллиан лишила Тома возможности работать, обманула его – и, выходит, напрасно…

Она медленно вернулась к своей машине. Одна мысль о том, чтобы провести остаток вечера в гостиной с рождественской елкой,

была невыносима, но у Джиллиан оставалось еще немного времени. С того места, где стояла машина, она могла видеть его подъезд.

Джиллиан села в машину и поплотней укуталась в пальто, стараясь не обращать внимания на пробиравший до костей холод. Сумерки сгущались, загорались окна, в том числе украшенные гирляндами и рождественскими звездами. Даже эта серая, пустынная улица стала по-домашнему уютной.

Джиллиан задумалась, будет ли жизнь с Джоном ощущаться иначе, чем с Томом. Станет ли Джиллиан другой, здесь, на этой улице, в квартире без мебели? Почему он спит на полу и вешает пальто на крючок, прибитый к стене в коридоре? В чем смысл этого аскетизма? И ни женщины, ни детей – ни сейчас, ни в прошлом… Только множество ни к чему не обязывающих любовных приключений.

Она снова подняла глаза на его окна. Джон Бёртон живет, как кочевник, готовый в любую минуту сорваться с места. Чтобы взойти, к примеру, на корабль и отправиться в кругосветное плавание. Или переехать в Австралию и разводить страусов. Показывать туристам канадские заповедники – тоже вариант… Такие вот возможные повороты судьбы, один безумнее другого. Джиллиан улыбнулась, но вымученно, потому что при ближайшем рассмотрении эти идеи выглядели не такими уж надуманными. Они логически вытекали из имиджа, который создавал себе Джон Бёртон, – непоседливого, беспокойного типа, не связанного никакими обязательствами, непонятного и неуловимого. Ни при каких обстоятельствах женщина не должна эмоционально привязываться к такому мужчине. Если, конечно, не хочет в конце концов оказаться отвергнутой и никому не нужной.

В двадцать минут седьмого Джиллиан поняла, что нужно на что-то решаться. Ей понадобится не меньше сорока пяти минут, чтобы добраться до дома. Том рассчитывает, что в семь Джиллиан сменит его у постели больной Бекки. Кроме того, она замерзла и рисковала сильно простудиться. Джиллиан вышла из машины и нерешительно пошла по улице, как будто надеялась, что Джон Бёртон вынырнет вдруг из-за угла и придаст смысл ее тоскливому ожиданию.

Она чуть не заплакала при мысли, что придется вернуться домой. Дошла до конца улицы и остановилась перед рестораном индийской кухни. Теперь Паддингтон наводнен индийцами и пакистанцами, и

подобные заведения чуть ли не на каждом углу. Это выглядело не слишком привлекательным, возможно, из-за немытых стекол. За угловым столиком сидела молодая пара. Оба молча смотрели перед собой. Окна украшали сосновые ветки, уже потерявшие много иголок. С люстры свисали серебряные шары.

– Вы открыты? – спросила Джиллиан.

Мужчина, индиец по виду, оторвался от кофейного автомата и кивнул.

– Даже если на первый взгляд должно быть наоборот, в это время у нас затишье. Тут уж ничего не поделаешь. Зато что будет твориться на Новый год! – Он посмотрел на Джиллиан. – Вы замерзли, похоже… В этом году холодная зима.

– Да. – Джиллиан сняла пальто окоченевшими пальцами.

– Могу налить вам чего-нибудь крепкого. И еще, у меня есть горячий суп; по-моему, будет кстати.

Джиллиан упала в кресло. Пальцы на ногах уже оттаивали, и это ощущалось как приятное покалывание. Джиллиан вдруг обнаружила, как это здорово – сидеть в одиночестве в почти пустом ресторане. Можно немного поболтать с хозяином, можно просто молчать, пить и есть, наслаждаясь теплом, или просто смотреть в стену. Как те молодые люди в углу. При этом никто ничего от нее не ждет – невероятно приятное чувство.

Хозяин принес бренди и тарелку дымящегося супа, когда Джиллиан вдруг неожиданно для себя спросила, не знает ли он Джона Бёртона.

Мужчина кивнул.

– Конечно, я знаю Джона. Живет здесь неподалеку, заходит перекусить… Вы его подруга?

На мгновение у нее мелькнула тревожная мысль, что подруги Джона, наверное, обычное явление в этом ресторане. Интересно, что думает о ней этот индиец? Дама средних лет, замерзшая в ожидании Джона Бёртона, заглянула на огонек и, может, надеется дождаться здесь пропавшего друга. Ни в коем случае Джиллиан не рассчитывала произвести такое впечатление, поэтому поспешила объясниться:

– Он тренирует мою дочь по гандболу.

– Вот как…

Было видно, что его любопытство не удовлетворено, но от дальнейших расспросов хозяин, к счастью, воздержался. Пожелал Джиллиан приятного аппетита и снова удалился за свою стойку.

Суп оказался действительно горячим и острым и быстро пробудил Джиллиан к жизни. Покончив с ним, она заказала бутылку минеральной воды и взяла бесплатную газету из стопки на соседнем столике. Номер трехнедельной давности, но Джиллиан прочитала его от начала до конца, не пропустив ни строчки. Молодые люди в углу так и не проронили ни слова. Хозяин включил радио, где шла юмористическая передача.

Джиллиан взглянула на часы – семь. В следующий раз – половина восьмого. Восемь. На душе стало на удивление легко. Она не знала, что так это ощущается – просто игнорировать ожидания других. Часы показывали половину девятого. Джиллиан прочитала три газеты, съела лепешку и выпила вторую бутылку минеральной воды. Ей стало хорошо, хотя Том ждал ее дома, вероятно, рассерженный, и скандала было не избежать. Теперь Джиллиан поняла, как так вышло, что она пришла в это место и сделала то, на что, казалось бы, в принципе не была способна – сознательно нарушила данное обещание. Она повела себя как эгоистка. Ввергла собственного мужа в неуверенность и беспокойство, демонстрируя тем самым то, что до сих пор не просто не одобряла, а откровенно ненавидела в других.

Она сознательно нарывалась на ссору, хотела ее. Наконец решила рассказать Тому о Джоне. Интересно, какой будет его реакция? Недоумение? Беспомощное отчаяние? Агрессия? Может, это станет концом их брака… Джиллиан совершенно не чувствовала страха и ни в чем не раскаивалась; в то же время ее не покидало ощущение, что здесь что-то не так. Что-то в этой ситуации ее смущало. Она не знала, что именно, и в конце концов просто отмахнулась от этого чувства.

Без двадцати девять Джиллиан встала из-за столика, подошла к стойке и расплатилась. Молодые люди к тому времени ушли. Она оставалась в зале последней.

– Ну что? Теперь домой? – спросил хозяин.

Джиллиан чувствовала его недоумение. Женщины, долго просиживающие в ресторане в полном одиночестве, обычно топят досаду на какого-нибудь парня в большом количестве спиртного. А потом, шатаясь, уходят домой, в пустую квартиру с холодной

постелью. Но Джиллиан, если не считать рюмки бренди, выпила литр воды и с явным интересом читала газеты.

«Пусть думает что хочет», – решила она и вышла на улицу. Было все так же холодно, снова повалил снег. Приятно оказаться на свежем воздухе после теплого помещения и не слышать больше трескотни радио. Джиллиан глубоко вздохнула.

Пока шла к машине, рылась в сумочке в поисках ключа и наткнулась на телефон. В этот момент Джиллиан поняла, что беспокоило ее все это время. Ей ни разу не позвонили. Подсознательно она ждала, что, начиная с четверти восьмого, Том будет звонить каждые пять минут и спрашивать, где она. Потому что он собирался в клуб. И потому что волновался. Джиллиан вытащила телефон из кармана, дабы при свете уличного фонаря убедиться, что он включен. Взглянула на дисплей – ни одного пропущенного звонка.

Неожиданно разволновавшись, Джиллиан ускорила шаг. Был ли Том настолько разозлен, что даже не позвонил? Это на него не похоже. Джиллиан разблокировала дверцу машины и завела мотор. Было без десяти девять.

2

Без четверти десять она повернула на подъездную дорожку. В эркерном окне гостиной, выходившем во двор, горел свет и шторы не были задернуты. Совсем не в духе Тома, ненавидевшего «выставлять себя на всеобщее обозрение», как он это называл.

Джиллиан вышла из машины. Ей стало не по себе. Как она храбрилась только что в индийском ресторане – а теперь, когда пришло время встретиться с мужем лицом к лицу, колени подкашиваются… Ей вдруг пришло в голову, что Том позвонил Таре и обман раскрылся. Ведь на этот раз договоренности с Тарой не было…

Кроме того, он мог попросить Тару позвать к телефону Джиллиан, чего та, разумеется, сделать не могла. «Но она предупредила бы меня», – подумала Джиллиан. Что-то здесь было не так. Да и мог ли Том позвонить Таре? Откуда у него ее номер? Не проще ли для начала попробовать связаться непосредственно с женой?

Джиллиан ускорила шаг. Тревога колотила в виски. Снег повалил крупными хлопьями.

Джиллиан отперла входную дверь, вошла в ярко освещенную прихожую и позвала вполголоса:

– Эй!

Никто не отвечал. Том, наверное, сидит в гостиной. Выпил полбутылки виски в предвкушении скандала.

– Том, ты здесь?

Молчание. В гостиной никого. Джиллиан повесила пальто на вешалку, сняла сапоги и прошла на кухню в одних чулках. Дверь в сад была открыта, и в комнате стоял адский холод. Тарелка с бутербродами, нож и нарезанный помидор на столе позволяли предположить, что Том готовил ужин для себя и Бекки, когда его что-то неожиданно отвлекло. Рядом с раковиной ждала своего часа неоткрытая бутылка белого вина. Тут же лежал штопор. Так или иначе, никто ничего не ел и не пил. Может, Том решил бросить все и поужинать в клубе? Но как же Бекки? Она больна, ей нельзя на улицу. И почему он оставил включенным свет и не закрыл дверь? Джиллиан вышла из кухни в столовую.

Том был там. Он лежал, уткнувшись лицом в сиденье стула, с неестественно вывернутыми ногами. Джиллиан приблизилась к нему, как в замедленной съемке. Сердечный приступ. Это случилось, когда он готовил ужин. Том вышел в столовую, чтобы затопить камин или постелить скатерть, и рухнул. Он давно шел к этому, игнорируя ее предупреждения. Из горла Джиллиан вырвался сдавленный крик. Боже, за что? Пока она ездила на свидание с любовником, мужа постигла ужасная участь… И никого рядом, кто мог бы помочь.

Но Бекки, где была она? Джиллиан оперлась о стол и склонилась над Томом. Господи, только бы был жив… Осторожно попыталась повернуть его и положить на ковер. Том оказался на удивление тяжелым, Джиллиан едва могла сдвинуть его с места.

– Том, – прошептала она. – Том, пожалуйста, скажи что-нибудь… Это я, Джиллиан. Том, пожалуйста, повернись.

Она положила руку ему на голову – и тут же одернула ее. Посмотрела на пальцы и без сил опустилась на колени. На ее руке была кровь. Мозг Джиллиан судорожно генерировал мысли, но что-то мешало выстроить их в логическую цепочку. Никогда раньше Джиллиан не сталкивалась ни с чем подобным. Как будто подсознательно не желала прийти к неизбежному выводу.

Том едва ли мог пораниться о подушку, в которую ткнулся лицом. Он упал на пол где-то в другом месте, встал и добрался до стола, где ноги у него подкосились. Где-то еще должна быть кровь – может, на каминной полке или на дверном косяке… Джиллиан огляделась несколько раз, но так и не нашла этого места.

Где же Бекки? В какой-то момент девочка должна была почувствовать, что что-то случилось, и спуститься вниз посмотреть, почему отец не зовет ее ужинать. Что она могла сделать, когда увидела его в таком состоянии? Что в таких случаях делает любая двенадцатилетняя девочка? Бежит искать помощи. К соседям – прежде всего. Но те вызвали бы врача, и тогда Том не лежал бы здесь так, похоже, уже не первый час…

В голове Джиллиан вспыхнула новая мысль, и происходящее вдруг предстало в совершенно ином свете. Она вскочила и, бросившись на второй этаж, где тоже везде горел свет, закричала:

– Бекки! Бекки, где ты?

Ее комната была пуста. Куклы Барби, с которыми Бекки время от времени тайком играла, валялись на ковре. На столе лежали блокнот для рисования и несколько кисточек рядом с банкой воды и коробкой с красками. Перед открытым платяным шкафом были разбросаны юбки, пуловеры и джинсы, как будто кто-то в ярости рылся на полках и в ящиках. Джиллиан откинула одеяло, заглянула под кровать и за ящик с игрушками. Бекки нигде не было.

Она рыдала, сама того не осознавая. Что бы ни случилось, оно застало Тома и Бекки врасплох. Кто-то вторгся в дом незадолго до ужина – и был полон решимости совершить задуманное.

Джиллиан словно оказалась в кошмарном сне, смысла которого не понимала, только ждала, когда же он закончится. Пока наконец не осознала, что спасительного пробуждения не будет и ужас может только усиливаться.

Она побежала в соседнюю комнату, их с Томом спальню. И здесь горел свет, шкафы были открыты, ящики выдвинуты – и никаких следов Бекки. Кто-то перерыл весь дом в поисках чего-то. Но почему везде свет? Бекки рисовала у себя в комнате. Том готовил ужин, ругая бог знает куда запропастившуюся жену. Но почему свет – в спальне, ванной, комнате для гостей? Джиллиан снова и снова забегала в

каждую из этих комнат, и везде было одинаково светло и пусто – никаких следов Бекки.

Перепрыгивая через ступеньку, Джиллиан побежала выше, на чердак. Там были маленькая кладовка и большая комната, где Том подвесил качели к балкам крыши и постелил на полу спортивные маты. Бекки часто резвилась здесь с подругами, особенно когда на улице была плохая погода. Даже здесь горел верхний свет.

Джиллиан тяжело дышала.

– Бекки, Бекки, где ты?

Она уже собиралась бежать вниз, потому что вспомнила о подвале, куда еще не успела заглянуть, когда почувствовала, что в кладовке кто-то есть. Обернулась:

– Бекки?

И услышала в ответ всхлип:

– Мамочка…

Джиллиан молнией метнулась в кладовку, доверху забитую коробками, старыми чемоданами и дорожными сумками, забытыми игрушками и прочим хламом, до которого у них с Томом так и не дошли руки.

– Бекки?

Крышка самого большого чемодана приподнялась, и показалось лицо дочери. Спутанные волосы падали на лоб, красные глаза опухли от слез, бледная кожа вся в пятнах.

– Мамочка… – прохрипела Бекки больным горлом.

Спотыкаясь о коробки, Джиллиан шагнула в чулан, встала на колени, открыла крышку чемодана и обняла дочь.

– Что случилось, Бекки? Ради всего святого…

Дочь попыталась подняться, но снова упала.

– Мои ноги, мамочка… Боже, как больно…

Джиллиан принялась массировать ей ноги. Похоже, Бекки пролежала в скрюченном положении не один час. Неудивительно, что у нее все болит.

– Все будет хорошо, дорогая. Что случилось?

Бекки огляделась полными ужаса глазами.

– Он все еще там?

– Кто?

– Мужчина, который напал на папу, а потом искал меня по всему дому. Может, он еще не ушел…

– Я так не думаю. Кто это был?

– Я… не знаю.

Джиллиан заметила, что зрачки Бекки стали неестественно большими и неподвижными. Нужно было срочно звонить врачу. И в полицию.

Она помогла дочери подняться.

– Идти можешь?

Бекки подавила всхлип.

– Да… нет… Вот, теперь могу.

Джиллиан отбросила в стороны хлам, освободив проход, и Бекки, опершись на маму, кое-как доковыляла до двери. На лестнице вздрогнула от бьющего в глаза света.

– Ты уверена, что он ушел?

Джиллиан кивнула, хотя не была уверена ни в чем.

– Я обошла весь дом. Никого нет.

Она так и не заглянула в подвал. Дома с подвалом – не такое уж частое явление в Англии, и Джиллиан всегда ценила это дополнительное пространство. Теперь же ей хотелось бы, чтобы его не было. Но зачем убийце там прятаться? Все просто: он ждет, когда Бекки выйдет из укрытия. Девочка представляет собой опасность, потому что может его опознать.

Они начали медленно спускаться по лестнице. Джиллиан осторожно подтолкнула Бекки в ее комнату.

– Запрись и сиди, как мышь. Не открывай, пока я не скажу, поняла?

Но Бекки насмерть вцепилась в мать:

– Не оставляй меня одну… мама, не уходи, пожалуйста…

– Я должна позвонить в полицию, Бекки. И вызвать «скорую». Пожалуйста, посиди в своей комнате.

– Мама…

– Прошу тебя, Бекки, – Джиллиан заметила, что от волнения перешла на повышенный тон. – Делай как я говорю.

Она мягко отстранилась от девочки. Бекки была близка к истерике, и ее нужно было срочно запереть в безопасном месте, чтобы без помех вызвать полицию.

– Иди в свою комнату, Бекки. Немедленно!

Бекки с недоумением смотрела на мать. С ее белого, как мел, лица все еще не сошли красные пятна. Неподвижные зрачки вперились в Джиллиан.

– Где ты была, мама? Где ты была весь вечер?

Джиллиан не ответила.

Четверг, 31 декабря

Он старался идти обычным шагом, но все равно запыхался, когда добрался до входной двери. Сорвавшись на бег, он рисковал привлечь внимание полицейских. Патрульные машины ночью так и сновали по городу. Он понятия не имел, как быстро запускается этот механизм. Что, если на него уже охотятся и у каждого полицейского есть его фото и описание?

Он вытер лоб рукой и удивился, что вспотел при десяти градусах ниже нуля. На часах десять тридцать. До полуночи полтора часа, но в темном небе то и дело вспыхивали разноцветные ракеты. На улицах попадались шумные и не совсем трезвые компании. Но не так часто – слишком холодно для массовых гуляний.

Он посмотрел на фасад многоквартирного дома в центре Саутенда. Свет горел везде, кроме самого последнего этажа. Откуда-то слышалась громкая музыка. Конечно, кто спит в новогоднюю ночь? Люди гуляют, веселятся…

Все, кроме тех, кого ищет полиция. Он надеялся, что Бартек дома и что музыка играет не в его квартире. Шумная компания совсем некстати. Он задумался, прежде чем нажать звонок, но выбора не предоставлялось. Ему нужно было где-то спрятаться. На улице он рисковал замерзнуть насмерть.

Домофон отреагировал далеко не сразу. Самсон толкнул дверь и поднялся на второй этаж. Он бывал здесь раньше, но не помнил, чтобы когда-нибудь подъем давался с таким трудом. Самсон останавливался несколько раз перевести дух. Он был истощен, физически и эмоционально.

Бартек стоял на лестничной площадке перед своей квартирой и смотрел вниз. Сквозь дверь за его спиной доносились звуки шумного

веселья. «Выходит, все-таки у него», – с грустью подумал Самсон. Бартек сначала испугался, а затем смутился при виде незваного гостя.

– О, Самсон… как это мило с твоей стороны. А у нас гости… Вообще-то я и тебя хотел пригласить, но ты ведь не очень любишь вечеринки, вот я и подумал…

Самсон тем временем преодолел последнюю ступеньку.

– Мне нужна твоя помощь, Бартек…

– Выглядишь ужасно, – заметил Бартек и поплотнее прикрыл дверь за спиной.

– За мной гонится полиция, – продолжал Самсон.

– Что?

– Милли на меня заявила, а Гэвин предупредил. И вот теперь я не знаю, куда податься.

– Боже всемогущий… – прошептал Бартек, который теперь выглядел не на шутку озадаченным.

«Неудивительно, – подумал Самсон. – У него полный дом гостей, и все хотят веселиться. А тут появляюсь я с историей, которая должна показаться ему совершенно абсурдной».

– То есть как заявила? – не понял Бартек. – Что ты такого сделал?

– Все чушь от начала и до конца, – ответил Самсон и тут же подумал, что «чушь», пожалуй, мягко сказано. Еще вчера ему и в страшном сне не могло привидеться, что он может угодить в такой переплет. – Я ведь рассказывал тебе, чем занимаюсь днями напролет…

– Что ты наблюдаешь за женщинами?

Как это прозвучало… Образ, стоящий за этими словами, не имел ничего общего с тем, что происходило на самом деле, и в этом заключалась главная проблема. Хобби Самсона было слишком необычным, чтобы люди могли поверить в его безобидность.

– Я все записывал, – продолжал Самсон, – мысли, наблюдения и прочее. Все это хранилось у меня в компьютере. Милли за мной шпионила. Она взломала защиту, прочитала и распечатала все, что нашла, и теперь имеет на руках доказательства того, что я якобы опасен.

Бартек покачал головой.

– Но то, чем ты занимаешься, действительно не совсем нормально.

– Позавчера на нашей улице был убит мужчина. В собственном доме, в столовой, выстрелом в голову…

– Я читал, – Бартек кивнул. – Но каким образом…

– С тех пор Милли все уши прожужжала моему брату, что распечатки моих записей нужно передать в полицию. Он пытался ее отговорить, но Милли всегда делает что хочет. Сегодня утром она отнесла бумаги в ближайший участок и объявила там, что считает меня убийцей.

– Да, но я не думаю, что полиция…

В этот момент из двери за спиной Бартека выглянула молодая женщина в коротком черном платье и на головокружительно высоких каблуках.

– Вот ты где, Бартек! А я тебя ищу… – Она посмотрела на Самсона: – Привет!

– Привет, – ответил тот.

Самсон видел пару раз невесту Бартека, когда бывал у него в квартире, но она его, очевидно, не помнила.

– Мой друг Самсон, – представил его Бартек.

Элен повернулась к Самсону:

– Что же ты стоишь здесь? У нас так весело!

– Сейчас придем, – ответил за него Бартек. – У Самсона проблема.

Элен рассмеялась. Она была очаровательна не менее, чем ее жених. Самсон подумал, что когда-нибудь у них родятся невероятно симпатичные дети.

– Хорошо, когда решишь проблему, приходи, – сказала она и исчезла в квартире.

Похоже, и Бартек начинал терять терпение.

– Ну, как уже сказал, я не думаю…

– Погоди, – перебил его Самсон. Бартек должен был понять взрывоопасность ситуации. – Мужчина, убитый позавчера, – муж той самой женщины, которая мне нравилась. Я рассказывал тебе о ней. За этой семьей я наблюдал с особым интересом, и об этом тоже есть в моих записях.

– Плохо, – задумчиво заметил Бартек.

– Но есть кое-что еще… Я ужасно разозлился на них накануне Рождества.

– Из-за чего ты на них разозлился?

– Он… он был груб со мной. Я привел к себе домой их двенадцатилетнюю дочь, и…

– Что?! – Бартек в ужасе уставился на Самсона.

В контексте сказанного выше это прозвучало и в самом деле ужасно. Но Бартек не должен был думать, что Самсон… Боже, ну почему его сразу принимают за растлителя малолетних?

– Нет, нет! – в отчаянии воскликнул Самсон. – Там действительно сложилась особая ситуация. Бекки не могла попасть домой. Родители ушли, а я просто проходил мимо, и…

– То есть ты опять шлялся возле этого дома.

На лице Бартека отчетливо читалось то, чего он не договаривал вслух: «Черт дернул меня связаться с этим идиотом. И почему я должен сейчас выслушивать эту галиматью?»

– Я не мог оставить ребенка на улице, пойми. Но когда они пришли ее забирать, отец вел себя так, словно не верил…

Бартек вздохнул.

– Я написал в дневнике, что ненавижу его. А теперь он мертв, и… полиции покажется подозрительным, что я следил за ними.

– Я просто не могу в это поверить, – прошептал ошеломленный Бартек. – Боже мой, я же говорил тебе, что добром это не кончится… Ты уверен, что Милли пошла с твоим дневником в полицию?

– Гэвин сказал мне об этом сегодня утром. Он не смог остановить ее и был в отчаянии.

– Понимаю, – пробормотал Бартек.

– Я тут же сел в машину и уехал. Разъезжал до вечера, а потом понял, что это опасно. Полицейские, конечно, уже знают номер моей машины. Я оставил ее в парке Канониров и пешком вернулся в город. Окольными путями, Бартек. Я на ногах уже несколько часов и совершенно без сил. Можно остаться у тебя?

– Ни в коем случае, – ответил Бартек и, увидев испуганное лицо друга, добавил: – Это было бы глупо, пойми. Уверен, что полиция уже заинтересовалась твоими друзьями, и Милли сообщила им мое имя. Они догадываются, что ты ищешь пристанище.

– Но мне нужно где-то переночевать…

– У тебя есть деньги?

– Сто фунтов наличными – все, что оставалось на моем счету.

– Хорошо, – кивнул Бартек. – Это хорошо.

Единственное, чего он сейчас хотел, – это избавиться от Самсона, чтобы потом, в спокойной обстановке, пораскинуть мозгами, что делать дальше.

– Послушай, – продолжал Бартек. – Этого достаточно, чтобы снять номер в гостинице. Не в шикарной, конечно, но маленький недорогой отель тебе вполне подойдет. Найди себе что-нибудь подходящее, прямо сейчас. Завтра позвонишь мне. Я обязательно что-нибудь придумаю.

– Отель? – недоверчиво переспросил Самсон. – Ты думаешь, это не опасно?

– И вполовину не так опасно, как моя квартира.

Самсон кивнул. Бартек оглянулся на дверь, за которой как ни в чем не бывало продолжалось веселье.

– Самсон, у меня гости. Я должен к ним вернуться. Завтра созвонимся, как договорились.

– Ты мне поможешь?

– Конечно, – ответил Бартек.

Сейчас он согласился бы на что угодно, лишь бы только поскорее покончить с неприятной ситуацией.

– Бартек, – умоляюще продолжал Самсон, – прошу тебя, верь мне. Я не имею к этому убийству никакого отношения. Я не убивал мистера Уорда. Я никогда не был способен не то чтобы убить, но даже просто ударить кого-то. Я невиновен.

– Разумеется, я тебе верю, – ответил Бартек тоном, каким врачи обычно разговаривают с сумасшедшими.

Самсон прикрыл глаза.

– Я действительно этого не делал…

– До завтра, – сказал Бартек и исчез в квартире, с особой тщательностью притворив за собой дверь.

Самсон повернулся, чтобы идти. Ступни налились свинцом. Гэвин советовал ему самому явиться в полицию. «Ты только усугубишь ситуацию, если пустишься в бега. Сходи к ним и расскажи все как есть. Прятаться бесполезно. В конце концов тебя поймают, и ты будешь выглядеть глупо».

Конечно, Гэвин был прав, но… Самсон боялся. Панический страх блокировал все возможные варианты поведения, кроме одного – следовать природному инстинкту и бежать в безопасное место. Только

вот где оно? Самсон начал медленный спуск по лестнице. Одиннадцать часов, скоро полночь. Следующий год с самых первых минут обернется для него кошмаром.

Пятница, 1 января 2010 года

1

Детектив-инспектор Питер Филдер знал, что требует от жены слишком многого, но так уж получилось, что именно 31 декабря дело приняло катастрофический оборот. Провести 1 января и следующую праздничную неделю дома у камина было исключено, даже если это и способствовало бы укреплению брака.

Вместо этого в то темное холодное утро Филдер собрал экстренное совещание в Скотланд-Ярде, куда добрался до смерти уставший, после того как смог привести в рабочее состояние свою обледенелую машину. Не последнюю роль сыграло и празднование Нового года с женой и друзьями. Но Филдер надеялся, что кофе, приготовленный руками Кристи, вернет его к жизни. Инспектор не знал никого, кто варил бы кофе так же хорошо, как это делала детектив-сержант Макмарроу. Кроме того, она входила в число самых умных и проницательных его коллег. Филдер понимал, что играет с огнем, но сам никогда не нашел бы в себе смелости вывести их отношения за границы профессионально-деловой сферы. И при этом очень боялся, что первый шаг в этом направлении может сделать она.

Совещание получилось утомительным, так как уставшие после новогоднего похмелья коллеги не проявляли особого желания работать. Детектив-констебль Кейт Линвилл обронила, что теперь, когда личность преступника установлена, остается только найти и задержать его.

– Вы полагаете? – переспросил Филдер. – И кто же он?

Молодая женщина неуверенно огляделась.

– Самсон Сигал, кто же еще. Я думаю…

– А я вот думаю, что мы должны быть осторожнее с Самсоном Сигалом, – перебил коллегу Питер Филдер. – Понимаю, что чтение его дневниковых записей наводит на мысль, что у Самсона Сигала не все в порядке с головой. Но не более того. На сегодняшний день, во всяком случае.

– Но его высказывания в адрес Томаса Уорда… – не сдавалась Кейт.

– А он где-нибудь высказывался насчет Карлы Робертс и доктора Энн Уэстли?

– Самсон Сигал целыми днями слоняется по округе и шпионит за совершенно незнакомыми людьми, прежде всего женщинами. Я не удивлюсь, если это он ездил вверх-вниз на лифте в многоэтажке в Хакни.

– Именно это нам и предстоит проверить, – сказал Филдер. – Но пока у нас нет ничего конкретного, давайте будем воздерживаться от поспешных выводов, констебль Линвилл.

Кейт Линвилл покраснела. Собственно, она была не так молода и давно должна была получить повышение, но так и осталась в чине констебля, как забытый на полке старый чемодан. Кейт была надежным и очень добросовестным сотрудником, но для следственной работы не имела абсолютно никаких природных задатков. Плохо разбиралась в человеческой психике и почти никогда не выдвигала действительно конструктивных предложений. Скорее от нее можно было ожидать высказываний вроде того, что она только что сделала о Самсоне Сигале. Только для того, чтобы не сидеть молча во время совещания, как подозревал инспектор.

Следствие развивалось по обычному сценарию. Группа криминалистов побывала в Торп-Бэй, где собрала большое количество отпечатков пальцев в доме Самсона Сигала, которые теперь сравнивали с неопознанными отпечатками из квартиры Карлы Робертс в Хакни и бесчисленными отпечатками из лифта. К сравнению привлекли и криминалистические следы из дома Энн Уэстли. Наличие совпадений выводило работу следственной группы на новый уровень.

После совещания Питер Филдер отправил констебля Линвилл побеседовать с Милли Сигал – женщиной, накануне появившейся в отделении полиции в Саутенд-он-Си с компьютерными распечатками дневников своего деверя, в котором подозревала опасного психопата и убийцу.

– Это он убил Томаса Уорда, – утверждала Милли Сигал. – Я не знаю никого, кто еще мог бы это сделать. Прочтите – и сами все поймете.

Филдер внимательно посмотрел на заметки, нацарапанные на множестве листков бумаги, разложенных на столе по системе, которую никто из коллег так и не смог разгадать. Час от часу история становилась все более запутанной, а раскрытие преступления с каждым днем отдалялось на несколько световых лет. Сегодняшнее совещание ничего не дало, хотя, возможно, инспектор ждал слишком многого от своих людей после новогодней ночи. Кристи в соседней комнате говорила по телефону. Остальные либо разошлись по заданиям, либо отправились домой отсыпаться.

У Филдера было время подумать – весь долгий, холодный день.

Взгляд инспектора цеплялся за имя Томаса Уорда, неоднократно обведенное красной ручкой и отмеченное множеством вопросительных знаков на полях. Как вписывался Томас Уорд в серию убийств одиноких пожилых женщин? На первый взгляд – а также на второй и третий, – никак. Томас Уорд был мужчиной, причем далеко не одиноким. Он был убит, когда в доме находилась его двенадцатилетняя дочь, а тело обнаружила его жена несколько часов спустя. И умер он не оттого, что подавился клетчатой тряпкой, которую затолкали ему в горло. Томас Уорд был застрелен. Убийца произвел два выстрела. Первая пуля задела висок и вызвала сильное кровотечение, но не убила мистера Уорда. Вторая разорвала ему сонную артерию. Даже если б его нашли раньше, у него не было бы шансов.

Компьютерный анализ пули и перекрестная проверка с другими недавно обследованными боеприпасами и орудиями убийства были обычным делом. При этом эксперты Скотланд-Ярда выявили неожиданное совпадение, которое было немедленно подтверждено последовавшей тщательной проверкой. Томас Уорд был застрелен из того же пистолета, при помощи которого убийца Энн Уэстли взломал замок ванной комнаты, где укрылась жертва.

Так дело об убийстве Томаса Уорда легло на стол инспектора Питера Филдера. Ему же были переданы дневниковые записи Самсона Сигала из Торп-Бэй, который жил по соседству с Томасом Уордом и, как видно, сильно его недолюбливал. Все это послужило поводом для созыва экстренного совещания 1 января, нисколько не развеявшего растерянность следственной группы, скорее наоборот.

Что общего между Томасом Уордом и двумя убитыми женщинами? Кристи Макмарроу озвучила ключевую мысль:

– Что, если дело не в Томасе Уорде? Может, преступник собирался убить его жену, но той не оказалось дома?

Филдер кивнул в задумчивости, медленно обводя фамилию Уорда еще одним кружком.

Он разговаривал с Джиллиан Уорд на следующий день после убийства, и то, что она сказала, подтверждало предположение Кристи.

Со слов Джиллиан Уорд выходило, что Томас каждый вторник после работы посещал теннисный клуб, откуда редко когда возвращался раньше десяти-одиннадцати часов. Любой мало-мальски знакомый с жизнью семьи мог ожидать в тот вечер застать дома Джиллиан, но не ее мужа. Миссис Уорд во всем винила себя, потому что в день убийства отправилась повидать любовника, оставив Томаса одного – точнее, с Бекки. Обо всем этом Джиллиан рассказала сама, что далось ей тяжело. У инспектора не сложилось впечатления, что она что-то утаивает.

Джиллиан Уорд. Это имя тоже мелькало в его записях, не раз обведенное кружком. Теперь инспектор провел от него стрелку к другому имени, которое написал черными чернилами и подчеркнул жирной чертой, – Джон Бёртон. Инспектор был ошеломлен, наткнувшись на это имя в материалах расследования убийства.

Детектив-инспектор Джон Бёртон, бывший коллега, чья карьера в столичном отделении Скотланд-Ярда закончилась так глупо… Филдер недолюбливал его с самого начала и сам не знал почему. Иногда он подозревал, что причина неприязни – та беззаботность и безоглядность, с которой Бёртон шагал по жизни и на какую Филдер никогда бы не решился. Джону понравилась молодая женщина, и он с головой бросился в любовную авантюру, не задумываясь о последствиях. А когда последствия все же вынудили его подать в отставку, сделал это с такой невозмутимостью и хладнокровием, словно хотел внушить коллегам мысль, что выходит наконец на свободу, оставляя их прозябать в серых стенах полицейского отделения. Даже из этой ситуации Бёртон умудрился выйти победителем, а ведь для кого-то увольнение из Скотланд-Ярда стало бы самой большой трагедией в жизни.

«Может, это и возмущало меня в нем больше всего», – подумал Филдер и тут же осекся. То, что он переживает за Бёртона,

представляло сейчас наибольшую опасность, поскольку мешало инспектору сохранять объективный взгляд на вещи.

Так или иначе, теперь Джон Бёртон взялся за Джиллиан Уорд, муж которой только что найден мертвым. Это казалось странным, тем более с учетом того, что Бёртон до конца жизни обречен носить клеймо сексуального насильника, несмотря на оправдательные отчеты медиков и выводы прокуратуры, не нашедшей достаточно оснований для предъявления обвинения.

В комнату вошла Кристи.

– Есть новости. Найдена машина Самсона Сигала. Парк Канониров в Шоберинессе. При этом никаких следов самого Сигала. И второе. Я говорила с криминалистами. Отпечатки пальцев из его комнаты сличили с найденными в квартире Карлы Робертс и в лифте многоэтажки в Хакни – ни единого совпадения. С Танбридж-Уэллс пока не все ясно – там криминалисты еще не закончили.

– Полагаю, мы поспешили записать Самсона Сигала в убийцы, – начал Филдер, но Кристи оборвала его:

– Извините, сэр, но я догадываюсь, что сейчас с вами происходит. Вы переключились на Бёртона, а Самсон Сигал со своими странными записями отошел на второй план. Но с какой стати Джону Бёртону…

– …убивать Томаса Уорда? – закончил за нее инспектор. – Хотя бы потому, что у Джона Бёртона роман с его женой.

– И ради этого он убивает мужа? Если он хочет связать свою жизнь с Джиллиан Уорд, она могла бы и развестись.

– А что, если Бёртон хотел убить Джиллиан? По ее словам, он не знал, что в тот вечер она собиралась его навестить, и вместо этого допоздна просидела в индийском ресторане в Паддингтоне. У Бёртона были все основания ожидать, что в тот вечер Джиллиан была дома. Одна.

– А дочь?

– Бёртон тренирует ее по гандболу. Вполне возможно, он знал о запланированной поездке Бекки к дедушке с бабушкой.

– Но зачем ему было убивать Джиллиан?

Филдер поднялся и подошел к окну. Над городом низко нависали тяжелые тучи.

– Не забывайте, сержант, что Бёртон и раньше совершал преступления на сексуальной почве. Собственно, что мы о нем знаем?

Этот парень может быть очень опасен. Неадекватен психически и совершенно без тормозов. В тот раз он легко отделался, тем не менее сразу подал рапорт по собственному желанию. Зачем? Чтобы предотвратить продолжение расследования? Не дать неудобным для него фактам всплыть на поверхность?

– Каким фактам?

– Откуда мне знать? Но в том, что касается секса, Бёртон совершенно неадекватен.

– Сэр, я и в самом деле не имею намерения его защищать. Когда-то мы с Джоном были одной командой и отлично ладили. Я знаю его сильные и слабые стороны. Бёртон не может просто так пройти мимо симпатичной женщины, но я бы не назвала это сексуальным расстройством. Никто из нас ни на секунду не поверил, что он изнасиловал ту девушку. Не поверил в это и прокурор, и еще несколько экспертов, причем независимо друг от друга. Тем не менее остаться Джон не мог. Потому что каждый коллега мужского пола в глубине души радовался его падению и не упускал случая это продемонстрировать. Было ясно, что этого пятна Бёртону не смыть. Любой преступник или адвокат преступника мог с ухмылкой поинтересоваться, не тот ли он детектив, который когда-то находился под следствием по делу об изнасиловании. Не самое выгодное положение для высокопоставленного инспектора Скотланд-Ярда. Поэтому в том, что касается отставки, я его хорошо понимаю.

– Но мы должны быть объективны, Кристи. Я знаю, что Бёртон имел репутацию хорошего полицейского. Теперь же, когда его имя всплыло в расследовании убийства, нам ничего не остается, как избавиться от предубеждений.

– Хорошо, но вы забыли о Карле Робертс и Энн Уэстли. Их-то за что? Одной шестьдесят с лишним, другой почти семьдесят. С ними у Джона точно не было никаких романов.

– Что же касается Томаса Уорда, – продолжал настаивать Филдер, – у Бёртона нет алиби на момент совершения преступления.

Инспектор уже отправлял одного коллегу поговорить с Джоном Бёртоном, и тот показал, что во вторник во второй половине дня находился в своем охранном бюро. До восемнадцати часов консультировал заказчика, который хотел установить у себя на вилле систему безопасности. Разговор подтвержден заказчиком. Но потом

Бёртон остался один и занимался тем, что подбирал оборудование для заказчика и просчитывал затраты. Кроме того, взял на себя ответы на телефонные звонки до двадцати двух часов. После чего его на этом посту сменил сотрудник, а сам Бёртон, по его словам, отправился домой. К сожалению, в тот вечер на телефон бюро не поступило ни одного звонка, поэтому между восемнадцатью и двадцатью часами Джон Бёртон мог съездить в Торп-Бэй и вернуться, так чтобы этого никто не заметил.

– Не каждый, у кого нет алиби, преступник, – возразила Кристи. – Кроме того, Бёртон не стал бы брать на себя дежурство на телефоне, если б собирался кого бы то ни было убить в тот день. Он не настолько глуп, чтобы так рисковать.

Филдер отвернулся от окна.

– Я не зацикливаюсь на Бёртоне, – сказал он. – Просто стараюсь не особенно привязываться к Самсону Сигалу. У меня такое чувство, что с ним все слишком очевидно, понимаешь? Нам подают преступника как на блюде, так не бывает. Вдруг появляется женщина, которая утверждает, что ее деверь убил соседа, и в качестве доказательства предъявляет кипу бумаг, буквально черным по белому подтверждающих это обвинение. У меня в голове загораются сигнальные огни. Это рефлекс – ничего не могу с этим поделать.

– Но он в бегах, – напомнила Кристи. – Хотя это тоже ничего не доказывает… – Она покачала головой. – Понимаю, о чем вы, шеф. Но иногда все именно так и бывает. Преступник попадает к нам в руки только потому, что кто-то больше не в силах молчать. И вы должны признать, что Сигал идеально соответствует профилю нашего убийцы. Здесь все как по учебнику. По словам его невестки, у Сигала серьезные проблемы с женщинами, и это отражено в его дневнике. Они его отвергают, и Сигал пишет о женщинах с неприкрытой ненавистью. Следит за ними, отмечая все до мелочей. Он знал, что Томаса Уорда не бывает дома по вторникам. И что Бекки собралась к бабушке с дедушкой. У него была вся необходимая информация.

– Не вся. Ничто не указывает на то, что Сигал знал о том, что у Джиллиан Уорд роман на стороне. По крайней мере, ничего конкретного.

– Конечно, любая женщина на месте Джиллиан сделала бы все возможное, чтобы сохранить эту историю в тайне.

– Допустим. Но, несмотря на пристальное наблюдение за домом, от Сигала ускользнуло, что Бекки осталась дома.

– Она осталась, потому что у нее болело горло. В тот день он не видел Бекки, вот и решил, что ее нет дома, – предположила Кристи.

– Каждый год после Рождества Бекки уезжала к бабушке с дедушкой, об этом знали все соседи.

– Сигал не такой, как все, как вы сами только что заметили.

– То есть он решил, что Джиллиан Уорд одна, и вломился в дом, чтобы убить ее, так? Женщину, которую он боготворил?

– Эта женщина ему не принадлежала, – объяснила Кристи. – Даже не знала его. Она не встала на его сторону, когда ее муж на него набросился. Сигал чувствовал, что Джиллиан пренебрегает им так же, как и Томас. И возненавидел ее, о чем сделал запись в дневнике. Божество оказалось низвергнуто с пьедестала, и разочарование Сигала было очень сильным.

Филдер потер лицо обеими руками. Ему не терпелось поставить точку в этом разговоре. Инспектор устал, да и вчерашнее шампанское все еще давало о себе знать.

– Так или иначе, Уэстли и Робертс не вписываются в эту версию. Одна в Хакни, другая в Танбридже…

– У Сигала машина, – напомнила Кристи. – И это не те расстояния, которые могли бы стать для него непреодолимым препятствием.

– Он упомянул бы о них в своем дневнике… Нет, сержант, – Филдер покачал головой. – Слишком многое не стыкуется. И наша прежняя шаткая версия рушится, как карточный домик. Мы выявили по крайней мере одну общую черту у Уэстли и Робертс – обе жили изолированно после выхода на пенсию. Но Джиллиан Уорд… у нее семья, работа.

– Это означает лишь, что общую черту мы выявили неверно, – пояснила Кристи. – То, что две первые жертвы были одиноки, – случайность, не имеющая для убийцы принципиального значения. Должно быть что-то еще, чего мы не видим…

– Нужно еще покопаться в прошлом Энн Уэстли и Карлы Робертс, – сказал Филдер. – А также в прошлом Джиллиан Уорд, что будет проще, поскольку она жива. С нее, пожалуй, и начнем.

– Нужно найти Самсона Сигала, – напомнила Кристи. – Он важен, сэр. Даже если Сигал не преступник, он может дать интересные свидетельские показания. Он следит за домом Уордов, копается в их жизни. И, возможно, заметил что-нибудь, что может натолкнуть нас на верный путь.

– Его невестку сейчас допрашивают, – ответил Филдер. – На улице холодно, и Сигал, конечно, нашел себе пристанище. Она может дать хоть какую-то наводку.

– Мы найдем его, – заверила Кристи.

Инспектор поднял глаза. Она действительно не сомневалась. И эта ее убежденность распространялась и на убийцу тоже.

Но Питера Филдера это не воодушевило.

2

Чем она занималась последние три дня? Сидела на диване и смотрела в стену, так и не поняв, что произошло в ее жизни? Неправда. Она готовила еду, прежде всего для Бекки, убирала квартиру, принимала душ по утрам и надевала свежее белье, загружала и разгружала посудомоечную машину. Вечером выпила сильное снотворное, легла на диван и провалилась в тяжелый сон, от которого пробудилась наутро с такой же гудящей головой.

Она приготовила завтрак, подсушив хлеб в тостере, нарезала фрукты, поджарила яичницу, но так ничего и не съела.

Тара протестовала:

– Что мне с тобой делать, Джиллиан? Я хотела заботиться о тебе, а получается наоборот…

Джиллиан умоляюще посмотрела на подругу:

– Мне нужно чем-то себя занять, Тара. Иначе я сойду с ума.

Тара тут же сдалась:

– Понимаю.

В ту ужасную ночь Джиллиан и Бекки переехали к Таре вместе с Чаком, которого Джиллиан чуть живого подобрала в соседском саду. Похоже, кот в панике выбежал через открытую дверь, когда убийца вломился к Томасу. Полицейские оцепили дом и осторожно объяснили Джиллиан, что теперь он – место преступления.

– Мы не можем допустить, чтобы следы убийцы были уничтожены. У вас есть кто-нибудь, к кому вы могли бы переехать?

Джиллиан подумала было о родителях, но те были далеко. Оставалась Тара. Джиллиан позвонила подруге, объяснила, что произошло, и поначалу не услышала в ответ ничего, кроме тишины в трубке. Лишь спустя некоторое время ошеломленная Тара переспросила:

– Что-что?..

И далее быстро взяла себя в руки. В конце концов, она занималась такими вещами профессионально.

– Сейчас приеду, – сказала Тара. – Заберу тебя и Бекки. Конечно, ты можешь жить у меня сколько хочешь.

Так они поселились в роскошной квартире Тары в Кенсингтоне. Инспектор Скотланд-Ярда пришел поговорить с Джиллиан, и та рассказала ему все, что знала, не утаив и любовной связи с Джоном Бёртоном.

Полицейские беседовали с Бекки в присутствии Джиллиан и психолога. Джиллиан понимала, что ее дочь важный свидетель. Бекки не видела убийцу, но, спускаясь по лестнице к ужину, слышала громкий голос отца: «Что, черт возьми, происходит?» Потом прогремели два выстрела. Через дверь в столовой Бекки видела, как отец рухнул на стул. В это время девочка стояла на лестнице.

– Ты не думала сразу бежать к нему? – спросил полицейский.

– Нет. Я знала, что там кто-то есть. Отец с кем-то говорил, потом выстрелы… Я перепугалась и убежала. – Бекки побледнела. – Я должна была помочь ему…

– Всё в порядке, Бекки, – вмешался психолог. – Ты ничего не могла для него сделать. И поступила правильно, спрятавшись в безопасном месте.

– Я всего лишь хотел выяснить, что именно заставило Бекки спрятаться, – оправдывался полицейский. – Все, что она видела и слышала в этот день, для нас очень важно.

При этом из показаний Бекки мало что удавалось извлечь по существу. Увлеченная рисованием, девочка не заметила, как злоумышленник появился в доме, и почуяла неладное, только услышав громкий голос отца.

– Я очень испугалась, когда папа упал. Я поскользнулась на лестнице… думаю, он это услышал. Потом побежала наверх искать, где можно спрятаться.

Бекки сразу вспомнила о старом чемодане в кладовке, в котором в свое время пряталась, когда играла в доме с подругами. Теперь ей с большим трудом удалось в него втиснуться. Бекки лежала в неестественно скрюченной позе и не смела дышать, несмотря на стреляющую боль в руках и ногах. Она слышала, как убийца ищет ее по всему дому, бегает из комнаты в комнату, выдвигает ящики, ворошит белье в шкафах…

– Когда он подошел к кладовке, я чуть не умерла от ужаса. Думала, сейчас он меня найдет… Я слышала, как он разбрасывал в разные стороны коробки и прочий хлам.

– И при этом совсем ничего не видели?

– Крышка чемодана была наглухо закрыта. Вокруг меня была темнота – ни единого лучика света.

Полицейский спросил, слышала ли она, как преступник звонил в дверь, но ничего такого девочка не могла вспомнить.

– Он не звонил… не знаю. Думаю, я спустилась бы, если б услышала звонок.

* * *

Первого января Бекки с Тарой отправились покататься на коньках в Гайд-парке. Тара уговаривала Джиллиан присоединиться, но та отказалась.

– Нет уж, идите без меня. Хочу немного побыть одна.

Однако вскоре после того, как они ушли, позвонил детектив-инспектор Филдер и попросил разрешения зайти. Первой мыслью было отказать, потому что Джиллиан в самом деле не чувствовала в себе сил с кем-либо разговаривать. Но она взяла себя в руки. Инспектор делал свою работу и нуждался в ее поддержке. Убийцу Тома нужно было найти.

Так Филдер оказался в доме Тары. Они устроились в гостиной. Джиллиан предложила кофе, и Филдер с благодарностью согласился. Он выглядел усталым – похоже, всю ночь праздновал.

«Какой ужасный Новый год», – подумала Джиллиан. Со своего места она видела балкон и серое небо. Чак сидел на окне и наблюдал за птицами. Детектив-инспектор рассуждал о том, как преступник мог проникнуть в дом.

– Если предположить, что он действительно не звонил в дверь, то есть хозяева не впустили его сами, мы нашли и даже опробовали один из возможных путей. Через окошко во входной двери с улицы хорошо обозревается вся кухня. Видно и дверь, выходящую в сад. Вечером, когда горит свет, все просматривается даже лучше. Мы предположили, что ваш муж открыл дверь в сад, – просто хотел подышать свежим воздухом. Поэтому на двери нет следов взлома. Возможно, поначалу убийца собирался воспользоваться звонком, но потом понял, что есть лучший вариант. Обошел дом и проник на кухню через сад. Поэтому Бекки ничего не слышала.

– Остались следы?

Инспектор с сожалением покачал головой.

– Какие следы при таком снегопаде…

– Но зачем? – недоумевала Джиллиан. – Зачем кому-то понадобилось убивать Тома?

Инспектор задал встречный вопрос:

– Имена Карлы Робертс и Энн Уэстли вам о чем-нибудь говорят?

Джиллиан понадобилось несколько секунд, чтобы вспомнить, кто это такие.

– Вы думаете, это как-то связано…

– То есть вы знаете, кто эти женщины?

– Из газет, да. Я не была с ними знакома.

– А раньше никогда о них не слышали? Ваш муж их не упоминал?

– Нет, никогда.

– Энн Уэстли работала педиатром в Лондоне. Вы с Бекки…

– Нет, я же сказала. Никогда.

Питер Филдер глотнул кофе и осторожно поставил чашку на стол. Потом внимательно посмотрел на Джиллиан.

– Орудие убийства, – продолжал он. – С большой долей вероятности, пистолет, из которого был убит ваш муж, применялся и против тех двух женщин.

– То есть их тоже застрелили?

Газеты не сообщали ничего конкретного о том, как именно умерли Энн Уэстли и Карла Робертс, потому что полиция утаивала эту информацию. Филдер от прямого ответа также уклонился.

– Возможно, им угрожали этим оружием. В случае с доктором Уэстли преступник выстрелил в замок на двери, за которой укрылась пожилая дама. Об этом свидетельствуют результаты обследования боеприпасов.

Джиллиан эта версия инспектора показалась более чем странной.

– Но зачем убийце двух пожилых женщин стрелять в мужчину средних лет? У нас ничего не украли. В чем смысл?

– Ничто в этой истории пока не имеет смысла, – согласился Филдер. – Мы, во всяком случае, его не видим. И все-таки у нас есть основания предполагать…

Инспектор подбирал слова, но Джиллиан уже поняла, к чему он клонит.

– Хотите сказать, он метил в меня, а не в Тома?

Казалось, Филдер испытал огромное облегчение от того, что она сама это сказала.

– Это не более чем предположение. Но ведь вашего мужа обычно не было дома в это время. Как и дочери, впрочем. Любой, хоть немного знакомый с жизнью вашей семьи, мог рассчитывать, что застанет вас одну.

– Через окошко во входной двери он видел кухню, вы говорите…

– Да, но на кухне никого не было. Ваш муж вышел в столовую. Преступник видел только освещенное помещение и открытую дверь. Проник в дом через сад и неожиданно оказался лицом к лицу с мужчиной, а не с женщиной. Едва ли он успел подготовить убедительное объяснение, каким образом оказался в чужом доме вооруженный пистолетом. Проще было убить Томаса, хотя бы для того, чтобы тот позже его не опознал. И тут, к своему ужасу, убийца услышал звуки со стороны лестницы и понял, что в доме есть кто-то еще, кто мог его видеть. Вот почему он бросился на поиски Бекки.

Джиллиан закрыла лицо руками и застонала:

– И если б он нашел ее…

– Бекки невероятно повезло. В какой-то момент он сдался, потому что и без того непозволительно долго задержался на месте преступления. Ангел-хранитель вашей дочери поработал на славу.

Джиллиан подняла голову.

– Но почему я? Кому понадобилось убивать меня?

– Мы уже несколько недель мучаемся этим вопросом в отношении Робертс и Уэстли, – ответил Филдер. – И если поставить вас в один ряд с этими жертвами и посчитать смерть вашего мужа трагической случайностью, у нас будут два совершенных убийства и одно покушение, при полной неясности мотивов. Убийца движим чудовищной ненавистью – это единственный вывод, который пока позволяет сделать осмотр двух других мест преступления. Миссис Робертс и доктор Уэстли были убиты жесточайшим способом. Поначалу мы думали, что преступник одержим по отношению к женщинам вообще, а Карла Робертс и Энн Уэстли были выбраны как наиболее легкая добыча, поскольку обе жили в одиночестве и почти ни с кем не общались. И ту, и другую обнаружили далеко не сразу, да и то случайно. Но вы не вписываетесь в этот шаблон. Значит, должно быть что-то еще, что связывает вас с этими женщинами.

– Но я их совсем не знаю…

– Тем не менее вы могли где-то с ними пересекаться.

– Боже мой! – пробормотала Джиллиан. – Какой ужас…

– Что вы знаете о Самсоне Сигале? – спросил Филдер и тут же получил ответ, который ожидал услышать, исходя из того, что прочитал в дневнике Самсона.

– Сигал? – переспросила Джиллиан. – Тот парень, который вечно околачивается возле нашего дома?

«Может, Кристи все-таки права», – подумал Филдер. Но развернуть эту мысль не успел, потому что в этот момент позвонили в дверь. Джиллиан встала, бормоча извинения, а когда вернулась, была не одна. Следом за ней в комнату вошел Джон Бёртон.

3

Самсон Сигал перепугался до смерти, когда в дверь его комнаты постучали. Поскольку в притоне, где он остановился, точно не было горничных, оставалось предположить самое страшное. Самсон осторожно поинтересовался, кто это, и услышал знакомый голос:

– Это я, Бартек. Будь добр, открой.

Вздохнув с облегчением, Самсон направился к двери. Он звонил Бартеку утром, но безрезультатно. Отправил голосовое сообщение, в котором раскрыл свое местонахождение и настоятельно просил помочь деньгами. Потом долго ждал на просиженной кровати, глядя в обрамленный оконной рамой прямоугольник неба, и надеялся, что сообщение дойдет до адресата.

На жалкой сотне фунтов далеко не уедешь. Когда вчера Самсон попросил номер в этой ночлежке, которую едва ли можно было назвать отелем, с него тут же взяли тридцать фунтов, а потом портье, пропахшая сигаретами и спиртным, потребовала еще тридцать вперед за следующую ночь. И это означало, что третья ночь будет последней.

– Тридцать фунтов? – ужаснулся Самсон.

Портье вспыхнула:

– В каком мире вы живете, молодой человек? В том, где все дается даром? В таком случае проснитесь! Помимо прочего, в эту сумму включен завтрак, так что не жалуйтесь.

«Завтрак» ему, впрочем, так и не предложили. Самсон чувствовал себя связанным по рукам и ногам. Он ни на минуту не мог покинуть эту затхлую, холодную каморку с безобразной мебелью и понимал, что чувство безопасности, которое внушали эти четыре бледно-зеленые стены, было обманчивым. Но в его ситуации мир снаружи представлялся океаном, кишащим акулами. Нечего было и думать высунуться туда.

Бартек выглядел ужасно. Самсон заметил это, лишь только друг ввалился в комнату. Бурые круги под глазами, бескровные, серые губы… Веселился, похоже, до самого утра и заявился с похмелья. Если б не Самсон, лежал бы в постели до вечера. А вместо этого пришлось заботиться о друге, попавшем в хорошую переделку.

Самсон чувствовал себя виноватым.

– Спасибо, что пришел, Бартек, – смущенно пробормотал он.

Приятель оглядел тесную комнатку.

Отель располагался неподалеку от железнодорожного вокзала – ветхое строение с низкими потолками и скрипучими полами. Маленькие окошки, ужасные обои. Кровать в номере Самсона была до того продавлена, что если лечь, спина почти касалась пола. Кроме кровати, из мебели имелись кресло и узкий платяной шкаф из дешевого дерева. Раковина для умывания на стене. Туалет в коридоре.

– О боже… – вырвалось у Бартека, после чего он поежился. – Здесь холодно.

– Отопление неисправно, – пояснил Самсон.

– Эх, парень, – завздыхал Бартек, опускаясь в кресло. – Дело дерьмо, так я тебе скажу. Ко мне уже приходили насчет тебя.

– Что?

– И не какой-нибудь там полицейский из Саутенда. Скотланд-Ярд, понимаешь?

– Ради бога, Бартек!..

– Женщина. Детектив-констебль Линвилл. До того побывала у твоей распрекрасной невестки, и та дала наводку. Сказала, что мы с тобой не разлей вода, встречаемся в пабе раз в неделю и что-то там еще… Она примчалась, когда мы с Элен еще нежились в постели.

– Элен сказала, что я к тебе заходил?

Бартек покачал головой.

– Нет, слава богу. Хотя мы и не успели ни о чем договориться. Она была в шоке, когда к нам завалились копы и спросили тебя. Но промолчала, она же умная.

– Что ты сказал этой Линвилл?

– Что в последний раз видел тебя до Рождества и понятия не имею, где ты.

У Самсона отлегло от сердца.

– Спасибо, Бартек. Понимаю, каково для тебя…

– Для меня все это очень опасно, – сердито перебил его Бартек. – У меня нет английского гражданства, понимаешь? Я здесь зарабатываю на жизнь… Тяжело зарабатываю. Мы с Элен планируем купить квартиру, завести ребенка. И меня могут обвинить в соучастии, представляешь? Потому что тебя разыскивает полиция, а я тебе помогаю. В итоге тебя посадят в тюрьму, а меня депортируют. Если я вернусь в Польшу, все, ради чего я столько лет трудился, пойдет прахом. Ты можешь разрушить мое будущее.

– Но это не я, Бартек! Я не трогал его, клянусь.

– Тогда почему бы тебе просто не заявиться в полицию?

– Слишком поздно, Бартек.

– Но это легко объяснить. Ты испугался, растерялся… потому что сразу понял, что попадешь под подозрение.

– Они мне не поверят.

– Они не смогут посадить тебя, если ты действительно ни в чем не виноват.

– Но ты ведь знаешь, как это бывает. Им нужен убийца, и тут появляюсь я. В конце концов, никому нет дела, действительно ли я…

– Ах, перестань, – перебил Самсона Бартек. – Никто не посадит тебя за решетку просто так. Они должны доказать, что ты убийца, и если ты невиновен, ничего не получится, – Бартек встал. – Я умываю руки, Самсон. Сегодня мы видимся в последний раз, и мне остается только молиться, чтобы это прошло для меня без последствий. Я дал слово себе и Элен. Она вне себя. Никогда не видел ее такой.

Самсон тоже поднялся с кровати.

– Это не я, – повторил он. – И ты ни в чем не виноват, потому что помогаешь не убийце.

В глазах Бартека мелькнуло сомнение, и Самсон тяжело вздохнул.

4

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Оба были удивлены и не знали, как вести себя в сложившейся ситуации.

Первым заговорил Филдер:

– Здравствуй, Джон. Не думал, что…

Он не договорил, но Джон закончил фразу за него:

– …что мы когда-нибудь еще встретимся? Здравствуй, Питер. Твои люди уже занимаются мной.

Филдер добродушно улыбнулся.

– Правильно. Потому что у тебя нет алиби. Если говорить об убийстве Томаса Уорда, по крайней мере.

Конец фразы Филдер подчеркнул голосом, и это заставило Джона прищуриться.

– А о каком еще убийстве может идти речь?

– Тебя никто не подозревает, – вмешалась в разговор мужчин Джиллиан. Филдер заметил, что ее руки слегка дрожат. – Меня тоже проверяли. Это нормально, ведь так?

– Конечно, – подтвердил Филдер.

– О каком убийстве еще может идти речь? – повторил вопрос Джон.

– Пистолет, из которого застрелили Тома, был использован в двух других преступлениях. Я говорю об убийствах двух женщин. Ты ведь читал в газетах? Похоже, во всех случаях действовал один человек.

Джон поднял брови.

– И один и тот же пистолет?

– Именно. – Инспектор кивнул.

Он внимательно наблюдал за Джоном и видел, что при упоминании двух женщин бывшему коллеге пришла в голову мысль, не так давно утвердившаяся среди полицейских в качестве основной версии. А именно, что Том – случайная жертва и что преступник метил в его жену.

Прочитав осознание этого в глазах Джона Бёртона, Филдер подумал, что тот либо очень хороший актер, либо и в самом деле не имеет к случившемуся никакого отношения.

Джон повернулся к Джиллиан:

– Джиллиан…

– Я знаю, – перебила она его. – Возможно, он хотел убить меня. Я должна была быть дома одна в тот вечер. Кроме того, я женщина и вписываюсь в шаблон лучше, чем Том.

– Ничего нельзя утверждать наверняка, – поправил ее Питер Филдер. – И все-таки будет лучше, если вы некоторое время поживете здесь. Пусть даже после того, как криминалисты закончат работать в вашем доме. – Он резко повернулся к Джону: – Как ты узнал, что миссис Уорд переехала к подруге?

– Я сообщила ему об этом в эсэмэске сегодня утром, – объяснила Джиллиан, прежде чем Джон успел ответить, – и просила приехать. Я не хотела видеть Джона сразу после смерти Тома, но в конце концов… – Она пожала плечами. – Я просто не выдержала. Я неважно себя чувствую, но должна держаться хотя бы ради Бекки. Что же касается Тары… она никогда не говорит об этом, но считает, что лучше мне было оставить Тома, раз уж я не была с ним счастлива, и тогда не пришлось бы отлучаться к Джону. Я читаю это в ее глазах. Потому что, когда люди лгут и предают друг друга, из этого никогда ничего не выходит, кроме трагедии.

Джиллиан всхлипнула. Попыталась сдержать слезы, щеки ее задрожали. Джон подошел и обнял ее за плечи. Мужчины посмотрели друг на друга поверх ее головы. Оба думали об одном и том же. Не

нужно быть психологом, чтобы понять, что Джиллиан проецировала на подругу собственные мысли, которыми мучилась круглосуточно. Ей нужно было честно уйти от Тома, вместо того чтобы ездить к Джону тайком.

– Не вините себя, – взмолился Филдер. – В конце концов, вопрос не в том, насколько ваше поведение в отношении мужа оправдано с точки зрения морали. Речь идет о безжалостном убийце, по какой-то неясной нам причине обратившем внимание и на вашу семью тоже. И если в итоге кому-то придется предстать перед судом, то это ему, а не вам, миссис Уорд.

Джиллиан вытерла со щек несколько слезинок, опустила руки и как будто успокоилась.

– Вы думаете, это мог сделать Самсон Сигал? – спросила она, возвращаясь к теме разговора, прерванного появлением Джона.

– Кто такой Самсон Сигал? – немедленно отреагировал Джон.

– Он живет на нашей улице, только в другом ее конце, – пояснила Джиллиан. – И он… вел себя несколько странно и очень не понравился Тому. – Она посмотрела на Филдера. – Как вы на него вышли?

– Кое-кто посоветовал обратить на него внимание, – уклончиво ответил тот. – Но, честно говоря, пока неясно, есть ли в этом смысл. Он странно себя вел, вы сказали. Что это значит, миссис Уорд? И что вы имели в виду, когда говорили, что Самсон Сигал постоянно околачивался возле вашего дома?

– В какой-то момент мы заметили, что видим его практически каждый раз, когда куда-нибудь выходим или просто смотрим на улицу. Тара тоже обратила на него внимание и сказала об этом мне. – Джиллиан пожала плечами. – Но я не видела в Самсоне Сигале никакой угрозы. Он произвел на меня впечатление дружелюбного, застенчивого человека. Совершенно безобидного и очень одинокого.

– Это впечатление может быть обманчивым, – возразил Филдер. – Я видел убийц, которые казались настолько безобидными, что любая старушка без колебаний доверила бы им свой банковский счет.

– Незадолго до Рождества… – продолжала Джиллиан.

Дальше она рассказала историю о том, как Бекки оказалась в квартире Самсона Сигала. Упомянула и то, что Том вел себя агрессивно по отношению к соседу, к которому она сама испытывала искреннее чувство благодарности.

Питер Филдер уже знал эту историю из записок Самсона Сигала, но с интересом выслушал. Инспектору было важно знать, что неподобающее поведение Томаса Уорда – не выдумка и не фантазии Сигала. Он помог соседской дочери – но вместо благодарности ее отец продемонстрировал ему свое презрение.

– Вы знаете, почему ваш муж так отреагировал? – спросил Филдер. – Что он имел против Сигала?

Джиллиан напрягла память. Все, что происходило в тот вечер, ощущалось бесконечно далеким, как будто с тех пор прошли годы, а не недели.

– Не думаю, что Том сам смог бы это объяснить, – сказала она. – Просто Сигал ему не понравился. Моего мужа возмутило, что он забрал нашу дочь к себе домой. Том сразу же заподозрил худшее, но на самом деле намерения Самсона Сигала были самыми чистыми. Когда мы пришли к нему домой, там были его брат и невестка, а Бекки дремала в гостиной перед телевизором. Мне было стыдно за Тома. Позже он сказал мне, что и раньше замечал Самсона Сигала возле нашего дома и что тот оказался там не случайно, когда Бекки в тот вечер вернулась от подруги. Все это выглядело в глазах Тома подозрительно.

– Нам известно, что Бекки рассказала Сигалу, что сразу после Рождества собирается в Норвич, к бабушке и дедушке. Поэтому он мог ожидать, что в вечер убийства ее не будет дома.

– Вы слышали это от самого мистера Сигала? – спросил Джон.

– Нет, – ответил Филдер. – В этом-то и проблема. Он исчез.

– То есть сбежал?

– Да.

Джон присвистнул сквозь зубы.

– Понимаю, но это не делает его виновным.

– Если Сигал действительно невиновен, это не самый умный его ход, – согласился Филдер.

– Он бродил возле дома Уордов, – напомнил Джон. – И у него были причины злиться на Томаса Уорда. Самсон Сигал как-то связан с двумя убитыми женщинами?

Питер Филдер покачал головой.

– Нет, насколько мы знаем.

У него сложилось впечатление, будто Джон понимает, что не все карты выложены на стол, но задавать вопросы и дальше бесполезно. Бёртон действительно был хорошим детективом с прекрасно развитой интуицией, способным чувствовать недосказанное.

Мог ли он быть убийцей? Вне сомнения, Бёртон имел проблемы с женщинами. Не такой классический случай, как Самсон Сигал, но что-то там было не так. Кто откажется от карьеры в Скотланд-Ярде ради мимолетной связи с молодой особой? И почему он никак не может создать собственную семью? А теперь еще эта история с замужней дамой, матерью девочки, которую он тренирует… Женой убитого, помимо прочего. «Эта смерть втянула тебя в увлекательнейший криминальный сериал, Джон, – мысленно обратился инспектор к бывшему коллеге. – И если ты один из его героев, я с большой радостью засажу тебя за решетку».

Филдер сам удивился интенсивности эмоций, которые пробудил в нем бывший коллега. Он уловил легкую улыбку в уголках рта Джона и с тревогой подумал о том, что на этот раз не сумел скрыть свои мысли от посторонних глаз. Потом, взяв нарочито деловой тон, вернулся к разговору о несостоявшейся поездке Бекки в Норвич.

– Кто еще знал, что Бекки не будет дома после Рождества? Не исключено, что преступник рассчитывал на это.

Джиллиан беспомощно развела руками:

– Легче сказать, кто об этом не знал. Во-первых, все в классе Бекки были в курсе. Кое-кто из родителей наверняка. Ну и почти все наши знакомые. Моя подруга Тара. Диана, мать лучшей подруги Бекки Дарси. Соседи тоже. Самсон Сигал знал точно. Много лет подряд Том и я отвозили Бекки в Норвич двадцать шестого декабря, и через два дня она возвращалась. Обычно ее привозил мой отец. Так у нас повелось. Женщины, помогавшие нам по хозяйству в то время, знали об этом тоже. Наши с Томом коллеги по бюро – почти все.

– Понятно. – Филдер кивнул.

– Я тоже знал, – подхватил Джон. – На последней тренировке перед Рождеством мы с детьми беседовали об их планах на каникулы, Бекки мне все рассказала.

– Извините, Джиллиан, – перебил его Филдер, – но я вынужден спросить, известно ли Бекки о ваших отношениях с мистером Бёртоном.

Джиллиан покачала головой.

– Нет, – шепотом ответила она. – По крайней мере, я надеюсь, что она ни о чем не подозревает.

– Полагаю, многие также знали, что Томас Уорд ходит в теннисный клуб по вторникам?

– Да, и об этом тоже знали почти все.

– И ты? – Филдер повернулся к Джону.

– Да. Джиллиан как-то упомянула об этом.

«Ты не настолько глуп, чтобы лгать мне, – мысленно обратился к нему Филдер. – Во всяком случае, не в том, что я могу проверить. Но это не значит, что ты не лжешь в остальном».

Он протянул Джиллиан руку:

– Всего хорошего, миссис Уорд. Вы намерены остаться здесь, в квартире прокурора Кейн?

– Да.

– Было бы хорошо, если б вы… не покидали эту квартиру слишком часто и проявляли чуть больше осторожности в отношении всех.

Филдер хотел добавить, что не доверяет Бёртону и что Джиллиан лучше держаться подальше от любовника, но не мог так откровенно делиться своими подозрениями. Тем более что у него ничего не было против Джона.

– Я буду осторожна, – пообещала Джиллиан, чувствуя, что пальцы стали холодными, как лед. – Вряд ли я куда-нибудь выйду в ближайшее время. Я хочу проводить как можно больше времени с Бекки. Я ей нужна.

– Боюсь, нам еще придется побеседовать с Бекки. Мы будем осторожны. Весьма возможно, что она вспомнит еще что-нибудь касающееся того вечера. Бекки была в шоке и могла неосознанно подавить кое-какие детали… Любая мелочь может иметь значение.

– Конечно, – согласилась Джиллиан.

Она проводила инспектора Филдера до выхода, тщательно заперла дверь, использовав страховочную цепочку, и вернулась в гостиную. Джон присел на корточки и гладил Чака, который ради этого покинул свой наблюдательный пункт на подоконнике.

– Он не доверяет мне, – сказал Джон. – В смысле, детектив-инспектор Филдер. Я никогда ему не нравился, и он рад, что я

вляпался.

– На меня он произвел впечатление компетентного и беспристрастного следователя, – возразила Джиллиан. – Филдер не из тех, кто идет на поводу у своих эмоций.

Джон поднялся.

– Думаешь, я мог бы сделать это?

Джиллиан с удивлением посмотрела на него.

– Конечно, нет.

Джон приблизился к ней и несколько смягчил тон:

– Как твои дела? До сих пор у меня не было возможности расспросить об этом, потому что между нами стоял мой дорогой бывший коллега… Ты очень бледна.

Джиллиан старалась держать себя в руках. Прежде всего из-за Бекки, но не только. Она боялась стать жертвой собственных эмоций – ужаса, замешательства, отчаяния или чувства вины. Но нежный голос Джона был тем, перед чем защитный барьер, который Джиллиан возвела вокруг того места в душе, где пульсировала боль, устоять не мог.

Она заплакала – впервые после того, как случилось то, во что невозможно было поверить. И это были не те несколько слезинок, уроненных в подушку минувшей ночью, когда Джиллиан не смела дышать, чтобы Бекки, которая спала рядом, ничего не заметила. На этот раз слезы хлынули потоком, так что Джиллиан задрожала и не отстранилась, когда Джон захотел ее обнять. Она чувствовала его шерстяной свитер на своей щеке, его сердцебиение, дыхание и ритмичное движение груди. Это были надежные, крепкие объятия мужчины, привыкшего в любой ситуации сохранять спокойствие и ни при каких обстоятельствах не позволять себе выйти из равновесия.

Такие объятия несут только утешение. То, что они не помогли, Джиллиан осознала позже, когда отстранилась от Джона и пошла в ванную высморкаться, стереть потекшую косметику и умыться. Джиллиан разглядывала себя в зеркале и ничего не понимала. Почему объятия Джона не растопили ледяную безнадежность внутри? Почему она чувствует себя все такой же одинокой? Наверное, утешения в ее горе быть просто не может. Никакого и нигде…

Джиллиан снова начала плакать.

Часть II

Воскресенье, 3 января 2010 года

1

Особенно тяжело было по воскресеньям. Не то чтобы они чем-то отличались от понедельников или четвергов, но по воскресеньям над городом нависало свинцовое затишье – по крайней мере, над спальным районом в Кройдоне, на юге Лондона, где жила Лайза.

Даже там, где видишь людей, слышишь звуки – верное доказательство того, что ты не одна на этом свете, – ощущаешь мир будто сквозь толстое ватное одеяло, которое обездвиживает, не дает свободы еще теплящимся жизненным силам. Воскресенья – мертвые дни.

Когда-то Лайза читала, что большинство самоубийств происходит в воскресенье, и ни на минуту не усомнилась в достоверности этой информации. В то, что люди предпочитают лишать себя жизни в канун Нового года, она тоже сразу поверила. Рождество в этом отношении ничем не отличается от самых обычных дней, и это понятно. Рождество – тихий праздник, который легко пережить человеку на грани отчаяния. Другое дело – навязчивое новогоднее веселье с хлопающими пробками, фейерверками и грохочущей музыкой. Оно придает любой боли очертания реального кошмара, после чего ее уже не получается ни вытеснить, ни забыть. А потом приходит первое января, с бледно-зимним, режущим глаза светом, и новый год начинается так же мрачно, как закончился старый, и закончится, в свою очередь, так же.

Уж лучше покончить со всем и сразу.

Но Лайза преодолела все пики – и Рождество, и новогоднюю ночь, и первое января. Она не собиралась расставаться с жизнью в этот пустой, мертвый воскресный день. Она поклялась его перетерпеть.

Где-то внизу играло фортепиано. Музыка показалась Лайзе знакомой, но вспомнить, что это, она так и не смогла. Один короткий пассаж – пианист играл его снова и снова. Ошибался – и начинал сначала. Вот уже два часа. Для этого нужно иметь ангельское терпение – или же быть непроходимо тупым.

В остальном дом был погружен в тишину. Большинство семей отправились на прогулку. На улице было морозно, искрился на солнце снег. В такой день люди долго гуляют, а потом отогреваются бокалом глинтвейна в теплой гостиной и готовят ужин. Последнее было тем, что она вполне могла сделать, – приготовить себе что-нибудь вкусненькое.

Лайза посмотрела на часы – скоро четыре. Об ужине думать рановато. Тем не менее она прошла на кухню и заглянула в холодильник, где обнаружились мясо, картошка и морковь. Можно приготовить ирландское рагу. При этой мысли ее затошнило. Лайза захлопнула холодильник и села. Голод и радостное предвкушение еды улетучились моментально.

Лайза вышла из кухни, поняв, что все равно ничего не съест. Больше двух месяцев прошло с той ночи, когда она упала в обморок в туалете гостиницы «Кенсингтон». С тех пор ее жизнь изменилась. Если, конечно, это вообще можно назвать жизнью. Лайза никуда не выходила. Бродила из угла в угол, как зверь в клетке, в безликой квартире, в такой же безликой многоэтажке.

Она сильно похудела, хотя, казалось бы, некуда. Так оно повторялось каждый раз. Лайза чувствовала голод и желание что-нибудь приготовить. А потом всплывали какие-то воспоминания – образы, ситуации – и подступала тошнота, напрочь отбивавшая аппетит, после чего сил Лайзы едва хватало на то, чтобы растворить в воде таблетку аспирина.

Лучше сделать это заранее. Потому что дальше – она знала – невыносимая головная боль заставит ее на долгие часы запереться в темной комнате. Иногда ей удавалось вовремя от этого защититься.

И вот она идет в ванную, берет из зеркального шкафчика таблетку, бросает в стакан для зубной щетки и набирает воды. Из зеркала смотрит существо с желтоватой кожей и серыми губами. Она поворачивает голову, чтобы разглядеть себя с разных сторон. Выглядит как развалина, но у нее все еще красивые волосы – длинные, светло-русые и слегка волнистые. Иногда ей кажется, что не все потеряно и она еще сможет стать нормальным человеком – как это понимает большинство людей.

Но для этого нужно хотя бы выбраться из квартиры. Она отдала бы все, чтобы сделать это в такой день, как сегодня, когда снег

искрится на солнце и мороз щиплет щеки. Просто пройтись по парку, прислушиваясь к хрусту снега под ногами, посмотреть, как дети лепят снеговика и собаки гоняются друг за другом между деревьями…

Но выходить из квартиры только ради этого неблагоразумно. Она выбирается в магазин два или три раза в неделю. По крайней мере, это имеет смысл. А иногда может прогуляться и туда, где жила раньше, в прошлую жизнь. Чтобы увидеть Финли – хотя бы на мгновение. Иначе она не смогла бы этого вынести. Просто села бы в угол и умерла.

Лайза берет стакан и выпивает воду с растворенной таблеткой маленькими глотками. Главное – держать под контролем мысли, которые могут ввергнуть в панику. Потому что все это совершенно бесперспективно, и в этом весь ужас. Сколько она еще просидит взаперти, без какой-либо цели и надежды? Лет пять? Может, десять? Почему бы и не пятнадцать, в конце концов…

Она ставит стакан и выходит в гостиную, где опускает жалюзи на большом окне, выходящем на юг. Потому что больше не выносит солнца.

2

Когда в дверь снова постучали, сердце его упало. После появления в отеле Бартека Самсон Сигал боялся, что тот выдаст его полиции. Бартек опасался оказаться втянутым в неприятную историю, и Самсон почти физически чувствовал его ужас. Кроме того, приятель говорил о своей невесте, что никогда не видел ее такой разъяренной. Можно представить, как Элен обрабатывает его. «Иди в полицию! Расскажи им, что знаешь! Тебе все равно не выйти сухим из воды. Только сумасшедший может посадить себе на шею этого идиота. Откуда ты знаешь, виновен он или нет?»

Самсон с минуты на минуту ожидал визита полиции. Он знал, что самым правильным было бы сменить место жительства и не сообщать Бартеку новый адрес. Но сил на это не осталось.

Он сдастся, теперь это вопрос времени. Деньги закончились. Скоро ему не останется ничего другого, как только самому дойти до ближайшего полицейского участка.

Тем не менее Самсона бросало в дрожь, когда в дверь его номера стучали. Потому что одно дело – самому решать за себя, и совсем

другое – полицейские, которые наденут на тебя наручники и уведут в известном направлении.

– Кто там? – с дрожью в голосе спросил Самсон.

– Джон Бёртон, – ответил мужчина из-за двери. – Я друг Джиллиан. Можете меня впустить?

Друг Джиллиан? Откуда, черт возьми, Джиллиан узнала, где он?

Совершенно сбитый с толку, Самсон открыл дверь. Стоящий перед ним мужчина показался смутно знакомым, но вспомнить, кто он, Самсон так и не смог.

– Можно?

Самсон кивнул и отошел в сторону. Быстро запер дверь за незваным гостем и в свою очередь спросил:

– Кто вы такой?

– Боже мой, как у вас холодно… – воскликнул вместо ответа Джон Бёртон, который, похоже, собирался снять куртку, но передумал.

В этот момент Самсон вспомнил, где его видел, – в «Доме на полдороги», вместе с Джиллиан Уорд.

– То есть вы – друг Джиллиан… – неуверенно начал он.

– Да, как я только что сказал, – подтвердил Джон Бёртон и без приглашения устроился в кресле. – Вам, наверное, интересно знать, как я вас нашел. Я разговаривал с Милли Сигал, а она направила меня к вашему другу Бартеку. У него уже побывали полицейские.

Милли, конечно. Растаяла, как снег на солнце, при виде красавца Бёртона. И готова была из кожи вылезти, только бы ему угодить…

– Бартек и сообщил мне ваш новый адрес.

Вот как! Выходит, Бартек выдал его с головой первому встречному… Почему бы ему просто не пропечатать адрес отеля в газете?

– На вашем месте, – как ни в чем не бывало продолжал Джон, – я убрался бы отсюда, и как можно скорее. Этот поляк до смерти боится депортации, а его невеста бьется в истерике. Они выдадут вас следующему полицейскому, который переступит порог их квартиры. Готов спорить.

– Куда же мне идти? – шепотом спросил Самсон.

Джон внимательно посмотрел на него.

– Вы в сложной ситуации. Неужели у вас нет более-менее надежного алиби на момент убийства Томаса Уорда?

– Когда это произошло?

– Между семью и половиной восьмого вечера двадцать девятого декабря.

Самсон покачал головой.

– В тот день я вернулся домой в девять. Но не думаю, что это кто-то заметил. Моя невестка работала в вечернюю смену, а брат уже спал.

– И где вы были до девяти?

Самсон подумал, что может честно все рассказать Джону Бёртону. Теперь это не имело никакого значения, как, впрочем, и все остальное в его жизни.

– Я следил за Джиллиан Уорд, – прошептал он. – Я видел, как она отъезжала от дома около четырех дня. Тогда я просто сидел в машине…

– …и наблюдали за людьми? – закончил за него Джон Бёртон.

Этот Сигал и в самом деле оказался чудаком.

– Значит, вы преследовали Джиллиан. Почему?

Объяснить это было труднее всего. Похоже, Самсон и сам толком ничего не понимал. По крайней мере, на рациональном уровне. В какие слова можно было облечь эти смутные, плохо контролируемые чувства?

– Я не желал ей ничего плохого, – начал он, – и ничего плохого не сделал. Я всего лишь хотел… быть частью ее жизни… в смысле, тайной, невидимой частью. Заглянуть в ее жизнь… Я… я не могу вам этого объяснить.

– Мне кажется, я вас понимаю, – сказал Джон. – Должен признаться, звучит это действительно подозрительно. Даже отдает психическим расстройством, я бы сказал… – Пауза. – Мистер Сигал, к сожалению, речь идет не только об убийстве Томаса Уорда. Вы, наверное, читали в газетах о тех двух женщинах, из Хакни и Танбридж-Уэллс?

– Да.

– Проблема в том, что пистолет, из которого был застрелен Томас Уорд, применялся и в тех двух случаях тоже. Вы понимаете, что это значит?

В глазах Самсона мелькнул ужас.

– Это был один и тот же преступник? Во всех трех случаях?

– Полиция склоняется к такой версии.

– И этот преступник – я? – Самсон с ужасом посмотрел на Джона. – Я убил трех человек?

Бёртон покачал головой.

– Этого на данный момент никто не утверждает – слишком многое не стыкуется. Но, насколько мне известно, исходя из обстоятельств дела, полиция полагает, что преступник – мужчина, у которого имеются серьезные проблемы с женщинами. И ваш дневник, оказавшийся в руках полиции, указывает на то, что у вас с этим не всё в порядке, скажем так.

Самсон кивнул. Этого отрицать он не мог.

– И вы были с Джиллиан весь день? – невозмутимо продолжал допрос Джон. – До позднего вечера двадцать девятого декабря?

– Нет, – Самсон покачал головой. – На А сто двадцать семь я ее потерял. Она ехала быстро, машин было много, и я…

Джон кивнул. На четырехполосной трассе А127, соединяющей Саутенд с Лондоном, трудно удержать конкретную машину в поле зрения, тем более в час пик.

– И что потом? До девяти вечера оставалось несколько часов.

– Я не хотел возвращаться домой. Мне там не нравится…

– Почему?

Самсон задумался.

– Слишком много шума, – ответил он. – И я становлюсь такой беспокойный… сам не знаю, что со мной. У меня нет работы, нет жены – ничего нет. Моя жизнь – пустышка.

Джон ждал продолжения. Самсон пристально посмотрел на него. «Вот если б я так выглядел, – подумал он. – И меня окружала бы такая же аура…» В этот момент Самсон почти почувствовал, что у этого мужчины были интимные отношения с Джиллиан. Джон Бёртон не просто ее друг. Он любовник и был им еще при жизни Томаса Уорда. На самом деле Самсон догадался об этом уже тогда, в пабе. Просто не хотел признать рассудком то, что достаточно отчетливо чувствовал, – невероятное напряжение между ними, атмосферу, заряженную сексуальной энергетикой.

«Ты вожделеешь ее, – подумал Самсон, и от внезапно нахлынувшей злобы у него перехватило дыхание. – Ты спал с Джиллиан, и тебе было наплевать, что у нее муж и ребенок и что ты рушишь такую семью. Но теперь ее муж мертв, и у тебя развязаны

руки…» Следующий вопрос возник сам собой: насколько при таких обстоятельствах сам Джон Бёртон может быть интересен полиции? Так или иначе, у него был роман с женщиной, муж которой убит. Разве не должен Бёртон оказаться в еще более щекотливой ситуации, чем он, Самсон Сигал?

– Кто вы? – шепотом повторил Самсон. – Друг Джиллиан, а дальше?

Джон улыбнулся. Он как будто почувствовал исходящую от Самсона агрессию и поднялся с кресла.

– Я сам когда-то работал в Скотланд-Ярде и имею там хорошие связи, которые обновил за последние два дня. Так что знаю об этом деле много такого, что неизвестно широкой публике.

– Понятно, – кивнул Самсон, снова запуганный и покорный.

На самом деле он ничего не понял. Бывший коп? Почему он больше не работает в полиции?

– Помимо прочего, мне, по крайней мере в общих чертах, известно содержание вашего дневника, если это можно так назвать, – продолжал Джон. – Поэтому могу предположить, что в списке подозреваемых ваше имя – одно из первых. Вы следили за женщинами, преимущественно одинокими. На протяжении месяцев отмечали малейшую деталь в их распорядке дня. Там еще была странная история про молодую даму, у которой вы похитили собаку, а потом вернули.

Самсон почувствовал, как покраснели щеки. Когда-то он находил этот план гениальным. Теперь же сам слышал, каким сумасшествием отдает эта история.

– Я всего лишь хотел с ней познакомиться, – пробормотал он.

– Да, но очень уж необычным способом, – заметил Джон. – Кроме того, когда это не сработало, вы, если не ошибаюсь, отозвались о ней с ненавистью. До середины января эта дама в отъезде, иначе уже сейчас была бы под охраной полиции. Вот насколько серьезно вас воспринимают.

Самсон посмотрел на него с отчаянием в глазах.

– Но я бы никогда… да, я был зол на нее, но никогда не причинил бы ей вреда. Я вообще никогда ни на кого не нападал, никому не угрожал. Вы не найдете ни одного человека, который видел бы меня хоть раз по-настоящему разъяренным.

«В том-то все и дело, – мысленно ответил ему Джон. – Ты подавлял агрессию на протяжении всей жизни. Любой психолог из Скотланд-Ярда поставил бы этот факт краеугольным камнем твоего профиля». Но вслух он этого не сказал. Самсон и без того походил на затравленного собаками оленя.

– И вы восхищались Джиллиан, мистер Сигал, – продолжал Бёртон вслух. – Вы боготворили ее, о чем недвусмысленно свидетельствует ваш дневник.

«В самом деле? – мысленно спросил его Самсон. – Разве в этом мы не товарищи по несчастью?»

– Полиция считает, что Джиллиан угрожает опасность. Я разделяю их страх, поэтому и пришел с вами познакомиться. И хочу знать, где вы были, когда убили Томаса Уорда. Итак… – Джон вернулся к тому, с чего начал разговор. – Что вы делали после того, как потеряли след Джиллиан?

– Ничего, – ответил Самсон. – Ничего такого, что можно было бы доказать. Я разъезжал по городу и окрестностям. Сидел в пабах, пил чай. На улице было довольно холодно…

– В каких пабах?

– Не могу сказать. Где-то в Уикфорде… в Роли… Мне было грустно, хотелось развеяться. Я уже не вспомню тех мест, где тогда побывал, не говоря о свидетелях, которые могли бы меня видеть. Я просто думал о Джиллиан и о том, куда она поехала. И спрашивал себя, почему моя жизнь никак не хочет наладиться. В конце концов я вернулся домой.

Джон испытующе посмотрел на него.

– Полиция склоняется к тому, что Томас Уорд – случайная жертва, – сказал он. – На самом деле преступник охотился за Джиллиан. Как женщина, она лучше вписывается в шаблон, ведь до того преступник убивал только женщин. Кроме того, все в ее окружении знали, что по вторникам Томас Уорд допоздна задерживается в теннисном клубе и из этого правила почти не бывает исключений. Любой, хоть немного знакомый с жизнью этой семьи, мог рассчитывать, что вечером двадцать девятого декабря застанет Джиллиан одну дома. А вы следили за ними на протяжении нескольких месяцев.

– Но, – сказал Самсон, и в его глазах промелькнула искра надежды, – я-то знал, что Джиллиан дома нет! Я видел, как она уезжала, даже отправился следом.

– Не слишком убедительная отговорка, Сигал, – возразил Джон Бёртон. – Потому что вы, конечно же, могли предположить, что к шести часам она вернется. Самое позднее, когда увидели свет в окнах их дома. И потом, то, что Томас Уорд – случайная жертва, только одна из версий. Вы могли убить его совершенно сознательно, из нездорового влечения к его жене.

Самсон сник.

– Но за что мне было убивать других женщин?

Джон пожал плечами.

– Они вам отказали… Ваша основная проблема.

– Но обе были слишком стары для меня.

– На безрыбье и рак рыба. Я ничего не утверждаю, поймите. Просто излагаю один из возможных сценариев.

– Чего вы хотите? – тихо спросил Самсон. – Прямо сейчас доставить меня в полицию?

– Прежде всего я хотел составить о вас впечатление. Я явился не обвинять вас, Сигал. Просто познакомиться.

– Следует ли это понимать так, что вы считаете меня невиновным?

– Я бы сформулировал эту мысль иначе, – возразил Джон. – Если б я был уверен в вашей виновности, то отправился бы в полицию прямо сейчас. Понимаете?

Самсон смущенно кивнул.

– Я опасаюсь последствий, – продолжал Джон. – Допустим, полиция вас арестовывает, и улики против вас достаточно серьезны, чтобы предъявить обвинение. По крайней мере, этого нельзя исключить. На обвинительный приговор, может, и не хватит, но история так или иначе затянется. В это время настоящий убийца будет разгуливать на свободе и делать свое дело, пользуясь тем, что его никто не ищет. Лично меня такой поворот событий не устраивает, особенно с учетом того, что Джиллиан может значиться в черном списке этого сумасшедшего. Не в моих интересах указать полиции самое простое и очевидное решение проблемы, отсрочив тем самым арест настоящего преступника.

– Это не я, правда, – прошептал Самсон.

Сколько раз он уже произносил эту фразу? И сколько ее еще придется повторить, прежде чем он сможет хоть что-то доказать?

Джон кивнул.

– Все так говорят. Я ведь тоже служил в полиции. И видел убийц, со стороны казавшихся такими же безобидными, как вы. И тех, кто производил впечатление жесточайших садистов, но на самом деле не был способен обидеть и мухи. Все сложно.

– И что мне теперь делать? Бартек выдал вам мое местонахождение по первому требованию. Вы сами сказали, что он при первой возможности наведет на меня полицию. Мне опасно здесь оставаться. Кроме того, я почти без денег.

– Тем не менее я не советовал бы вам пока покидать отель, – сказал Джон. – Оставайтесь здесь, я что-нибудь придумаю.

– Могу я с вами связаться?

Бёртон подошел к двери и открыл ее.

– Нет. Ждите, я сам на вас выйду.

– Подождите… вы вернетесь?

– Я появлюсь обязательно, – пообещал Джон.

Четверг, 7 января

1

– Ты занята сегодня вечером? – спросил Джон.

Он сидел за рулем своей машины, которую только что остановил перед домом Тары.

Джиллиан покачала головой.

– Я нужна Бекки. И она не должна думать, что мы встречаемся.

Криминалисты закончили работу в доме Уордов, но переезжать туда Джиллиан не спешила – слишком живы были в памяти события того вечера. Джиллиан не верила, что Бекки когда-нибудь сможет жить в этом доме, да и в себе сильно на этот счет сомневалась. Она приехала сюда забрать кое-что из вещей – одежды, белья, книг, – и Джон вызвался ее сопровождать. Он избавил ее от необходимости входить в этот дом одной, и за это Джиллиан была ему благодарна.

Здесь все оставалось как тогда, и все-таки это был не тот дом, который они с Томом купили и обустроили и где столько лет прожили с Бекки и Чаком.

В гостиной все еще стояла рождественская елка, продукты в холодильнике начинали портиться. Праздничные гирлянды и соломенные звезды на окнах выглядели реликвиями иной, безвозвратно ушедшей эпохи – где жизнь текла своим чередом, была уверенность в завтрашнем дне и доверие к людям. Это время больше не вернется.

– Сможешь сохранить этот дом? – спросил Джон.

Они были в столовой, с некоторых пор ставшей местом преступления. Ее взгляд уцепился за стул, на который рухнул смертельно раненный Том.

Джиллиан пожала плечами.

– Вопрос скорее в том, захочу ли я здесь жить. Или даже смогу ли…

– Что теперь с вашим лондонским бюро?

– На наших сотрудников можно положиться. Пока все держится, даже без моего активного участия. Конечно, в ближайшее время мне

предстоит принять решение. Я теперь единственный босс. Но совсем не уверена, что смогу удерживать наш прежний уровень.

Джиллиан собирала вещи, все быстрее и быстрее, потому что вдруг осознала, что не может находиться в этом доме ни минутой дольше самого необходимого. А оказавшись в машине, вздохнула с облегчением.

– Все еще хуже, чем я думала, – сказала она.

Джон помог поднять две корзины белья и посуду вверх по лестнице, к квартире Тары, после чего попрощался. Джиллиан отперла дверь, прошла в гостиную, где встретила полный ненависти взгляд Бекки.

– Почему ты не пригласила его в квартиру? Думаешь, я такая глупая? Ты все время с ним.

Тара, разбирая гору бумаг за письменным столом, посмотрела на Джиллиан озабоченно:

– Она видела вас в окно, тебя и Бёртона.

Джиллиан захотела пригладить волосы дочери, но та увернулась.

– Он мой тренер по гандболу, мама! Почему он никак не хочет оставить тебя в покое, а ты его?

– Мистер Бёртон всего лишь помог мне забрать кое-какие вещи из нашего дома. Я не хотела ехать туда одна и очень благодарна ему…

– Неужели тебе больше не к кому обратиться? Тара помогла бы тебе!

– Кто-то должен был остаться с тобой, – отозвалась Тара.

– Ничего не случилось бы, если б я несколько часов посидела одна. Или пошла бы с тобой.

– Ни в коем случае, – оборвала ее Джиллиан. – После того, что тебе пришлось пережить в том доме…

Глаза Бекки сверкнули, как две молнии.

– Не притворяйся, мама! Если б ты так беспокоилась обо мне, не спала бы с Джоном.

– Бекки! – закричала Джиллиан.

– Ты выдвигаешь очень серьезные обвинения, Бекки, – сказала Тара, поднимая глаза от бумаг.

– И что? С каких пор мне запрещено называть вещи своими именами?

– Он мой друг, Бекки, – спокойно ответила Джиллиан. – Друг – не более того.

Но Бекки больше ее не слышала.

– Перестань относиться ко мне как к ребенку! Ты так и не сказала мне, что делала в тот вечер, когда папу убили! Ты боишься…

– Я говорила тебе, что была в ресторане. Одна. Просто хотела немного собраться с мыслями.

– В ресторане? Одна? – Бекки злобно ухмыльнулась. – Ты никогда не обедаешь одна. Ты встречалась с Джоном, лежала с ним в постели, когда кто-то вломился в наш дом и застрелил папу…

На последних словах голос Бекки сорвался. То, что со стороны выглядело как ярость, на самом деле было болью и отчаянием. Полнейшим недоумением, в которое Бекки повергли недавние события. Страх смерти намертво засел в ее костях. В конце концов, она была ребенком – встревоженным, напуганным, раздавленным горем ребенком.

– Бекки…

Джиллиан приблизилась к дочери, но та развернулась и выбежала из комнаты. Дверь в ванную захлопнулась, дважды щелкнул замок.

Джиллиан и Тара переглянулись.

– Может, тебе действительно не стоит больше ее обманывать? – сказала Тара. – Бекки инстинктивно чувствует, что между тобой и Бёртоном есть что-то помимо обыкновенной дружбы. Этого не скроешь. А ложь не идет на пользу вашим с Бекки отношениям.

– Но если я признаюсь, она тем более меня возненавидит.

– Только представь себе, что пришлось пережить этой девочке. Ее отца убили, и сама она была на волосок от смерти. Ее мучают кошмарные сны. Привычный мир рушится, а в это время ее мать…

– Что? – спросила Джиллиан, когда Тара запнулась. – Что не так с ее матерью?

– Мне кажется, Бекки винит тебя в смерти Тома. Потому что ты оставила его одного в тот вечер.

– Но откуда мне было знать?

– Все так, но поставь себя на ее место. Пока твоя мать лежит в постели с красивым тренером по гандболу, кто-то врывается в дом и убивает твоего любимого папу. И кого она должна за это возненавидеть – неизвестного убийцу?

– Сможем ли мы когда-нибудь с этим справиться? – прошептала Джиллиан.

– Во всяком случае, на это потребуется время, – отозвалась Тара.

Джиллиан опустилась в кресло и подперла голову обеими руками.

– Я не бросалась в объятия первого встречного мужчины, вовсе нет. Все было не так. Том и я, мы сильно отдалились друг от друга за последние несколько лет. Я чувствовала себя очень одинокой.

– К сожалению, Джон – не тот человек, в чьих объятиях можно утешиться, – возразила Тара. – Возможно, это мои предубеждения или я его плохо знаю, но он слишком красив, уверен в себе и опытен. Вечный соблазнитель, так и не решившийся связать себя какими-либо обязательствами. Надеюсь, что время, когда ты почувствуешь себя с ним еще более одинокой, чем с Томом, никогда не наступит.

– Не могу сказать, сколько еще буду рядом с ним, – отмахнулась Джиллиан, но слова Тары больно ее задели. Подруга заговорила о том, что казалось Джиллиан в Джоне самым непостижимым, – о его странной жизни. О несостоявшейся карьере. Отсутствии семьи или более-менее постоянной женщины рядом с ним. О его квартире, в которой не было мебели, как будто больше всего на свете он боялся где-то осесть.

Внезапно Джиллиан захотелось об этом поговорить. Ведь Тара была не только прокурором, но и ее лучшей подругой.

– Кстати, он не всегда был владельцем охранного бюро, – как бы между прочим заметила она. – Одно время работал в Скотланд-Ярде… детектив-инспектор.

– Правда? – удивилась Тара. – И почему он там больше не работает?

Джиллиан замолчала, опустив глаза в пол.

– Была одна глупая история, – начала она, – роман с практиканткой. Эта молодая особа заявила на него, когда Джон решил с ней порвать.

Джиллиан подняла глаза и встретила растерянный взгляд Тары.

– Что ты сказала?

– Было начато расследование по подозрению в принуждении к сексу, но в итоге прокуратура не увидела достаточных оснований для предъявления обвинения. Отчеты медиков полностью

реабилитировали Джона. Молодая леди путалась в показаниях. Джон ни в чем не виноват.

– Ну конечно… Она заявила на него просто так, от нечего делать.

– Джон не помог ей, когда она провалила важный экзамен, после чего дама окончательно слетела с катушек. Тогда он решил порвать с ней, что разозлило ее еще больше. Ну вот… она и решила таким способом с ним поквитаться.

– Джиллиан, я все-таки прокурор и кое в чем разбираюсь. Расследования не начинаются на пустом месте. Раз уж дело дошло до прокурора…

Джиллиан уже жалела, что затронула эту тему. Она надеялась успокоить Тару, но в результате лишь усилила ее страхи и сомнения. К тому же сама Джиллиан не могла быть уверена, что знает эту историю во всех значимых подробностях. Настаивать на чем-либо было глупо.

– После того как Джон решил с ней расстаться, они в последний раз занялись сексом, и…

– В самом деле? То есть нашли его сперму?

– Да, но Джон этого и не отрицал.

– Дай угадать, – подхватила Тара. – Он действительно хотел порвать с ней. Но плутовка, как назло, оказалась чертовски привлекательной. Вот он и решил позабавиться с ней в последний раз. С ее согласия, разумеется, потому что, хоть он и объявил о разрыве, молодая особа не придумала лучшего способа с ним проститься. Но секс не изменил его решения, что ее не на шутку разозлило. В результате мстительный, злобный монстр в женском обличье побежал в полицию, благо недалеко. Чтобы если не посадить обидчика в тюрьму, то по крайней мере разрушить его карьеру. Так он тебе это представил?

Джиллиан потерла лоб.

– Несколько в других выражениях, но… да, примерно так.

– Так оно обычно и выглядит, – продолжала Тара. – В заявлениях ответчиков, во всяком случае. Ты даже представить себе не можешь, сколько таких историй попадает на мой стол, Джиллиан. Если так оно и было, преступления действительно нет. Есть вероломные женщины с их больными фантазиями.

– Она сама нанесла себе телесные повреждения. Это подтвердили несколько судмедэкспертов. По-твоему, они сговорились?

– В таких случаях, – ответила Тара, – улик почти никогда не бывает. Ни в пользу ответчика, ни истца.

– А я верю Джону Бёртону, – заявила Джиллиан. – Он вел себя как идиот и не отрицает этого. Но никого ни к чему не принуждал.

– Откуда такая уверенность? Когда ты успела так хорошо его узнать?

– Я просто не могу представить себе, что могло быть по-другому. – Джиллиан сама услышала, как неубедительно это прозвучало. «Зачем я завела этот разговор? Что за безумный день, когда он наконец кончится? Сначала на меня набрасывается родная дочь, а теперь – лучшая подруга…»

– Чего ты хочешь от меня, Тара? – спросила Джиллиан.

Та глубоко вздохнула.

– Прости. Я перегнула палку. Я ничего не хочу от тебя, Джиллиан. Просто удивляюсь, что ты…

– Да?

– Я не решилась бы вступить в связь с таким мужчиной. Это слишком опасно.

– И это значит, что, даже если Джон невиновен, у него нет ни малейшего шанса начать нормальную жизнь?

– Ты не обязана быть его шансом.

– Почему не я?

– Ты что, в самом деле ничего не боишься?

Джиллиан покачала головой.

– Нет.

– Ну хорошо, – Тара выставила перед собой ладони в знак того, что сдается. – Наверное, это мое воображение, но Бёртон… я видела его всего два или три раза, когда он заезжал сюда за тобой… в нем чувствуется агрессия. Он берет то, что хочет, – так, по крайней мере, это выглядит. Джиллиан, извини, что приходится это тебе говорить, но то, что я сегодня от тебя услышала, лишь подтвердило мое первое впечатление от него. Я не доверяю Бёртону и удивляюсь, что ты это делаешь. Возможно, это вопрос мнения, на которое в моем случае, несомненно, наложила отпечаток работа.

– Ты думаешь, он имеет какое-то отношение к тому, что произошло с Томом? – спросила Джиллиан спустя некоторое время, в течение которого пыталась переварить услышанное.

– Нет, – ответила Тара. – Я так не думаю. Просто мне кажется, что Бёртон тебе не подходит. Это очень жесткий человек, с серьезными нарушениями в эмоциональной психике. Вот что меня беспокоит.

Некоторое время обе молчали, измученные спором. Потом Джиллиан встала.

– Посмотрю, что там с Бекки.

Поскольку в ближайшее время дочь не собиралась пускать ее в ванную и Джиллиан это знала, это был не более чем предлог сбежать от Тары.

Или все-таки от себя самой?

2

Детектив-инспектор Филдер был искренне удивлен. Он не ожидал звонка от Киры Джонс – дочери Карлы Робертс.

– Миссис Джонс! – воскликнул инспектор. – Рад слышать ваш голос.

– Добрый вечер, – ответила Кира Джонс почти шепотом. – Надеюсь, я вам не помешала?

– Ни в коем случае. Как ваши дела?

– Не очень, если честно, – призналась Кира. – С квартиры моей матери сняли оцепление, и сегодня я начала там убираться. Когда-то ведь нужно… Но… мне это тяжело дается. Сразу столько воспоминаний…

Она замолчала.

– Понимаю, – отозвался Филдер. – Вы пережили трудный период. Ваша мать не просто умерла, она была убита. В таких случаях родственников можно по праву причислять к пострадавшим.

– Я так мало общалась с ней в последние годы, – тихо продолжала Кира. – И сегодня, когда перебирала ее вещи, снова сблизилась с ней. Вспомнила себя ребенком и ее, мою маму, рядом со мной… – Она всхлипнула.

– Понимаю… – Филдер снова вздохнул.

– Но я позвонила вам не просто так, – продолжала Кира более уверенно. – Я нашла письмо в почтовом ящике матери, которое, судя по всему, попало туда только сегодня. Я не знаю отправительницу, она из Хастингса. Похоже, женщина понятия не имеет, что мамы больше

нет в живых. Хотя, конечно, в Восточном Сассексе это убийство не так освещалось в прессе, как здесь. И потом, даже у нас в газетах редко когда ее упоминали по фамилии и имени. В общем, я решила, что это письмо может быть вам интересно.

– И что там?

– На первый взгляд ничего, что могло бы навести на убийцу. Но вы искали людей, с которыми мама контактировала, а здесь их выявилась целая группа. Я впервые узнала о ее существовании.

– Что за группа?

– Если я правильно поняла, моя мать посещала некую группу поддержки для одиноких женщин. Около девяти месяцев назад. Занятия проходили раз в неделю. Вдовы и разведенные собирались вместе, чтобы обсудить свои проблемы, обменивались советами… Мама никогда об этом не говорила.

Филдер задумался. Очень может быть, что этот след никуда не выведет и убийство Карлы Робертс не имеет ничего общего с этой группой поддержки. Зато вырисовывается возможность поговорить с людьми, лично знавшими Карлу. Помимо сотрудников аптеки, где она работала так давно. Однако инспектор не спешил себя обнадеживать, и не только из боязни разочарования. Что-то подсказывало ему, что эта наводка ничего не даст.

– Откуда вам известно, что ваша мать перестала посещать группу девять месяцев назад? – спросил он. – Это как-то следует из письма?

Кира как будто задумалась.

– Насколько я поняла, группу вела женщина, написавшая письмо. В апреле прошлого года она переехала из Лондона в Хастингс по личным причинам, после чего все развалилось. Она пишет, что сожалеет, что группа не пережила ее отъезда. Осведомляется, как поживает моя мама. Похоже, женщина из Хастингса искренне за нее беспокоится и хочет получить от мамы хоть какую-то весточку.

– Понимаю, – отозвался инспектор. – Хорошо, что вы мне позвонили, миссис Джонс. Расследование зашло в тупик именно потому, что ваша мама, как нам казалось до сих пор, почти ни с кем не контактировала. Нам не на что было опереться. Я заберу у вас это письмо. Можете назвать имя и адрес отправительницы?

– Конечно. Ее зовут Эллен Карран.

Кира Джонс продиктовала адрес, после чего попросила инспектора держать ее в курсе расследования.

– Разумеется, – пообещал Филдер.

Сразу по окончании разговора инспектор запросил номер телефона Эллен Карран в справочной службе и решил тут же позвонить. Какой смысл откладывать, в самом деле? Половина седьмого вечера. Даже если Эллен Карран работает, у него есть шанс застать ее дома.

Миссис Карран взяла трубку после седьмого сигнала.

– Я только что вернулась домой, – виновато объяснила она, после того как Филдер представился. – Скотланд-Ярд? Случилось что-нибудь?

– Да, к сожалению, – ответил Филдер.

После чего вкратце рассказал об убийстве Карлы Робертс, умолчав об остальных. Эллен Карран пришла в ужас.

– Карлу убили? Кто это сделал?

– Мы блуждаем в потемках, – признался Филдер. – Работу осложняет замкнутый образ жизни миссис Робертс. К счастью, ее дочь обнаружила ваше письмо, когда сегодня убиралась в ее квартире. Ваша группа поддержки – все, что мы имеем на сегодняшний день.

– У меня просто не укладывается в голове, – продолжала Эллен. – Кто мог убить Карлу?

– Именно Карлу? – переспросил инспектор. – Ее так любили? Или это потому, что она казалась всем такой странной?

– Не могу сказать, что Карла пользовалась особенной популярностью, – ответила Эллен. – Но и врагов у нее не припомню. Карла была из тех, кого обычно не замечают. Серая мышка – тихая, скромная, очень молчаливая. Но всегда доброжелательная. Не представляю, за что кто-то мог так ее возненавидеть.

– Сколько женщин было в группе? – спросил Филдер.

– Пять. Со мной шесть.

– Вы ее организовали?

– Три года назад от меня ушел муж. Классическая история – нашел себе кое-кого моложе. Весь следующий год я только и ждала, когда это наконец убьет меня. Ну а потом решила вытащить себя за волосы из болота. Устроилась на работу и организовала

дискуссионный клуб для женщин с таким опытом, как у меня. Иногда полезно пообщаться с подругами по несчастью.

– Понимаю… Итак, вы организовали группу два года назад. А девять месяцев назад уехали из Лондона, так? То есть это продолжалось где-то год и три месяца?

– Да.

– Карла Робертс была с вами с самого начала?

– Нет. Сначала нас было четверо, включая меня. Карла присоединилась где-то через полгода. А потом еще одна женщина.

– Как Карла Робертс узнала о вас?

– Не так, как все остальные. У меня был сайт. Обычно меня находили через интернет.

– А миссис Робертс?

– У Карлы не было ни компьютера, ни интернета. Эти чудеса техники прошли мимо нее. Но полтора года назад в одном журнале появился репортаж о нашем клубе.

– Что за журнал?

– «Женщина и дом». Вы, наверное, не слышали о таком, инспектор. Это…

– Моя жена иногда их читает, – перебил Филдер, – так что я имею некоторое представление о такого рода изданиях – мода, диеты, знаменитости…

– Ну так вот, этот номер попался на глаза Карле, после чего она связалась со мной и стала ходить на наши встречи.

– Какие еще реакции были на статью? Может, письма с угрозами? От мужчин, которые видят в разведенных женщинах авантюристок и кровопийц?

– Нет. Были письма, но исключительно благожелательные. От женщин.

– Может, на вашей странице был форум?

– Был.

– И там тоже не было агрессивных записей?

– Нет. Писали совсем мало. Мы ведь были очень небольшой группой.

– И этой страницы больше нет?

– Нет. Я встретила одного человека и переехала к нему в Хастингс. Тем самым я утратила право вести эту страницу.

– Почему группа распалась после вашего отъезда?

– Мне действительно жаль, что так получилось, – ответила Эллен. – Но ведь так оно обычно и бывает, вам не кажется? Есть человек, который составляет стержень группы, даже если поначалу это не так заметно. В нашем случае это была я. После моего отъезда у остальных никак не получалось собраться по-настоящему. Некоторое время они еще изредка встречались – по двое, по трое, – пока вовсе не потеряли связь друг с другом. Одна из участниц группы написала мне об этом в сентябре, чем очень меня расстроила.

– Где и как часто вы собирались, когда группа работала?

– Каждый четверг у меня дома.

– Вы и другим писали письма или только Карле Робертс?

– Только ей.

– Почему? Ее дочери, которая читала ваше письмо, показалось, что вы обеспокоены. Почему вы волновались за Карлу?

– Я так давно не получала от нее вестей, – ответила Эллен. – После переезда другие первое время писали мне по электронной почте, хотя со временем и эти связи оборвались. Но от Карлы ни разу ничего не было – ни письма, ни открытки. Я знала, что она не слишком общительна, и все-таки подумала, что не помешает спросить у нее, как дела.

– Миссис Карран, – сказал Филдер. – Способ, каким была убита Карла Робертс, свидетельствует о чудовищной ненависти со стороны убийцы. Это не было преступлением на сексуальной почве в прямом смысле. И ее не ограбили. Мы еще не знаем, была ли агрессия преступника направлена против женщин вообще или конкретно против Карлы. Поэтому я прошу вас хорошенько вспомнить, не рассказывала ли Карла во время ваших встреч что-нибудь, что могло бы иметь к этому отношение. Я имею в виду некоего человека в ее жизни или событие, которое могло бы объяснить такую ненависть.

Эллен Карран надолго замолчала.

– Сожалею, инспектор, – наконец сказала она, – но ничего такого мне в голову не приходит. Карла действительно говорила очень мало. И почти всегда о своем муже, который долгое время ей изменял, а потом разорил семью и сбежал. У нее были основания его ненавидеть, не наоборот.

– Мне нужен список участниц группы, – сказал Филдер. – Это возможно? Фамилии, адреса, если у вас они есть.

– Где-то были. Могу выслать по электронной почте.

– Буду признателен.

Филдер продиктовал адрес электронной почты и задал следующий вопрос:

– Неужели никто из группы с ней не дружил? При всей застенчивости Карлы Робертс, должен же быть кто-то, с кем она сблизилась больше, чем с остальными.

Эллен задумалась.

– Вряд ли это можно назвать дружбой, – сказала она, – но, как мне показалось, с одной из женщин Карла действительно сблизилась больше, чем с другими. Иногда они перешептывались, во всяком случае. Но встречались ли после распада группы – я не знаю. – Она сделала паузу. – Лайза Стэнфорд. Ее случай особый. Ни вдова, ни разведенная – поначалу я не хотела ее брать. Лайза была замужем, но очень несчастна в браке. Ей не хватало решимости изменить ситуацию. Вот я и подумала, что занятия в группе помогут ей собраться с духом. Она присоединилась последней и часто пропускала встречи, что меня, признаюсь, раздражало.

– Она все-таки развелась с мужем?

– Пока навещала группу – нет. Не знаю, что стало с ней потом.

– Она рассказывала что-то конкретное о своей семейной жизни?

– Ничего конкретного. Лайза Стэнфорд тоже была молчунья. У меня о ней сложилось впечатление как о состоятельной даме, которая никак не может найти себе достойного занятия и периодически впадает в депрессию по этому поводу. А муж, конечно, во всем виноват, потому что не проявляет должного внимания… Может, я несправедлива, но мне не хватает сочувствия к богатым, скучающим дамам. Что-то с ней было не так. Я чаще жалела ее мужа, чем Лайзу.

– Что именно с ней было не так?

– Не могу сказать… аура, что ли. От нее исходила какая-то нервозность. Она не могла принять помощь, за которой к нам пришла. Может, я несправедлива… Такие, как она, фиксируются на своих проблемах только потому, что больше не на чем.

Филдер сделал несколько пометок в блокноте, после чего задал последний вопрос, хотя и понимал, что так не бывает:

– Имена Энн Уэстли и Джиллиан Уорд вам о чем-нибудь говорят?
– Нет, – ответила Эллен Карран.

Суббота, 9 января

1

Трейлер был около пяти метров в длину и трех в ширину. Отапливался он пропаном, и довольно хорошо, это Самсон должен был признать. Из удобств только самое необходимое, но непритязательному человеку некоторое время можно было здесь жить.

Из мебели имелся раскладной диван, стол, два стула. Что-то вроде кухонного угла с газовой плитой и раковиной, над которой висел бак с водой. Встроенный подвесной шкаф с пластиковой посудой и немудреным запасом продуктов – в виде чая, растворимого кофе, сухого молока, нескольких упаковок макарон и баночки томатной пасты. Душ и туалет умещались в крохотном отсеке. Теснота – как же Самсон это ненавидел…

Но выбора не предоставлялось, и за этот вариант на колесах он должен был благодарить судьбу. В тюремной камере хуже. Это Джон Бёртон привез его сюда. Его Самсон тоже ненавидел, хотя должен был благодарить. Джон Бёртон оказался единственным, кто поддержал его в несчастье и, похоже, даже не считал виновным. Самсон пытался подробнее его об этом расспросить, но Джон отвечал, что, пока ничего не доказано, он ничему не верит. На большее в данный момент Самсон рассчитывать не мог.

В охранном бюро Джона Бёртона свирепствовал грипп, и это совершенно сбило рабочий график. Трейлер, где жили охранники строительной площадки, временно пустовал.

– Располагайтесь, – сказал Джон. – Пока холодно и идет снег, на стройке никого не будет. Все-таки безопаснее, чем «Завтрак и постель» в привокзальном отеле в Саутенде.

Самсон был рад выехать из гостиницы, но прожил на стройке три дня и снова затосковал. Из окна обшарпанного номера он мог по крайней мере наблюдать хоть какую-то жизнь, благодаря чему не чувствовал себя напрочь отрезанным от мира. Но здесь, на одной из многочисленных строительных площадок Южного Лондона… Раздвинув грязно-серые шторки, Самсон видел похожий на руины

силуэт недостроенного здания на фоне низкого зимнего неба, пару подъемных кранов и множество таких же вагонов, со спрятанными в них запчастями к технике и строительными инструментами. Последние составляли объект охраны.

Сейчас все это было покрыто снегом. Дождь и слякоть, наверное, были бы хуже, но белое безмолвие внушало чувство опустошения. Тишину нарушали только крики птиц. Людей Самсон не видел. Абсурдность ситуации в том и заключалась, что он ждал появления людей и в то же время боялся их. В его положении люди означали опасность. Он должен быть счастлив, что выброшен сюда, на край света, где нет ни единой живой души.

Сколько это еще может продолжаться? В тот день, когда Самсон выбрался на прогулку – обошел строительную площадку, бросая птицам черствый хлеб, вдохнул полной грудью морозный воздух, – он понял, что это надолго. Вдруг пришло осознание глубокого душевного кризиса, возможно, даже депрессии, в которой он увязал, как в трясине. В этот момент Самсона настигло чувство, что его злейший враг не полиция – опасность сидит в нем самом.

Не раз со вчерашнего вечера ему приходила в голову мысль, что смерть, при всем ужасе, таящемся в этом слове, означает освобождение. Самсон не мог не осознавать риск, связанный с таким настроением. Когда-нибудь, в один из дней этого холодного, серого января или такого же мрачного февраля, который последует за ним, может просто не остаться сил выносить крики птиц в этой давящей пустоте.

Вернувшись к дому, Самсон услышал шум мотора. По грунтовой дороге скользнул свет фар. После секундного шока Самсон расслабился, потому что узнал машину.

Джон. Вчера он так и не появился, а сегодня Самсон с самого утра мысленно умолял его приехать. Притом что терпеть не мог Джона, хотя бы за то, что тот спал с женщиной, которая нравилась Самсону. Но Бёртон оставался единственным, на кого Самсон мог рассчитывать в своей изоляции, его последним контактом с миром. Самсон ненавидел Бёртона и в то же время скучал по нему; одно это было достаточным основанием, чтобы презирать себя.

Самсон остановился на ступеньках трейлера. Бёртон вышел из машины и направился к нему – высокий, широкоплечий, в кожаной

куртке и с небрежно обмотанным вокруг шеи шарфом. Самсон вспомнил Джиллиан, и в горле встал ком.

– Гуляли? – спросил Джон.

Он нес под мышкой стопку газет и журналов, которую передал Самсону.

– Вот. Привез вам кое-что почитать, чтобы вы не умерли от скуки.

– Здесь так тихо, – задумчиво проговорил Самсон.

Бёртон вернулся к машине, открыл багажник и вытащил две большие сумки.

– Продукты. И несколько бутылок пива. Алкоголь не решает проблем, но иногда помогает их пережить.

– Я не пью, – неуверенно отозвался Самсон и тут же пожалел об этом. Джон хотел как лучше.

Бёртон пожал плечами.

– Я оставлю бутылки здесь. Что, если вам все-таки захочется.

– Да, спасибо, – Самсон отпер дверь фургона. – Войти не хотите?

– Времени нет. У меня встреча.

– С Джиллиан? – вырвалось у Самсона.

Джон покачал головой.

– Нет.

– Как… она себя чувствует?

– Соответственно обстоятельствам, скажем так. По крайней мере, она не сидит без дела. Занимается выплатой страховки за жизнь мужа, ведет переговоры с банком по поводу ипотеки на дом, вернулась на работу в лондонский офис. И да, она отправила дочь к родителям в Норвич.

– Она отослала Бекки?

– Ну, я не стал бы это так называть. Они с Бекки часто ссорились в последнее время, вот Джиллиан и решила, что будет лучше некоторое время пожить врозь. Послезавтра начинаются занятия в школе, но Бекки не готова вернуться к нормальной жизни. Джиллиан отправила ее в Норвич на весь январь и нашла там психотерапевта, которого Бекки будет регулярно посещать. Девочке нужна профессиональная помощь. Думаю, в общем и целом, Джиллиан рассудила правильно.

«Ну конечно, – со злобой подумал Самсон. – Том мертв, Бекки у бабушки с дедушкой… Теперь тебе ничто не мешает. Все идет по

плану, не так ли?»

Вслух Самсон ничего такого, конечно, не сказал. Вместо этого поинтересовался ходом следствия. Появились ли у полиции какие-нибудь зацепки?

– Нет, насколько мне известно, – вздохнул Джон. – Они ищут вас, но в остальном всё так же блуждают в потемках. Может, я чего-то не знаю…

– Но у вас связи в полиции.

– Пока никакой новой информации, – повторил Джон и посмотрел на часы. – Мне пора. Понимаю, как вам здесь тоскливо, но все, что я могу сделать для вас сейчас, – это навещать время от времени и снабжать самым необходимым.

– И это не мало, – пробормотал Самсон. – Спасибо, Джон.

Он проводил взглядом Бёртона, возвращавшегося к своей машине. Потом машину.

Красавец Джон Бёртон уезжал в мир людей, где еще назначают свидания, устраивают ужины, смеются и ведут светские беседы. За версту видно, что Бёртон из тех, кто всегда встает на ноги, вне зависимости от того, какие ловушки расставила на его пути судьба. А Самсон всегда проигрывает, и это, наверное, тоже хорошо заметно со стороны. Мало что делает мужчину таким непривлекательным в глазах женщин, как клеймо неудачника.

Самсон подхватил сумки с продуктами, которые оставил ему Джон, и вошел в свой дом на колесах. Может, все-таки стоит выпить пива…

2

На обратном пути в город Джон думал о Самсоне Сигале. Бедняга вымотан, морально и физически, и долго не продержится. Джон почти не сомневался, что Сигал уже подумывает сдаться полиции, и мысль о том, что тюремная камера не улучшит его положения, – единственное, что удерживает его от этого шага. Даже если в камере он будет не один, для такого человека, как Сигал, привыкшего служить громоотводом для агрессии окружающих, это означает лишь новую опасность. Самсон, может, и был немного сумасшедшим, но не глупцом. Он достаточно трезво оценивал и свое собственное

положение, и ситуацию в целом, на это Джон сразу обратил внимание. Самсон не мог не понимать, каким адом обернется для него тюрьма.

Джон думал и о себе. Поддержка Самсона – тоже уголовное преступление. Все, что остается сделать полиции, это допросить перепуганного поляка – единственного друга Сигала, пусть и бывшего, – чтобы узнать, что Джон побывал в гостях у предполагаемого преступника несколькими днями раньше и получил информацию, с которой должен был немедленно явиться в полицию. Филдер выжидает удобного случая нанести удар и не упустит этой возможности.

Детектив-инспектор Питер Филдер – вот еще одна причина, по которой Джон вмешался в эту историю, решив в последний раз пройти по краю пропасти. Джон почти не имел с ним дел по службе и между ними не было ни серьезных размолвок, ни споров. При этом оба, мягко говоря, недолюбливали друг друга.

Джон считал Филдера посредственностью и обывателем, который сделал хорошую карьеру и, вне сомнения, продолжит делать ее, только из-за того, что корректен, надежен и тем удобен начальству. Никогда в жизни Филдер не стал бы конфликтовать с людьми, нужными ему для карьерного продвижения. Кристи – женщина, в которую Филдер был влюблен – в свое время работала в паре с Джоном. Уже тогда было заметно, что Филдер неровно к ней дышит, и эта тема вовсю муссировалась среди полицейских Скотланд-Ярда. Одному Филдеру казалось, что он умеет скрывать свои чувства. Но история, так или иначе, не развивалась. Филдер так и не решился на роман с Кристи. Лишенные подпитки, сплетни понемногу стихли. Притом что Филдер, можно сказать, «унаследовал» Кристи после ухода Джона.

Филдер презирал Джона за легкомыслие и в то же время завидовал его внутренней свободе, Джон это видел. Впрочем, в этом отношении Филдер мало чем отличался от других коллег-мужчин. Многие из них воспрянули духом, когда практикантка загнала Джона в угол. Но ему удалось переломить и эту ситуацию. Джон Бёртон оставил Скотланд-Ярд добровольно. Ушел победителем, заставив бывших коллег почувствовать себя жалкими неудачниками.

Он оставил машину довольно далеко от ресторана, где была назначена встреча, но с парковочными местами здесь дело обстояло

как с родниками в пустыне. Не в последнюю очередь благодаря горам снега, наваленным снегоуборочными машинами по обочинам.

* * *

Итальянский ресторан встретил Джона теплыми свечами, запахом пасты и травяных приправ, приглушенными голосами и звоном бокалов. Как и всегда в субботу вечером, здесь было многолюдно, но Джон уже в дверях увидел, что она на месте. Столик, за которым она сидела, стоял в глубине зала, несколько в стороне от остальных.

Умная девушка, идеально подходящая для его целей. Она тоже заметила Джона и помахала ему. Приближаясь к ней по проходу между столами, Джон заметил, что она сияет от радостного предвкушения. Определенно, у нее было что-то, за что она надеялась добиться от него похвалы.

Детектив-констебль Кейт Линвилл. Тридцать пять лет, а на вид не меньше сорока двух. Русые волосы, бледное лицо с трудноуловимыми чертами. Маленькие глаза, всегда чуть припухшие. Как будто пьянствовала всю ночь, чего, конечно, не было. Мужчины вечно игнорировали Кейт, поэтому ее карьера в полиции не задалась. Как она вообще очутилась в Скотланд-Ярде, оставалось загадкой еще во времена Джона.

Но уже тогда она была влюблена в него, чего Джон, конечно, до определенного момента не мог предположить и в самых смелых мечтах. Но однажды, когда он стоял возле ксерокса, Кейт приблизилась с папкой бумаг, которые хотела скопировать, и, после долгого неловкого молчания, поинтересовалась, не желает ли Джон на выходных сходить с ней в кино. Ее голос дрожал, губы стали совсем бескровными, и Джон с удивлением понял, что Кейт ждала этой возможности не один месяц и, должно быть, до посинения репетировала перед зеркалом эту немудреную фразу. Он видел отчаяние, придавшее ей смелости. Тогда Джон вежливо отказался, и она, как и ожидалось, никогда больше не осмелилась приблизиться к нему с вопросом или просьбой такого рода.

Бёртон вспомнил о Кейт много лет спустя, когда подыскивал себе информатора в столичном отделении Скотланд-Ярда. Смелостью Кейт

не отличалась, а поручение было довольно рискованным; тем не менее Джон все рассчитал правильно. Она была так одинока, что не нашла в себе силы противиться искушению хотя бы такой ценой завоевать внимание мужчины. Отчаяние перевесило осторожность, как Джон того и ожидал. Сегодня они встречались во второй раз, и она, судя по всему, уже ожидала его не меньше получаса.

– Здравствуйте, Кейт, – сказал Джон.

– Здравствуйте, Джон, – ответила она.

– Извините, что немного опоздал. Здесь не так просто припарковаться. Вы на машине?

Она покачала головой.

– Я приехала на поезде. Не хотела отказывать себе в удовольствии выпить с вами вина.

Джон вздохнул, но только мысленно. Он предпочел бы приехать в Бексли, где Кейт проживала целую вечность. Это она настояла на том, чтобы встретиться в центре, под предлогом, что ей все равно нужно сделать там кое-какие покупки. Если разговор затянется – а из опыта прошлой встречи Джон вполне мог этого ожидать, – будет неудобно отправлять ее домой на поезде. Рассчитывала ли Кейт на это? На то, что он ее отвезет или, чего доброго, предложит переночевать у себя?

Бёртон сел, взял из рук официанта меню. Кейт ждала, пока Джон что-нибудь выберет, после чего вместе сделали заказ. Кейт перегнулась через стол:

– Есть новости.

Джон улыбнулся:

– Выкладывайте.

– Удалось кое-что узнать о жизни Карлы Робертс. Она посещала группу поддержки для одиноких женщин – разведенных, вдов и тому подобное. Они встречались раз в неделю, чтобы помочь друг другу справиться с ситуацией. Группы нет вот уже девять месяцев, но ее основательница пыталась выйти на связь с Карлой Робертс. В группе была одна женщина, с которой у Карлы Робертс сложились более-менее доверительные отношения. Лайза Стэнфорд – кстати, она замужем. Но якобы очень несчастна в браке.

– Понятно, – сказал Джон, отметив про себя это имя. – И сколько человек посещали группу?

– Всего шесть женщин. У Филдера полный список, Энн Уэстли там нет. Это было бы слишком хорошо. Зато Лайза Стэнфорд – это нечто.

– В смысле?

– Кристи кое-что про нее нарыла, – грустно объяснила Кейт.

Она не любила Кристи, у которой никогда не было проблем с мужской компанией на выходные. Не говоря уже о том, как ее обожал босс.

– Так вот, наша сообразительная Кристи пошла с этим списком в клинику, где когда-то работала доктор Энн Уэстли, и сверила с картотекой больных. Угадайте, кого она там обнаружила?

– Лайзу Стэнфорд, конечно, – ответил Джон. – Поскольку вы сами только что сказали, что она – нечто.

– Именно так, – подтвердила Кейт.

Разговор прервался появлением официанта с графином вина и бутылкой воды. Наполнив бокалы, юноша удалился.

– У Лайзы Стэнфорд есть сын, – продолжала Кейт. – Финли Стэнфорд. С ним она четыре или пять раз приходила на консультации к доктору Уэстли. Босс на седьмом небе. Он так искал связь между Карлой Робертс и Энн Уэстли и теперь полагает, что то, что обе знали Лайзу Стэнфорд, – не случайность.

– Нет, похоже, – согласился Джон, в голове которого уже роились вопросы. – Что было с ее сыном? С медицинской точки зрения, я имею в виду. Что-нибудь серьезное?

– Обычные детские болезни – сыпь, ангина, спортивные травмы…

– А как насчет Джиллиан Уорд? Эту женщину она тоже знает?

Лицо Кейт снова сделалось грустным.

– Разумеется, мы сразу проверили. Это могло бы изменить ситуацию, но нет. Женщина, с которой разговаривал Филдер, никогда не слышала этого имени. Сейчас босс пытается выяснить, мог ли муж Лайзы Стэнфорд контактировать с Джиллиан в профессиональном плане или через спорт. Но это, конечно, намного сложнее.

– Вы уже связались с Лайзой Стэнфорд? – спросил Джон.

Кейт выглядела так, словно ждала этого вопроса.

– А теперь самое интересное, – объявила она. – Конечно, Филдер немедленно попытался связаться с Лайзой. И тут выяснилось, что она вот уже почти два месяца как пропала.

– Пропала?

– Босс вышел на ее мужа. Угадайте, кто он?.. Тот самый Стэнфорд, доктор Логан Стэнфорд!

– Не может быть! – удивился Джон. – Благотворитель Стэнфорд?

– Именно. Баснословно богатый адвокат с особняком в Хэмпстеде и дружескими связями, вплоть до премьер-министра и королевы. Который всем уши прожужжал своими благотворительными акциями. Он самый. И это он сообщил Филдеру, что его жена пропала без вести еще в середине ноября.

– Ага. То есть мистер Стэнфорд считает это нормальным… Или он что-то предпринимал, чтобы ее разыскать?

– Там вообще много непонятного, – ответила Кейт, из чего Джон заключил, что она не была на все сто процентов в курсе вопроса. – Стэнфорд якобы ничего не предпринимал, потому что для его жены подобные исчезновения – что-то вроде нормы. То есть время от времени она куда-то пропадает. Он как будто признался Филдеру, что их брак не особенно удачен. И это согласуется с показаниями бывшей ведущей группы для одиноких женщин. Лайза Стэнфорд хотела развестись. И вообще производила впечатление одинокой, подавленной женщины с расстроенными нервами, которая строит планы на будущее, вместе того чтобы решать семейные проблемы.

– Что за проблемы были у нее с мужем? Филдер задавал Стэнфорду этот вопрос?

– Этого я сказать не могу. Вы же знаете, босс откровенничает только со своей Кристи. Я знаю только то, что оглашается на общих совещаниях, а вчера вечером он упомянул об этом только вскользь.

– А что насчет сына? Филдер застал его дома, когда к ним приходил?

– Да. Финли двенадцать лет. Он сидел за компьютером, когда появился Филдер. Кажется, не слишком разговорчив, но для мальчика его возраста это не редкость. В общем и целом, с ним всё в порядке. Финли не показался Филдеру особенно встревоженным. Похоже, ситуация с исчезновением матери и в самом деле не является для него чем-то необычным.

– М-да… – Джон замолчал. – И что вы сами думаете по этому поводу?

– Я? – удивилась Кейт, как будто не ожидала, что он заинтересуется ее мнением. – Ну, если честно… даже не знаю. Мать семейства месяцами скрывается неизвестно где, в то время как отец с сыном продолжают жить как ни в чем не бывало… Я имею в виду, когда человек в депрессии, о нем беспокоятся, ведь так? Даже если Лайза всегда возвращается, она ведь может сделать какую-нибудь глупость, вроде того что попытаться покончить собой, и семья даже не узнает об этом.

– Помимо прочего, она контактировала с двумя женщинами, которые теперь убиты, – задумчиво проговорил Джон. – По мнению Филдера, это не может быть совпадением?

Он покрутил в руках бокал, но тут подошел официант и поставил перед Джоном и Кейт по большой тарелке дымящейся пасты. Несколько минут оба ели молча, что вполне устраивало Джона, получившего наконец возможность предаться своим мыслям. Не ему было судить, заслуживал ли Стэнфорд доверия. Для этого нужно было переговорить с ним лично. Так или иначе, история вырисовывалась в высшей степени странная.

«Если я и дальше хочу этим заниматься, мне придется с ним встретиться», – подумал Бёртон.

Словно прочитав его мысли, Кейт оторвалась от пасты:

– Джон, я понимаю, что это не мое дело, и все-таки… зачем оно вам? Почему бы просто не позволить Филдеру делать свое дело? Вы ведете свое расследование. Почему?

С самого начала Джон объяснил, что знает Джиллиан Уорд, чей муж убит, и это пробудило его интерес. О романе с Джиллиан он не упомянул. Сказал только, что тренирует ее дочь по гандболу. Иначе Кейт замкнулась бы в себе, как устрица. Она разговаривала с ним только потому, что не теряла надежды.

– Мне нравится этим заниматься, – просто ответил Джон – и тут же, к своему удивлению, понял, что не солгал. Он и в самом деле находил расследование крайне увлекательным. Связь с Джиллиан задала первоначальный толчок его интересу, но далее проснулся охотничий инстинкт. Джон обнаружил, что действительно скучает по прежней работе. Не по интригам, карьере и вечной гонке за повышением – по самой работе.

– Вообще, я хорошо знаю семью Уордов, – продолжал он. – Мне очень нравится их дочь, которая получила сильнейшую психологическую травму. Может, и мной движет что-то вроде чувства мести…

Джон посмотрел на Кейт и понял, что она ему не поверила.

– Есть еще кое-что, о чем я не сказала, – продолжала она. – Недели за две до смерти Карла Робертс чувствовала угрозу. Она рассказала об этом дочери. Время от времени на восьмой этаж, где она жила, поднимался лифт, из которого никто не выходил. В последние дни это повторялось подозрительно часто. И пугало ее.

Джон насторожился:

– Полагаю, речь не идет о технической неисправности? Систему проверили, надеюсь?

– Конечно. Но теперь Филдер полагает, что Энн Уэстли тоже угрожали. Иначе зачем бы ей понадобилось затевать продажу дома за две недели до Рождества? К чему такая срочность?

– Как именно ей угрожали?

– Ну, Филдер нашел в доме одну картину… У Энн Уэстли была студия на чердаке. Она увлекалась живописью – масло, акварели… В основном красочные, позитивные пейзажи – солнце, деревья, цветы. Но одна картина уж слишком отличалась от остальных.

– В каком смысле?

– Я сама не видела. Передаю описание Филдера. Черный фон – как будто глубокая ночь. И на ней – два световых конуса. Свет автомобильных фар, так он это понял. И задался вопросом, видела ли она что-то подобное в действительности? Дом стоит на отшибе, кругом ни души. Что, если это была машина, которая приезжала и уезжала, притом что из нее никто не выходил? Снова и снова, как лифт в доме Карлы Робертс…

– Неплохая идея, – заметил Джон, удивленный, что лишенный воображения Филдер сумел подойти к делу творчески.

– То есть и в том, и в другом случае женщин запугивали. С Карлой Робертс все примерно ясно. Если это началось за две недели до ее смерти, то…

– По времени это примерно совпадает с исчезновением Лайзы Стэнфорд, – заметила Кейт.

Таинственная, непостижимая Лайза… Но в голове Джона внезапно всплыло другое имя. Самсон Сигал, который шпионил за одинокими женщинами. Не он ли поднимался в лифте многоэтажки в Хакни или разъезжал близ уединенного дома под Танбридж-Уэллс с включенными фарами?

– То есть и в том, и в другом случае убийца предупреждал о своем появлении, – заметил Джон. – Это все, что вы хотели сказать?

Кейт загадочно улыбнулась.

– Есть еще кое-что… – После чего занялась пастой, как видно, чтобы подогреть нетерпение Джона. – Филдер не говорит об этом прямо… не на совещаниях, по крайней мере. И все-таки до меня дошли слухи… в общем, он допускает, что во всем этом можете быть замешаны и вы.

– Я знаю, – отмахнулся Джон. – Но это абсурд. При всем своем желании, насколько мне известны обстоятельства дела, Филдер не сможет ничего против меня состряпать. Я знаю Уордов, это так. Но две мертвые женщины… Как бы он это ни повернул, более-менее убедительного мотива придумать не удастся.

– Я рискую, это так, – переменила тему Кейт. – Но я с удовольствием делаю это!

Джон слабо улыбнулся. Он не должен был слишком ее обнадеживать. Теперь ему стало ясно, что Кейт Линвилл приехала сюда не на машине не просто так. Она хотела в его машину. В его квартиру – если уж совсем повезет.

– Кое-кому показалось бы глупостью то, что я делаю, – продолжала Кейт.

– Не вижу в этом ничего глупого, – отозвался Джон. – Вы можете полностью положиться на меня. О наших встречах никто не узнает.

Он решил переключиться на нейтральную тему, потому что разгадал стратегию Кейт. Подчеркивая, какую высокую цену ей приходится платить за информацию, она тем самым рассчитывала на его похвалу. Или хотя бы благодарность. Джон должен был чувствовать себя в долгу перед ней, чтобы в дальнейшем она могла это использовать.

Бёртон стал рассказывать о своем бюро. Об охраняемых объектах – стройках, супермаркетах, заправках, иногда даже частных домах.

– У меня есть четыре сотрудника для службы в личной охране. Они пользуются таким спросом, что мне, наверное, следует развиваться в этом направлении. Но я еще ничего не решил.

– Почему вы до сих пор один? Без жены и детей, я имею в виду… Не хотите связывать себя семьей?

– Возможно, – уклончиво ответил Джон и как бы между прочим посмотрел на часы. Кейт ни в коем случае не должна была опоздать на последний поезд.

– А бы с удовольствием создала семью, – мечтательно заявила она.

– С вашей работой это будет непросто.

Кейт пожала плечами.

– У других ведь получается…

– У других получается.

Джон не заметил, как они соскользнули на опасную территорию. Он помахал официанту, показывая, что хочет расплатиться. Почувствовал на себе страстный взгляд Кейт, и горло сжалось. Конечно, она рассчитывала на вознаграждение, но они не обговаривали заранее, *что* это будет. Не его вина, если Кейт получит не то, что хотела.

Пару минут спустя оба стояли на темной улице.

– Я провожу вас до вокзала, – предложил Джон.

– Спасибо, – разочарованно вздохнула Кейт.

Некоторое время шли молча, пока отчаяние Линвилл не пересилило все остальные чувства.

– Я не спешу домой, Джон, – сказала она.

Он остановился.

– Кейт…

– Завтра воскресенье, и мне не нужно на работу. Мы могли бы позавтракать вместе…

– Сожалею, Кейт, но я на это не настроен.

– Почему нет? Или у вас есть кто-нибудь?

– Нет. Именно сейчас в моей жизни такой период, когда мне не нужна женщина.

– Я не буду предъявлять к вам никаких претензий, Джон. Почему бы нам не попробовать? Если ничего не получится, так тому и быть…

«Как же», – усмехнулся про себя Джон. Если такой женщине, как Кейт, дать хоть малейшую надежду, она никогда не отстанет. Он хорошо знал это по своему опыту.

– Это невозможно, Кейт, просто невозможно, – повторил он. – И дело здесь не в вас. Только во мне.

– Но я подумала…

– Что?

– Ничего.

Интересно, что она хотела сказать? Наверное, Кейт не верила, что интерес к ней Джона ограничивается получением секретной информации. Джон видел, как она чувствовала себя в тот момент, – как идиотка. Тем не менее рискнул спросить:

– Вы как будто хотели еще что-то сказать?

Кейт посмотрела на него потухшими глазами. Задумалась. В конце концов, она должна была понять, что отвергнута и дальнейшее нытье не совместимо с чувством собственного достоинства. И без того совершенно ясно, чего она ждала и какое разочарование испытала.

– Да, – кивнула Кейт. – Есть еще кое-что, и это касается убийства тех женщин. Важная деталь, так и не просочившаяся в СМИ. Я говорю о способе убийства.

– То есть их не застрелили? – Джон давно догадывался о чем-то таком по настойчивым намекам на необыкновенную жестокость преступления.

– В случае с Уэстли убийца выстрелил в замок на двери, чтобы попасть в комнату, где укрылась жертва. Что касается Робертс, там оружие, похоже, если и применялось, то только для запугивания. Иначе как ему удалось бы связать ее скотчем по рукам и ногам, без заметного сопротивления?

– И?..

– И той, и другой протолкнули в глотку клетчатое кухонное полотенце, довольно глубоко. Карлу Робертс от этого вырвало, и она захлебнулась собственной рвотой.

– А Энн Уэстли?

– С ней так просто не получилось. В конце концов убийца заклеил ей нос все тем же упаковочным скотчем. Она задохнулась.

– Черт, – выругался Джон.

Теперь он понял, что имелось в виду под «безумной агрессией». Женщинам была уготована не просто смерть, а долгая, мучительная агония.

– Но Томаса Уорда все-таки застрелили?

Джон задал этот вопрос на всякий случай. Потому что был уверен, что, если б дело обстояло по-другому, Джиллиан непременно ему об этом рассказала бы.

– Да, – ответила Кейт. – И это подтверждает версию Филдера, что Томас Уорд – случайная жертва. Злоумышленник рассчитывал застать в доме женщину, а столкнулся с мужчиной. И не каким-нибудь. Томас Уорд был очень высокий, спортивный. Он ведь всерьез занимался теннисом. И защищался бы не так, как те две старушки, если б убийца не застрелил его сразу.

– То есть женщины были задушены кухонными полотенцами?

– Да.

– И эти полотенца принадлежали жертвам? Я имею в виду, если преступник захватил их с собой…

– Они принадлежали жертвам. Дочь Карлы Робертс узнала полотенце матери. А в доме Уэстли обнаружили такие же в ящике на кухне. Преступник нашел орудие убийства на месте преступления.

Они дошли до вокзала Чаринг-Кросс как раз в тот момент, когда подошел поезд.

– Ну что ж… – печально улыбнулась Кейт, бледнее обычного.

– Желаю вам добраться до дома без приключений, – сказал Джон. – И спасибо за все!

Кейт было так тяжело, что она даже не оглянулась, когда шагнула в вагон и выбрала место на противоположной стороне. Джон догадывался, что она плачет.

Воскресенье, 10 января

Впервые с того дня, как Том был убит, Джиллиан вошла в дом одна. В прошлый раз ее сопровождал Джон.

В комнатах плохо пахло. Нужно было срочно проверить холодильник.

Чемодан Джиллиан отнесла наверх, в спальню. Там все выглядело в точности так, как утром 29 декабря, когда они были здесь с Джоном. Аккуратно заправленная кровать с ярким покрывалом. Рядом на ночном столике открытая книга – детектив, который Джиллиан начала читать, – и потрепанный номер «Таймс». На стороне Тома – какие-то спортивные журналы. Его пуловер на стуле в углу. Галстук висит на дверце шкафа.

«Вещи Тома, – подумала Джиллиан. – Какой смысл их хранить?»

Чемодан она решила распаковать позже. Пока же просто открыла боковой карман, достала несессер, отнесла в ванную. Поставила зубную щетку в стакан, расческу положила на полку перед зеркалом. Старательно отводила глаза от вещей Тома – бритвы, лосьона после бритья, жидкости для полоскания рта, чистящего раствора для контактных линз. Пара черных носков висела на бортике плетеной бельевой корзины под раковиной. Все было как всегда, но именно это смущало и пугало.

Воскресное утро, январь. За окном снег и низкое, зимнее небо. А здесь – грязное белье, книги, журналы, отложенные в сторону, как будто в ожидании того, что их будут читать… Дом как дом и совсем не похож на место убийства.

Джиллиан поняла, что может выбрать одно из двух. Первое – сесть, дать волю переполнявшему ее изнутри ужасу и в конце концов закричать. И второе – с головой уйти в дела, которых много накопилось за время ее отсутствия.

Она выбрала второе. Следующие четыре часа посвятила наведению порядка. Выстирала горы белья, которое развесила на просушку в котельной. Вычистила холодильник, выбросив почти все, что в нем было, и отнесла два больших пакета мусора в контейнер на улице. Разобрала елку, вынесла на террасу. Сняла с окон

рождественские звезды и гирлянды, сложила в коробки и подняла на чердак. Выбросила наполнитель из кошачьего лотка – Чак уехал в Норвич вместе с Бекки и в ближайшие несколько недель не ожидается. Убралась в ванной и на кухне, пропылесосила весь дом, застелила кровати свежим бельем и основательно проветрила комнаты. Наконец затопила камин в гостиной, сварила себе большую чашку кофе, устроилась в кресле и глубоко вздохнула. Теперь в доме приятно пахло, было тепло, уютно потрескивали поленья.

Три часа дня. Чем заняться? Джиллиан закурила, но тут же затушила сигарету. Она знала, что сидеть просто так, без дела опасно. Когда-то она рыдала в объятиях Джона, но у нее не было нервных срывов с того дня, когда она обнаружила в столовой тело Тома. Джиллиан понимала, что убийца может вернуться, что он где-то прячется и только выжидает удобного случая напасть. До сих пор она спасалась тем, что ни минуты не была одна. Тара и Бекки, если и отлучались, то на короткое время, когда дочери нужно было прогуляться. Но тогда им на смену заступал Джон. Кроме того, в квартиру Тары часто наведывалась полиция. Впервые Джиллиан оказалась совершенно одна в большом, пустом доме. Или она все-таки допустила ошибку, вернувшись сюда?

Джиллиан пила четвертую чашку кофе, когда зазвонил мобильный – Джон.

– Привет. Просто хотел знать, как ты.

– Все хорошо. Я убралась в доме, выстирала тонны белья и теперь пью кофе.

Это прозвучало весело и фальшиво. Джиллиан стало не по себе.

– А ты как?

– В каком доме? – послышался возмущенный голос Джона. – Ты дома, у себя?

– Ну да.

– Что ты там делаешь?

– Убиралась, я же сказала. Стирала.

– И это всё?

– Вообще-то я здесь живу. Пока не подыскала ничего другого, во всяком случае. Сколько можно обходить собственный дом по широкой дуге?

Некоторое время Джон молчал.

– Что случилось?

И Джиллиан решила, что хватит играть в прятки. Джон имеет право обо всем знать.

– Я поссорилась с Тарой. В четверг, сразу после твоего отъезда. И с тех пор мне стало… неуютно в ее квартире.

– Из-за чего вы поссорились?

– Из-за тебя. Бекки устроила мне сцену, после того как увидела нас вместе в окно. Выбежала из комнаты и заперлась в ванной. А я оказалась настолько глупой, что… в общем, я рассказала Таре, почему ты ушел из полиции.

– Ясно…

– Ну да, тучи сразу сгустились. Принуждение к половому акту – большинство женщин воспринимают это болезненно. Я пыталась объясниться, но Тара так и не поняла, почему я сразу поверила именно в твою версию этой истории. И почему все еще встречаюсь с тобой.

– Понятно.

– Не то чтобы она потом возвращалась к этому, – продолжала Джиллиан, – скорее мы избегали этой темы. Но с тех пор мне стало как-то некомфортно в ее присутствии. Особенно когда ты звонил. Я выжидала, пока Тара куда-нибудь уйдет, чтобы позвонить тебе. В конце концов, она работает.

– Но ты там совсем одна… Мне это не нравится.

– Что ты предлагаешь?

– Давай я приеду к тебе. Или ты ко мне. Прошу тебя, Джиллиан.

– Только не сегодня, Джон. Мне нужно побыть одной.

– Послушай, есть кое-что кроме твоих психических проблем. Полиция считает, что Том – случайная жертва. На его месте должна была быть ты.

– Я знаю, Джон. Это для меня не новость.

– Джиллиан, он не сделал того, что хотел.

– Я никому не собираюсь открывать, садовую дверь тоже. Дом на сигнализации. Я могу включить ее на ночь.

– Мне не нравится, что ты там одна, – повторил Джон.

– Все будет в порядке.

– Обещай, что позвонишь в случае чего.

Она обещала. Завершив разговор, уставилась в стену, снова и снова спрашивая себя, что в ней сопротивляется тому, чтобы быть

рядом с Джоном. Первые дни у Тары Джиллиан искала с ним встречи, ждала его, рассчитывала на его утешение и поддержку. Потом что-то изменилось. В ней. Теперь Джиллиан могла часами размышлять, как так получилось, что она сначала впала в депрессию, потом закрутила роман на стороне, и в конце концов Тома убили.

Самым ужасным было осознание того, что Джиллиан изначально слишком драматизировала ситуацию. Она страдала от холодности Тома, но стоило лишь повнимательнее приглядеться, чтобы понять, что он никогда не отвергал и не сторонился ее. Джиллиан пугала дерзость Бекки, а всего-то надо было набраться терпения и выждать время. С ней не случилось ничего такого, чего не было бы в жизни тысяч и тысяч других женщин. И если б Джиллиан до сих пор не оставалась неуверенной в себе девочкой из провинции, она наверняка смогла бы переформулировать суть проблемы и тем самым изменить ситуацию.

Много лет тому назад она поспешила покинуть родительский дом, чтобы выйти за Томаса Уорда. С тех пор он всегда был рядом, и Джиллиан чувствовала себя под надежной защитой. То, что Джиллиан до сих пор понимала как освобождение из-под опеки родителей, на самом деле было освобождением под опекой сильного, уверенного в себе мужчины. И когда Томас больше не мог уделять ей столько внимания – из-за перегруженности на работе и усиливающейся одышки, – Джиллиан отреагировала как обиженный ребенок и бросилась в объятия другого мужчины. Им оказался Джон, который восхищался ею, дарил внимание и любовь и вселял уверенность в себе.

Долго так продолжаться не могло, последние несколько дней в этом ее убедили. Джиллиан нужно было научиться стать наконец самостоятельной, каким бы трудным ни был этот путь.

Телефон снова зазвонил. На этот раз мама Джиллиан сообщила, что Бекки чувствует себя хорошо – с учетом обстоятельств ситуации, разумеется. Она ходила в бассейн с дедушкой, а в понедельник должна впервые встретиться с психотерапевтом. Потом мама спросила, когда похороны Тома.

«И это тоже на мне», – устало подумала Джиллиан.

– Я не знаю, мама, – ответила она. – Об этом лучше спросить судмедэкспертов. Я позвоню, когда что-то прояснится.

– Как это ужасно! – сказала мама. – Хорошо, что у тебя есть эта девушка, у которой ты живешь… Иначе мне не было бы ни секунды покоя.

Джиллиан решила не разуверять маму насчет Тары. Просто потому, что не чувствовала в себе силы пережить последствия этого признания.

– Передавай привет Бекки, – сказала она на прощание. – Пусть она позвонит мне. Хочу слышать ее голос.

На часах было чуть больше половины четвертого. Впереди долгий одинокий вечер.

Джиллиан встала, надела куртку, шарф и перчатки, обула сапоги. Хорошо, что прошлая неделя выдалась такой снежной… Она пошла убирать снег – в надежде, что после этого не останется сил для нервного срыва.

Понедельник, 11 января

1

– Что вы еще можете вспомнить о Лайзе Стэнфорд? – спросила Кристи.

Время для посещения педиатрической клиники, где некогда работала Энн Уэстли, было самое неподходящее. Утро понедельника – и для большинства школьников первый день после рождественских каникул. Зал ожидания переполнен. Два доктора болеют гриппом. Из оставшихся – нервный молодой врач и его коллега, выглядящая так, будто сляжет следующей. Оба из последних сил сдерживают натиск пациентов. И тут врывается Кристи с вопросами о мальчике Финли Стэнфорде и его матери. Она настолько некстати, что было бы почти естественным отделаться от нее парой более-менее вежливых фраз. Но в конце концов Кристи тоже делает свою работу.

– Вы не могли бы подойти попозже? – раздраженно спросила дама за регистрационной стойкой.

– Нет, к сожалению. Поверьте, я не стала бы вас беспокоить, если б у меня был выбор.

Наконец дама – Тесс Причард, судя по бейджику на лацкане белого халата, – согласилась уделить Кристи несколько минут и пригласила ее в пустующий кабинет одного из больных врачей, где обе устроились за письменным столом, и Кристи повторила вопрос о Лайзе Стэнфорд.

Тесс Причард кивнула.

– Конечно. Я хорошо ее помню.

– Почему? Что в ней было такого необычного?

Тесс пренебрежительно фыркнула.

– Деньги, что ж еще! И гонор. И того, и другого с верхом.

– То есть то, что у нее много денег, было видно со стороны, вы это хотите сказать?

– Только слепой мог этого не видеть. Она все выставляла напоказ. Каждый раз шикарные костюмы, массивные, дорогие украшения… Очки «Гуччи» – никогда не видела таких огромных. Сумочка

«Гермес». И, конечно, «Бентли». Парковалась под окнами клиники, чтобы все видели.

– Понимаю. И вела себя высокомерно?

– Мы, средний медперсонал, не ее уровень. Разговаривать с нами было ниже ее достоинства. Полагаю, в кабинете доктора Уэстли она вела себя иначе. Особенно когда рассказывала, что не так с мальчиком.

– Но вы при этом не присутствовали?

Тесс качает головой.

– Нет. Ни я, ни кто-либо другой. Вообще-то у нас так не принято. Врачу нужен помощник во время консультации. Но только не в их случае.

– И как он вам? – Кристи имела в виду мальчика.

– Тихий, воспитанный. Он мне нравился.

– Необыкновенно тихий?

– Да нет. Мы здесь, знаете, всего повидали. Есть дети, которые так и носятся по коридорам, и родителям не удается ни на минуту их успокоить. Другие, напротив, боятся врачей и замыкаются в себе. Финли был, пожалуй, из последних. Но в целом в пределах нормы.

– Он появился в вашей клинике довольно поздно. Если я правильно поняла из документов, которые видела в пятницу, Финли был здесь всего пять раз, и перестал ходить в вашу клинику, когда ему исполнилось девять лет. Маленьким он у вас не наблюдался.

– Все так. Ему было семь лет, когда он впервые здесь появился. С бронхитом, насколько я помню, который развился из простуды и никак не проходил. В общем, ничего особенного.

– То есть Финли был здоровым мальчиком?

– Да. Мать водила его сюда по пустякам, и то не часто.

– Неужели доктор Уэстли совсем ничего не рассказывала о Лайзе Стэнфорд?

– Нет, – Тесс покачала головой. – Она была очень строга в таких вещах. Ни разу слова лишнего не проронила ни о пациентах, ни об их родителях. Тем более о Стэнфордах. Она, конечно, заметила, как мы зубоскалим на их счет, вот и решила не подливать масла в огонь.

– А с коллегами-врачами она о ней не говорила?

– Скорее всего, – нерешительно предположила Тесс. – Но докторов, которые работают сегодня, тогда, так или иначе, в клинике не было. Доктор Уэстли общалась с Филлис Скиннер.

– Она лежит дома с гриппом, – догадалась Кристи и вздохнула.

– Именно, – подтвердила Тесс. – То есть если Энн Уэстли с кем-то и обсуждала пациентов и их болезни, то это с Филлис Скиннер.

– Можно ее адрес? Мне нужно будет срочно переговорить с доктором Скиннер.

– Конечно, – с готовностью отозвалась Тесс.

Из коридора постоянно доносились телефонные звонки и звякал дверной колокольчик.

Тесс посмотрела на часы:

– Боюсь показаться невежливой, сержант, но…

– Мы почти закончили, – поспешила заверить ее Кристи. – Остались два коротеньких вопроса. Итак, Финли Стэнфорд наблюдался здесь в возрасте от семи до девяти лет. Всего пять визитов. Сейчас ему двенадцать. То есть в клинике он не появлялся уже три года?

– Три с половиной, если быть точнее. Да, все верно.

– Он и его мать оставили вашу клинику, после того как доктор Уэстли вышла на пенсию?

– Получается так.

– И еще одно. У нас есть информация, что Лайза Стэнфорд страдает депрессией. При этом время от времени она пропадает из дома и скрывается неизвестно где. Вы что-нибудь об этом знаете?

– Нет, – искренне удивилась Тесс.

– Вы ничего такого за ней не замечали? Что она страдает депрессией, я имею в виду.

– Честно говоря, не похоже, чтобы она чем-то страдала. Страдали скорее остальные. Собственно, я не особенно к ней приглядывалась. Кому придет в голову интересоваться особой, которая ни во что тебя не ставит? Но депрессия… нет, очень непохоже. Насколько я знаю Лайзу Стэнфорд, по крайней мере.

– Спасибо, что уделили мне время, – сказала Кристи.

2

Теперь в ее списке оставались три женщины – участницы группы поддержки, которую посещали Карла Робертс и Лайза Стэнфорд. Эллен Карран прислала по электронной почте имена и адреса всех

пятерых, но Кристи уже поняла, что поговорить получится только с одной женщиной. Две другие отправились в тур по Новой Зеландии в декабре и вернутся домой только в феврале. Нэнси Кокс с готовностью отозвалась на предложение Кристи побеседовать.

– Приходите ко мне в первой половине дня, – пригласила она. – Я уже год как на пенсии и у меня масса свободного времени.

Час пик миновал, движение на улицах понемногу успокаивалось. Кристи за рулем вспомнила субботний разговор с Филдером. Она спросила, что за парень Логан Стэнфорд, которого до сих пор лишь мельком видела на газетных снимках. Филдер как будто смутился:

– Честно говоря, мне он не нравится. Разумеется, сам по себе этот факт не должен иметь ни малейшего влияния на расследование. Просто у парня очень много денег, и он не упускает случая лишний раз всем об этом напомнить. Такие никогда не были мне симпатичны. Звездный адвокат – классический тип. Такое впечатление, будто всю жизнь только и делал, что переступал через трупы. Не слишком озабочен проблемами справедливости. Ловко уходит от налогов и добивается судебного запрета всякий раз, когда кто-то хотя бы взглянет в его сторону. Понимаете, о чем я?

Кристи рассмеялась:

– Более-менее. Будьте осторожны с подобными высказываниями, босс. Особенно насчет ухода от налогов.

– Только между нами, Кристи: честно говоря, сам не знаю, насколько это правда. Просто на него похоже.

– И его совсем не беспокоит исчезновение жены?

– Он говорит, что привык к этому. Как и к тому, что потом она объявляется как ни в чем не бывало. Поэтому он не особенно беспокоится.

– И вы находите это нормальным? Вы сами могли бы привыкнуть к такому? Женщина в депрессии, неделями пропадает неизвестно где…

– Абсолютно бесчувственный тип, как мне показалось. Зациклен на карьере и репутации. Тем не менее мы не знаем, что он пытался сделать для жены в прошлом. Даже самые близкие родственники иногда сдаются и пускают всё на самотек в надежде на более-менее благоприятный исход.

Кристи размышляла над словами шефа. Медсестра в клинике, где работала Энн Уэстли, считала почти невероятным, что Лайза Стэнфорд страдает депрессией. При этом утверждала, что семья буквально купается в деньгах.

Баснословно богатая адвокатская жена, думала Кристи. Дорогие украшения, дизайнерская одежда. «Бентли». Если такие женщины время от времени исчезают в неизвестном направлении, то по другим причинам. Что, если она скрывается в какой-нибудь клинике в Сан-Паоло, где у нее отсосали жир, подтянули веки, разгладили декольте и подкачали губы? Обычно они не любят распространяться о таких вещах. И вот Лайза Стэнфорд под страхом смерти запрещает мужу говорить правду, и депрессия – все, что он может придумать в качестве отговорки. Такие безобидные сценарии тоже не стоит сбрасывать со счетов.

Тем не менее аргументы Питера Филдера тоже звучали убедительно.

– У нас две убитые женщины, – говорил он, – и третья, связанная с ними обеими, бесследно исчезла. Что-то здесь не так, Кристи. Понимаю, что бывают самые невероятные совпадения, но в данном случае факт совпадения, как мне кажется, нужно еще доказать. И не забывайте: брак Стэнфордов далек от идеала. Жена «звездного» адвоката посещает группу психологической поддержки, чтобы найти в себе силы подать на развод. Вот как далеко у них зашло. Что мы вообще об этом знаем? Может, это Карла Робертс посоветовала подруге оставить адвоката, чего тот вполне заслуживает? Развод мог стоить ему больших денег. Не исключаю, что такой суммы у него нет. Так бывает. Люди живут в шикарных особняках и ездят на дорогих автомобилях, но при ближайшем рассмотрении показное благополучие оказывается колоссом на глиняных ногах. Автомобили сдаются в лизинг, виллы заложены и перезаложены… В таких случаях развод означает крах. Вот причина, по которой Стэнфорд мог возненавидеть и эту группу, и ее участниц, прежде всего Карлу Робертс.

– А что с Энн Уэстли? Томасом Уордом? Джиллиан Уорд?

На этот вопрос ответа у Филдера не было. Как и у Кристи, впрочем.

* * *

У Нэнси Кокс Кристи ждал накрытый к завтраку стол – с тостами, несколькими видами джема, яичницей с беконом и свежеиспеченными булочками. Посреди этого великолепия дымился кофейник с самым ароматным кофе, какой Кристи доводилось пробовать в жизни. Нэнси жила в таунхаусе в Фулхэме. Это была миниатюрная женщина с теплыми глазами, коротко остриженными волосами и, судя по всему, добрейшим нравом. Тут же, в гостиной, на диване спали две кошки. В саду стоял снеговик.

– Внуки навещали меня на выходные, – объяснила Нэнси, заметив удивленный взгляд Кристи.

И сержант, которая утром только и успела глотнуть кофе на ходу, а чуть позже проглотить шоколадку, не устояла перед искушением. Она съела две порции яичницы-болтуньи и тост и выпила три чашки кофе, в очередной раз убедившись, насколько правильный завтрак может взбодрить и поднять настроение. Тем более что Кристи в ближайшие дни планировала сесть на диету – она боролась с лишним весом.

То, что Нэнси сообщила о Лайзе, вполне соответствовало показаниям Эллен Карран и лишь отчасти – медсестры из клиники.

– Высокомерие? Нет, этого я за ней не замечала. Одевалась всегда дорого, это так. Украшения с одной руки Лайзы Стэнфорд стоили больше, чем моя пенсия за пять лет. Но деньги не делают человека счастливым, ведь так? Лайзе приходилось нелегко, это было заметно.

– Что она рассказывала о своей семейной жизни? Кажется, она хотела развестись?

– Честно говоря, я никогда не верила, что они разведутся. Просто Лайзе время от времени нужно было убеждаться, что она может это сделать. Не помню, в чем она конкретно обвиняла мужа. Они с Карлой Робертс были такие молчуньи… Это мы болтали без умолку.

– С Карлой Робертс?

Нэнси как будто разволновалась:

– Вы уже знаете, кто ее убил? Я не могла поверить, когда прочитала об этом в газете. Это уму непостижимо!

– Даже если Карла и Лайза говорили мало, хоть раз им наверняка пришлось высказаться?

Нэнси задумалась.

– Да, Лайза несколько раз говорила, что несчастлива в браке. Что муж занят исключительно деньгами, карьерой и репутацией. Он часто

организует благотворительные вечера, чтобы попасть на страницы газет. Но это ведь не значит, что он заботится о жене, ведь так? Лайза чувствовала себя одинокой, даже когда он был рядом.

– Он не препятствовал ей посещать группу? Ничего об этом не знаете?

– Не думаю, что он вообще знал о группе. А если Лайза что-то и рассказала, вряд ли воспринимал нас настолько серьезно.

– Карла советовала ей развестись?

– Понятия не имею. Иногда они перешептывались, но о чем – я не знаю… – Нэнси сделала виноватое лицо. – Честно говоря, обе казались мне скучными. Мы, остальные, весело проводили время, а эти кумушки закрылись от всех. Кроме того, Лайза часто пропускала встречи.

– Почему? Не знаете?

– Семейные обстоятельства. Похоже на правду, учитывая положение ее мужа. И все-таки Эллен за это на нее злилась.

– То есть вы исключаете то, что муж время от времени препятствовал Лайзе посещать группу поддержки?

– Нет, конечно. Но я всего лишь могу повторить то, что говорила она. Мы не особенно вникали в ситуацию Лайзы.

– Лайза когда-нибудь упоминала педиатра, у которой наблюдался ее сын, доктора Энн Уэстли?

– Никогда. С какой стати она должна была это делать?

Кристи проигнорировала вопрос.

– И о чем говорила Карла Робертс? – спросила она. – Когда ей приходилось это делать, я имею в виду.

– Ну, у Карлы были большие проблемы, – ответила Нэнси. – То, что ей пришлось пережить, сломало ее. Муж оставил ее ради секретарши, фирма обанкротилась. В одну ночь Карла потеряла все. Дом ушел с молотка. Сама не понимая как, она вдруг очутилась в аптеке, где распаковывала коробки и расставляла лекарства на полках, чтобы хоть как-то продержаться на плаву до пенсии, которая означала для нее полное одиночество. Карла просто не могла поверить в случившееся. А дочь – единственное остававшееся в этом мире родное существо – все больше жила своей жизнью.

– Да, дочь, похоже, недооценивала проблемы матери.

– Ну, – Нэнси пожала плечами, – такова нынче молодежь. Занимаются только собой, своим будущим. Однажды и мой муж заявился домой с другой женщиной и попросил у меня развода. Я была в шоке, поверьте. И дети не баловали меня своим вниманием. Учеба, друзья – выходные с плачущей мамой не особенно котировались.

Кристи подумала, что поступила мудро, отказавшись от семейной жизни в ее классическом варианте и от детей. Все чаще у нее складывалось впечатление, что современное общество способно плодить только конченых эгоистов.

Она допила кофе, достала и выложила на стол визитку:

– Позвоните, пожалуйста, если еще что-нибудь вспомните. Любая мелочь, каждое слово, случайно оброненное Карлой или Лайзой, может оказаться для нас важно.

– Постараюсь напрячь память, – пообещала Нэнси.

3

Участок оказался большим, даже по меркам Хэмпстеда. Джон имел представление о стоимости земли в разных районах Лондона и мог оценить, во сколько Стэнфордам обошлась их недвижимость. Дом стоял довольно далеко от дороги и едва просматривался за вершинами высоких старых деревьев, даже в это время года, без листвы, образовывающих непроницаемую стену. Быстро сориентировавшись по сторонам света, Джон пришел к выводу, что деревья должны почти полностью поглощать солнечный свет, особенно летом. Дом окутывала вечная тень. Джон спросил себя, какой смысл выкладывать состояние за участок площадью с хороший парк, чтобы жить во мраке, который можно устроить в любой городской квартире с окнами на задний двор. Теперь его почти не удивляло, что Лайза Стэнфорд страдала от депрессии.

Джон уже собирался нажать кнопку звонка, установленного на кованых воротах под камерой слежения, когда увидел мальчика, бредущего через заснеженный сад. Мальчик не шел по расчищенной дорожке, а именно брел по колено в снегу, волоча за собой санки – что-то вроде красного пластмассового блюдца с возвышающимся посредине маленьким сиденьем.

Джону вспомнились деревянные санки его детства. Как много изменилось с тех пор! Мальчик открыл ворота и вздрогнул при виде Бёртона.

– Здравствуйте, – пробормотал он.

– Здравствуй, – ответил Джон. – Меня зовут Джон Бёртон. А ты…

– Финли Стэнфорд, – представился мальчик.

– Очень приятно, Финли. Я хотел бы видеть твою маму. Она дома?

– Нет.

– И когда вернется?

– Я не знаю.

– Где она?

– Я не знаю, – повторил мальчик.

– Ты не знаешь?

– Она пропала.

Джон изобразил удивление:

– Пропала? Когда это случилось?

– В середине ноября. Пятнадцатого ноября она ушла из дома. Это было воскресенье.

– Ага. Значит, она собрала вещи, вышла из дома и больше не вернулась, так это было? Или как-то иначе?

– Мы смотрели телевизор, мама и я. Она пила чай, я – какао с печеньем.

– Только вы с мамой, папы не было?

– Он сидел в своем кабинете. Работал.

– Понимаю, и что произошло потом?

– Папа ушел, потому что у него был ужин с клиентом. Мой папа адвокат.

– Я знаю.

– Мы с мамой не ужинали, потому что и без того наелись печенья. Я немного поиграл на компьютере и в девять должен был идти спать. – Тут Финли подозрительно посмотрел на Джона. – Зачем вам все это знать?

– Я хороший друг твоей мамы. Мне нужно срочно ее увидеть, поэтому я и хочу выяснить, что произошло.

– Я правда не знаю, где мама, – грустно повторил Финли. – На следующее утро папа разбудил меня и сказал, что мама ушла, но

обязательно вернется. А потом я пошел в школу как обычно. Я так надеялся, что она будет дома, когда я вернусь, но…

Финли пожал плечами. Джон внимательно посмотрел на него. Мальчик выглядел бледным и хрупким, но вполне здоровым. Он явно беспокоился за мать, но при этом вполне владел собой. В качестве тренера по гандболу Джон много работал с детьми из проблемных семей и замечал, что они далеко не всегда нервозны и гиперактивны. Дети, проживавшие в самых неблагополучных условиях, нередко излучали спокойствие, но особого рода. Стоило повнимательнее приглядеться, и становилось ясно, что за этим стоит крайняя степень замкнутости, полный уход человека в себя. У детей из вполне нормальных, в понимании большинства людей, семей поведенческие проблемы бывали куда заметнее.

Джон задумался, как мог бы охарактеризовать Финли, при условии абсолютной беспристрастности – «на редкость неприметный».

– В какой школе ты учишься? – спросил он мальчика.

– Школа Уильяма Эллиса в Хайгейте.

– И тебе нравится там? У тебя много друзей?

Мальчик задумался.

– Со школой всё в порядке. Друзей у меня немного. Мне нравится быть одному.

– Понятно, – кивнул Джон и вернулся к тому, с чего начал: – Скажи, а раньше такое бывало? Ну, чтобы твоя мама исчезала, и никто не знал, где она?

– Один раз, года два назад. Тогда она тоже ушла, но вернулась через десять дней.

Выходит, исчезновение миссис Стэнфорд – не такое уж обычное дело. До последнего случая такое бывало всего один раз, и тогда она объявилась, можно сказать, в скором времени. Теперь же он нее ни слуху ни духу с пятнадцатого ноября. Сейчас одиннадцатое января – почти два месяца!

– Полиция уже спрашивала о ней, – продолжал Финли. – В пятницу у нас был инспектор из Скотланд-Ярда. Вы тоже из полиции?

– Нет, Финли, я не из полиции.

– Тогда что это за допрос?

Джон резко вскинул голову. Из дома вышел мужчина. Джинсы, свитер, тщательно зачесанные седые волосы – доктор Логан Стэнфорд.

– Доктор Стэнфорд? – удивился Джон.

– Что вы здесь делаете? – в свою очередь, спросил хозяин дома. – И о чем говорили с моим сыном?

– Он мамин друг, – объяснил Финли. – Хотел ее видеть.

– Вот как? И зачем?

– Это личное, – ответил Джон.

– Кто вы? – спокойно повторил Стэнфорд.

– Джон Бёртон.

Стэнфорд внимательно посмотрел на него. Этого мужчину легко было представить в зале суда. Взгляд не враждебный, но и не доброжелательный. Полный контроль над эмоциями. Было совершенно непонятно, что происходит внутри этого человека.

Джон решил, что вилять хвостом не имеет смысла.

– Ваша жена, мистер Стэнфорд. В пятницу у вас была полиция. Вы знаете, о чем речь.

– Кто вы? – повторил Стэнфорд.

– Две женщины убиты. И мужчина. Он, скорее всего, случайная жертва. Убийца метил в его жену, которая теперь в большой опасности. Вы хотите знать, кто я? Я – близкий друг этой женщины. Я беспокоюсь за нее.

– Понятно. Но здесь я ничем не могу вам помочь.

– Полагаю, детектив-инспектор уже объяснил вам, какая здесь связь. Вы знаете, почему полиция интересуется вашей женой. Она – единственное связующее звено между убитыми женщинами. На данный момент, во всяком случае. Мне нужно срочно с ней переговорить.

– Я не знаю, где она.

– Полагаете, это нормально? Не знать о местонахождении жены на протяжении почти двух месяцев?

Стэнфорд пожал плечами.

– Предоставьте мне решать, что для меня нормально, а что нет, мистер Бёртон.

– Ваша жена страдает тяжелой депрессией.

– Мистер Бёртон…

– Так, во всяком случае, вы сказали полиции.

– Полиции – да. Но не первому встречному, который перехватывает моего сына у садовых ворот и ведет форменный допрос, мотивируя свое поведение только личным знакомством с семьей убитого. На этом я считаю наш разговор оконченным, мистер Бёртон.

Некоторое время мужчины смотрели друг на друга. Джон понял, что большего он сегодня не добьется. Стэнфорд неуязвим. Его невозможно ни разговорить, ни спровоцировать, ни – тем более – вытянуть из него неосторожное замечание. Из него вообще ничего невозможно вытянуть.

– До свидания, доктор Стэнфорд, – сказал он.

– До свидания, – все так же невозмутимо попрощался Логан Стэнфорд и обнял сына за плечи.

Джон развернулся и направился к своей машине, припаркованной на противоположной стороне улицы. Он почти не сомневался, что Стэнфорд запишет номер его машины, сверит имя владельца и наведет о нем дополнительные справки. Даже если так, сдаваться он не собирался. Единственной возможностью Джона оставался мальчик. Стэнфорд не мог держать сына под круглосуточным наблюдением.

Школа Уильяма Эллиса в Хайгейте, там его легко будет перехватить. Мальчик – слабое место Стэнфордов, и не только потому, что он в пределах досягаемости. Финли знает все. Он научился справляться с собой, играть в игру под названием «Счастливая семья» – возможно, самое лживое шоу из всех, что когда-либо устраивались в этом городе.

Вторник, 12 января

1

У Джиллиан складывалось впечатление, будто она не останавливалась ни на минуту с того самого момента, когда обнаружила тело Томаса в столовой. Почти буквально, если не считать ночей, когда под воздействием сильных снотворных падала на кровать, как срубленное дерево, и просыпалась наутро, словно после наркоза, без малейшего намека на воспоминания о тягостных снах. Это можно было считать удачей. Ночи Джиллиан были темными и абсолютно пустыми. Вставая утром, она чувствовала себя белкой в колесе. Но если зверек в клетке убегал от скуки и одиночества заточения, то Джиллиан преследовало внезапное понимание происходящего. Кошмарный момент осознания истины грозил настигнуть ее в любую секунду.

Она уже поняла, что дальше так продолжаться не может. Джиллиан убралась в доме, упаковала в бесчисленные сумки и отнесла в секонд-хенд одежду Тома. Разобрала детские вещи Бекки, убрала свои, которые давно не носила. Достала с чердака старые газеты и пустые картонные коробки, наполнила ими бак для твердых отходов и заказала машину для вывоза мусора на начало следующей недели. В подвале хранилась мебель с первых дней их с Томом совместной жизни. С ней Джиллиан так и не решилась расстаться, поэтому добавила в список вещей, которые хотела забрать с собой.

Там же обнаружилось несколько сложенных коробок для переезда, оставшихся после вселения ее и Тома в этот дом. Джиллиан подняла их наверх, собрала и начала паковаться – фарфор, фотографии в рамках, подсвечники. К полудню вторника дом выглядел так, словно переезд был неизбежен.

Почувствовав голод, Джиллиан достала из морозилки пиццу и поставила в ее в духовку. Пока еда готовилась, включила компьютер, чтобы поискать через «Гугл» агента по недвижимости в Саутенде или Лондоне. Джиллиан не знала никого в этой отрасли и была готова выбрать первого попавшегося, но тут ее внимание привлек некто Люк

Палм. Она встречала это имя в газетах. Люк Палм обнаружил убитой Энн Уэстли – пожилую женщину из дома под Танбридж-Уэллс.

Джиллиан решила, что Палм – лучший вариант для нее. Этому человеку она могла честно признаться, почему продает дом. От любого другого в такой ситуации можно было ожидать самой нежелательной реакции, вплоть до обморока, но только не от Люка Палма, бывшего в некотором смысле частью подобной кошмарной истории. С некоторых пор Джиллиан чувствовала себя оторвавшейся от мира нормальных людей. Она будто плыла на льдине, мимо тех, в чьей жизни не было ни убийств, ни кровавых преследований. И если кто и мог составить ей компанию на этой льдине, то это был Люк Палм. Поэтому он внушал Джиллиан больше доверия, чем другие риелторы.

Она набрала номер его офиса, и секретарша тут же соединила их.

– Палм, – представился мужской голос в трубке.

– Это Джиллиан Уорд.

Джиллиан ждала, но реакции не последовало. Конечно, Люк Палм знал об убийстве Томаса Уорда, но только одна газета упомянула фамилию и имя жертвы.

– Я хочу продать свой дом, – сказала она. – В Саутенде, Торп-Бэй. Но сначала проконсультироваться насчет цены. Не имею ни малейшего представления, как обстоят дела на рынке недвижимости на данный момент.

– Нет проблем. Я могу посмотреть ваш дом в любое время. Когда вам удобно?

– Завтра после обеда вас устроит?

– К сожалению, на завтра у меня уже запланировано несколько встреч. В половине шестого вечера вам не поздно?

– В самый раз.

Джиллиан продиктовала адрес и номер телефона. Попрощавшись с риелтором, еще несколько минут сидела за обеденным столом, глядя на заснеженный сад. Похоже, это ее последняя зима в этом доме.

«Я все-таки это делаю, – подумала она. – Сжигаю за собой мосты».

Несколько голодных птиц порхали вокруг кормушки, установленной рядом с вишневым деревом. Убедились, что она пуста, и, разочарованные, разлетелись. Джиллиан невольно вспомнилось – двадцать второе ноября, день рождения Бекки два года назад. Дочь так

мечтала о кормушке для птиц – и наконец ее получила. Они с Томом устанавливали кормушку в саду, а Джиллиан стояла у окна и смотрела. Щеки Бекки пылали от восторга. Том любил проводить время с дочерью. Оба выглядели такими счастливыми, что у Джиллиан потеплело на душе. Сейчас она опять чувствует это тепло, и это опасно… Слишком опасно.

Джиллиан отмахнулась от воспоминаний. Сад лежал перед ней опустевший, погребенный под покрывалом нетронутого снега. Там больше нет ни Тома, ни Бекки. Только голодные птицы.

«Нужно будет купить им корм», – отметила про себя Джиллиан.

2

Самсон осторожно запер за собой дверь трейлера, сунул ключ в карман куртки и поежился от холода. Ярко-синее небо, солнце, высокие сугробы – и по меньшей мере десять градусов ниже нуля. Самсон не помнил такой холодной и снежной зимы. После слякоти на Рождество в течение нескольких лет никто не верил, что может быть что-то другое. И вот теперь дети катаются с горок на санках – удовольствие времен его детства… Как давно это было!

Достав пакетик подсушенного хлеба, Самсон сгребает снег с недостроенной стены и крошит хлеб на кирпичи. Стоит отойти – и птиц слетится туча. С некоторых пор Самсон регулярно кормит их. Они – его единственная компания в этой каменной пустыне, их голодные крики разрывают ему сердце.

«Теперь вам придется справляться самим, – думает он, обращаясь к птицам. – Я больше не могу оставаться здесь». Его план прост. По полям пробраться на окраину Лондона, к какой-нибудь телефонной будке или почтовому отделению с телефонной книгой. Отыскать адрес либо номер Джона Бёртона – на худой конец можно воспользоваться справочной службой. Самсону нужно новое жилье, и Бёртон единственный может ему в этом помочь. Иначе остается Бартек – если, конечно, он не рухнет в обморок при виде старого друга или не спустит его с лестницы.

Гэвин, брат, крайний вариант – из-за Молли… И все-таки лучше войти в логово львицы, чем умирать здесь от холода и голода. В конце концов, он все равно попадет в полицию, на этот счет Самсон не

строил никаких иллюзий. Вопрос лишь в том, насколько удастся отсрочить этот момент. Самсон больше не считал тюремную камеру наибольшим злом, какое только можно вообразить. Одиночество сломило его. Если он сейчас пойдет искать Джона, то только ради спасения собственной жизни. Еще несколько дней в трейлере на заброшенной стройке – и Самсон наложит на себя руки.

Половина второго пополудни. Он уже различал дома на горизонте и только не мог определить, какая это часть города. Не меньше полутора часов ходьбы по сугробам отделяло Самсона от человеческого жилья, но это его не остановило. Он ведь всегда любил пешие прогулки. Тепло оделся перед выходом и досыта поел консервов. В конце концов, это совершенно безопасно. Нужно только найти теплое пристанище до наступления темноты. По ночам столбик термометра опускается до пятнадцати по Цельсию.

Самсон пустился в путь, глубоко увязая в снегу. «Завтра будет хуже», – подбадривал он себя. Один раз обернулся – недостроенные стены многоэтажек и подъемные краны вздымались в нереально синее небо. Трейлер выглядел отсюда низеньким и невзрачным, потерявшимся среди великанов карликом.

Над местом, где Самсон накрошил хлеба, черной тучей кружили птицы.

3

В три часа дня Джон припарковался напротив школы и зорко следил за всеми выходами. Несколько учеников покинули здание из красного кирпича с белыми оконными рамами, но Финли среди них не было. За школой расстилались бескрайние луга Хэмпстед-Хит; за оградой, между учебными корпусами, просматривались теннисные корты и другие спортивные площадки. Даже если Финли сейчас был там, рано или поздно ему придется выйти из ворот школы и пройти мимо машины Джона. Неподалеку автобусная остановка. Предполагалось, что именно оттуда Финли поедет домой.

Джон почти не сомневался в успехе. Гораздо меньше оптимизма внушали дела в его охранном предприятии. Следовательская работа отнимала много времени, из-за чего в последнее время он стал значительно реже появляться в офисе. У него были хорошие

сотрудники, но для поддержания общего тонуса важно присутствие шефа, а этого сейчас не хватало. Кроме того, Джон чувствовал себя виноватым перед Самсоном Сигалом, которого давно было пора навестить. Бедняга один на стройке и, должно быть, совсем пал духом. Джон чувствовал ответственность за него, но был вынужден идти по следу пропавшей женщины, часами выжидая шанса хоть как-то продвинуться в расследовании. Он был чем-то вроде частного сыщика – но им, по крайней мере, платили, в то время как Джон откровенно манкировал работой, доставлявшей ему средства к существованию.

Плевать. Он начал это – и должен закончить.

Около четырех часов дня все пришло в движение. Из ворот вышла небольшая группа подростков, потом еще, и вскоре ученики повалили толпами. Еще пара минут – и тихая заснеженная улица наполнилась криками и смехом. Теперь она кишела детьми. Джон вышел из машины и внимательно огляделся. Он надеялся, что Финли не ускользнет от него в толпе.

Краем глаза Бёртон следил за дорогой и припаркованными возле школы автомобилями – не исключено, что доктор Стэнфорд приедет за сыном лично. Джон не думал от него прятаться, но если Стэнфорд застанет его здесь, в дальнейшем шансы подстеречь Финли будут близки к нулю. Тогда он точно ни на минуту не оставит мальчика без присмотра. Может, даже наймет телохранителя.

Но никого похожего на доктора Стэнфорда Джон не видел, и это обнадеживало. В конце концов, должен же мистер адвокат когда-то зарабатывать свои деньги.

Финли появился ниоткуда, так что Джон чуть не подпрыгнул от неожиданности. Мальчик шел один, в стороне от шумных компаний. Он узнал Джона и направился к нему.

– Привет, Финли, – сказал Джон, продолжая краем глаза обозревать местность. Доктора Стэнфорда все еще нигде не было.

– Здравствуйте, мистер Бёртон, – вежливо поздоровался Финли. – Папа не велел мне с вами разговаривать.

– Я ожидал этого, – ответил Джон. – Поэтому будет лучше, если он не узнает о нашей встрече. Понимаю, что прошу слишком многого, но речь идет о твоей маме.

Финли выглядел вконец удрученным. Он не хотел делать то, что запрещал отец, но очень тосковал по маме.

– Но вы ведь незнакомы с моей мамой? – спросил Финли.

– Нет, – признался Джон. – Но мне очень нужно с ней переговорить. Это может спасти жизнь другому человеку, с которым я хорошо знаком.

Финли пожал плечами.

– Я не знаю, где она.

– У тебя есть ее фотография?

Финли кивнул, снял рюкзак и стал в нем рыться. Наконец вытащил фотографию.

– Вот она.

Джон внимательно посмотрел на снимок. Красивая женщина – это было первое, что он про себя отметил. Длинные светлые волосы, большие глаза, тонкие черты лица. Но он отметил и другое – страх, будто въевшийся под нежную кожу. Признак депрессии? Или же она боялась чего-то конкретного, что отравляло ей жизнь?

Джон вернул фотографию мальчику.

– Она очень красивая.

Финли кивнул:

– Да.

– Твой папа в офисе?

– Да, он вернется только вечером.

– Ты ведь собирался ехать домой на автобусе?

– Да.

– Что, если я тебя подвезу и мы немного поговорим по дороге?

Финли решительно замотал головой:

– Мне нельзя садиться в машину к незнакомым людям.

– Хорошо, и в этом ты абсолютно прав, – одобрил Джон. – Но ты ведь уделишь мне пять минут здесь, на улице?

– Хорошо. Автобус подойдет только через десять минут.

– Отлично, Финли. Слушай, ты ведь понимаешь, что люди не исчезают без причины? Тем более мамы. Ей пришлось оставить то, дороже чего у нее в этом мире ничего нет, а именно тебя. Женщина может решиться на такое только под очень сильным давлением.

– Да, – снова согласился Финли.

– Твой папа сказал полиции, что мама страдала депрессией. Ты знаешь, что такое депрессия, Финли?

– Это когда человек всегда очень грустный, – ответил Финли.

– Именно. И твоя мама была такая, всегда очень грустная?

– Да, – серьезно подтвердил Финли.

Джон решил попробовать зайти с другой стороны.

– Видишь ли, Финли, люди, страдающие депрессией, часто грустят по непонятной причине. То есть сами они, может, ее и чувствуют, но со стороны кажется, будто ее нет. Такая печаль как простуда в горле – есть, и всё. Поэтому она и считается болезнью. Человек грустит, даже если у него все хорошо. У твоей мамы все было хорошо в жизни?

Лицо Финли отразило неуверенность.

– Вы спрашиваете, грустила ли она по непонятной причине?

– Да.

– Не думаю, что это так, – тихо сказал Финли. Теперь он не смотрел на Джона.

– Значит, ты знаешь причину ее грусти?

Мальчик кивнул.

– А почему она ушла из дома, тоже знаешь?

Финли молчал и смотрел на свои сапоги. Джон заметил, как на его виске под тонкой кожей дергается жилка.

– Не хочешь рассказать мне об этом?

Финли покачал головой.

– А если это поможет мне найти ее?

Теперь глаза Финли заметались по сторонам, как будто в поисках помощи.

– Твои родители часто ссорятся? – продолжал расспрашивать Джон.

Финли выглядел так, будто хотел сбежать, и Бёртон понял, что не сможет удерживать мальчика при себе больше минуты. Но тут ему пришла в голову интересная мысль, и Джон сменил тему.

– Чем ты вообще занимаешься после школы? – спросил он. – У тебя есть хобби? Регби? Может, музыка?

Финли как будто удивился. Но лицо его отразило невероятное облегчение.

– Я играю в гандбол по средам, – ответил он. – А по четвергам у меня фортепиано.

– Ты играешь в гандбол? Вот это мне нравится… А знаешь, я ведь тренирую детей по гандболу в свободное время.

– Правда? – Теперь Финли смотрел на него с восхищением.

– Правда. И у тебя получается играть в гандбол?

– Получается.

– Ты занимаешься этим здесь, в школе?

– Да.

– А фортепиано тоже здесь?

– Нет, с частным преподавателем. Рядом с метро «Хэмпстед».

– Понимаю. Наверное, раньше тебя отвозила туда мама, а теперь ты добираешься один?

– Да. У моего отца совсем нет времени.

– Хорошо, Финли. Спасибо, что поговорил со мной. Надеюсь, ты еще успеешь на свой автобус.

– Еще есть время, – сказал Финли и повернулся, чтобы идти. – До свидания, мистер Бёртон.

– До свидания, Финли.

Джон проводил мальчика глазами. При ходьбе Финли немного сутулился, как будто нес невидимый груз. Вне сомнения, он не был счастливым ребенком. Обласканным, защищенным, окруженным вниманием – да. Но Финли излучал безнадежность и брошенность, даже если дома его ждала огромная игровая комната, укомплектованная по последнему слову техники.

Этот мальчик был соломинкой, за которую только и мог уцепиться Джон. Потому что если Лайза Стэнфорд обреталась где-то неподалеку, она должна была предпринимать попытки увидеться с сыном, что помогло бы ей пережить разлуку. У Джона оставалась слабая надежда, что Лайза будет появляться в тех местах, где у нее есть шанс застать Финли. Бродить там в определенное время, чтобы хотя бы мельком увидеть его. Теперь Джон знает, как она выглядит, и, при условии известного везения, сможет поговорить с ней или по крайней мере проследить, куда она пойдет.

Но это возможность, и не более того. И она означает, помимо прочего, что Джону снова придется днями напролет торчать неизвестно где. Он не спрашивал Финли, в котором часу у него

фортепиано и гандбол, чтобы не навлекать на себя лишних подозрений. Если понадобится, Джон будет подкарауливать мальчика с полудня и до позднего вечера. Не самое приятное занятие, тем более при такой погоде…

Джон взглянул на часы. Задумался, не заглянуть ли в офис. В итоге решил уладить все вопросы по телефону, а вместо офиса проведать Джиллиан.

4

Кристи Макмарроу сидела в кабинете детектива Филдера. Она уже доложила боссу о беседах с Нэнси Кокс и медсестрой из клиники, где когда-то работала Энн Уэстли. После чего инспектор сам попытал счастья связаться с подругой доктора Уэстли, доктором Филлис Скиннер, что ему удалось.

– Я разговаривал с Филлис Скиннер по телефону, – сказал он. – Честно говоря, предпочел бы встретиться с ней лично, но доктор Скиннер слегла с тяжелым гриппом и никого не принимает. Она помнит Лайзу Стэнфорд и описывает ее примерно в тех же красках, что и медсестра, – как высокомерную особу с непомерными претензиями. Непреступна, как скала. Говорит, что Энн Уэстли поначалу ничего о ней не рассказывала, но три с половиной года назад, вскоре после выхода на пенсию, вдруг позвонила доктору Скиннер и сообщила, что у нее проблемы с матерью одного из пациентов. Бывших пациентов, если точнее, потому что к тому моменту Энн Уэстли не работала в клинике уже две или три недели. Она имела в виду Лайзу Стэнфорд.

– Вот как! – оживилась Кристи.

Филдер охладил ее пыл взмахом руки.

– К сожалению, эта дорожка тоже оказалась тупиковой. Доктор Скиннер уезжала в отпуск на следующий день и как раз паковала вещи. Она совсем не была расположена беседовать с бывшей коллегой, что Энн Уэстли заметила и предложила созвониться по возвращении Филлис из отпуска. Но через несколько дней после того, как доктор Скиннер вернулась, у супругов Уэстли должен был состояться праздник по случаю окончания ремонта дома. Вечеринка, как мы знаем, сорвалась, потому что муж Уэстли упал с крыши и лег в

больницу, где в конечном итоге умер. Если вкратце, что бы там ни хотела Энн Уэстли доверить бывшей коллеге, это потерялось в череде последующих бурных и трагических событий. Думаю, ни та, ни другая об этом больше не вспоминали.

– То есть разговор так и не состоялся?

– Нет, к сожалению.

– Вот черт! – выругалась Кристи.

– Все верно, но проклятиями делу не поможешь. Так или иначе, мой звонок подтвердил ключевую роль Лайзы Стэнфорд в этой истории. Она знала обеих убитых женщин, и у одной из них с Лайзой были какие-то проблемы. Теперь Лайза Стэнфорд исчезла. Притом что мы не знаем, как и что, держу пари, что она – ключ к разгадке. Или решающий этап на пути получения этого ключа.

– И это значит, что мы обязательно должны ее найти.

– Да.

– Что же делать? Снова брать в клещи ее мужа?

Филдер медленно кивнул.

– Этот парень – тертый калач. Изображает готовность к сотрудничеству, но по сути ничего не говорит. И потом, его связи…

– Он воспользуется ими в случае необходимости, – подхватила Кристи.

– Не сомневаюсь. С ним надо осторожней, иначе неприятностей не оберешься.

– Даже если так, – сказала Кристи, – на сегодняшний день он наша единственная возможность.

– Мы можем объявить Лайзу Стэнфорд в официальный розыск.

– Он попытается нам помешать.

– Конечно, – согласился инспектор. – Наши обоснования выглядят довольно зыбкими. По версии Логана Стэнфорда, его жена время от времени удаляется в уединение, из-за тяжелой депрессии. Явно не тот случай, когда нужно открывать охоту.

Оба некоторое время молчали, потом Филдер заговорил:

– А что с Самсоном Сигалом? Хоть какие-то следы отыскались?

– Теперь он спрятался еще дальше, – ответила Кристи. – Это был мой любимый подозреваемый, но теперь и я засомневалась. Что, если он и в самом деле безобидный чудак, охваченный паническим страхом перед полицией? Сигал, можно сказать, полная противоположность

нашему уважаемому доктору Стэнфорду. Тот никогда не сомневается в критических ситуациях.

– Интересно, знает ли Сигал Стэнфорда?

– Он не упоминает о нем в своем дневнике.

– Тем не менее этого нельзя исключать. Сигала тоже нужно срочно брать в клещи.

– А Джона Бёртона?

– Держать в поле зрения, – ответил Филдер и добавил: – Я заказал материалы его дела.

– Но суда не было, сэр, – робко возразила Кристи. У нее складывалось впечатление, что боссу нельзя напоминать об этом слишком часто. – Обвинение оказалось несостоятельным.

– Тем не менее я хотел бы взглянуть.

– А мне чем заняться?

– Попробуйте со Стэнфордом. Может, вам повезет больше, чем мне.

Кристи закатила глаза. Она предвидела, что Филдер натравит ее на Стэнфорда, от которого сам ничего не смог добиться.

– Будет сделано, сэр, – вздохнула она.

5

Распахнутая настежь дверь была первым, что он увидел, и испытал что-то вроде ледяного шока, после чего остановился, чтобы обдумать, как на это реагировать. Но в этот момент из-за угла дома появилась Джиллиан. Очевидно, она была в саду и вышла ненадолго, поскольку не надела ни пальто, ни шарфа. Только утепленные сапоги, чтобы можно было ходить по глубокому снегу. В руке Джиллиан держала пластмассовое ведерко. Она вздрогнула, прежде чем узнала Джона. И не особенно обрадовалась, он вынужден был это признать.

– Здравствуй, Джиллиан, – сказал Джон.

Она улыбнулась, скорее вежливо, чем тепло:

– Здравствуй, Джон.

Он подошел и хотел поцеловать ее, но Джиллиан отвернулась, так что получилось коснуться губами только ее щеки.

– Наверное, невежливо заходить в гости без предупреждения, – продолжал Джон. – Но я как раз был здесь рядом и вот подумал…

Ложь. По вторникам у него не было тренировок и никаких других поводов объявляться в Торп-Бэй, кроме желания увидеть Джиллиан. Но она, к облегчению Джона, пропустила это мимо ушей.

– Входи. – Джиллиан переступила порог первой и поставила ведро у двери. – Я кормила птиц.

– Вот оно что…

Джон огляделся. В коридоре вдоль стен громоздились пирамиды коробок. Фотографии со стен, похоже, тоже были сняты, потому что на обоях виднелись светлые пятна.

– Что ты затеяла? – спросил Джон.

– Пакую вещи, – ответила Джиллиан и исчезла на кухне. – Хочешь кофе?

– С удовольствием.

Он все еще оглядывался, качая головой. Расспрашивать было излишне: Джиллиан готовилась к переезду.

Джон шагнул на кухню. Снаружи уже стемнело, но он различал очертания кормушки на высоком шесте. Повернулся к Джиллиан, которая возилась с кофейной машиной:

– Почему ты не вошла через кухню?

Дверь из кухни выходила в сад.

Джиллиан остановилась.

– Сама не знаю, – ответила она. – Не могу оставить садовую дверь открытой, даже на несколько минут. Через нее убийца проник в дом, и теперь у меня с этим проблемы.

– Но главную входную дверь ты тоже не должна оставлять открытой. Это несколько нерационально.

Джиллиан включила кофейную машину.

– Несколько? – переспросила она. – В последнее время вся моя жизнь совершенно нерациональна.

Джон подошел к ней.

– Что случилось, Джиллиан? Почему ты пакуешь вещи? Хочешь переехать?

– Да, я продаю дом. Завтра придет риелтор.

– Не слишком ли ты торопишься?

– Хочешь, чтобы я жила и воспитывала ребенка в доме, где убили моего мужа?

– Но куда ты переедешь? Снимешь где-нибудь здесь квартиру?

– Я не останусь здесь. Я уезжаю в Норвич.

– В Норвич? – Джон посмотрел на нее с ужасом. – Зачем так далеко?

– Там я выросла, там живут мои родители. Я теперь одна и вынуждена работать. Лучше, если за Бекки будут присматривать бабушка с дедушкой, чем чужие люди. И потом, сейчас мне важно, чтобы рядом были родственники. Здесь у меня их нет.

– Но здесь твой дом. Бекки ходит здесь в школу, у нее друзья. У тебя предприятие в Лондоне, которое дает средства к существованию. У тебя здесь всё!

– Предприятие я хочу продать. Оно крепко стоит на ногах, и, думаю, с этим проблем не возникнет. Плюс деньги от продажи дома – это составит неплохую сумму. Она понадобится мне, пока я не найду работу на новом месте. Все так или иначе сложится.

– Ты уже все распланировала, – заметил ошеломленный Джон.

Кофейная машина, зашипев, быстро наполнила две чашки. Добавив вспененное молоко, Джиллиан поставила чашки на стол. Джон осторожно сделал первый глоток и обжег губы, но почти не заметил этого. Посмотрел на Джиллиан, которая наклонилась к столу, разглядывая свою чашку, как будто капучино хранил какой-то важный секрет. Он мог поклясться, что Джиллиан еще не оправилась от шока. Этим и объяснялся призрачно-бледный цвет лица, несколько механическая манера речи и неестественное спокойствие, которым от нее веяло. Она не причесалась, и волосы торчали в разные стороны, как будто Джиллиан только что встала с постели. Без косметики она выглядела моложе и такой беззащитной, что Джону захотелось прижать ее к груди. К счастью, он вовремя понял, как Джиллиан отнесется к этому покровительственному жесту.

– Нужно жить дальше, – сказала она.

– Да, но так ли обязательно сжигать за собой мосты? Сейчас не лучшее время для принятия таких решений, тебе не кажется? Прошло всего две недели, Джиллиан. Две недели! Все слишком свежо. А ты уже переворачиваешь свою жизнь с ног на голову…

– Таков мой метод изживания стрессовых ситуаций.

Джон не помнил ее такой – жесткой и хрупкой одновременно. Он был в отчаянии, потому что вдруг осознал, что она для него

недосягаема. Можно было говорить что угодно – его слова отскакивали от невидимой капсулы, которой Джиллиан себя окружила.

Тем не менее Джон не сдавался:

– Ты не хочешь оставаться в этом доме – понятно. У тебя с ним связаны слишком тяжелые воспоминания. Но зачем уезжать из этого города? Найди что-нибудь здесь для себя и Бекки.

Теперь Джиллиан выглядела усталой.

– Прошу тебя, Джон. Я все решила.

Ему захотелось схватить ее за плечи и встряхнуть хорошенько. Джон даже удивился своей эмоциональности. До сих пор он не знал за собой такого. Сама ситуация была для него в новинку. От Джона редко уходили женщины, за исключением тех случаев, когда вдруг осознавали бесперспективность отношений. Но и в таких ситуациях он обычно дистанцировался первым, чем приводил бывшую подругу в отчаяние. Теперь же все складывалось по-другому: Джон умолял женщину не оставлять его.

– Почему бы тебе не переехать ко мне? – выпалил он и сразу поправился: – Почему бы вам не переехать ко мне – тебе, Бекки и, конечно, Чаку?

Джиллиан как будто удивилась. Уже одно это можно было считать достижением.

– К тебе? – переспросила она.

– Ну да… Другой город, другая среда – то, что тебе нужно. И будет кому присмотреть за Бекки.

Джиллиан чуть не расхохоталась:

– Джон! Ты боишься обставить квартиру мебелью, чтобы ни к чему не привязываться. И при этом действительно думаешь, что справишься с женщиной, ребенком и котом?

Вопрос более чем правомерен, и все-таки Джон ни секунды не сомневался, как на него ответить:

– Да, я справлюсь, если ты переедешь ко мне.

Джиллиан покачала головой.

– Джон…

– Подумай над этим, пожалуйста.

– Мы почти не знаем друг друга. Один раз переспали – и больше нас ничего не связывает.

Джон был в полном отчаянии. Он понял, что его предложение слишком поспешно. Ее мужа убили две недели назад. О каких совместных планах на будущее может идти речь? Джон повел себя как болван и теперь страшно боялся потерять ее навсегда.

– Ну, если ты это так видишь… – пробормотал он в ответ на ее последнюю сентенцию. – Но я с тех пор люблю тебя, Джиллиан.

Она выглядела потрясенной.

– Ничего не получится, Джон. Просто потому, что это так. Я вела себя как избалованный ребенок, когда изменяла Тому с тобой. Искала твоего внимания просто потому, что мне казалось, что иначе я не смогу жить. Тем самым я развязала ужасную трагедию. Я не могу продолжать с тобой, словно ничего не произошло, понимаешь?

– Понимаю, – серьезно ответил Джон. – То, что произошло с твоим мужем, ужасно, и ты мучаешься чувством вины. Очень может быть, что ты верно проанализировала наши отношения. Тем не менее я считаю… что мы должны быть вместе. И точно знаю, что люблю тебя.

– Я не могу…

– Я впервые говорю это женщине, – перебил Джон. – И впервые чувствую такое. Прошу тебя: что бы сейчас с тобой ни происходило, не выплескивай на меня свои эмоции.

Некоторое время они смотрели друг на друга.

– Мне жаль причинять тебе боль, – сказала наконец Джиллиан, – но я уезжаю в Норвич. К своей семье… к тому, что от нее осталось.

Что ж, хорошо… Он не собирался падать перед ней на колени.

Ошеломленный непривычной душевной болью, которая будто набухала внутри, грозя стать невыносимой, Джон задал последний вопрос:

– Что я должен сделать, чтобы завоевать тебя?

– Ничего, – ответила она.

Среда, 13 января

1

Вскоре погода снова испортилась. Снег повалил с утра крупными хлопьями, которые летели с неба, образуя почти непроницаемую стену.

Джон с утра побывал в офисе, успел сделать кое-какую бумажную работу. Голова трещала, несмотря на принятые три таблетки аспирина. Вчера после Джиллиан он заехал в «Дом на полдороги» и напился, ища спасения от мыслей, стремительно раскручивавшихся в голове по спирали.

Черт возьми, что на него нашло? Ни одна женщина до сих пор не причиняла Джону боли. Во всяком случае, на стадии расставания. До сих пор все было наоборот. Когда женщина начинала требовать больше, чем Джон мог дать, – семьи, брака, детей, – он говорил «до свидания». И уходил – каждый раз с неприятным чувством, что обидел человека, не сделавшего ему ничего плохого, и в то же время с облегчением, что в очередной раз избежал опасности оказаться связанным по рукам и ногам.

Джон наслаждался свободой, воспринимал случайные романы как приятное, необременительное развлечение и давно смирился со своей природой. Он был не из тех, кто копается в собственном прошлом, тем более привлекает психологов, чтобы помочь разобраться в структуре собственной личности. Джон не понимал, какое может иметь значение, сделали ли его отец и мать что-то не так много лет тому назад или все непонятным образом вышло из-под контроля в подростковом возрасте. Что получилось, то получилось. Все равно теперь ничего не изменить.

Впервые Джон оказался в ситуации, когда получилось не так, как до сих пор. И понял, что все может быть иначе.

Осознание произошедшего шокировало его: Джон Бёртон влюбился в женщину. Причем настолько сильно, что одна мысль потерять ее казалась невыносимой. Он умолял ее остаться и получил отказ. На его чувства не ответили взаимностью, это было невероятно! Джон понял, что ему никогда не удастся завоевать эту женщину.

Казалось бы, еще одно расставание в его жизни, но на этот раз не по его инициативе…

У него совершенно не было опыта проживания подобных ситуаций, поэтому первой мыслью было удариться во все тяжкие. Чтобы по крайней мере притупить невыносимые мысли.

Около половины десятого вечера Джон наконец припарковался возле дома – совершенно не в том состоянии, в каком можно водить машину. То, что по дороге его не остановила полиция, можно было считать чудом. Особенно с учетом вызывающе безрассудного стиля вождения, в который Джон как будто вложил всю злость против Джиллиан.

Позже он осознал, что дело было скорее в удачливости, которая и на этот раз не изменила ему, в отличие от здравого смысла. Так или иначе, Джон благополучно припарковался возле своего дома, поднялся по лестнице и бросился на матрас, даже не сняв одежды. Тем, что не проспал первую половину следующего дня, он был обязан будильнику, чье назойливое пиканье ровно в шесть тридцать утра проникло даже в его затуманенные алкоголем сны и заставило встать, несмотря на головную боль, разбитое тело и пересохший рот. Одежда и постель насквозь пропахли кабаком, кулинарным жиром и спиртом. Отвратительный самому себе, Джон кое-как доковылял до душа, где долго мылся, после чего окончательно привел себя в рабочее состояние при помощи трех чашек кофе и стольких же таблеток аспирина.

В офисе ему полегчало. Джон никогда столько не пил и клялся самому себе никогда больше не делать этого. Он мог бы лишиться водительских прав и подпасть под уголовное преследование, и все из-за Джиллиан. Из-за того, что она отвергла его. Никогда больше он не выставит себя таким дураком из-за женщины!

Но около полудня Джон снова стал беспокойным. Работы было более чем достаточно, но в его планы не входило оставаться в офисе до конца дня. Он должен занять позицию возле школы Уильяма Эллиса в Хайгейте с трех часов пополудни, в надежде, что мама Финли Стэнфорда объявится там, чтобы украдкой взглянуть на сына, который должен быть на спортивной тренировке. Но вопрос в том, имело ли смысл вообще втягиваться в эту историю. До сих пор Джон действовал ради Джиллиан, которой грозила опасность. Однако после вчерашнего

разговора обстоятельства изменились. Джиллиан до него не было никакого дела, с какой стати его должна занимать ее судьба?

В конце концов Джон все-таки решил ехать. Не в его обычае было обиженным отползать в сторону.

Джон позвонил в гандбольный клуб, сказался больным и объявил, что не сможет присутствовать на занятиях ни сегодня, ни всю следующую неделю. Затем взял куртку, ключи от машины и вышел из офиса.

Снегопад существенно затруднял видимость, тем не менее Джон припарковался возле школы Финли ровно в три часа. Он ждал, вглядываясь в непроницаемую стену снега, из-за которой рано или поздно должна была показаться мать Финли.

2

– Ну что ж, – сказал Люк Палм, – дом в очень хорошем состоянии. Не вижу особых проблем.

Они сидели в столовой. Снаружи уже стемнело. Шел снег – без перерыва, с раннего утра. Палм все осмотрел, сделал пометки в блокноте.

– Не вижу проблем, – повторил он.

Джиллиан заметила, что напряжена сверх меры. Одобрительные выводы Палма ничего не изменили. Она умолчала о главном, притом что совсем не была уверена, что Палм об этом уже знает. Джиллиан решила быть с ним откровенной до конца.

– Есть кое-что еще, – начала она.

– Да?

– Вы спрашивали меня, почему я продаю дом. Покупателей это наверняка заинтересует. Я сказала вам, что мой муж умер и я хочу переехать поближе к родителям. Но это не вся правда. Он не просто умер, его…

Джиллиан не закончила фразы. Палм кивнул.

– Да, я знаю. Уже когда вы в первый раз позвонили мне, ваша фамилия показалась мне знакомой. Потом я вспомнил, что встречал ее в газете. Да, речь шла именно о вашем муже.

– Его убили. Я обнаружила тело в этой комнате.

Палм обеспокоенно огляделся.

– Понятно…

– Это может отпугнуть кое-кого из покупателей.

– Мы не должны предупреждать об этом сразу. Если кто-то из заинтересовавшихся выйдет на эту информацию сам и спросит, мы не станем отрицать. Но говорить об этом первыми мы не обязаны.

Оба замолчали, погрузившись каждый в свои мысли, вращавшиеся, так или иначе, вокруг темы переменчивости человеческой судьбы и самых непостижимых ситуаций, в которые каждый из нас в любую минуту рискует угодить. Палм думал о том, что как риелтор с некоторых пор специализируется на домах, где были совершены кровавые преступления. А Джиллиан – что еще пару недель назад назвала бы сумасшедшим любого, кто предсказал бы ей, что она будет продавать дом, чтобы вернуться в Восточную Англию, и выберет в помощники риелтора, которому не нужно объяснять, каково это – обнаружить в доме труп.

Распрощавшись с Люком Палмом у дверей, Джиллиан долго смотрела, как он удаляется сквозь снегопад к припаркованному возле дороги автомобилю.

«Как занавес», – подумала она о снеге. Взгляд упал на стоявшее у двери ведро с птичьим кормом. Она совсем забыла о них – и отнюдь не была уверена, что птицы слетятся к кормушке в такой темноте. Тем не менее захотела что-нибудь им дать. Джиллиан вздохнула, обула сапоги, накинула куртку и с ведром вышла за дверь.

В саду она по колено погрузилась в снег. Добрести до кормушки оказалось непросто. Сапоги не помогли, джинсы промокли насквозь. Их придется сменить, как только она доберется до дома. Кроме того, Джиллиан почти ничего не видела. Возле кормушки оглянулась на дом. Только свет из кухонного окна пробивался сквозь сплошную стену снегопада.

Джиллиан набрала полную горсть корма и порадовалась тому, что вчерашняя порция съедена до зернышка. Сжав ручку ведра липкими пальцами, ощупью пустилась в обратный путь. Снег таял в волосах, по лицу стекали струйки воды. От неистового танца хлопьев в воздухе кружилась голова. Добравшись до двери, Джиллиан вздохнула с облегчением. Наконец-то – тепло, свет, сухость. Джиллиан чувствовала себя так, будто только что вернулась из путешествия по Арктике,

между тем как она всего лишь побывала в собственном саду. Прикрыла дверь, оставляя снаружи снежную, холодную ночь.

Зеркало в прихожей отразило странное существо со снежной шапкой на промокших волосах и темными разводами на плечах и руках. Джиллиан сняла куртку, затем нагнулась и стянула сапоги. Когда выпрямилась и опять посмотрела в зеркало, ей почудилось, что на заднем плане что-то задвигалось. На кухне. Несколько секунд Джиллиан оставалась совершенно неподвижной. Это походило на промелькнувшую тень, но Джиллиан не была уверена, что не ошиблась. Все произошло слишком быстро. Возможно, это было отражение ее собственного движения…

Джиллиан показалось, что она слышит стук собственного сердца. Как долго она пробыла на улице? Не больше пяти минут. Входная дверь все это время стояла открытой. Если кто-то поджидал снаружи удобного случая, несомненно, успел бы прокрасться в дом и спрятаться в ожидании хозяйки.

Теперь Джиллиан не сомневалась, что не одна. В доме кто-то прятался. Первой мыслью было позвонить в полицию, но, быстро оглядевшись, Джиллиан увидела, что телефон не подключен к розетке в коридоре. Похоже, он на кухне, но, если там кто-то есть, заходить туда безумие.

Что делать? Бежать к соседям? *Здравствуйте, могу я вызвать от вас полицию? Я заметила мелькнувшую тень у себя на кухне*… Стыда не оберешься, если потом выяснится, что ничего не было.

Но здесь кто-то есть! Джиллиан слышала его дыхание и подавила истерическое рыдание, когда поняла, что это дышит она сама. «Я схожу с ума. Черт возьми, я боюсь пройти на собственную кухню…» Парализованная страхом, Джиллиан не знала, что делать. У нее не было ничего, чем она могла бы защититься.

Отойти от двери означало закрыть единственный путь к отступлению. Но не стоять же так всю ночь! Что, если у того, кто в доме, железные нервы и он готов ждать сколько угодно, когда она совершит ошибку? «Наверное, я все-таки сошла с ума», – подумала Джиллиан. И в этот момент погас свет – везде, во всем доме. В одно мгновение Джиллиан оказалась посреди кромешной темноты.

Она вскрикнула. Теперь ее ничто не могло удержать. Распахнув входную дверь, Джиллиан выскочила на снегопад в одних носках и без

пальто – и побежала прочь от смертельной ловушки, в которую превратился ее дом в считаные минуты.

Джиллиан достигла конца садовой дорожки, когда перед ней возникла тень. Он появился ниоткуда, как будто ждал ее. Преградил путь, и Джиллиан бросилась на него с кулаками. Она кричала, обезумев от страха. Слышала стук крови в висках и вырвавшийся из собственного горла хрип. Он схватил ее, сжал запястья железной хваткой.

– Ради бога, в чем дело? – услышала Джиллиан мужской голос.

– Отпусти меня! – прокряхтела она.

– Это я, Люк Палм. Что случилось?

– Люк Палм?

Джиллиан не узнала собственного голоса, который как будто донесся из другого мира.

– Кажется, я забыл у вас блокнот, вот и решил вернуться. Боже, как вы дрожите…

Ее руки стали мягкими, как вата.

– Пожалуйста, отпустите меня.

Осторожно, как будто ожидая новых ударов, Люк Палм отпустил ее запястья. Но Джиллиан совсем обессилела. Оставшейся в теле энергии едва хватало, чтобы устоять на ногах под снегопадом.

– В моем доме кто-то есть, – прошептала она.

– В вашем доме? Кто?

– Не знаю, но там кто-то прячется. И свет вдруг погас.

– Мы только что обошли все комнаты. Там никого не было.

– Я ходила кормить птиц и оставила дверь открытой. А когда вернулась, на кухне мелькнула тень…

Джиллиан услышала, как неубедительно это прозвучало. Сердцебиение успокаивалось, дыхание пришло в норму. Теперь она чувствовала только лютый холод и то, что увязшие глубоко в снегу ноги превратились в две глыбы льда. Тело пробирала дрожь, и Палм это заметил.

– Вы совсем замерзли, – сказал он. – Нужно вернуться в дом.

– Но там кто-то есть, – настаивала Джиллиан.

– Я пойду с вами.

Рядом с ним Джиллиан кое-как доковыляла до входной двери. Коридор был погружен в темноту. Джиллиан нащупала выключатель,

но ничего не произошло.

– Предохранитель, наверное, – сказал Люк Палм. – У вас есть фонарик?

Теперь Джиллиан тряслась не столько от страха, сколько от холода.

– Да… в верхнем ящике комода, под зеркалом.

Их глаза успели привыкнуть к темноте. Да и с улицы сквозь снежный вихрь пробивался свет уличных фонарей. Люк Палм открыл ящик и нашел фонарик.

– Где вы видели тень?

– На кухне.

Но Палм не захотел идти в темную комнату.

– Предохранительный блок в подвале?

– Да. Вы хотите туда спуститься?

– Все станет проще, как только у нас будет свет.

Они спустились в подвал. В предохранительном блоке один рычажок действительно оказался поднят. Как только Палм опустил его, яркий свет из коридора хлынул в подвал.

– Как такое могло случиться? – растерянно спросила Джиллиан.

– Понятия не имею, – Люк пожал плечами. – Что-то перегрузило систему. Давайте поднимемся наверх.

Наверху Джиллиан включила свет во всех комнатах. Они осмотрели кухню. Там никого не было.

– Думаю, вы все-таки ошиблись, – сказал Палм.

Он подергал ручку двери, ведущей в сад, и издал удивленный возглас, когда дверь распахнулась.

– Она не заперта. – И вопросительно посмотрел на Джиллиан.

– Не могу сказать, запирала ли я ее, – засомневалась та. – То есть я всегда запираю все двери, но не могу поручиться…

Палм выглянул в сад. На террасе виднелись припорошенные снегом следы. В этом не было ничего удивительного. Когда Люк осматривал дом, они с Джиллиан побывали и там.

Палм почувствовал себя увереннее, а Джиллиан застыдилась собственной трусости. Они обошли столовую, кухню, осмотрели первый этаж и чердак – и никого не нашли.

– Я идиотка, – вздохнула Джиллиан, когда они вернулись в гостиную. – Мне действительно показалось, что на кухне что-то

двигалось, но, видимо, подвело воображение. Нервы сдают…

– Неудивительно, – ответил Люк Палм, – после всего, что вам пришлось пережить. У любого на вашем месте сдали бы нервы. Только не вините себя ни в чем.

Они посмотрели друг на друга. У Люка Палма была разбита губа.

– Боже, и это сделала я? – испугалась Джиллиан.

Палм провел по губе указательным пальцем, поморщился, потом усмехнулся:

– Вы неплохо боксируете.

– Простите, пожалуйста…

– Нет проблем, это не смертельно. Послушайте, вам не кажется, что стоит позвонить в полицию? Они за вами присмотрят.

Джиллиан покачала головой.

– Я выставлю себя на посмешище. Я уже сделала это.

Люк Палм серьезно посмотрел на нее.

– Я так не думаю, – возразил он. – По городу бродит убийца, которого полиция не может поймать, и он совсем недавно побывал в этом доме. Они вообще знают, что вы здесь одна?

– Нет. Этого они не знают.

– Мне это не нравится.

– Мистер Палм… – начала Джиллиан, но он оборвал ее:

– Вы, наверное, скажете, что это не мое дело, но после того, что случилось, я чувствую ответственность за вас и не могу как ни в чем не бывало уехать домой, бросив вас на произвол судьбы.

– Я запру все двери.

– Но дверь на кухне вы оставили незапертой, и это меня беспокоит. Вам не следует оставаться одной в этом доме.

Джиллиан понимала, что он прав. Была тень человеком из плоти и крови, или у нее в самом деле разыгралось воображение, но оставаться в доме одной нельзя. Джиллиан догадывалась, какой будет грядущая ночь и все последующие. Она не сможет заснуть. Оставит свет включенным и будет, затаив дыхание, вслушиваться в тишину. Вздрагивать при малейшем шорохе или скрипе. Садиться на кровать.

Наконец ее нервы не выдержали.

– Я подумаю, – пообещала Джиллиан.

3

Он вернулся домой насквозь продрогшим, хотя на обратном пути включил отопление в машине на полную мощь. Он слишком долго брел по снегу и торчал на морозе. Теперь простуда почти обеспечена, одна надежда на горячий душ.

Лайза Стэнфорд так и не объявилась. Поначалу Джон следил за школой и прилегающим к ней зданием спортзала из машины, но потом решил увеличить радиус наблюдения. Он вышел из машины и до темноты бродил на территории школы, особенно возле спортивных корпусов. Осторожно, конечно, чтобы не привлечь лишнего внимания. Взрослый мужчина, бесцельно слоняющийся рядом с несовершеннолетними школьниками, рискует навлечь на себя серьезные подозрения. Поэтому время от времени Джону приходилось менять позицию, что, помимо прочего, позволяло немного размяться.

Но холод и сырость в конце концов просочились сквозь сапоги, проникли до костей и распространились по всему телу. Джон понял, что с него хватит, и начал сомневаться в действенности своего плана. Кто сказал, что Лайза вообще интересуется сыном? А если это все-таки так, маловероятно, чтобы она искала с ним встречи таким образом. Неизвестно, жива ли она вообще. Кого он ждет, слоняясь вокруг школы, да еще в такую погоду?

Когда поздно вечером Джон наконец увидел, как Финли Стэнфорд вышел из спортзала один-одинешенек и исчез в направлении автобусной остановки, он решил сдаться. Поставить в этом деле точку. Пусть полиция разбирается, а с него хватит.

Он поднимался в свою квартиру с чувством, как будто сбросил с плеч тяжелый груз. На лестнице перешагивал через ступеньки, чтобы согреться. Поставить точку означало отказаться от Джиллиан, а этого Джон Бёртон не мог себе позволить. Он не Питер Филдер, чтобы впустую мечтать о женщине.

И все-таки это конец. Баста.

Джон замер на полудвижении, заметив на лестничной площадке перед своей квартирой странную фигуру. Самсон Сигал смотрел на него широко раскрытыми, испуганными глазами.

– Ну наконец-то, – прошептал он.

Меньше всего Джон ожидал встретить здесь Самсона Сигала. Он не хотел видеть его – во всяком случае, не сейчас. Джон надеялся

провести этот вечер в полном одиночестве, с бутылкой виски после горячего душа.

– Самсон! – воскликнул он. – Как вы здесь оказались?

Самсон неуверенно поднялся. Джон отметил про себя его плохое состояние. Не так много времени прошло с тех пор, как они познакомились в отеле, но с тех пор мистер Сигал заметно похудел.

– Меня впустил ваш сосед. Я сидел внизу у подъезда и так дрожал, что он меня пожалел. Я сказал, что работаю у вас и мне срочно нужно с вами переговорить.

– Понятно, – вздохнул Джон. Теперь ему ничего не оставалось, кроме как пригласить Сигала в квартиру. – Входите. На лестничной площадке тоже холодно. Вы простудитесь.

Самсон кивнул.

– Мне уже нехорошо, – выдавил он сквозь зубы.

Джон отпер дверь и провел Самсона в гостиную, где усадил в единственное кресло, одиноко стоявшее на блестящем паркетном полу посреди большой комнаты. По крайней мере, здесь было тепло.

– Хотите чего-нибудь выпить?

– Горячего чая, если можно, – ответил Самсон.

Джон вышел на кухню, поставил воду, поискал в буфете. Он редко пил чай, но в конце концов обнаружил два пакетика с мятой и положил их в чайник. Поставил на поднос две кружки и сахарницу, подождал, пока вода закипит, и задумался. Что могло заставить Самсона покинуть безопасное убежище на строительной площадке и направиться сюда? Ответ напрашивался сам собой: Самсон был опустошен, морально и физически. Он не вынес полного одиночества.

«Я должен был навещать его чаще, но не мог же я разорваться…»

Джон вдруг почувствовал, что желание оставить эту историю в прошлом и вернуться к нормальной жизни будет не так просто осуществить. Он взял под опеку Сигала, которого, между прочим, вот уже две недели как ищет полиция, и тем самым увяз глубже некуда.

Бёртон выругался, заливая кипяток в чайник. Надо же быть таким идиотом! Предложить убежище человеку, которого разыскивает полиция в связи с тремя убийствами и чье поведение, так или иначе, вызывает массу вопросов…

«Вы никогда не научитесь держаться подальше от неприятностей, мистер Бёртон!»

Он вернулся в гостиную с подносом. Самсон сидел в той же позе, в какой Джон оставил его несколько минут назад. Бёртон поставил поднос на пол, за отсутствием стола, и опустился рядом, прислонившись к стене. С горячим душем, похоже, придется подождать.

– Что привело вас сюда, Самсон?

Его гость выглядел в равной степени виноватым и несчастным.

– Я не выдержал. Вчера в полдень я ушел со стройки. Вот ключ от трейлера, я хорошо его запер. – Он вытащил ключ из кармана и положил на пол.

– Вчера? – переспросил Джон. – Где же вы провели ночь?

– Здесь. Я нашел ваш адрес в телефонной книге. Мне пришлось много раз пересесть с автобуса на автобус, прежде чем я оказался возле вашего дома. Потом целую вечность топтался возле подъезда. Вас не было.

Понятное дело. Вчерашний вечер Джон просидел в пабе, после того как его отвергла дама сердца.

– Когда у меня не осталось сил терпеть холод, я отправился на вокзал, – продолжал Самсон. – Проторчал там всю ночь, переходя с места на место, чтобы не привлекать лишнего внимания. Я боялся, что меня схватит полиция.

– Это было рискованно, Сигал, – согласился Джон. – Вам действительно повезло.

– Понимаю, но что мне оставалось делать? Замерзать на улице?

– Вам нужно было оставаться на стройке, в трейлере.

– Я не мог больше там оставаться, поймите меня! Я чувствовал, как схожу с ума. При этом понятия не имел, что происходит в полиции. Я все еще подозреваемый или у них появился кто-то другой? Сколько мне еще прятаться, всю жизнь? Так можно лишиться рассудка, Джон, честное слово…

– Понимаю.

– Я вернулся сюда с вокзала сегодня утром, – продолжал Самсон. – Вас все еще не было. К счастью, пожилой мужчина довольно быстро впустил меня.

– То есть вы просидели у моей двери шесть или семь часов?

Самсон кивнул. Джон задумался.

– И куда планируете направиться сейчас?

Самсон посмотрел на него с ужасом.

– Разве я не могу остаться здесь?

– Это очень рискованно для меня.

– Понимаю, но больше у меня никого нет…

– Я не выставлю вас за дверь просто так, не волнуйтесь. Что-нибудь обязательно придумаю.

Джон размышлял, потягивая чай. Горячий напиток пошел на пользу, хотя Джон и ненавидел вкус мяты. Проблема состояла в том, что, сколько бы он ни думал, в голову не приходило ничего другого, кроме как оставить Самсона у себя, в надежде что полицейским не придет в голову навестить Джона в ближайшее время. Самсон не мог вернуться к брату и невестке, и никакая сила не могла затащить его обратно в трейлер, это было видно. Сигал будет держаться его, пока полиция не найдет настоящего преступника. Джон спрашивал себя, настанет ли когда-нибудь это время. От Кейт он узнал, что Филдер и его команда тоже охотятся за Лайзой Стэнфорд и никак не могут на нее выйти. Даже на нее…

Решение поставить в этом деле точку на глазах оборачивалось иллюзией. Была ли тому виной самоуверенность Джона или его неприязнь к инспектору Филдеру, но что-то подсказывало ему, что лучше самому блуждать в непроходимых дебрях этого расследования, чем положиться на полицию. Вопрос был лишь в том, хочет ли он того. А может, желание Джона перестало иметь для него самого какое-либо значение… Он чувствовал себя ответственным за Сигала, и это заставило его сделать следующий шаг.

– Я думал сдаться полиции, – продолжал Самсон. – Тогда, по крайней мере, все было бы кончено. Невозможно прятаться всю жизнь.

– Пожалуйста, не делайте этого сейчас, – сказал Джон. – Не забывайте, что тем самым вы подставите меня.

– Я ничего не сказал бы о вас, – ответил Самсон.

Джон покачал головой. Сигал не представлял себе, как ведут допросы опытные и квалифицированные следователи. Он быстро увязнет в собственных противоречиях и в конечном итоге выложит все до мельчайших подробностей.

– До меня тут дошли кое-какие слухи… – начал Джон.

В глазах Самсона затеплилась надежда.

– Какие слухи?

Джон махнул рукой.

– Не радуйтесь раньше времени. Я не представляю себе, куда это может их вывести, но… так или иначе, в расследовании наметились кое-какие сдвиги. Полиция больше не преследует вас как единственно возможного преступника.

– Но в таком случае…

– На вашем месте я не спешил бы выходить из тени. Как я уже сказал, любое новое направление может оказаться тупиковым. Кроме того, вы уже совершили преступление, уклонившись от допроса в полиции.

– Но это не то же самое, что обвинение в тройном убийстве.

– Верно.

С этим Джон не мог спорить. Он уже понял, что завтра предпримет очередную попытку. У Финли Стэнфорда урок фортепиано, где-то неподалеку от станции метро «Хэмпстед». Там не должно быть столько камер, как на школьном дворе.

– Так или иначе, ближайшую ночь вы проведете здесь, – сказал Джон. – У меня где-то должен быть спальный мешок, можете им воспользоваться. Ну а дальше посмотрим, как будут развиваться события.

Теперь Джон почти не сомневался, что Лайза Стэнфорд, которую он ищет, – ключ ко всему. Эта встреча прольет свет на все и все изменит. Даже для незадачливого Самсона Сигала.

Джон сделал последний глоток. Ему заметно полегчало. Он больше не дрожал как осиновый лист. Просто удивительно, как много может сделать чашка чая…

– Я страшно голоден, – признался Самсон. – Ничего не ел со вчерашнего утра.

– Тогда самое время подкрепиться. – Джон вскочил на ноги. – Какую пиццу вы любите?

– Гавайскую, – ответил Самсон.

4

В двенадцатом часу ночи позвонил разносчик пиццы. Он принес на лестничную площадку холод и запах снега. Тара приняла две картонные коробки, расплатилась и вернулась в гостиную, где на

диване сидела Джиллиан, в пижаме и толстых шерстяных носках. Ее волосы еще не высохли после ванны, где она провела полчаса, чтобы расслабиться и согреться. Тара добавила в воду эссенцию с запахом эвкалипта, для предотвращения простуды, после того как узнала, что подруга ходила по колено в снегу в одних носках.

– Важно согреть ноги, – сказала она. – Простуда для тебя сейчас явно лишнее.

Тара вздохнула с облегчением, когда Джиллиан позвонила. Перед этим та долго боролась с собой, но не могла придумать, к кому еще можно податься – кроме Джона, что было чревато проблемами другого рода. Около часа она просидела на кухне с Люком Палмом – до смерти напуганная и в то же время не вполне уверенная, что причина страха существует только лишь в ее воображении. Около девяти вечера Палм заявил, что ему пора домой, но уйдет он не раньше, чем Джиллиан примет решение не проводить эту ночь в одиночестве. К тому времени Джиллиан сама поняла, что после ухода Палма не сможет оставаться в доме ни минуты. Она позвонила Таре. Люк отвез Джиллиан в Лондон на своей машине. Его облегчение было насколько ощутимым, что это усилило страх Джиллиан. Если бы Палм разговаривал с ней как с бредящим фантазиями невротиком, Джиллиан было бы лучше. Но он отнесся к событиям этого вечера со всей серьезностью.

«Может, это нормально для человека, обнаружившего зверски убитую женщину в уединенном доме в лесу», – подумала Джиллиан. Определенно, это происшествие изменило Люка Палма.

Тара упрекала Джиллиан, что та не позвонила в полицию:

– Это обязательно нужно было сделать! Они должны знать, когда происходит что-то подобное.

– Но я совсем не уверена, что что-то вообще произошло, – пыталась объяснить Джиллиан. – Я как будто увидела тень на кухне, но могла обознаться. Мы с мистером Палмом обыскали весь дом и никого не нашли.

– И тем самым уничтожили все улики, какие только могли обнаружить криминалисты… Не очень умно с вашей стороны.

– Я чувствовала себя глупо, – продолжала Джиллиан и наотрез отказалась связаться с полицией сейчас, как это предложила Тара. – Нет, они будут обвинять меня в том же, что и ты. Я слишком устала и не хочу выслушивать ничьих упреков. Я просто больше не могу.

Тара сдалась. Набрала подруге ванну, заказала пиццу и достала из холодильника две бутылки пива. Джиллиан была благодарна ей за понимание. Настоящей размолвки на этот раз не случилось, но обе слишком хорошо помнили недавнюю ссору из-за Джона Бёртона.

– Джиллиан, – сказала вдруг Тара. – Прости меня за то, что я так тогда отреагировала. Я испугалась. «Принуждение к половому акту» – какая женщина внутренне не содрогнется при этих словах? Я просто не могла тебя понять и тем самым заставила уйти отсюда. Все это время я хотела позвонить тебе, чтобы сказать, как жалею об этом…

– Ничего страшного, ведь теперь я снова с тобой, – ответила Джиллиан. – От меня не так-то просто избавиться.

– Двери моей квартиры всегда открыты для тебя.

– Я так испугалась, – продолжала Джиллиан. – То есть, с одной стороны, я чувствовала себя глупо. Но с другой – разве полиция не предупреждала, что убийца может вернуться за мной? Ты считаешь это абсурдом?

Тара опустила вилку с кусочком пиццы, который так и не донесла до рта.

– Нет, я не считаю это абсурдом, хотя мне очень хотелось бы так думать. Тем не менее… – Тара отодвинула коробку с пиццей и подалась вперед; она выглядела пугающе серьезной. – Я прокурор, Джиллиан, и лучше знаю мир, который сейчас кажется тебе таким абсурдным. Это твоя первая встреча с насилием и безумием, и у меня сложилось впечатление, что ты пытаешься с этим справиться, списав все на разгул твоей собственной фантазии. Что, как ты сама понимаешь, сработать не может, потому что твой муж, которого убили, был реальным человеком, из плоти и крови. Не преуменьшай опасность, даже если от этого тебе становится легче. Отрицая реальную опасность, люди делаются беспечными. Ты вернулась в свой дом, чего делать не следовало. Мне вдвойне тяжело это признать, потому что отчасти в этом виновата я. И сделаю все возможное, чтобы подобное не повторилось.

– Теперь я в безопасности.

Тара скривилась:

– Не знаю, так ли это…

– Почему нет?

– Джиллиан, все зависит от того, кто тебя преследует. Этот Самсон Сигал все еще на свободе, и полиция не имеет ни малейшего представления о том, куда он мог деться. Он шпионил за тобой несколько месяцев, это факт. Думаешь, он обо мне не знает? О твоей лучшей подруге?.. Вычислить, где ты прячешься, для него не проблема.

– Неизвестно, имеет ли он вообще какое-нибудь отношение ко всему этому, – возразила Джиллиан.

Это прозвучало не слишком убедительно, потому что Тара говорила о риске. Который в отношении Самсона Сигала, конечно, сохранялся до прояснения обстоятельств.

– В конце декабря – начале января, когда ты была здесь с Бекки, – продолжала Тара, – я могла взять отпуск. Сейчас это, к сожалению, затруднительно. Я буду пропадать в офисе с утра до вечера, и все это время ты будешь одна. Вот что меня беспокоит.

– Я никому не открою, – пообещала Джиллиан.

– И сколько ты так выдержишь? С утра до вечера, в полном одиночестве, не имея возможности даже выйти на улицу?

– Звучит ужасно, – призналась Джиллиан.

Почувствовав, что наелась, она отодвинула коробку с пиццей, понимая, что Тара хочет от нее избавиться, потому что боится сама. Если преступник держал на мушке Джиллиан, приютившая ее Тара также могла попасть под прицел.

Джиллиан поняла ее – и вдруг почувствовала себя страшно одинокой.

– Что ты предлагаешь? – спросила она.

– Двери моей квартиры всегда открыты для тебя, – повторила Тара. – Но здесь ты не в безопасности. Ты отправила Бекки к своим родителям, и это очень разумное решение. Было бы хорошо, если б и ты сама…

– Нет, – решительно перебила ее Джиллиан. – Только не в Норвич, не к моим родителям. Если твои опасения верны и преступник знает тебя как мою подругу, он тем более должен знать моих родителей. Переехав в Норвич, я их подставлю. Это слишком рискованно.

– Ты права, – согласилась Тара.

– Я что-нибудь придумаю, – заверила ее Джиллиан, но на самом деле понятия не имела, к кому еще можно обратиться. Конечно, у нее

были и друзья, и знакомые в городе. Но одно дело время от времени встречаться за чашкой кофе или ужинать в ресторане, и совсем другое – переехать в чужой дом на несколько недель, скрываясь от убийцы.

«Я понятия не имею, что здесь можно придумать», – мысленно призналась себе Джиллиан.

Тара между тем выдавала свои варианты.

– Гостиница? – нерешительно предложила она. – Где-нибудь на севере… или на юге. В сельской местности – постель и завтрак.

– Хм… И чем я там буду заниматься с утра до вечера?

– Ну, во-первых, ты будешь в безопасности. Это главное.

Джиллиан задумалась. Гостиница, пансионат где-нибудь в глуши… Корнуолл, может, Девон… Она представила себя на заснеженных скалах, с лицом, раскрасневшимся от ледяного ветра. Тара права: главное – безопасность.

– Даже не знаю.

– Разумный вариант.

– Разумный, – согласилась Джиллиан. – Но не слишком заманчивый.

Но был ли у нее выбор?

Так или иначе, вариант вполне годится в качестве временного решения. Джиллиан не планировала скрываться месяцами. Может, оттуда удастся подготовить почву для жизни в Норвиче. Взять с собой ноутбук, регулярно просматривать вакансии. Изучать рынок недвижимости. Это поможет поддерживать чувство, что в деревне Джиллиан не навсегда.

– Но мы никому об этом не скажем, – сказала она.

– Разумеется, – согласилась Тара.

«Боже, какой кошмар…» – подумала Джиллиан.

Четверг, 14 января

1

Вот уже час он наблюдал за темно-красным кирпичным зданием станции метро «Хэмпстед», стараясь держать в поле зрения Хэмпстед-Хай-стрит и Хит-стрит, на пересечении которых оно стояло. Несмотря на холод и снег, жизнь здесь так и кипела. В сутолоке возле магазинов нелегко было разглядеть светловолосую женщину, ищущую своего сына.

Конечно, Джон был готов к тому, что она не захочет быть узнанной. Первое, на что он рассчитывал, был парик. Поэтому искать блондинку было заведомо наивным занятием. Его внимание привлекла бы скорее черноволосая или рыжая женщина. Но вокруг не было ни одной женщины, которая бы кого-то высматривала. Людские потоки двигались по улицам, отделявшиеся от них небольшие ручейки перетекали в магазины. Никто не стоял на месте, для этого было слишком холодно и сыро.

Не менее важно было обнаружить Финли и проследить, в каком из домов он исчезнет. У Джона было бы больше шансов, если б он мог сосредоточиться на одной улице или окрестностях конкретного здания, вместо того чтобы беспрерывно стрелять глазами по сторонам.

Тем не менее Джон надеялся на удачу. Он не стал делиться с Самсоном Сигалом своими планами. Сказал, что весь день будет работать в офисе. Все это время Самсон не должен никому открывать дверь, тем более выходить из квартиры. Сигал обещал ему это. Он сидел в кресле посреди пустой комнаты и смотрел на Джона.

«Со мной он тоже долго не выдержит», – подумал Бёртон. Он переступал с ноги на ногу, дыша на озябшие руки. Это надо ж забыть дома перчатки в такую погоду! Самым вероятным завершением этой истории будет воспаление легких, а Лайза Стэнфорд как была, так и останется вне досягаемости…

Около половины пятого, уже совсем отчаявшись, Джон наконец увидел Финли Стэнфорда на Хай-стрит. Похоже, тот только что вышел

из автобуса. Мальчик нес рюкзак, вероятно с нотами, и, похоже, никуда не торопился. Фортепиано явно не было главной страстью его жизни.

Джон как будто проснулся. Разочарование, усталость, холод сняло как рукой. Час пробил. Если Лайза Стэнфорд где-то здесь, сейчас ей самое время объявиться. Через минуту-две Финли исчезнет в одном из окрестных домов, после чего останется только ждать окончания урока. Но к тому времени станет совсем темно. Джон огляделся – вверх, вниз по улице, назад, вперед, – не покажется ли где-нибудь подозрительная фигура?

Женщина появилась ниоткуда, чем и привлекла его внимание. Секунду назад, когда Джон смотрел именно в эту сторону, ее не было и близко. Но теперь она стояла там. В сотне метров от Джона, вверх по улице. Укутанная, как и большинство людей, но из-под низко надвинутой на лоб объемной вязаной шапки не выбивалось ни единой пряди. Самой же большой странностью, особенно с учетом погоды, были ее огромные солнцезащитные очки, почти полностью закрывавшие лицо. Воротник был поднят, шарф натянут до подбородка. Эта женщина ни при каких обстоятельствах не желала быть узнанной.

Она не сводила глаз с дома на противоположной стороне улицы. Это был дом с синим фасадом. На его первом этаже располагался антикварный магазин, рядом с дверью которого проходила узкая подъездная дорожка. Именно на ней только что и исчез маленький Финли Стэнфорд.

Джон был готов поклясться, что женщина буквально впилась в мальчика глазами. Его план сработал. Эти послеобеденные часы принадлежали им. Она отвозила Финли на урок, делала кое-какие покупки и возвращалась чуть раньше, чтобы послушать его игру. А потом они, наверное, вместе пили какао или ели мороженое. Джон чувствовал ее насквозь, хотя и не мог видеть печали на лице, скрытом за очками, шарфом и шапкой.

Он пошел к ней, но либо оказался не в меру решительным, либо Лайза Стэнфорд инстинктивно почувствовала опасность. Она вздрогнула, отступила на шаг и исчезла так быстро, словно ее никогда здесь и не было. Джон побежал. Он повел себя слишком неосторожно. Эта женщина жила в страхе быть разоблаченной, окруженная тысячью

невидимых радаров, установленных вокруг нее во всех направлениях. Она сразу поняла, что на нее кто-то нацелился.

Джон остановился, когда больше не мог ее видеть. Это сводило с ума. Она была здесь, только что. Бёртон подавил ругательство и желание пнуть ближайшую стену. Она ускользнула от него и, что еще хуже, в ближайшие несколько недель не рискнет появиться вблизи Финли Стэнфорда. Скорее умрет от тоски по сыну.

Но что толку злиться на самого себя… Джон попытался успокоиться и собраться с мыслями. Если она приехала на машине, то наверняка припарковала ее на одной из прилегающих улиц. И это означало, что ей придется выехать на Хай-стрит, поскольку большая часть улиц в этом районе с односторонним движением. Если он узнает ее, можно будет попробовать сцепиться с ней бампером.

Джон побежал к своей машине, которую оставил в ближайшем переулке в запретной для парковки зоне. Прыгнул за руль, проехал вперед как можно дальше, чтобы увеличить обзор, и остановился. Если б Лайза появилась, он непременно ее увидел бы. Джон надеялся только, что сзади не возникнет кто-то, кто захочет его обогнать, потому что тогда ему придется проехать еще вперед. Поэтому он не мог долго ждать Лайзу Стэнфорд. Джон и так привлек слишком много внимания прохожих, которые были вынуждены обходить его машину, что было небезопасно на проезжей части. Кто-то раздраженно постучал по капоту. Джон показал ему средний палец.

Он вглядывался в каждую машину, появлявшуюся слева, наклоняясь вперед, как будто стремясь пролезть взглядом в салон. Хорошо, что не было снегопада – редкий день для этой зимы. В вечерний час пик машины буквально липли одна к другой, и в распоряжении Джона были считаные минуты. Потом начнутся настоящие проблемы, потому что на этой стороне улицы невозможно будет даже остановиться.

И в этот момент он увидел ее. Маленькая синяя «Фиеста», за рулем которой сидела женщина в темных очках и надвинутой на лоб шапке. Казалось, она полностью сосредоточилась на дороге. Следом, почти вплотную, ехала другая машина. Встревать между ними было смелым решением, но ничего другого Джону не оставалось. Когда «Фиеста» поравнялась с ним, Джон рванул так, что перекрыл половину полосы движения и толчком зашел за нее. Водитель

следующей машины резко нажал на тормоз, из-за чего его машину сильно занесло. Он сигналил как сумасшедший, махал руками и, похоже, осыпа́л Джона каскадами отборных ругательств, но столкновения так или иначе не произошло. Джон видел, как Лайза смотрит в зеркало заднего вида, напуганная суматохой сзади. Он надеялся, что она не узнала в нем человека, который неожиданно приблизился к ней на улице. Хотя это не имело большого значения. Вряд ли она могла ускользнуть, вклинившись в медленно текущий поток машин в зимний час пик.

Она была на крючке. Тем не менее Джон записал в блокнот ее номерной знак – на всякий случай. И почувствовал ни с чем не сравнимую детскую радость от того, что затея удалась.

2

Похоже, Лайза Стэнфорд не понимала, что ее преследуют. Так или иначе, она не предприняла ни единой попытки оторваться от Джона – никаких рывков вперед на красный свет, ни внезапных маневров без предупреждающего мигания поворотников. Она казалась совершенно спокойной. Джон подозревал, что на улице Лайза скрылась от него скорее следуя инстинкту, чем сознательно, и теперь жалела об этом. Она неделю ждала этого четверга и встречи с Финли – и в результате убежала раньше времени, вместо того чтобы, как обычно, дождаться сына с урока. И теперь мучилась сомнениями, правильно ли поступила.

Они двигались на юг Лондона, то есть в противоположном направлении от Хэмпстеда, где находился настоящий дом Лайзы Стэнфорд. Джон подумал, что машина наверняка зарегистрирована по прежнему адресу. Умный ход. В случае чего, полицейские заявятся к ее мужу, которому нечего будет сказать, кроме того, что его жена бесследно исчезла. Лайза Стэнфорд действительно постаралась замести за собой все следы.

Только вот вопрос: зачем? Что могло заставить замужнюю женщину и мать пуститься в бега?

Они достигли Кройдона на юго-востоке Лондона. За последние несколько лет здесь выросло несколько новых кварталов – безликие многоэтажки, предоставляющие идеальные возможности для

желающих скрыться. Лайза свернула между домами и заняла единственное свободное парковочное место. Джону повезло меньше – пришлось проехать немалое расстояние, прежде чем он нашел, где оставить машину, после чего побежал со всех ног. К счастью, Лайза все еще стояла перед стеклянной дверью подъезда и искала в сумочке ключ.

Джон решительно шагнул к ней:

– Лайза Стэнфорд?

Она так испугалась, что сумочка выскользнула из рук на снег. Лайза Стэнфорд с ужасом смотрела на незнакомца. Джон видел ее дрожащие губы, широко распахнутые глаза за солнечными очками.

Джон наклонился, поднял сумочку и протянул ей.

– Вы Лайза Стэнфорд? – повторил он, хотя уже знал, что не ошибся, судя по тому, как она отреагировала на свое имя.

– Кто вы? – хрипло спросила она.

– Джон Бёртон.

– Мой муж подослал вас следить за мной?

Джон покачал головой.

– Нет. Я не имею никакого отношения к вашему мужу.

Тут она, похоже, совсем растерялась.

– Мне нужно поговорить с вами, – продолжал Джон. – Это очень важно. У меня нет намерения раскрыть кому-либо ваше местопребывание. Мне всего лишь нужна кое-какая информация.

Джон чувствовал, что она ему не верит и не прогоняет прочь только из страха сделать еще хуже. Лайза выглядела так, словно хотела бежать и при этом понимала, что это бесполезно.

– Прошу вас, – продолжал Джон. – Это не должно занять много времени.

Похоже, женщина лихорадочно размышляла над тем, как он на нее вышел.

– Вы были на улице, – сказала она, – когда я…

– Да, – подтвердил Джон. – Когда вы подъехали увидеть своего сына. Я предполагал, что вы будете там.

Лицо Лайзы Стэнфорд стало белым как мел.

– Вы говорили с Финли? – спросила она.

– Да.

– Как он?

– Скучает по вам. Его как будто беспокоит что-то еще, помимо вашего исчезновения. Но о нем хорошо заботятся. Так что, можно сказать, с ним всё в порядке.

– Хорошо заботятся, – механически повторила Лайза. – Да, я знала, что о нем будут хорошо заботиться…

Она мучилась сомнениями. Ей очень хотелось побольше разузнать о сыне, но это означало довериться человеку, назвавшемуся Джоном Бёртоном, к чему Лайза Стэнфорд явно не чувствовала себя готовой. Зато Джон решительно повел наступление:

– Вы знали доктора Энн Уэстли? А Карлу Робертс?

Второй раз за последние пару минут она вздрогнула. А потом тихо сказала:

– Хорошо. Давайте поговорим.

Наконец Лайза отыскала ключ и открыла дверь в подъезд. Джон последовал за ней к лифту.

Войдя в квартиру, Лайза первым дело покончила с маскарадом – сняла солнцезащитные очки и шапку. Перед Джоном предстала красивая женщина, которую он узнал по фотографии из рюкзака Финли. Большие глаза, полные губы, длинные светлые волосы, волнами ниспадающие на плечи. Лайза Стэнфорд оказалась еще очаровательней, чем он это до сих пор себе представлял. И печальнее.

– Зачем вам это? – спросил Джон и кивнул на фотографию Финли на стене. – Вы тоскуете по нему, зачем вам это?

Лайза Стэнфорд поставила поднос на деревянный обеденный стол.

– Вы спрашивали меня о Карле Робертс и Энн Уэстли, – сказала она. – Обе убиты. Поэтому вы ими интересуетесь?

– Да.

– Вы из полиции?

– Нет. Я… что-то вроде частного детектива. В кругу моих знакомых совершено преступление, которое может быть связано с убийствами Энн Уэстли и Карлы Робертс. И это единственная причина того, что я в это ввязался.

– Понятно, – кивнула Лайза и как будто смутилась.

– Вы знаете семью Уорд? – продолжал Джон. – Томаса и Джиллиан Уорд?

Она задумалась, затем покачала головой.

– Нет.

– Томас Уорд тоже убит.

– Это прошло мимо меня, – сказала она. – О Карле Робертс и Энн Уэстли я прочитала в газете.

– Ваш сын наблюдался у доктора Энн Уэстли?

– Да.

– Вы хорошо с ней ладили? Или были проблемы?

– Мне нравилась Энн Уэстли. Фину она тоже нравилась. Она была очень добра с детьми.

Джон внимательно следил за выражением ее лица.

– Как складывались ваши отношения с Карлой Робертс?

Лайза Стэнфорд села за стол. Пододвинула себе чашку, приглашающе кивнула гостю.

– Мы не были особенно близки, – ответила она. – Не уверена, что могу назвать это дружбой. Мы познакомились в группе поддержки одиноких женщин, о которой вы, полагаю, знаете.

Джон, кивнув, глотнул кофе.

– Да.

– Мы обе были белыми воронами. Остальные женщины болтали без умолку – о своих неудавшихся отношениях с мужчинами, о планах на будущее, надеждах, страхах… Я не такая. И Карла была похожа на меня. Мы с ней по большей части молчали.

– Но это противоречит самой идее таких групп. Разве их посещают не для того, чтобы общаться?

– Возможно. Так или иначе, я пришла туда, потому что искала помощи. Это была попытка – не более. Я часто пропускала встречи. Это многих раздражало, но мне было все равно.

– Вас ищет полиция, – вдруг сменил тему Джон.

– Они не найдут меня. Если только вы меня не выдадите.

– Но я же нашел вас. У них может возникнуть та же идея – проследить за вашим сыном.

– Теперь я долго не поеду к нему. Я предупреждена.

– Лайза, – возвысил голос Джон, – сейчас полиция расследует три убийства, с высокой степенью вероятности совершенные одним человеком. Еще совсем недавно между тремя жертвами не обнаруживалось совершенно никакой связи, что приводило к полной неясности мотивов убийцы. Но потом появились вы – единственный

лучик надежды для следователей. Две жертвы из трех были знакомы с вами. Полиция не успокоится, пока не найдет вас.

Лайза серьезно посмотрела на него.

– Я не убивала ни Карлу Робертс, ни доктора Уэстли, ни кого-либо еще. У меня нет для этого абсолютно никаких причин.

– У полиции на это может быть иной взгляд. Вы лично знали двух женщин, убитых чрезвычайно жестоким способом. И вы исчезли. Муж говорит о депрессии, из-за которой вы время от времени уходите из дома. Этому мало кто верит. Есть ощущение, что с вами что-то не так. Что причина, по которой вы скрываетесь, как-то связана с убийствами и расследованием.

– Может быть… Тем не менее я никого пальцем не тронула. Я видела доктора Уэстли четыре или пять раз, когда была в клинике с сыном. Я ее совсем не знаю. А Карла Робертс была психически неуравновешенной пожилой дамой, которая часто раздражала меня, но не более того. Я не убиваю людей за то, что они меня раздражают, мистер Бёртон.

– Из-за чего же вы их убиваете в таком случае?

– Я их вообще не убиваю.

– Чем же раздражала вас Карла Робертс?

– Слишком много плакалась по поводу своего прошлого. Муж изменял ей на протяжении нескольких лет, разорил семью. Долгое время она ничего не замечала и поэтому часто жаловалась, что больше не может доверять своим чувствам. Это было чем-то вроде навязчивой идеи.

– И она больше не контактировала с бывшим мужем?

– Нет. Он пропал. Скрывается где-то за границей от кредиторов.

– А самой Карле кредиторы не угрожали? Она ничего об этом не говорила?

– Нет. Она ведь тоже была молчаливая.

Джон вздохнул. Он опять оказался в тупике. Стоило ради этого разыскивать Лайзу Стэнфорд…

– У вас точно не было причин злиться на этих женщин? На Карлу Робертс и доктора Энн Уэстли?

– Нет, – ответила Лайза, но в голосе, как и в лице, мелькнула едва уловимая неуверенность.

Джон заметил это. Миссис Стэнфорд определенно что-то недоговаривала.

– Двух женщин убили после того, как вы скрылись в неизвестном направлении. Вы ушли от мужа, оставили ребенка, переехали в другой конец Лондона – и теперь утверждаете, что все это не более чем совпадения? После переезда жертвы оставались в пределах вашей досягаемости.

Лайза прищурилась.

– У вас бурная фантазия, мистер Бёртон.

– Карла Робертс сама впустила убийцу в квартиру, следовательно, знала его. Пожилая женщина, проживавшая одна на восьмом этаже многоэтажки, она, конечно, открывала дверь далеко не каждому. Но хорошей знакомой – без вопросов.

Лайза встала, словно собираясь что-то сказать. Джон догадывался, что она хотела просить его уйти, но в последний момент одумалась. Лайза была у него на крючке и боялась настроить против себя.

Ее глаза сверкали злобой. Джон тоже поднялся. Несколько минут они молча смотрели друг на друга.

– Почему бы вам просто не выставить меня за дверь? – спросил Джон. – Боитесь, что я пойду в полицию и выдам ваше убежище? Если вы не сделали ничего плохого, чего вам бояться? Что произошло, Лайза? Что заставило вас уйти из дома?

Она не отвечала, и Джон попробовал еще раз:

– Вы посещали группу поддержки для одиноких женщин. Объяснили руководительнице группы, что вы замужем, но собираетесь развестись. Почему, Лайза? И что заставляет вас сейчас скрываться от мужа?

Она молчала, и Джон подумал было, что ему так и придется уйти несолоно хлебавши. Но в тот момент, когда он уже схватил ключи от машины и приготовился покинуть квартиру, Лайза заговорила:

– Вы действительно хотите знать, что происходит с моей жизнью? – Она прикрыла глаза. – Не могу в это поверить… После стольких-то лет кому-то действительно есть до этого дело!

3

Впереди чернела громада виллы. Фонари не горели ни на извилистой дорожке, ни снаружи, у ворот. Кристи посмотрела на часы – шесть вечера. Она надеялась застать дома если не самого мистера Стэнфорда, то хотя бы его сына, но на ее звонок никто не ответил. Темнота за деревьями, плотно отгораживающими дом от дороги, также указывала на то, что внутри никого нет.

Кристи подумывала было заглянуть в офис доктора Стэнфорда, но побоялась его упустить. Что же оставалось делать, ждать здесь? В такой холод? И где может быть мальчик?

Медленно и нерешительно Кристи направилась к своей машине. И собиралась уже открыть дверь, когда услышала женский голос:

– Вы к Стэнфордам?

Кристи повернулась. У ворот дома на противоположной стороне улицы, чуть наискось от виллы Стэнфордов, стояла женщина лет семидесяти с наброшенным на плечи пальто и сложенными на груди руками. Кристи подошла к ней.

– Да. Мне нужно поговорить с доктором Стэнфордом или его женой. Но, кажется, дома никого нет…

Женщина понизила голос:

– Миссис Стэнфорд не появляется здесь вот уже несколько недель.

– Не может быть!

Кристи изобразила сильное удивление. Это была уловка в надежде выудить хоть какую-то информацию. То, что она из полиции, Кристи решила утаить, чтобы не пугать собеседницу.

– Несколько недель, говорите?

– Или нет… подождите. С середины ноября, я думаю… Да, именно тогда я в последний раз ее видела. Лайза Стэнфорд не так часто выходила из дома, но она отвозила сына в школу и на частные уроки. Иногда я наблюдала за ней из окна своей гостиной.

– Так, может, миссис Стэнфорд больна и лежит в постели? – быстро предположила Кристи.

– Больна? Больше двух месяцев? Я вас умоляю… В этом случае ее, по крайней мере, навещал бы врач. Нет, это крайне маловероятно. Никто из соседей в это не верит.

– И что думают соседи?

Женщина заговорила еще тише:

– Что там произошла… драма.

– Правда?

– Вы ведь никому не скажете, что узнали это от меня? – быстро прошептала женщина. – Я боюсь его. Его здесь все боятся.

– Вы говорите о докторе Стэнфорде?

– По нему не скажешь – сама вежливость, спокойствие, корректность. Не к чему придраться, но…

– Да?

– Соседи замечают многое. Мы здесь не особо любопытны, но нельзя ведь все время отворачиваться, ведь так?

– Ну так… – неуверенно согласилась Кристи.

– Лайзу Стэнфорд били. Она носит большие солнцезащитные очки, даже когда дождь или темно, но мне доводилось видеть ее и без них, когда однажды Лайза Стэнфорд забирала газеты из почтового ящика. Опухшие глаза, разбитая губа, синяки… На шее тоже, и кровоподтеки на носу. Она выглядела как после боксерского поединка, который проиграла.

Кристи затаила дыхание.

– То есть вы хотите сказать…

– Бог свидетель, я не сплетница, – поспешно перебила ее женщина. – Но здесь все ясно, ведь так? Кто избивает эту женщину? В этом огромном мрачном особняке живут три человека – Лайза, ее муж и сын.

– Понятно… – Кристи кивнула. – Такое вполне можно было предположить, но… интересно, почему она не обратилась в полицию?

Этот вопрос Кристи задала нарочито наивным тоном. Она достаточно давно работала в полиции и знала, что существуют тысячи причин, по которым женщины в ситуации Лайзы Стэнфорд не обращаются ни в полицию, ни даже в консультационные центры. На самом деле помощи ищут очень немногие.

– Ее муж – очень влиятельная фигура, – ответила женщина. – Большие деньги, громкая репутация. На короткой ноге с самыми влиятельными политиками в стране. Не удивлюсь, если он лучший друг начальника полиции. Так что, вполне возможно, Лайза не верит в полицию. Боится, что сделает еще хуже.

– И когда вы видели ее в последний раз, она тоже была с синяками? – спросила Кристи.

Женщина покачала головой.

– Не могу сказать. Солнечные очки закрывали пол-лица.

Огромные солнечные очки от «Гуччи» – Кристи вспомнила разговор с медсестрой из клиники. Лайза не снимала их даже в закрытых помещениях. Очки делали ее неприступной и надменной, что настроило против нее средний медперсонал. Но Лайза не могла иначе. Будучи замужем за многоуважаемым доктором Стэнфордом, она была вынуждена прятать лицо, насколько такое было возможно.

– Его здесь все боятся, вы сказали? – напомнила Кристи.

Женщина кивнула:

– Здесь нечему удивляться. Не я одна видела Лайзу Стэнфорд избитой. Мужчину, который способен на такое, нормальным не назовешь. Он опасен. Это ведь не просто пара пощечин, если вы меня понимаете. Он набросился на нее, как зверь… И вообще, что-то с ним не так. Эти холодные глаза… Мне он никогда не нравился, хотя всегда вежливо со мной здоровался при встрече.

– И никто из соседей не пытался вмешаться?

– Как вы себе это представляете? Лайза первая все отрицала бы. Иначе зачем она скрывает следы побоев? Вызвать полицию… на это ни у кого не хватит смелости. И потом, никто ведь толком ничего не видел. Дом стоит в глубине сада, окружен высокими деревьями… Никто ничего не видит и не слышит. Вот если б были крики и полиция застигла его на месте преступления, а так… Мы все равно ничего не могли бы сделать, а он обязательно узнал бы, кто на него заявил, и тогда… – Соседка замолчала.

– Что тогда? – спросила Кристи.

Но женщина так и не решилась закончить фразу – как видно, из опасения выставить себя в смешном свете.

– Вы его не знаете, – уклончиво ответила она. – А я боюсь, просто боюсь.

– А что с сыном?

– Тихий, запуганный ребенок. И такой бледный… Не похоже, чтобы он был счастлив.

– Но никаких признаков, что и его били, вы не замечали?

– Нет. Никогда. Мне почему-то кажется, что у доктора Стэнфорда нет проблем с детьми. Только с женщинами.

– То есть не только с женой, и с другими женщинами тоже?

– Это ощущение, не более того.

Кристи поблагодарила соседку Стэнфордов и на всякий случай запомнила фамилию на щитке рядом с кнопкой звонка на воротах. И номер дома. Очень может быть, что сюда еще придется вернуться.

– Я вам ничего не говорила, – напомнила женщина, когда Кристи уже развернулась к машине.

Она поехала в город. По дороге позвонила Филдеру по громкой связи. Как и ожидалось, инспектор все еще был в кабинете.

Кристи описала свой неудачный визит к Стэнфордам и разговор с соседкой. Ответом было ошеломленное молчание.

– Так вот в чем дело… – произнес наконец Филдер. – И этой соседке можно верить, как вы считаете? Она не из тех, кто много фантазирует на чужой счет?

– Мне так не показалось. Похоже, она действительно боится его. И потом, все более-менее сходится. Мы и раньше подозревали, что в этой семье что-то не так, и не очень-то верили в историю с депрессией… И вот теперь все это наконец обретает форму.

– Это так… – Филдер вздохнул. – То есть вы хотите сказать…

– Я хочу сказать, – подхватила Кристи, – что Лайза Стэнфорд либо где-то прячется от мужа, потому что ее жизни угрожает опасность, либо ее уже нет в живых. Так или иначе, он – причина ее исчезновения.

– Вы понимаете, что это значит?

– Конечно, понимаю. Сэр, это грязное дело. У меня плохие предчувствия. Здесь все боятся Стэнфорда, который избивает жену. Соседка считает его психопатом, и при этом сама никак не производит впечатления сумасшедшей.

– Так или иначе, это не более чем догадки. И ваша версия с избиениями основывается только на показаниях соседки, а это довольно шаткое свидетельство.

– Почему шаткое? Лайза исчезла. Две женщины, которых она знала, убиты психопатом.

– То есть Стэнфорд, Благотворитель Стэнфорд, который ежегодно собирает сотни тысяч фунтов для самых бедных, и есть наш убийца, вы это хотите сказать?

– Я бы этого не исключала, во всяком случае. С ним явно что-то не так. Может, проблемы с самоутверждением, поэтому он и мучает

жену. А может, почувствовал опасность в Карле Робертс… Что, если Лайза все ей открыла, и Карла сказала: «Иди в полицию! Заяви на него! Если ты не пойдешь, это сделаю я». Стэнфорд узнал об этом и лишился рассудка от страха. Ну, как это бывало у него с женой…

– А доктор Уэстли?

– Она, как мы знаем, пыталась поговорить с коллегой о Лайзе Стэнфорд, потому что возникла проблема, так она выразилась. Возможно, Энн Уэстли обнаружила следы избиений. Она ведь была врачом, и обмануть ее сложно. Или Лайза сама ей намекнула. Энн Уэстли не знала, что делать, и решила спросить совета у коллеги. Ну а потом смерть мужа заслонила все остальные проблемы.

– Но это было больше трех лет тому назад, а убили ее совсем недавно…

– Стэнфорд мог узнать об этом далеко не сразу. Лайза могла выкрикнуть это во время очередной ссоры – «Моя подруга обо всем знает! И бывший педиатр Финли тоже!» Она ведь боялась. Вот и решила, что он должен знать, что есть люди, которым известна правда и которые могут принять меры, если случится что-то еще более страшное. Тогда она не осознавала, какой опасности подвергает обеих женщин.

– А Томас Уорд? Как он вписывается в эту картину? Ну или Джиллиан Уорд, если на то пошло…

– Я не знаю, – призналась Кристи. – Но почти уверена, что какая-то связь есть. Просто мы ее пока не видим.

– Мы должны найти Лайзу Стэнфорд, – сделал вывод Филдер. – Думаю, имеет смысл обзвонить кризисные женские центры. Возможно, она укрылась в одном из них.

– Ее может не быть в живых. Так или иначе ей угрожает опасность. Это же относится и к тем, кто ей помогает.

Филдер шумно вздохнул.

– Понимаю, к чему вы клоните, Кристи. Но на данный момент… Того, что мы имеем, явно недостаточно для ареста Стэнфорда. По сути, у нас нет ничего, кроме смутных предположений.

– Но в показаниях соседки нет ничего смутного, – возразила Кристи и затормозила на красный сигнал светофора, который чуть не проехала.

Она почувствовала, как в ней поднимается волна злобы, заставившая ее ехать быстрее, не обращая внимания ни на что. Детектив-инспектор Филдер вдруг начал вилять хвостом, и Кристи сразу поняла, в чем дело. В Логане Стэнфорде, его деньгах. Успешный юрист, на короткой ноге с политиками, член клуба влиятельных людей города… Как там сказала соседка? «Не удивлюсь, если он лучший друг начальника полиции». Этого и опасается Филдер. Стоит сделать неверный шаг – и прощай, карьера…

Черт бы их подрал! Кристи захотелось стукнуть кулаком по рулю. Как же она их ненавидела! Тех, кто поставил себя вне закона, забаррикадировавшись деньгами, успехом, связями… В полной уверенности, что им ничего не грозит.

Со мной такие шутки не проходят, доктор Стэнфорд!

– Сосредоточимся на поисках Лайзы, – официальным тоном объявил Филдер. – Пока она не даст показания, я не буду предпринимать ничего против ее мужа.

– А если он найдет ее раньше нас?

– Он ее не ищет.

– Это он так говорит. Вы верите Стэнфорду? У него достаточно денег, чтобы отправить против нее целый отряд киллеров. И Лайза представляет для него опасность. Он должен искать ее.

– Не увлекайтесь, сержант. У нас нет никаких свидетельств того, что Стэнфорд ищет жену. И нам неизвестно, причастен ли он к убийствам Робертс и Уэстли, не говоря о Томасе Уорде. Мы не знаем даже, избивал ли он Лайзу на самом деле. Мы ничего не знаем! Я не слишком верю вашей свидетельнице, уж извините.

Тут Кристи сделала то, чего не позволяла себе за все время работы с боссом, – просто отключила телефон, без комментариев и прощальных слов. Отключила совсем, чтобы он не смог перезвонить. Что он, кстати сказать, вряд ли стал бы делать, потому что не меньше нее был рад закончить этот неприятный разговор.

Кристи резко развернула машину. Она действительно хотела вернуться в отделение, но теперь передумала и решила ехать домой. Залечь в ванне. И открыть бутылку хорошего красного вина.

Пятница, 15 января

1

Было почти половина первого ночи, когда они наконец распрощались. Лайза встала у окна и смотрела, как он пересекает улицу в свете фонарей. Ей хотелось, чтобы он остался, но она не осмелилась просить об этом. Рядом с ним Лайза чувствовала себя в большей безопасности. Джон Бёртон не из тех, кого можно запугать, и он в состоянии дать отпор любому.

Тем не менее Лайза не знала, можно ли ему доверять. Она так и не поняла его роли в этой игре, которая для нее была чем угодно, только не игрой. Когда Бёртон назвал себя частным детективом, Лайза почувствовала, что ничего, кроме этого, вытянуть из него не удастся. Он сказал то, что хотел, – ни больше ни меньше.

Она не исключала, что Бёртон прямиком отправится в полицию, где выдаст ее местонахождение. Возможно, в полной уверенности, что так будет лучше для нее… Впрочем, он не оставлял впечатления наивного человека.

Лайза задернула шторы. Эта квартира перестала быть надежным убежищем. Джон Бёртон нашел ее. А это означало, что по его следу может прийти кто угодно. Нужно было срочно искать другое место.

Лайза села за стол и налила себе кофе. Ей пришлось сварить несколько кофейников, пока она рассказывала Джону Бёртону, совершенно незнакомому человеку, историю своей жизни. Об унижениях, с которых все начиналось. О страшном психологическом давлении, когда он не поднимал на нее руки, но Лайза чувствовала, что больше не может дышать. Тогда ей приходилось отчитываться за каждый шаг, малейшее движение. Чуть ли не за каждую мысль.

– Мне ничего не было позволено решать, – рассказывала она. – Мебель, шторы, ковры, картины на стенах, блюда, из которых мы ели, цветы в саду – все это было не мое. То же касалось одежды, которую я носила, нижнего белья, косметики, украшений, машины… У меня не было ничего. Он перфекционист, и все, абсолютно все должно

вписываться в его представления об идеальном доме, саде, идеальной жене, семейной жизни…

Джон задал вполне естественный в такой ситуации вопрос:

– Почему вы его не бросили?

И Лайза тихо ответила:

– Такие, как он, начинают с одной простой вещи, которую делают почти незаметно. Они напрочь лишают своих жертв уверенности в себе. Они уничтожают души, и ты больше не веришь, что можешь справиться со своей жизнью сама. Держишься за своего мучителя, потому что он сначала уничтожил тебя, а потом убедил, что без него ты ничто.

Джон кивнул. Обошлось без банальностей, вроде: «Но такой очаровательной женщине, как вы, ничего не стоило бы найти ему замену». У Лайзы сложилось впечатление, что мистер Бёртон ее понял.

– И когда он начал вас бить? – спросил он таким тоном, будто уже знал ответ на этот вопрос из богатого полицейского опыта.

Этот момент Лайза помнила точно.

– Сразу после рождения Фина. Он не мог смириться с тем, что у меня появился кто-то кроме него. Другой человек, мой ребенок. С рождением ребенка женщина становится сильнее. И я это почувствовала, когда появился Финли. Не думаю, что мое поведение как-то изменилось, разве аура… пожалуй, я стала излучать больше внутреннего покоя, счастья… Любви к этому маленькому существу. Это окружило меня чем-то вроде защитной ширмы, сквозь которую он не мог проникнуть. Утрата полного контроля надо мной – вот что его взбесило. Такие, как мой муж, с этим не мирятся.

Она рассказала, как трудно порой было скрыть следы побоев. Появиться на люди стало возможным только в солнечных очках. А разбитая губа неделями удерживала ее в четырех стенах. Лайза чувствовала злобу Джона Бёртона. Не на нее – на таких мужчин, как ее муж. А также на законы и предрассудки, делающие женщин в подобной ситуации совершенно беспомощными. Лайза чувствовала потребность объяснить, что парализовало ее волю и удерживало в этом кошмаре.

– Я боялась потерять Фина, – сказала она. – Мой муж – очень влиятельный человек. И я думала, что, если дело дойдет до полиции, у меня не будет больше шансов. Я и сейчас почти не сомневаюсь, что он

выпутается. Я ведь действительно лечилась от депрессии, и Логану ничего не стоит объявить меня сумасшедшей. Убедить всех, что я сама наставила себе синяков. В результате я окажусь в закрытой психиатрической больнице – и тогда уже точно до конца своих дней не увижу Финли.

– Но это не так просто, – возразил Джон. – Поранил ли человек себя сам или его кто-то избил, в большинстве случаев может установить медицинская экспертиза. И не думаю, что вас упекли бы в закрытую психиатрическую больницу.

Она пожала плечами.

– Он угрожал мне, кричал: «Ты сумасшедшая! Я сдам тебя в клинику для душевнобольных, откуда ты точно никогда не выберешься!» Я боялась рисковать.

Чтобы обосновать свой страх, Лайза сняла пуловер, под которым оказался топ с глубоким вырезом. Она слышала, как Джон задыхается от гнева, разглядывая плохо заживающие порезы на шее, руках и плечах.

– Он начал нападать на меня с ножом, – прошептала она.

– Боже, Лайза…

Бёртон подошел, обнял ее за плечи, и так они простояли несколько минут. Лайза чувствовала исходящую от него силу и на какое-то мгновение успокоилась, пока усилием воли не заставила себя одуматься. *Не доверяй никому! Тем более мужчине*. После чего отстранилась от Бёртона и надела пуловер.

– Я помогу вам, Лайза, – уверенно сказал Джон. – Поверьте, у меня это получится.

– Вы ничего не сможете сделать против него, – прошептала она.

– Ему удалось внушить вам, что он всемогущ. Это не так. Он обычный человек, и на него распространяются те же законы, что и на любого другого.

– Он убьет меня, если найдет.

– Он сядет в тюрьму, – возразил Бёртон.

Лайза презрительно рассмеялась.

– И вы думаете, он не сможет отомстить мне оттуда?

– А вы собираетесь дать ему уйти безнаказанным? – вместо ответа спросил Джон. – Жить с этим до самой смерти?

– Очень может быть, что у меня нет выбора.

– Но ваш сын…

Глаза Лайзы вспыхнули злобой, потому что она услышала в этих словах упрек.

– Только не говорите мне, что я не должна оставлять его! Вы совершенно не представляете себе ситуации. Как я могу взять Фина с собой? Ребенка школьного возраста, жизнь которого можно назвать нормальной лишь наполовину… Логан сразу вернул бы меня к себе. Я не могу бесследно исчезнуть с двенадцатилетним подростком, такое просто невозможно! И Фину хорошо с отцом. Логан никогда его пальцем не тронет. Он хороший отец, как бы безумно это ни звучало. Скажу больше: он обожает мальчика. Ничего другого я сказать не могу. У Фина есть привычная среда – дом, школа, друзья. Все лучше, чем скитаться со мной. Поверьте, мне нелегко далось этот решение. Но я приняла его, поскольку знаю, что так лучше для сына. И стараюсь видеться с ним как можно чаще. Теперь я знаю, насколько это опасно. На вашем месте мог быть мой муж.

– Финли скучает по вам.

Лайза с трудом сдерживала слезы.

– Думаете, я не знаю? Это то, что меня больше всего мучает. И все-таки сейчас ему лучше, чем раньше. Не говоря о том, что я могу вернуться в любой момент, что было бы невозможно, если б муж запер меня в закрытом лечебном учреждении. Если я почувствую, что не могу дальше жить без Фина, я вернусь. Что бы ни ждало меня дома.

– Ваш муж не боится, что Финли кому-нибудь обо всем расскажет? Учителю, одноклассникам или их родителям… да мало ли кому.

– Мой муж не знает, что такое страх. По крайней мере, как он чувствуется. Хотя хорошо умеет насаждать страх в других. Финли в том же положении, что и я. Оба мы всегда знали, что, если кому-нибудь хоть что-то расскажем, станет еще хуже. Мужу даже не пришлось предупреждать нас об этом. Для нас нет вопроса, что нужно делать, чтобы этого не было. Вопрос стоит иначе: как это пережить.

Она пила кофе и смотрела в стену, увешанную фотографиями Финли в рамках, спрашивая себя, все ли Бёртон понял правильно. Жизнь с психопатом необратимо изменила ее. Когда-то давно Лайза тоже верила в закон и порядок, справедливость и взаимопомощь.

Чувствовала под ногами твердую почву и верила в людей, которые были рядом.

Это потом Лайза узнала, как заблуждалась. Оказалось, что ничего этого нет и среди людей безраздельно царит все тот же закон права сильного, что и в животном мире. Этот мир – царство хаоса, удерживаемого в хлипком равновесии тонкой паутиной систем безопасности. Те, кого она удерживает, предаются иллюзиям. Но большинство летит в бездну. Лайза поняла это, когда сама очнулась в состоянии свободного падения. Когда ничто на свете больше не могло ее удержать…

Бёртон снова спросил ее о Карле и Энн. На стене дрожали тени от зажженных свечей, и Лайза горько улыбнулась тому, что ей, по-видимому, придется покинуть и это убежище, за восемь недель ставшее таким привычным. Карла Робертс и Энн Уэстли – две ее попытки обратиться за помощью к посторонним людям. Обе оказались неудачными.

– Ваш муж не возражал против того, чтобы вы посещали группу поддержки для женщин? – спросил Бёртон.

Лайза покачала головой.

– Он не знал, что там встречаются одинокие женщины. Я соврала что-то насчет эзотерической тематики. Логан счел это идиотизмом, но не особенно обеспокоился. Все это было, конечно, очень рискованно. Он мог навести справки в любое время. Чего так и не сделал – возможно, потому, что был занят работой. Вообще, он следил за мной довольно небрежно.

– И вы рассказали всё Карле Робертс?

– Не всё. Она всегда жаловалась на свою судьбу и нашла во мне терпеливого слушателя. Но однажды я пришла к ней домой. Я опять была в очках, и Карла спросила: «Слушай, почему ты всегда носишь солнечные очки?» День выдался пасмурный, дождливый. В таких случаях я обычно говорила о своих гиперчувствительных глазах, аллергии или конъюнктивите. Но на этот раз… я сама не знаю почему – просто сняла очки и ответила: «Вот почему!» Я выглядела не лучшим образом – правого глаза почти не видно, под левым фиолетовые разводы… Зрелище не для слабонервных.

– И как отреагировала Карла?

– Она была в шоке. Добрая Карла, которая до сих пор думала, что худшее, что муж может сделать с женой, – это закрутить роман с секретаршей и разорить семейный бизнес. Теперь она увидела, что бывает на свете. И была ошеломлена.

– Наверное, стала задавать вопросы? Посоветовала заявить на мужа в полицию?

– Она задавала вопросы, это так. Но я не открыла ей всей правды. Сказала только, что муж вспылил и пустил в ход кулаки. Она была в ужасе, что я могу сказать. Но через четверть часа вернулась к своим собственным проблемам – неверный муж, дочь, которой все равно, банкротство, одиночество… Такой была Карла. Хорошая женщина, но она видела только себя. Ни на секунду не могла отвлечься на кого-то другого. Наверное, она этого не пережила бы.

– И больше она вас об этом не расспрашивала? Может, предлагала помощь?

– Нет. С тех пор мы не виделись. Группа распалась, моя ситуация достигла пика. Теперь я боялась к кому-либо обратиться. Тем более не хотела видеть Карлу и слушать ее нытье.

– К доктору Уэстли, насколько я понимаю, вы обратились раньше?

После того как Лайза объяснила ситуацию с Уэстли, Джон понял, почему ее ответ на вопрос, не держит ли она зла на Карлу Робертс и Энн Уэстли, прозвучал неуверенно. Нет, она не назвала бы это злобой или обидой. Но обе женщины, так или иначе, не оправдали ее доверия. Это Лайза хорошо осознавала.

– Ваш муж подозревал, что вне вашей семьи есть еще два человека, которые в курсе проблемы и могут представлять для него опасность?

Лайза задумалась:

– Я не говорила ему об этом. Конечно, он мог узнать сам…

– Каким образом?

– Понятия не имею, но вполне это допускаю. Он мог знать о них.

– Фамилия Уорд вам ни о чем не говорит? Джиллиан и Томас Уорд.

– Нет, к сожалению. Никогда о них не слышала.

После этого Джон Бёртон распрощался и снова обещал помочь. Интересно, как он собирался это сделать?

– Больше ничего не хотите сказать? – спросил он уже на пороге. И, когда Лайза ответила «нет», добавил: – Уверены? Вы рассказали мне все, что имеет отношение к этой истории?

– Да.

Он оставил визитку:

– Если что-нибудь вспомните или вдруг понадобится помощь…

Джон Бёртон даже не подозревал, что она решила не рисковать. Может, он и был славным парнем, но Лайза научилась видеть в мужчинах только потенциальных врагов и обидчиков. Лучше не делать исключения из этого правила, так надежней. Убежище придется сменить, переехать куда-нибудь подальше. От свиданий с Финли воздержаться на месяц-другой. Больше она не выдержит.

Лайза не рассказала Бёртону всего. Да и мог ли он на это рассчитывать? Она ведь совсем его не знала. И потом, Джон спросил: «Вы рассказали мне все, что имеет отношение к этой истории?» Имеет ли к ней отношение то, что Лайза утаила, она не знала.

Вполне возможно, что нет.

2

Он мог легко представить себе эту ситуацию. Лайза описала ее почти без эмоций, ровным, спокойным голосом. Педиатр Энн Уэстли – опытная, добродушная и заботливая, как мать. Эта женщина умела обращаться с детьми, но знала также, как успокоить родителей и развеять их страхи.

У Лайзы Стэнфорд была рваная рана на виске – последствие удара об угол шкафа. Мужу не понравился ужин – ирландское рагу без моркови. Моркови в доме не нашлось, а у Лайзы не было времени ее купить. Логан специально попросил ее приготовить ирландское рагу, а это подразумевает морковь. Лайза надеялась, что он не заметит.

Он заметил. На следующий день Лайза собиралась оставаться дома, потому что рана продолжала кровоточить и никак не хотела затягиваться. Но Финли получил травму на уроке физкультуры – неудачно упал на правую руку. Поначалу он не чувствовал боли, но к вечеру рука распухла и стала болеть. Лайза надеялась, что все уладится, однако сын продолжал ныть, и в конце концов не осталось ничего другого, как только обратиться к врачу. Лайза заклеила

пластырем рану на виске, зачесала волосы наперед, насколько это было возможно, и надела солнечные очки. Она предпочла бы отправиться в какой-нибудь травмпункт, где ее не знают, но Финли так хотел к любимому доктору, что чуть не расплакался.

Вечером они поехали в клинику к Энн Уэстли. Комната ожидания была переполнена, но их пригласили сразу, потому что все выглядело как случай неотложной медицинской помощи. Оказалось, что рука Финли вывихнута. Ему наложили гипс, а потом доктор Энн Уэстли села за стол, чтобы выписать обезболивающее. Лайза устроилась напротив нее. Финли удалился в детский уголок поиграть с пластмассовыми фигурками из «Улицы Сезам», которые всегда его очаровывали.

Энн вырвала рецепт из блокнота и остановилась на полудвижении:

– Что с вами?

Лайза инстинктивно потрогала волосы на висках, направляя их вперед. Пальцы стали мокрыми. «О нет…» – с ужасом подумала она.

– Вы истекаете кровью, – сказала Энн Уэстли. – Подождите, дайте мне посмотреть. – И она обошла стол, не обращая внимания на протесты Лайзы: «Всё в порядке, не беспокойтесь, пожалуйста!..»

Пластырь насквозь пропитался кровью. Лайза проверяла рану перед тем, как выйти из дома. Кровь как будто подсохла, но теперь почему-то потекла опять.

Энн склонилась над Лайзой и осторожно сняла с нее солнцезащитные очки. Припухлость с левого глаза как будто спала, но лиловые разводы не прошли, а медленно растекавшееся, едва заметное бледно-зеленое пятно даже не врач вряд ли принял бы за неумело нанесенные тени. Лайза услышала громкий вздох, после чего Энн Уэстли профессиональным движением сорвала пластырь.

– Боже милостивый… – запричитала она. – Мне это совсем не нравится. Вы обращались к врачу?

– Нет, – ответила Лайза. – Кровотечение прекратилось, вот я и подумала, что всё в порядке.

– Рана, похоже, инфицирована. Я пропишу вам мазь с антибиотиком. И потом, пластырь не держит. У меня есть спрей, который остановит кровотечение.

– Хорошо, – согласилась Лайза, которая не смела взглянуть на доктора.

Энн прислонилась к углу стола.

– Что случилось? – спросила она, стараясь сохранять профессионально-невозмутимый тон.

Ответ Лайзы прозвучал как клишированная отговорка, но ничего другого на тот момент ей просто не пришло в голову:

– Лестница… Такое случается со мной не в первый раз. Ступеньки крутые, а я такая неуклюжая… – Тут Лайза попыталась изобразить смех, но в результате поморщилась от резкой боли. – Я неуклюжая, – настоятельно повторила она. – А внизу на перилах деревянная резьба, вот я и ударилась… Повезло, что не лишилась глаза. Глупо, конечно. Мне нужно быть внимательнее, но еще в школе на уроках физкультуры я…

Лайза осеклась на полуслове. «Я слишком много говорю», – подумала она.

– Миссис Стэнфорд, – раздался голос доктора, – посмотрите на меня.

Лайза нерешительно подняла глаза. Без привычных солнечных очков она чувствовала себя голой и беззащитной. И выглядела, должно быть, ужасно.

– Миссис Стэнфорд, – повторила Энн Уэстли. – Я не хочу ввязываться в то, что меня не касается, но хочу заметить… что вы всегда можете рассчитывать на помощь. Иногда мы попадаем в ситуации, которые кажутся нам безнадежными, но это не так. Выход есть всегда.

Лайза заглянула в глаза седовласой женщины – и вдруг осознала собственное смятение и шок.

Она знает, она все знает…

Энн Уэстли отвела глаза.

– Ну а теперь я позабочусь о вашей травме, – сказала она, выдержав паузу. – Вы позволите?

Лайза кивнула. Финли как ни в чем не бывало продолжал играть в детском уголке. От внимания Лайзы не ускользнул озабоченный взгляд, брошенный Энн Уэстли на ребенка. Доктора явно смутило, что мальчик никак не отреагировал, когда с лица матери смыли кровь и наложили на голову повязку. Очевидно, Энн Уэстли сделала из этого

единственно возможный вывод: Финли привык видеть мать в таком состоянии и научился замыкаться в себе, потому что иначе выдержать подобное невозможно.

Больше Энн Уэстли ничего не сказала. Но Лайза, после того как ушла из клиники, размышляла о том, что, вполне возможно, в скором времени ей придется туда вернуться. Она не исключала того, что обратится к Энн Уэстли за помощью. Теперь доктор все знала, и она была потрясена.

Лайза сама не могла сказать, пугали ее подобные мысли или обнадеживали. Наверное, было и то, и другое. Она все еще боялась, что вмешательство людей извне только усугубит ситуацию. В то же время ее не покидало ощущение, что вечно так продолжаться не может. И что одними только своими силами она ничего не изменит.

С тех пор изо дня в день Лайза ждала, что кто-то займется ее проблемой. Кто-то другой – не она – заявит на ее мужа в полицию. Она прошла через американские горки эмоций, пока наконец не поняла, что больше ничего не произойдет. Доктор Уэстли с тех пор не объявилась.

– Из чего я сделала вывод, – сказала она Джону, – что никакой помощи от Энн Уэстли не будет.

Вихри мыслей проносились в голове Джона, пока он ехал по ночному городу, тщательно следя за тем, чтобы не нарушить скоростной режим. Он был растерян – слишком много возможных вариантов развития событий.

Подозрения против Логана Стэнфорда, пожалуй, подтвердились. Но стоило ли сбрасывать со счетов саму Лайзу? Эта женщина прошла через ад. То, что сотворил ее муж, потрясло Джона, а ведь он, казалось бы, ко всему привык за долгие годы работы в полиции. Логан Стэнфорд болен, это не подлежало сомнению. Но значило ли это, что он убийца?

То, что Лайза так и не получила помощи от двух знакомых женщин, могло ее ожесточить. Очевидно, она ожидала от них большей солидарности и рассматривала их поведение как предательство. Она говорила об этом спокойно, без эмоций. Отрицала даже, что затаила злобу на Энн Уэстли и Карлу Робертс. Ее голос звучал настолько ровно, что это не могло не насторожить. Джон вспомнил, что именно в таком тоне говорят на допросах самые беспринципные мошенники и

убийцы. Одно было ясно: и Карла Робертс, и Энн Уэстли открыли бы дверь Лайзе Стэнфорд, не сомневаясь ни секунды.

Так неужели Лайза ушла из дома, чтобы отомстить? В отчаянии Джон стукнул ладонью по рулю. Он все глубже увязал в этом деле. Сначала Самсон. Теперь Лайза. Оба разыскиваются полицией, и он знает место их нахождения. Ему давно пора заявиться в полицию. Джон нарушал закон и широко раскрытыми глазами смотрел в лицо надвигающейся катастрофе.

Он смертельно устал – и в то же время дрожал всем телом от избытка адреналина. Ему было знакомо это состояние, как результат длительной и напряженной слежки. Усталость от необходимости слишком долго держать глаза открытыми, одновременно предчувствуя опасность, которая буквально дышит в спину. «Я стал похож на наркомана», – подумал Джон.

Он припарковал машину и побрел по снегу. Отпер дверь подъезда и, покачиваясь от усталости, поднялся по лестнице. В квартире первым делом заглянул в гостиную, где различались похожие на тень очертания тела Самсона. Гость равномерно посапывал, завернувшись в спальный мешок. К счастью, Джон его не разбудил.

Раздевшись в спальне, он оставил одежду лежать на полу. Упал на матрас, и сразу нахлынули воспоминания о Джиллиан. Джон не менял простыни с той ночи, потому что хотел чувствовать ее запах. Он зарылся лицом в подушку и подумал, что должен вырвать эту женщину из сердца любой ценой. Нельзя позволить себе страдать, тосковать и цепляться за безнадежные планы.

Джон уснул с мыслью, что завтра обязательно поменяет постельное белье.

3

– Я сделаю это, – сказала Джиллиан. – Они с Тарой завтракали за столом на кухне. – Сниму номер где-нибудь в глуши и затаюсь.

Джиллиан не спала всю ночь. Она чувствовала себя в безопасности в квартире Тары, но понимала, что это самообман. И главное – она подставляла подругу, что было непростительным безрассудством в ее положении.

Возвращение домой могло обернуться катастрофой. Джиллиан до сих пор не могла сказать, была ли в тот раз тревога ложной. Тара права – нужно было сразу звонить в полицию. По крайней мере, это помогло бы прояснить ситуацию. Но Джиллиан не сделала этого и теперь блуждала в потемках.

«Если я ничего не могу изменить, – думала она, ворочаясь ночью на диване, – то, по крайней мере, должна вести себя благоразумно».

– Ты уверена? – спросила Тара.

Она выглядела сонной. Было половина седьмого утра.

– Уверена. Пока мы не знаем, преследует ли меня кто-нибудь, и если да, то почему, – рисковать не имеет смысла. Ни твоей жизнью, ни моей. Будет лучше, если я просто исчезну.

– Мне кажется, что скоро ты сможешь вернуться, – сказала Тара. – Полиция бросила на это расследование большие силы. Они его найдут.

– Я займусь своим будущим, – сказала Джиллиан. – Возьму с собой ноутбук, буду искать через интернет жилье и работу в Норвиче. Здесь все пойдет своим чередом. Я отошлю риелтору ключи от дома, пусть смотрит. Если мне понадобится съездить в Норвич, скажем, на собеседование, я сумею обернуться быстро и незаметно. С этим никаких проблем.

– Звучит убедительно, – кивнула Тара. – Слушай, сейчас мне нужно в офис, но сегодня пятница, и я рассчитываю освободиться пораньше. Могу отвезти тебя в Торп-Бэй ближе к вечеру. Ты заберешь все, что тебе нужно, и оттуда поедешь уже на своей машине.

– Нет-нет, – запротестовала Джиллиан. – У тебя так много дел… Ничего не случится, если я поеду в Торп-Бэй на поезде.

Тара покачала головой.

– Это займет много времени, а я действительно могла бы тебя подбросить. – Она в последний раз глотнула кофе и встала. – Будешь ждать меня здесь?

– Я тебя поняла, спасибо, – ответила Джиллиан.

Она надеялась, что приняла верное решение.

4

Джон проснулся, почувствовав сквозь сон, что в комнате кто-то есть. Он рывком сел на матрасе и увидел перед собой улыбающееся

лицо Самсона Сигала.

– Я разбудил вас? – обеспокоенно спросил Самсон.

Джон хотел было ответить, что на это, должно быть, и рассчитывает человек, который посреди ночи шныряет по чужой спальне, но сдержался.

– Всё в порядке, – проворчал он. – Который час?

– Восемь.

– О черт… Я давно должен быть в офисе. – Джон посмотрел на брошенный рядом с матрасом будильник, который в кои веки забыл завести.

– Вы поздно вернулись вчера, – продолжал Самсон. – Я ждал до половины десятого, а потом…

– Это был долгий вечер, – кивнул Джон, после чего встал и посмотрел за окно. Там уже было совсем светло. В квартире пахло свежесваренным кофе.

– Я приготовил завтрак, – объяснил Самсон. – Даже вышел в магазин и купил хлеба для тостов.

– Но вам нельзя выходить из квартиры!

– Нужно же нам что-то есть. Вчера вечером…

Самсон замолчал, смущенный. Джон провел рукой по взлохмаченным волосам.

– Это я виноват, что не подумал об этом… Сейчас приду завтракать.

Он исчез в ванной, где принял горячий душ. Не побрившись, надел джинсы и свитер и пошел на кухню. В отсутствие стола, Самсон поставил чашки, тарелки, хлебницу и тостер на разделочную доску и пододвинул Джону барный стул.

– Присаживайтесь. Я позавтракаю стоя.

– Я тоже, – отозвался Джон. – Так что можете воспользоваться стулом по своему усмотрению.

Самсон поставил на него кофейную чашку и встал рядом.

На какой-то момент Джон подумал, что обеденный стол был бы действительно не худшим вложением.

Он мучился вопросом, стоит ли делиться с Самсоном своими выводами и если да, то в какой степени. Еще работая в полиции, Джон не любил посвящать других в свои мысли, пока не вырисовывалось более-менее правдоподобной версии. С другой стороны, Самсон был

не глуп и в течение нескольких месяцев наблюдал за Уордами. Он мог вспомнить что-нибудь интересное.

– Фамилия Стэнфорд вам о чем-нибудь говорит? – спросил Джон. – Доктор Логан Стэнфорд…

Самсон задумался.

– Это тот адвокат, у которого страшно много денег? О нем часто пишут в газетах. Незадолго до Рождества он проводил какую-то акцию в гольф-клубе в Торп-Бэй… лотерею или что-то в этом роде.

«Уже интересно. Стэнфорд и Торп-Бэй. Гольф-клуб – это, кажется, где-то недалеко от дома Джиллиан…»

– Но лично вы с ним незнакомы?

Самсон рассмеялся:

– Нет. Я не вращаюсь в таких кругах.

Джон решил посвятить его в кое-какие детали своего расследования.

– Его жена, Лайза Стэнфорд, контактировала с двумя убитыми женщинами, Карлой Робертс и Энн Уэстли.

– Правда? Откуда вам это известно?

– Не имеет значения, но это так. И теперь мне хотелось бы знать, знакома ли она или ее муж с Джиллиан Уорд.

– Так спросите ее сами.

– Я спрашивал об этом Лайзу Стэнфорд, и она утверждает, что никогда не слышала об Уордах. Вы об этом ничего не знаете?

– Нет, к сожалению, – растерянно пробормотал Самсон. – То есть вас интересует, видел ли я когда-нибудь доктора Стэнфорда с Уордами? Нет, никогда. Мне знакомо его лицо по газетным снимкам. Думаю, я бы его узнал. Но совершенно не представляю себе, как выглядит его жена.

– Очень эффектная женщина – высокая, стройная, с длинными светлыми волосами. И всегда носит солнечные очки. Такую трудно не заметить.

– Нет, – Самсон покачал головой. – Джиллиан вообще редко кого принимала. Разве лучшую подругу… Иногда заходила мама одноклассницы Бекки, забрать или оставить Джиллиан свою дочь. Пожалуй, это всё.

– Понятно, – вздохнул Джон.

Это совпадало с тем, что говорила Кейт: Джиллиан утверждала перед полицейскими, что незнакома с Лайзой Стэнфорд. Филдер и его команда шерстили профессиональную среду Томаса Уорда и его теннисный клуб, не имея ни малейшего представления о том, кого нужно искать. Оказывается, Логана Стэнфорда. Но что именно связывает его с Уордом, установить будет не так просто. Если, конечно, здесь вообще существует какая-то связь.

Благотворитель Стэнфорд – садист и убийца. Теперь, после того, как Джон узнал историю его жены, представить такое было нетрудно. И все-таки многое не стыковалось. Кейт говорила, что и Карлу, и Энн за несколько недель до убийства запугивали. В доме Карлы Робертс лифт вел себя странным образом, а Энн Уэстли написала не менее странную картину, в которой, согласно интерпретации Филдера, запечатлела свои страхи. При этом Джон, как ни старался, не мог представить себе Стэнфорда поднимающимся в лифте на восьмой этаж многоэтажки в Хакни, чтобы напугать одинокую пожилую женщину. У «звездного» адвоката просто нет времени на подобные глупости. Еще менее правдоподобным представлялось, что Стэнфорд ездил по проселочной дороге в лесу, мешая спать бывшему педиатру своего сына. Если Стэнфорд все-таки убил этих женщин, то только затем, чтобы заставить их замолчать. Обе слишком много знали о его семье. Но это можно было сделать гораздо проще. Не меньше смущал Бёртона и необыкновенно жестокий способ убийства. Он свидетельствовал о чудовищной ненависти. Откуда было ей взяться у человека, действовавшего исключительно из соображений собственной безопасности? Но, с другой стороны, Стэнфорд – психопат; кто знает, чего можно ожидать от него?

Лайза… У нее, вне сомнения, были причины ненавидеть Карлу и Энн и жаждать мести. Как ни трудно было представить в роли убийцы эту напуганную, забитую женщину, сбрасывать данный вариант со счетов было нельзя. Тем более потому, что Лайза была красива, и Бёртон должен был постоянно следить за тем, чтобы не относиться к ней предвзято, что не замедлило бы сказаться на результатах следствия самым губительным образом.

– Миссис Стэнфорд имеет какое-то отношение к убийствам? – спросил Самсон.

– Не знаю, – Джон потрогал вилкой кусок тоста в тарелке. В последний раз он ел вчера около полудня, но чувство голода, с которым сегодня встал с постели, уже улеглось. Это расследование затягивало его все больше.

Еще одна мысль пришла Джону в голову, когда он посмотрел на приготовленный Самсоном завтрак: на что жила Лайза? Она должна была платить за жилье, есть и пить, заправлять машину бензином. При этом вряд ли арендовала квартиру под собственным именем или каким-либо другим, значащимся в регистрационных списках. Хозяева попросили ее предъявить документы. Как она решила эту проблему?

Вчера вечером на Джона навалилось столько всего, что он не вспомнил об этих самых естественных вопросах. Если он правильно судил о Логане Стэнфорде, тот давно должен был заблокировать ей доступ к своим счетам. Таким образом, крайне маловероятно, что Лайза использовала свою банковскую карту, тем более что это могло бы выдать ее местонахождение. Очевидно, Лайзу кто-то поддерживал. Но кто?

Черт возьми, он должен был подумать об этом раньше…

– Вы весь в своих мыслях, – заметил Самсон.

Джон рассеянно кивнул. Могла ли здесь прослеживаться эта сумасшедшая и все же вполне допустимая связь? Джиллиан и ее муж… Она утаила это от полиции, потому что не хотела подставлять Лайзу. В таком случае имя убийцы Томаса Уорда – Логан Стэнфорд.

Но почему только сейчас? Энн Уэстли представляла для него опасность на протяжении более чем трех лет. Правда, ситуация могла взорваться не раньше, чем Стэнфорд узнал об этом. Тогда он почувствовал, что больше ничего не контролирует, и прибегнул к излюбленному средству: насилию. Лайза скрылась.

– Думаете, вы приблизились к раскрытию преступления? – робко спросил Самсон.

– Не могу вам этого сказать, – честно признался Джон. – Как будто да, но с каждым шагом дело становится все более запутанным. У меня голова идет кругом…

– Вы – моя единственная надежда, – быстро сказал Сигал, и у него на щеках появились красные пятна. – Пожалуйста, не бросайте это дело. Очень может быть, что вы окажетесь единственным, кто сможет меня оправдать.

– Полиции тоже непросто, Самсон, – ответил Джон. – Они не хотят арестовывать не того человека.

– Но я не доверяю им. Прошу вас, – он умоляюще посмотрел на Джона, – помогите мне. Я хочу вернуться в нормальную жизнь, только и всего.

Джон подумал о том, что жизнь, в которую может вернуться Самсон, трудно считать нормальной. Конечно, он не знал деталей, но мужчина за тридцать, безработный, который живет с братом и невесткой и имеет своеобразное хобби шпионить за совершенно посторонними людьми… Вдобавок эта самая невестка сдала его полиции и в качестве доказательства принесла распечатанный из компьютера дневник. Нет, в семье Сигал царит что угодно, только не гармония.

Тем не менее это его жизнь, Самсона. Даже если он несчастен, он не знает другой и как-то приспособился с ней справляться. В любом случае это рай в сравнении с привокзальным отелем, игрой в прятки с полицией и полной неопределенностью в будущем.

– Я сделаю все, что смогу, – пообещал Джон. – Можете не сомневаться, что я…

В этот момент зазвонил мобильник, лежавший на стопке книг в гостиной. Джон извинился и вышел из кухни.

– Это Кейт Линвилл, – представился женский голос в трубке.

– О, здравствуйте, Кейт.

Вот почему номер показался ему знакомым… Джон был удивлен, что после той ночи на вокзале Чаринг-Кросс она все-таки объявилась.

– Как ваши дела? – осведомилась Кейт.

– Спасибо, хорошо. А как вы?

«Чего она хочет?» – недоумевал про себя Джон.

– У меня тоже все хорошо. Джон. Я действительно решила с этим покончить. Риски слишком велики, и я могу потерять все.

– Я обещал вам и могу повторить, что ни при каких обстоятельствах не раскрою вас как осведомителя. В этом вы можете на меня положиться. Я знаю, что у меня плохая репутация, но я никогда не нарушал данного слова.

– Я и не думала в вас сомневаться. Тем не менее риски велики, – повторила она.

– Разумеется. Как и в любом другом деле.

Кейт как будто замялась, прежде чем продолжить:

– Даже не знаю, зачем делаю это, и все же, Джон, я хочу вас предупредить.

– Предупредить меня? – удивился Джон.

– Очень может быть, что тревога ложная, но Филдер забрал себе ваше досье. Я знаю это, потому что мне пришлось запрашивать его в офисе окружного прокурора.

– Материалы того давнишнего дела, вы имеете в виду?

– А у вас были другие? Я имею в виду дело об изнасиловании.

В ее голосе слышались самодовольные нотки.

– Понимаю. Значит, он все еще не исключил меня из списка подозреваемых…

Не то чтобы Джона удивила эта информация. Филдер всегда относился к нему настороженно, а тут еще расследование забуксовало… Стэнфорд уже попал в поле зрения следователей, но это могло только усугубить положение Филдера, насколько Джон знал бывшего коллегу. Малейшая ошибка в отношении «звездного» адвоката могла стоить инспектору карьеры, если не полицейского значка. А Филдер не любил рисковать и, конечно, ради собственной безопасности был готов подсунуть начальству в качестве преступника первого, кто подвернется под руку.

– Я все понял, Кейт, – сказал Джон, – большое спасибо. Филдер копает под меня. Но мое дело так и не дошло до суда, и ему ничего не удастся из этого выудить.

– Всё так, но я решила, что вы должны об этом знать. Кстати, Филдер не единственный, кто интересуется вашей персоной. Вы становитесь популярны, судя по записям на обложке материалов вашего дела.

На обложке материалов дела указывалось, кто и когда его запрашивал.

– Правда? Кто же еще?

– Был еще один запрос, подождите минутку…

Джон услышал шорох – Кейт пролистывала какие-то бумаги. Интересно, кому он еще мог понадобиться? Стэнфорду? Такое вполне возможно. Адвокат записал номерной знак его машины, узнал фамилию, имя, навел справки и вышел на старую историю. Как юристу с хорошими связями, ему, конечно, не составило труда

заполучить материалы дела. В таком случае Стэнфорд быстро сориентировался…

– Позвольте мне угадать, – сказал Джон. – Адвокат доктор Логан Стэнфорд?

– Нет, – ответила Кейт. – Это была женщина, из прокуратуры. Погодите… вот… Тара Кейн.

– Тара?

У Джона перехватило дыхание. Лучшая подруга Джиллиан…

– Но этого не может быть!

Тем не менее сложилось несколько кусочков пазла. Внезапная холодность к нему Джиллиан. Ее желание уехать в Норвич. Она поссорилась с Тарой, после того как открыла ей известные подробности его биографии. Джиллиан даже съехала от подруги. Но Тара, по-видимому, на этом не успокоилась. Она продолжала под него копать. Запросила материалы расследования, изучила, отыскала компрометирующие факты и с удовольствием поделилась с подругой своими открытиями. И Джиллиан не выдержала. Порвала с Джоном и отстранилась, насколько такое было возможно. Джону легко было представить аргументацию Тары. *У тебя дочь-подросток, и ты хочешь жить с мужчиной, которого обвиняли в изнасиловании? Ты понимаешь, что рискуешь своим ребенком? Нет дыма без огня. У них просто не нашлось достаточно улик, чтобы довести дело до суда. Это не значит, что он невиновен!*

Джон не смог подавить стон. Змея… проклятая змея…

– Джон? – снова послышался голос Кейт. – Вы еще здесь?

Он взял себя в руки:

– Да-да, я все еще здесь. Спасибо, Кейт. Я очень ценю вашу помощь. То есть Тара Кейн уже вернула дело на место?

– Да, как раз накануне Рождества.

– Хорошо.

Что-то обеспокоило Джона и в этой информации.

– Тара Кейн, – сказала Кейт, – разве это имя не упоминалось у нас раньше?

– Да. Это подруга Джиллиан Уорд, жены Томаса Уорда – жертвы третьего убийства. Поэтому, похоже, Тара и зацепилась за мою историю. Она тоже хочет включить меня в список подозреваемых.

И тут Джону пришло в голову кое-что еще.

– Кейт, – сказал он, – не могли бы вы еще кое-что для меня сделать? У меня есть номерной знак… Всего один звонок, Кейт; я должен знать, на кого зарегистрирована эта машина.

– Нет проблем, – ответила Кейт после секундной паузы.

Джон вытащил бумажку и продиктовал номер машины Лайзы.

– Да, хорошо, – подтвердила Кейт.

Она как будто ждала чего-то, за что могла бы уцепиться. Предложения встретиться на выходных или просто теплой, обнадеживающей нотки в его голосе…

– Ну, тогда до встречи, – первым попрощался Джон.

– До встречи.

Она положила трубку. Джон знал, что может на нее рассчитывать с номерным знаком.

5

Когда зазвонил телефон и на дисплее высветился номер Джона, Джиллиан замерла в нерешительности. Но в конце концов все-таки решила ответить на звонок. Бёртон ни в чем перед ней не провинился.

– Здравствуй, Джон, – сказала она.

– Здравствуй, Джиллиан. – В его голосе слышалось облегчение. Похоже, он все-таки боялся, что она не станет с ним разговаривать. – Как твои дела?

– Всё в порядке.

– Правда?

– Да. Или… – Она подбирала слова: – «Всё в порядке» – неправильная формулировка, с учетом того, что произошло. Жизнь продолжается, скажем так.

– Ты все еще убираешься в доме?

– В данный момент нет. – Джиллиан немного подумала и решила, что может открыть ему хотя бы часть правды: – Я больше не у себя дома. Я вернулась к Таре.

Повисла тишина.

– Ну, – сказал наконец Бёртон, – тогда мои дела плохи.

– Джон…

– Тара копает под меня. Ищет компромат и убеждает тебя порвать со мной.

– Джон, мы вообще не говорили о тебе. Я вернулась к Таре, потому что мне стало не по себе одной в большом доме.

Джиллиан умолчала о своих страхах. В конце концов, она все еще не знала, не пригрезилась ли ей тень, мелькнувшая на кухне.

– Мне просто нужно понять, как лучше справиться с ситуацией. С твоего ракурса, я, вероятно, двигаюсь слишком замысловатым зигзагообразным курсом. Может, так оно и есть, но прямого пути я пока не нашла. Ничто в моей жизни больше не будет прежним.

– Мы можем увидеться? – Голос Джона звучал почти умоляюще.

– Нет, я…

– Прошу тебя, Джиллиан. Только увидеться. Выпить кофе, поболтать о том о сем. Обещаю больше не поднимать тему нашего совместного будущего. Я просто хочу тебя видеть.

– Не могу, Джон. Я уезжаю из города через пару часов.

– Ты едешь в Норвич?

– Пока нет.

Джиллиан подошла к балконной двери и через присыпанные снегом перила посмотрела на антрацитовое небо над Лондоном. Не в первый раз в жизни она задавалась вопросом, как пережить январь.

– Я решила затаиться на некоторое время. Снять номер в каком-нибудь провинциальном отеле. Надеюсь, что в скором времени все прояснится и я смогу вернуться к нормальной жизни.

«Это не значит, что я открою ему, куда еду, – успокаивала себя Джиллиан. – Тем более что я сама этого пока не знаю».

Джон как будто совсем растерялся.

– В гостиницу? – переспросил он. – В провинции – где именно? Что за гостиница?

– Не важно. Я пробуду там некоторое время и оттуда попробую наладить новую жизнь.

– Но почему ты не хочешь остаться с Тарой?

– Так будет лучше.

– Джиллиан, – снова умоляюще заговорил Джон, – тут что-то не так. От чего ты прячешься? Или от кого? Почему не осталась в своем доме, где у тебя достаточно дел из-за переезда? Почему уезжаешь от Тары именно сейчас, в какой-то провинциальный отель? Такое впечатление, что ты решила пуститься в бега.

– Мне всего лишь нужно прояснить для себя, что происходит, Джон. Только и всего.

– Но ты ничего не прояснишь, переезжая с места на место. За этим стоит Филдер, да? Это он уговорил тебя уехать?

– Полиция ничего об этом не знает.

Некоторое время они молчали, а потом Джон тихо спросил:

– Ты хочешь спрятаться от меня?

– С какой стати я должна от тебя прятаться?

– Потому что тебя подстрекает к этому Тара. Могу представить, что она тебе наговорила… Сегодня я узнал, что она запрашивала материалы моего дела. Это неспроста.

Джиллиан была искренне удивлена:

– Твоего дела? Мне она об этом не рассказывала.

– Значит, тебе не нужно знать, что она за мной шпионит. Но дело точно было у нее на руках. И она изучила его от корки до корки, не сомневаюсь в этом.

Джиллиан отвернулась от окна.

«Тара – моя подруга. Нет ничего удивительного в том, что она это сделала».

– Тара – моя подруга, Джон, поэтому неудивительно, что она обо мне беспокоится. С учетом ее профессии, заполучить материалы твоего дела не составило проблемы. Ты находишь это ненормальным? Будь я на ее месте, наверное, поступила так же. Но ты должен мне поверить, Джон. Мне она ничего об этом не говорила. Так что, похоже, не нашла в твоем деле ничего такого, о чем не знала бы раньше.

– И не могла найти. У них ничего на меня не было, совсем ничего. Потому что ничего не было вообще.

– Я и не сомневалась в этом, Джон.

– Тогда с какой стати…

– Я уже все тебе объяснила. Я должна наконец встать на ноги. Обрести твердую почву и идти по жизни самостоятельно.

Оба опять замолчали.

– Ну что ж, – сказал Джон. – Береги себя.

В его голосе звучало смирение.

– Постараюсь, – ответила Джиллиан и дала отбой, не попрощавшись.

Она с тревогой посмотрела на часы. Почти девять; до полудня, когда вернется Тара, еще уйма времени. Вещи упакованы. Остается ждать.

6

Джон наконец добрался до офиса. Он понимал, что ни на чем не сможет сосредоточиться, но работать, так или иначе, нужно – он потерял достаточно времени за последние дни. Тем более что единственной альтернативой было сидеть в компании угрюмого Самсона, недоумевая, что делать дальше.

На несколько часов Джону удалось вернуться к некогда привычной, повседневной жизни, погрузиться в среду, которая успокаивала нервы. Предстояло составить план на ближайшие несколько недель, ответить на телефонные звонки, выписать счета и принять заявление об увольнении по собственному желанию от одного из сотрудников. Время пролетело незаметно. Когда Джон наконец встал, чтобы приготовить себе кофе, было половина третьего. Вечер пятницы, поэтому в офисе уже никого не было.

Последним, что он съел, были несколько кусочков хлеба, предложенные Самсоном на завтрак. Поняв, что одним кофе не обойтись, Джон решил купить какой-нибудь бургер и съесть его дома. Он и так хорошо сегодня потрудился. А Самсон, наверное, опять в депрессии. Лучше не оставлять его надолго в таком состоянии. Бёртон все время ожидал какой-нибудь глупости от своего странного гостя.

Как только Джон вышел из кабинета, затаившаяся было тревога снова дала о себе знать. Перед ним стояли две большие проблемы: Самсон и Лайза. Была еще Джиллиан, о которой он беспокоился, потому что чувствовал, что с ней что-то не так, что она явно от кого-то или чего-то убегает. Ощущение, что он топчется на месте и не знает, что предпринять, усилилось. Джон и в самом деле никуда не продвинулся.

«Есть что-то, чего я не вижу», – подумал он. Со времени работы в полиции Джон знал, что некоторые вещи могут находиться прямо перед глазами и при этом оставаться невидимыми, потому что их контуры сливаются с окружением. Очень может быть, что это его нынешний случай. Решение где-то рядом, Джон это чувствовал.

Он притормозил возле «Макдоналдса», купил чизбургеры и картофель фри для себя и Самсона. Когда поднимался по лестнице, обнаружил, что еда уже успела остыть. Самсон в кресле читал книгу. Нездоровый цвет лица, красные глаза и измученное выражение глаз выдавали, что он на грани психического срыва.

«Добром это не кончится», – подумал Джон и протянул Самсону пакет:

– Вот, возьмите. Пришлось немного попотеть в офисе, поэтому холодильник пуст. Съешьте что-нибудь, и вам полегчает.

– Спасибо, – ответил Самсон. Тон его голоса выдавал, что он не особенно верит оптимистическим прогнозам Джона.

Как только они собрались есть, зазвонил телефон. Джон ответил немедленно. Это была Кейт.

– Простите, – начала она. – У меня не получилось выполнить вашу просьбу раньше. Был очень напряженный день.

– Ничего страшного. Вам удалось идентифицировать владельца машины?

– Да, только уж очень все это странно…

– Что странно? В каком смысле?

– Мы с вами только вчера о ней говорили. Машина зарегистрирована на прокурора Тару Кейн. Совпадение?

– То есть… – пробормотал Джон. – Это действительно невероятно.

– Больше вы ничего не хотите мне сказать? – с упреком спросила Кейт. – Я с вами откровенна.

– Я знаю. Просто мне нечего вам сказать на данный момент. Сам ничего не понимаю.

Тара Кейн! Джон ожидал чего угодно, только не этого.

– Хорошо, но как только хоть что-то прояснится, вспомните обо мне, – многозначительно заметила Кейт, прежде чем повесить трубку.

Джон готов был спорить, что следующим ее шагом будет попытка заполучить личное дело Тары Кейн и изучить ее жизнь до мельчайших значимых подробностей, по крайней мере связанную с работой. Это мало что даст. На основании только этой информации вряд ли Кейт удастся установить связь Тары с Лайзой Стэнфорд.

Самсон перестал есть:

– Что случилось?

Джон положил надкусанный чизбургер обратно в бумажный пакет – он больше не чувствовал голода. Тара Кейн… Лайза Стэнфорд водила машину, зарегистрированную на имя прокурора. Квартира, которую она арендовала, скорее всего, тоже оформлена на нее. Значит, это Тара дергает за ниточки? Снимает Лайзе жилье, обеспечивает деньгами – другими словами, делает возможным ее исчезновение?

Джон лихорадочно размышлял. Какие выводы из этого можно сделать?

– Что вам известно о Таре Кейн? – спросил он Самсона.

– О лучшей подруге Джиллиан Уорд… – Самсон задумался. – Той, которая приезжала к ней в Торп-Бэй? Не так много, к сожалению. Я всего лишь наблюдал за ними с улицы. Они казались мне хорошими подругами. Джиллиан радовалась, когда приезжала Тара. Они обнимались… Я понятия не имею, о чем они говорили.

– Сейчас Джиллиан живет у нее.

– Я не удивлен. Джиллиан тяжело находиться в доме, где убили ее мужа, это понятно.

– Да, но вопрос в другом. Что, если связующим звеном между жертвами является не Лайза, а Тара?

Самсон выглядел совершенно сбитым с толку.

– Лайза? Вы говорите о Лайзе Стэнфорд, жене адвоката? Вы спрашивали меня о ней сегодня утром.

– Да. Сейчас не время вдаваться в подробности, но ситуация меня настораживает.

Джон снова схватил трубку телефона и набрал номер Джиллиан. Она не ответила, но спустя некоторое время на дисплее всплыл ее электронный адрес. Джону пришлось отправить сообщение:

«Джиллиан, это Джон. Нужно поговорить, это срочно. Пожалуйста, перезвони мне, как только сможешь. Спасибо».

– Джиллиан в опасности? – Самсон сделал круглые глаза и тоже отодвинул свой чизбургер.

– Я не знаю, правда. Все слишком загадочно.

– Но это не Тара ей угрожает, не ее лучшая подруга?

– Надеюсь, что нет, – ответил Джон и схватил брошенную на подоконник куртку. – Я должен идти. Очень важный разговор.

– Разве вы не можете сделать это по телефону?

– У меня нет номера этого человека. И потом… так будет лучше.

Джон осекся. Объяснения заняли бы слишком много времени и скорее еще больше запутали бы Самсона. Потому что Джон сказал ему чистую правду: сам он пока не видел никакой связи, но у него было не самое хорошее предчувствие. Скорее даже, очень плохое.

Он решил ехать к Лайзе прямо сейчас. Она единственная могла ответить на несколько срочных вопросов.

7

В четыре часа Тара наконец вернулась с работы. Она принесла бутерброды, завернутые в пищевую пленку, и несколько бутылок минеральной воды.

– Не знаю, как далеко ты сегодня уедешь, но, по крайней мере, не умрешь от голода и жажды.

– Ты замечательная, Тара, – искренне восхитилась Джиллиан.

Для нее было большим облечением снова видеть подругу. Ожидание в четырех стенах нервировало. Джиллиан перечитала все журналы, какие только смогла найти, пролистала несколько книг и наконец убралась в ванной. Больше ей ничего в голову не пришло, поэтому оставшееся время Джиллиан просто смотрела в окно на падающий с неба мелкий снежок.

– Но это само собой разумеется, – ответила Тара.

На ней был светло-серый брючный костюм и сапоги на высоких каблуках. Уму непостижимо, как Таре удалось пробраться сквозь горы снега, наваленные по обочинам улиц.

– Я только переоденусь.

Спустя десять минут обе женщины сидели в машине Тары. Теперь на подруге были джинсы, пуховик и непромокаемые дорожные ботинки. Джиллиан положила сумку с провизией на заднее сиденье.

«Надеюсь, я все делаю правильно», – снова подумала она.

Они продвигались медленно. По пятницам ближе к вечеру на дорогах царил хаос. Только когда миновали вокзал, дело пошло немного быстрее.

– Мы почти в Торп-Бэй, – сказала Тара. – Когда выедешь из города, самое страшное будет позади. Ты уже выбрала место?

– Честно говоря, нет, – призналась Джиллиан. – Я все время спрашиваю себя, так ли это необходимо.

Она прижалась лицом к окну и ощутила приятную прохладу, не понимая, почему у нее горят щеки. От волнения? Может, от мыслей?

– Это бегство… Сразу после того, что произошло в моем доме, мне захотелось просто сбежать. К тебе. А потом, до сегодняшнего утра, я думала, что будет лучше вообще уехать из Лондона. Но теперь я не так в этом уверена. Не преувеличиваю ли я опасность?.. Так можно с ума сойти… Я бегу… без всякой причины.

– Мертвый Томас в гостиной – вполне уважительная причина, – возразила Тара. – А то, что случилось с тобой на днях…

– Я не знаю даже, случилось ли тогда вообще что-нибудь, – перебила ее Джиллиан. – И сейчас все больше убеждаюсь в том, что ничего не было. Тень! Если я попытаюсь вспомнить ситуацию, не смогу даже представить себе, что меня тогда напугало. Все произошло за какие-то доли секунды. Может, это все мое воображение…

– А может, и нет. Что, если там действительно кто-то был и тебе страшно повезло, что Палм вернулся…

Стекло под щекой Джиллиан стало еще холоднее.

…что Палм вернулся…

«Но я не называла ей фамилии риелтора. – Это была первая, спонтанная мысль, после которой в мозгу включилось: – Или все-таки… Может, его фамилия где-то и проскочила, мы столько разговаривали в последнее время…»

Джиллиан не могла совершенно этого исключить, но была почти уверена, что нет. Она не хотела признаваться Таре, что связалась с тем самым риелтором, который нашел мертвую Энн Уэстли. Его имя фигурировало в прессе, и Тара, конечно, вспомнила бы. И Джиллиан пришлось бы объясняться. Рассказывать о том, что она как будто плыла на льдине мимо тех, в чьей жизни не было ни убийств, ни кровавых преследований. И если кто и мог составить ей компанию на этой льдине, то это был Люк Палм, переживший нечто подобное. Джиллиан не хотела делиться с Тарой этими ощущениями. Она сама не понимала, что было причиной ее застенчивости. Возможно, та ночь, когда она, обнаружив в гостиной труп Тома, в ужасе металась по дому в поисках дочери. Никто, даже лучшая подруга, не должен был знать, что сделала с ней та ночь.

«В конце концов, какое это имеет значение, – подумала Джиллиан. Но так и не смогла избавиться от мысли, копошившейся в мозгу, как

маленький упрямый червяк: – Если я не называла его имени, откуда оно ей известно?»

Джиллиан вспомнила тот вечер, всего два дня назад. Представила себе, как в панике выбегает из дома, потому что заметила мелькнувшую на кухне тень. Потом отключилось электричество. Джиллиан пробиралась по снегу в одних носках и столкнулась с крупным мужчиной у садовой калитки, на которого в истерике набросилась с кулаками. Предполагаемый злоумышленник схватил ее за запястья:

– Это я, Люк Палм!

– Люк Палм? – в ужасе закричала Джиллиан.

Если в это время кто-то был в саду, он мог бы ее слышать.

«Но это абсурд», – подумала Джиллиан и посмотрела на Тару. Прямой нос, полные губы, высокий лоб – Тара была красивой женщиной. Странно все-таки, что в ее жизни никогда не было мужчины…

Откуда, черт возьми, она знает его имя? Джиллиан прокручивала в памяти каждый разговор с подругой с тех пор, как Палм подвез ее к дому Тары той ночью. Она была уверена, что говорила только о риелторе, без имени. Не говорила даже, а только упомянула вскользь.

Когда произошло то, чего, возможно, не было вовсе, риелтор только что ушел. Но, к счастью, вскоре вернулся, потому что кое-что забыл. Мы вошли в дом. Он вставил на место предохранитель в подвале и вместе со мной обыскал все комнаты. Нигде никого не было…

– В чем дело? – услышала Джиллиан голос Тары. Подруга посмотрела в ее сторону. – Ты такая бледная… что с тобой?

– Всё в порядке. – Джиллиан попыталась улыбнуться, но вышло не слишком убедительно.

– Правда? – не унималась Тара. – Ты как будто разволновалась…

– Просто я не вполне уверена, что поступаю правильно, – ответила Джиллиан. – Скрываться неизвестно где и неизвестно от чего – это безумие, ты так не считаешь?

– Оставаться здесь было бы еще большим безумием, – заметила Тара. – Что, если он предпримет еще одну попытку?

Они въехали в Торп-Бэй – тихие улицы, дома, дворы, утопающие в снегу. Дети катаются на санках с горки в маленьком парке. До

недавнего времени все это было частью жизни Джиллиан. Но теперь ее жизнь необратимо изменилась. Джиллиан ударилась в бега.

Она почувствовала легкое покалывание в затылке. Подспудная нервозность, подозрения, мысли, которые, какими бы безумными они ни выглядели, никак не удавалось прогнать. И настойчивый внутренний голос, непрестанно уговаривающий: «Беги! Что-то не так с этой твоей подругой. Спасайся, пока не поздно!»

«Наверное, я все-таки назвала его имя, – в отчаянии подумала Джиллиан. – Просто в памяти как-то не отложилось…» Просто у нее мания преследования и всюду чудятся призраки.

Тара свернула на подъездную дорожку к дому Джиллиан. Колеса машины погрузились в снег.

– Вот мы и приехали.

Она оглянулась на Джиллиан, и та вздрогнула. Чужой, незнакомый взгляд. Неестественно расширенные зрачки. Одно Джиллиан знала наверняка – Тара ни в коем случае не должна заметить ее страх.

– Отлично! – воскликнула Джиллиан. – Я пошла собираться. А ты возвращайся домой, пока не стемнело.

– Я никуда не тороплюсь, – ответила Тара, открывая дверцу. – Войду с тобой.

Джиллиан тоже вышла из машины. Рука, сжимающая ключи от дома, дрожала. Джиллиан все еще надеялась, что Тара ничего не замечает.

Та как ни в чем не бывало обошла машину.

«Может, я схожу с ума? – снова подумала Джиллиан. – Я на грани нервного срыва, вот и воображаю себе разные безумные вещи…»

В этот момент зазвонил ее мобильный. Он был в сумочке, которая осталась в машине на полу. Джиллиан развернулась, но Тара ее удержала:

– Оставь, пожалуйста. Перезвонишь позже. У нас мало времени.

И снова этот пугающий взгляд. Джиллиан почувствовала, как на лбу выступили капельки пота.

– Хорошо, – услышала она собственный незнакомый голос.

Тара как ни в чем не бывало побрела к дому.

Джиллиан отперла дверь и затопала на пороге, сбивая с сапог снег. Она слышала, что Тара рядом делает то же самое.

Сердце забилось как сумасшедшее. Лицо взмокло от пота. Джиллиан не понимала, почему Тара следует за ней всюду как привязанная. Почему не дала ей ответить на звонок? Что такого могла услышать Джиллиан? *Я здесь, в своем доме, с лучшей подругой. У меня появилось глупое чувство, что с ней что-то не так. Возможно, это не более чем игра моего воображения, но меня почти тошнит от страха. Думаю, мне нужна помощь…*

Был только один человек, которому Джиллиан могла позвонить и который точно не посчитал бы ее сумасшедшей, – Джон. Он приехал бы по одному-единственному ее слову. Но ни о каком звонке исподтишка не могло быть и речи. Тара следовала за Джиллиан тенью.

«В туалет она со мной не войдет», – подумала Джиллиан.

Туалет на первом этаже, окно выходит на улицу. Джиллиан могла попытаться выбраться наружу, добежать до соседей и попросить разрешения позвонить от них. Таре трудно было бы ей в этом помешать.

– Что такое? – насторожилась Тара. – Разве ты не пойдешь наверх собирать вещи?

Джиллиан обернулась.

– Мне нужно в туалет. Подождешь минутку?

Тара уставилась на нее в недоумении, но тут зазвонил стационарный телефон, и обе женщины как по команде вздрогнули. Джиллиан потянулась за трубкой, но Тара перехватила ее руку:

– Пусть звонит. Он нас только задержит.

После шестого сигнала в коридоре включился автоответчик.

8

Самсон был далек от понимания того, в каком направлении развивается ситуация. Джон быстро покинул квартиру, не дав ему возможности ни о чем расспросить. Сбитый с толку и обеспокоенный, Самсон снова остался один в пустой квартире.

Он прокрутил в голове последний разговор с Джоном. «Джиллиан в опасности?» – спросил Самсон, и Джон дал не очень обнадеживающий ответ: «Не знаю». Когда же Самсон поинтересовался, не исходит ли опасность от Тары, Джон выдал нечто еще более неопределенное: «Надеюсь, что нет».

Час от часу не легче…

Тара. Самсон так ничего и не понял из того, что видел собственными глазами. Джон разговаривал по телефону – и подскочил как ужаленный, когда всплыло имя Тары Кейн. Он что-то говорил о связи, которую они так долго искали, и все это имело какое-то отношение к жене Благотворителя Стэнфорда. Но Самсон так и не смог уловить ход мыслей Джона.

Он попытался вспомнить Тару Кейн, которую видел всего пару раз, когда она навещала Джиллиан. С первого взгляда было ясно, что женщины – близкие подруги. Они приветствовали друг друга без тени восторженности, с интимной доверительностью, которая делает излишней громкую суету. Тара нравилась Самсону, ревниво оберегавшему им самим же созданный образ Джиллиан и ее семьи. Нерушимость этого образа являлась священной, и было важно, чтобы лучшая подруга идеально в него вписалась.

С Тарой Кейн в этом отношении никаких проблем не возникло. Она сразу произвела на Самсона самое благоприятное впечатление и, что особенно важно, идеально подходила Джиллиан. Умная, элегантная, она никогда не вела себя вызывающе – не кричала, не размахивала руками и не красилась так, чтобы это бросалось в глаза. Иногда приезжала прямо из офиса, в шикарном брючном костюме – но могла заявиться и в кроссовках, джинсах и свитере.

«Подходит, – так думал о ней тогда Самсон, – с ней всё в порядке. Идеальная подруга для идеальной женщины из идеальной семьи». Но, похоже, Самсон ошибался уже тогда. Хотя Томас Уорд никогда ему не нравился, и брак Уордов как-то незаметно оказался на грани краха. Джиллиан запуталась в своих мужчинах, да и с дочерью возникли серьезные проблемы. А теперь, похоже, и с лучшей подругой что-то не так. Самсон только никак не мог понять, что именно.

Исходила ли опасность для Джиллиан от Тары? «Надеюсь, что нет», – сказал на это Джон. Самсон ходил взад-вперед между окном и барным стулом. Комната пропахла картофелем фри. Самсон с отвращением посмотрел на надкусанный чизбургер на крышке картонной коробки. Он не мог взять в толк, откуда такое отвращение к еде у того, кто еще пару минут назад был голоден как волк?

Джон сказал, что Джиллиан переехала к Таре. Это как раз неудивительно. Для нее должно быть кошмаром вернуться в дом, где

был убит ее муж. И все же она предпочла Тару Джону Бёртону. Эта мысль утешала Самсона и одновременно ввергала в стыд. Джон был единственным человеком, протянувшим ему руку помощи в безнадежной, казалось бы, ситуации, он рисковал ради Самсона и Джиллиан, и все же… Она переехала не к нему, а к лучшей подруге, из чего становилось ясно, что отношения Джиллиан и Джона не были особенно близкими.

Джон пытался дозвониться до Джиллиан, но безуспешно. Если Джиллиан в опасности, она до сих пор может этого не знать.

Когда Самсон читал в книгах о ком-то, кто «рвал на себе волосы», что означало, что человек сходил с ума от ярости или отчаяния, эта фраза казалась ему не более чем метафорическим оборотом. Впервые в жизни Самсон поймал себя на том, что действительно готов это делать. Так или иначе, он запускал в волосы все десять растопыренных пальцев и дергал, словно в попытке заставить тем самым голову воспроизвести хоть какую-то внятную мысль. До сих пор Самсон только наблюдал и ждал, но теперь, незаметно для себя, словно перешел на другой уровень. Произошло ли это в неотапливаемом привокзальном отеле, в трейлере на заброшенной стройке или пустой квартире в Паддингтоне – этого он не знал.

Так или иначе, Самсон жаждал действовать. Сделать наконец хоть что-нибудь, чтобы изменить мир к лучшему. Быть полезным – не самому себе, всем, кто, так или иначе, запутался в хитросплетениях этой истории. Прежде всего, конечно, Джиллиан. Волосы Самсона уже торчали в разные стороны, но до сих пор ему пришла только одна внятная мысль. Джон хотел о чем-то предупредить Джиллиан своим неудачным звонком. Почему бы ему, Самсону, не попытаться это сделать?

Он мог бы запросить телефон Тары Кейн в справочной службе и позвонить обеим женщинам, но эта идея не представлялась особенно удачной. Поздний вечер пятницы, Тара наверняка уже дома, а не в офисе. Так что трубку возьмет, скорее всего, она. Увидит на дисплее фамилию Бёртона, а говорить будет Самсон… Как он это объяснит? «Здравствуйте, это Самсон Сигал, разыскиваемый по подозрению в убийстве. Я скрываюсь в квартире бывшего полицейского Джона Бёртона. Могу я поговорить с Джиллиан Уорд?»

Можно попытаться удалить из аппарата Джона определитель номера, но Самсон понятия не имел, как это делается. Можно, наконец, набраться наглости и представиться другим именем. Тогда Тара наверняка соединит его с Джиллиан. Но что потом? Поверит ли Джиллиан, что должна опасаться женщины, которая находится рядом с ней?

Тем не менее Самсон решил попробовать. Сразу стало жарко. Но план не сработал: в справочной службе сказали, что телефон Тары Кейн не разглашается. Неудивительно, с учетом того, что она прокурор. Можно себе представить, сколько бывших заключенных терроризировали бы ее после освобождения.

Но и Самсон уже не мог просто откинуться на спинку кресла и ждать, нервно поигрывая пальцами. Только не теперь, когда он зашел так далеко, пусть даже в мыслях. Он твердо решил совершить что-нибудь значимое. Стать героем. Самсон отнес остатки невкусного обеда на кухню и выбросил в мусорное ведро. И тут на него снизошло озарение.

Даже если Джиллиан жила с Тарой, время от времени она должна была возвращаться к себе домой. Поливать цветы, проверять почтовый ящик, забирать необходимые ей вещи… Номер ее домашнего телефона Самсон помнил наизусть, и в доме был автоответчик. Самсон довольно часто звонил Уордам, когда точно знал, что их нет дома, и вслушивался в голос Джиллиан: «В настоящий момент мы не можем подойти к телефону, поэтому просим вас оставить сообщение». До сих пор в этом месте Самсон просто вешал трубку, ни слова не говоря. Но на этот раз он скажет. Нет никаких гарантий, что Джиллиан прослушает сообщение, когда еще не будет поздно, и все-таки мизерный шанс лучше, чем ничего…

Самсон вернулся в гостиную, дрожащими пальцами набрал знакомый номер и откашлялся. Не хватало только, чтобы и на этот раз его подвел голос!

9

Как завороженные, Джиллиан и Тара уставились на автоответчик. Джиллиан услышала свой собственный голос: «Просим вас оставить сообщение», а потом аппарат запищал. Кто-то прочищал горло.

«Мужчина, – подумала Джиллиан. – Наверное, Джон. Или Люк Палм, у которого возникли вопросы в связи с продажей дома. Люк Палм, чьего имени Тара не должна была знать».

– Здравствуйте, миссис Уорд, – произнес голос, определенно мужской и смутно знакомый Джиллиан, который она тем не менее никак не могла определить. – Это Самсон Сигал…

Самсон Сигал – Джиллиан раскрыла рот. Этот странный человек скрывается от полиции – и тем не менее решился оставить сообщение на ее автоответчике!

– Миссис Уорд, мы беспокоимся за вас, – голос Самсона стал более ровным. – Вы, наверное, удивитесь, и я не могу вам всего объяснить, но… вы должны быть осторожны со своей подругой… Тарой Кейн. С ней что-то не так. Вам лучше от нее съехать.

Характерный щелчок сигнализировал конец сообщения. Джиллиан застыла на месте, кажется, даже дышать перестала. Она не знала, зачем ей позвонил Самсон Сигал, и понятия не имела, кого он имел в виду, когда говорил: «Мы беспокоимся». Для нее оставалось загадкой, с чего он взял, что с Тарой что-то не так, но одно было ясно: он прав. То, что говорил Самсон, не было ни ерундой, ни бредом сумасшедшего. И сама Джиллиан тоже боялась не призраков.

– У тебя хорошие друзья, – послышался сзади голос Тары. Странно безэмоциональный, напрочь лишенный каких-либо человеческих интонаций. – Хорошие, заботливые друзья… Я даже тебе завидую.

Джиллиан провела языком по губам, которые стали вдруг совершенно сухими. Она повернулась к Таре и попыталась улыбнуться, но в результате изобразила лишь неопределенную дрожащую гримасу.

– Сигал мне не друг, – возразила она. – У парня психические отклонения, и его ищет полиция, как тебе известно. Полагаю, он просто хочет отвести внимание от себя. Думает, улучшит свое положение, если будет распространять сплетни…

– Интересные сплетни, – заметила Тара.

Джиллиан пожала плечами.

– Он не в себе, чего ты хочешь? Мне все равно, что он там несет. Послушай, у нас мало времени. Я иду в ванную, а потом…

– Что ты задумала? – спросила Тара. – Вылезти через окно в туалете?

Джиллиан старалась казаться уравновешенной, но услышала сама, как неестественно это прозвучало:

– Нет, конечно. С чего ты взяла?

– Не пытайся держать меня за дуру. Ты хочешь вылезти наружу. Ты дрожишь от страха, Джиллиан. И все только потому, что этот придурок, – она кивнула на автоответчик, – прокричал свое предупреждение на весь дом.

– Это не так. Я…

– Ты уже в машине вела себя странно. Я не была уверена на все сто процентов и не вполне доверяла своим предчувствиям, и все же… если б ты вела себя умнее, Джиллиан, я дала бы тебе уйти. Но после такого недвусмысленного предупреждения… Неужели ты думаешь, что я отведу от тебя взгляд хотя бы на мгновение?

Перед глазами Джиллиан замелькали радужные круги, в ушах зазвенело, но она взяла себя в руки. Сейчас, как никогда, было важно сохранять самообладание.

– Но почему, Тара? – спросила она. – Что произошло? Что я тебе такого сделала?

Тара с интересом наблюдала за Джиллиан, которая смотрела на нее с ужасом. Тара – лучшая подруга. Лицо, к которому она так привыкла за много лет. И все-таки… сейчас оно стало чужим. Плюс голос, которого Джиллиан не узнавала. В нем не слышалось совершенно никаких эмоций – ни радости, ни страха, ни гнева. Странно бездушный, нечеловеческий голос…

– Ты ничего не сделала мне, Джиллиан. Как и Карла Робертс, и Энн Уэстли.

Теперь в ее словах звучала ненависть. Джиллиан вздрогнула.

– Карла и Энн… – повторила она. – Так это ты…

Тара пожала плечами.

– Без них мир не особенно обеднел.

– А Том?

– Он не входил в мои планы.

– Тара, я не понимаю, что происходит, – прошептала Джиллиан. – Пожалуйста, объясни мне…

Тара рассмеялась.

– Нет, дорогая. Я знаю, что ты задумала. Вовлечь меня в долгую, приятную беседу, в надежде, что тем временем кто-нибудь успеет подъехать… Забудь об этом. Будем делать то, что должны. Знаешь, что самое обидное? Я действительно хотела пощадить тебя. Сама не знаю почему. Может, потому, что я так привыкла к тебе за эти годы… Или из-за того, что я дважды потерпела с тобой неудачу…

«Это она была тенью, которая мелькнула на кухне, – догадалась Джиллиан. – Поэтому и знает фамилию риелтора. Тара уже дважды пыталась меня убить».

Но почему? Почему?

– Просто я больше не могу видеть тебя, Джиллиан. Поскольку ты боишься оставаться одна в этом доме, я подумала, что небольшой отель где-нибудь подальше от Лондона был бы подходящим вариантом. Оттуда ты переехала бы в Норвич, и мы, надеюсь, больше никогда не встретились бы в этой жизни. Но теперь я не могу отпустить тебя. Думаю, ты сама это понимаешь.

– Прошу тебя, Тара… почему?

Тара полезла в карман зимней куртки, и секунду спустя в ее руке оказался пистолет, который она направила на Джиллиан.

– Для начала нам надо перебраться в безопасное место. Парень, который оставил сообщение на автоответчике, может вызвать полицию, с него станется. Так что делаем отсюда ноги, Джиллиан. Потом я решу, как с тобой поступить. – Она указала пистолетом на входную дверь. – Сейчас перебираемся в гараж, ты идешь впереди. И не вздумай бежать. Одно неверное движение – и получишь пулю в голову, ясно? Это первое и последнее предупреждение.

Джиллиан сглотнула. Она чувствовала себя героиней абсурдной пьесы. Вот-вот Тара рассмеется, и не так злобно, как только что, а тепло и раскованно, и снова превратится в прежнюю Тару. Опустит руку с пистолетом и скажет: «Ну что, испугалась? Это была шутка, Джиллиан. Надеюсь, ты не обиделась».

Но Джиллиан знала, что этого не произойдет. Тара не шутила. Она никогда не любила такие шутки и вообще была серьезным человеком. Она говорила то, что действительно думала. Джиллиан медленно пошла к входной двери. Тара отступила в сторону, пропуская ее. Потом схватила моток упаковочного скотча, который лежал на ящиках у входа.

Когда они вышли, Джиллиан сказала:

– Тара, я не знаю, что ты имеешь против меня, но подумай о Бекки. У нее никого больше нет.

Тара снова рассмеялась – все тем же жутким, механическим смехом.

– Ты не поверишь, Джиллиан, но я только о ней и думаю. Это Бекки причина всему, если хочешь знать. Некоторым детям лучше расти без родителей. Любой детский дом для них предпочтительнее семьи. Я знаю, о чем говорю, поверь.

– Но…

– Закрой, пожалуйста, рот и ступай в гараж.

Тара накинула зимнее пальто Джиллиан и спрятала пистолет в его складках, чтобы случайный прохожий ничего не заподозрил. Но им никто не встретился. Улица лежала безлюдной в сгущающихся сумерках.

– У нас будет время поговорить, но позже. – Тара кивнула в сторону гаража.

Джиллиан медленно пошла по садовой дорожке.

10

– Я знала, что вы вернетесь.

Лайза Стэнфорд долго не реагировала на звонок. Джону пришлось несколько раз пройтись перед ее окнами, в надежде, что она выглянет в окно и увидит, что он пришел один, без ее мужа, полиции или кого она там еще боялась. Он звонил снова и снова, пока наконец дверь не открылась с характерным зуммером. Лайза стояла наверху, у дверей квартиры, и ждала его.

– Хотите чаю? – спросила она, когда Джон вошел.

– Нет, спасибо. Лайза, вы знаете Тару Кейн?

Джон внимательно наблюдал за ней, задавая вопрос.

Лайза испугалась, зрачки ее расширились.

– Тару Кейн? Да, я знаю ее…

– Вчера я просил вас рассказать мне все, – с упреком напомнил Джон.

– Но вы не спрашивали о ней, – чуть слышно возразила Лайза.

Она прошла в гостиную, опустилась на стул за обеденным столом. Джон прошел следом и встал посреди комнаты.

– Ваша машина зарегистрирована на нее. Полагаю, за квартиру тоже платит она.

Лайза кивнула.

– Это она снабжает вас деньгами? Ваш муж давно заблокировал счета, которыми вы могли бы воспользоваться…

– Она открыла счет на мое имя и дала карту. Я могу снимать деньги сколько нужно.

– Неслыханная щедрость. Она платит за квартиру, дает вам деньги на жизнь… Это нормально, по-вашему?

– Я все верну. Так мы договорились.

– Ясно. И когда же?

– Пока не знаю. Все произошло так быстро… трудно было строить какие-то планы.

– Что произошло быстро?

– Мне пришлось уйти из дома, скрыться.

Все это время Лайза смотрела в стол перед собой. Когда же подняла голову, Джон увидел в ее глазах гнев и слезы.

– Вам этого не понять… Никто не поймет, пока сам не испытает. Много лет я жила в страхе… отчаяние, унижения, физическая боль… и душевные муки. Я знала, что однажды он убьет меня… просто знала.

– Он не зашел бы так далеко, – возразил Джон. – Хотя, положа руку на сердце… ваш муж подонок, Лайза, но не дурак. Не думаю, что он так стремится попасть за решетку.

– Он не попал бы туда, можете мне поверить. Выставил бы все как несчастный случай, нашел бы лазейку. Я знаю его достаточно давно, он всегда выйдет сухим из воды.

Ну вот, опять двадцать пять… Мантия всемогущества, которой Лайза с таким удовольствием окутывает своего мужа. Он – превыше закона и порядка, недосягаемый и неподсудный, что бы ни делал. Возможно, подумал Джон, вероломство таких мужчин, как Логан Стэнфорд, в том и заключается, что они втаптывают жен в грязь, а самих себя превозносят до небес. Хуже физического насилия эмоциональное – то, что сотворил Стэнфорд с рассудком несчастной Лайзы. Она ведь умная, образованная женщина. И все же Стэнфорд заставил ее раз и навсегда усвоить, что она – никто, а он – бог. Ей не

нужно даже вступать в борьбу с ним, чтобы проиграть. Одна мысль об этом – сокрушительное поражение.

Джон покачал головой. Разводить философию было некогда. Он сам не знал почему, но не мог избавиться от ощущения, что время дорого. Опасность следует за ними по пятам.

– Оставим эту тему, – сказал он. Убеждать Лайзу Стэнфорд в том, что ее муж может с тем же успехом оказаться за решеткой, что и любой другой преступник, было бесполезно. – Как давно вы знаете Тару Кейн?

– С октября прошлого года, – ответила Лайза. – С тридцать первого октября, если точнее.

– То есть не так давно?

– Нет. Около двух с половиной месяцев.

Джон подошел к столу и сел напротив Лайзы. Он дрожал от нетерпения, но сдерживался, боясь ее отпугнуть.

– Как вы познакомились?

Лайза рассмеялась.

– Случайно. Нас пригласили на день рождения – большое торжество в отеле «Кенсингтон». Бывшему коллеге моего мужа исполнялось семьдесят пять лет. Муж настоял, чтобы я поехала с ним, хотя мне и нездоровилось. Я была на грани нервного срыва, не говоря уже о «фиалке» под левым глазом. Вдобавок веко опухло. Не очень-то удобно показываться на люди с таким украшением.

– Понятно, – кивнул Джон. – Но вашего мужа, похоже, не смущало, что это может вызвать подозрения?

– Он знал, что я умею скрывать следы побоев. Это ведь был далеко не первый случай. Для чего еще изобрели косметику? Чтобы избитые жены не выносили семейные проблемы на всеобщее обозрение.

– Итак, вы поехали на юбилей бывшего коллеги мужа…

Лайза кивнула.

– Там было много людей. Юристы… Адвокаты, прокуроры, судьи… И мой муж, как всегда, в центре внимания – произносил громкие речи, хвалился своими успехами. Он организовал теннисный турнир в Африке, чтобы собрать деньги для детей, чьи родители умерли от СПИДа. Получилась неплохая сумма, его превозносили до небес… Хлопали по плечу, говорили, какой он замечательный… а я

стояла в стороне и боялась, что меня вырвет. Мне действительно хотелось проблеваться посредине зала, на виду у этих разодетых людей, которые думают, что творят добро, а на самом деле только развлекаются и не замечают, что среди них есть кто-то, кому действительно очень плохо.

Джон уже понял, к чему она ведет.

– Тара Кейн была среди гостей и, в отличие от остальных, что-то заметила?

– Мне было паршиво в тот вечер, – кивнула Лайза. – В зале стояла духота, я почувствовала, что моя косметика вот-вот поплывет, и испугалась. Звучит глупо, не так ли? Если б все увидели синяк у меня под глазом, моему мужу пришлось бы плохо, но я… я боялась опозориться, именно так я это воспринимала.

– Насколько мне известно, – заметил Джон, – в вашем положении многие женщины чувствуют то же самое.

– Я убежала в дамскую комнату. К счастью, там никого не было. Я пыталась поправить макияж перед зеркалом, но в результате расплакалась. Слезы хлынули, это было как приступ. Я пришла в ужас. Косметика стекала по лицу, глаза опухли… Мне нужно было срочно возвращаться в зал, но я не могла остановиться… просто не могла.

Лайза замолчала. По ее лицу было видно, что она снова переживает тот момент – который изменил ее жизнь.

– И вот дверь открылась, – продолжала Лайза. – Я испугалась до смерти. Вошла Тара. Тогда я не знала, но сразу заподозрила, что она тоже из числа приглашенных. Я хотела спрятаться в одной из кабинок, но не успела. Помню, как возилась с влажными салфетками и все пыталась изобразить аллергию или что-то в этом роде. Тара встала у меня за спиной и спросила, не нужна ли мне помощь. От неожиданности я выронила салфетки. Я плакала, и мы смотрели друг на друга в зеркало. К тому времени у меня на лице почти не осталось косметики, и кожа под глазами переливалась всеми цветами радуги. Некоторое время мы обе молчали, а потом Тара спросила: «Муж?» Это был риторический вопрос, и я впервые не стала прибегать ни к оправданиям, ни к уловкам. Никаких падений с лестницы, ни велосипедной аварии, ни травмы во время теннисного матча. Я просто кивнула. И тогда Тара поинтересовалась, не жена ли я Логана Стэнфорда. Я кивнула еще раз.

– Тогда и появился этот план побега из дома, – догадался Джон.

– Не совсем, – возразила Лайза. – Я сказала, что не могу вернуться в зал в таком виде, и Тара помогла мне. Она незаметно вывела меня из отеля, вызвала такси и отвезла домой. Заплатила женщине, которая присматривала за Финли, и выпроводила ее, когда я еще ждала в машине. Потом приготовила горячий чай. А я все это время только плакала.

– То есть вы всё ей рассказали?

– Да. Абсолютно все. Это хлынуло из меня потоком.

– Тара Кейн – прокурор. По идее, она должна была предложить судебное разбирательство и спросить вашего согласия.

– Она и предложила. Я умоляла не делать этого, и в конце концов Тара дала мне слово… Но, прежде чем уйти, посмотрела на меня и сказала: «Лайза, я не сдамся, пока вы сами не пойдете в полицию и не заявите на него. Вы должны это сделать. Это очень важно. Речь идет не только о безопасности, но и о вашем человеческом достоинстве. Посадите его за решетку!» Вот ее слова.

– Но она не ушла насовсем, – догадался Джон.

– Да, она звонила мне почти каждый день. Уговаривала, подбадривала. Я была рада слышать ее голос. Я чувствовала себя загнанной в угол, и для меня было большим утешением, что наконец появился человек, которому небезразлична моя судьба, в которой Тара приняла… уж слишком активное участие.

– То есть она взяла вас в оборот.

– Да, – подтвердила Лайза, – и это меня, признаюсь, удивило. Иногда мне казалось, что она ненавидит Логана больше, чем я. Ей давалось с трудом наблюдать мою ситуацию со стороны и ничего не предпринимать. Но Тара не могла инициировать расследование без моего согласия. Свидетелей нашего разговора в туалете не было, и основания для обвинения были бы шаткими без моих показаний. Кроме того, для Тары было важно, чтобы первый шаг сделала я. Она все время подчеркивала, что я должна защищаться. Дать отпор. Покончить с ним, наконец. У меня не должно возникнуть ощущения, будто меня спасает она, Тара, или полиция. Я сама должна себя спасти. Это очень важно для моего будущего, говорила Тара.

– Правильная мысль, в общем и целом, – одобрил Джон. – Вы описываете Тару как очень эмоциональную особу. У меня даже

сложилось впечатление…

Джон не договорил, потому что вдруг подумал о том, что только отвлекает Лайзу своими замечаниями. Но она, по-видимому, так не считала.

– Что вы хотели сказать?

– Мне просто стало любопытно, с какой стати Тара взялась решать ваши проблемы, да еще с таким энтузиазмом. Может, сыграл роль собственный опыт? Мы ведь ничего не знаем о ней.

– Она никогда не рассказывала о себе, – подтвердила Лайза, и в ее пустых, равнодушных глазах мелькнуло выражение недоверия. – Что вообще происходит? С какой стати вы так интересуетесь Тарой?

– Почему она сняла для вас эту квартиру? – в свою очередь, спросил Джон.

– Все произошло слишком быстро. В середине ноября проблемы с мужем достигли пика, и я умоляла Тару помочь мне бежать. К счастью, за несколько дней до того мы успели во всех подробностях обсудить мою ситуацию, и Тара пришла к выводу, что Финли можно оставить с отцом. Она очень беспокоилась за него, хотя и понимала, что Логан никогда не поднимет руки на сына. Он безумно любит мальчика – в чем в чем, а в этом ему не откажешь.

– Тем не менее он ведет себя жестко по отношению к Финли. Или же безответственно, – возразил Джон. – У меня сложилось впечатление, что Финли замкнулся в собственном мире. Уму непостижимо, что пережил этот ребенок. Даже если отец не поднимал на него руку, душа Финли глубоко травмирована.

– Тара заходит ко мне время от времени, – продолжала Лайза, – и уговаривает заявить на Логана в полицию. Подать на развод и начать новую жизнь с Финли. «Хватит прятаться!» – говорит она. И это правильно, но я… – Лайза покачала головой. – Я не чувствую себя готовой к такому повороту. Выползти наконец из убежища и атаковать… нет, это слишком опасно. Но Тара не сдается, и, может, когда-нибудь ей удастся уговорить меня. Иногда мне кажется, что я для нее… всего лишь очередной «проект». Она использует меня в своих целях. Но до сих пор это приносило мне только пользу.

«Неплохо сказано, – подумал Джон. – “Проект” – да, это вполне может быть правдой. Тара Кейн ведет кампанию против Логана Стэнфорда, причем не своими руками, а через подставное лицо, хотя у

нее как у прокурора есть для этого все возможности. Но она предпочитает действовать через Лайзу и уже вложила в нее немалую сумму. В случае успеха Тара без проблем вернет все обратно, ведь Лайза будет очень богатой после развода».

Но деньги – не главный стимул для Тары. Джон сам не мог объяснить, почему он так в этом уверен. Речь шла о чем-то большем. Гораздо более важном и значительном.

– Вы рассказывали Таре о Карле Робертс и Энн Уэстли? – спросил он.

– Я рассказала ей о них обеих, да. Тара спросила, знает ли кто-нибудь из моего окружения о проблемах с Логаном, и я ответила, что да, я доверилась двум знакомым женщинам, в надежде, что они смогут как-то повлиять на ситуацию. Но это, похоже, не сработало.

Во всем этом определенно что-то было. Общая картина едва наметилась, но мысли Джона пришли в движение, как будто решающий момент осознания приближался. Как долго они – сам Джон и полицейские – искали этого человека, который знал всех троих, Карлу, Энн и Томаса, оказавшегося на месте Джиллиан? И саму Джиллиан, которая должна была быть на месте Тома? Впервые с начала расследования такой человек появился, потому что ничто не свидетельствовало о том, что Самсон Сигал был знаком с Энн и Карлой.

Тара Кейн – одержимая идеей помочь женщине, которая не могла справиться с ситуацией собственными силами и отчаялась найти поддержку на стороне. Конечно, далеко не все пока ясно. Но Джон чувствовал, что встал на верный путь и что разгадка как-то связана с Тарой Кейн. Той самой Тарой, у которой живет Джиллиан!

Он вытащил мобильный:

– Извините, мне нужно срочно позвонить.

Набрал номер Джиллиан, но ему снова никто не ответил. Спустя некоторое время на дисплее всплыл почтовый ящик, и Джон оставил голосовое сообщение: «Джиллиан, это я, Джон. Пожалуйста, позвони мне. Это важно. Свяжись со мной при первой возможности!»

– Что случилось? – спросила Лайза, которой передалось его волнение.

Джон махнул рукой.

– Сейчас не время объяснять, но у нас могут возникнуть очень серьезные проблемы.

Он понимал, что настал момент обратиться к детективу-инспектору Филдеру. Джон больше не мог ни скрывать информацию, оказавшуюся в его распоряжении, ни действовать без помощи полиции. У него не было возможности защитить Лайзу Стэнфорд. У бывшей коллеги Кейт Линвилл, по-видимому, тоже.

Может, наконец он выйдет из игры. Но прежде чем заявиться в полицию, Джон должен съездить к Таре Кейн. Джиллиан наверняка до сих пор у нее в квартире. Видит на дисплее его номер и не отвечает, потому что боится лишний раз разозлить Тару.

И все же эта версия самому Джону представлялась малоправдоподобной. Когда они виделись в последний раз, Джиллиан говорила, что уезжает из Лондона. Сейчас вечер пятницы. Наверняка она в пути уже несколько часов. Где Тара?

И тут Джону пришла идея.

– Можете дозвониться до Тары Кейн? – спросил он Лайзу.

Стационарного телефона в квартире не было, только мобильник Лайзы. Она набрала номер Тары и передала телефон Джону.

– Номер ее мобильного, – пояснила Лайза. – Другого у меня нет.

Никто не отвечал, что было ожидаемо. На этот раз не всплыл даже почтовый ящик на дисплее. Джон выругался себе под нос.

– Пожалуйста, оставайтесь здесь, Лайза, – попросил он, направляясь к входной двери. – Не убегайте из квартиры в поисках нового убежища, или что вы там еще задумали. Вы можете мне понадобиться.

Джон надеялся, что она не возьмет с него слова не обращаться в полицию, но Лайзе эта мысль как будто не приходила в голову.

– Что же мне делать? – покорно спросила она. – Без Тары я все равно не смогу ничего изменить.

– Я буду на связи, – пообещал Джон и вышел на лестничную клетку.

Сбегая по ступенькам, он слышал, как Лайза закрыла дверь и дважды щелкнула замком.

11

В машине было жарко – похоже, Тара включила отопление на полную мощность. Толстое одеяло, под которым лежала Джиллиан, довершило дело. Ей казалось, что пот ручьями струится по телу. Шерсть царапала лицо.

Джиллиан охватил панический страх смерти от удушья. На борьбу с ним уходили все психические силы. Запертая словно в ящике, накрытая тяжелым одеялом и с заклеенным скотчем ртом, Джиллиан ни в коем случае не должна была допустить тошноты. Тогда она точно задохнется.

Джиллиан умоляла Тару воздержаться хотя бы от скотча:

– Прошу тебя, Тара, не делай этого… пожалуйста… мне страшно!

Она клялась, что не издаст ни звука, но Тара оставалась неколебима, как скала:

– Сейчас ты пообещаешь что угодно… Забудь об этом, Джиллиан. Я не хочу лишний раз рисковать, тем более из-за тебя.

В гараже Тара несколько раз обмотала голову Джиллиан скотчем, который накрепко приклеился к волосам. Джиллиан могла представить себе, как больно будет его отдирать. Хотя в тот момент не это было ее главной заботой, а воздух. Страх удушья. Страх, что ее вырвет. Но уже по одной этой причине Джиллиан не могла позволить себе паниковать. Она была склонна к приступам тошноты в состоянии нервного возбуждения.

Тара заставила ее завести за спину руки и скрепила запястья все тем же скотчем.

– Где ключи от твоей машины? – спросила она.

Джиллиан замычала и мотнула головой в сторону машины Тары. Бывшая подруга все поняла. Принесла в гараж сумочку Джиллиан и отыскала ключи. Сумочку вернула на место. Джиллиан вспомнила о своем телефоне, который остался в машине Тары, и пропущенных звонках. Теперь у нее не будет возможности на них ответить.

Тара отперла машину, приказала Джиллиан сесть на пассажирское место и заблокировала дверцы. Джиллиан отчаянно пыталась снять ленту с запястий, но не смогла даже ослабить ее. Попытка отпереть дверь связанными руками также потерпела неудачу. Оставалось ждать.

В зеркале заднего вида Джиллиан наблюдала, как Тара села в свою машину, развернулась и задним ходом подъехала к открытому гаражу. Джиллиан поняла, что Тара хочет куда-то ее переместить.

Возможно, она рассчитывала сделать это в гараже, за закрытыми воротами, но там мало места из-за огромного «БМВ» Тома.

Тара вышла, откинула крышку багажника своей машины и вытащила Джиллиан.

– Полезай в багажник, – велела она. – И без фокусов!

Беззащитная, с прижатым к голове дулом пистолета, Джиллиан полезла в багажник «Ягуара», где разместилась в позе эмбриона, с коленями у подбородка.

Она с трудом сдерживала слезы, когда Тара стягивала ей лентой лодыжки. Джиллиан вдруг почувствовала в себе готовность сопротивляться. Тара отложила пистолет и склонилась над крышкой багажника. Точный удар в живот на какое-то время вывел бы ее из строя, но что потом? Сможет ли Джиллиан выбежать на улицу, прежде чем Тара успеет схватить пистолет, на что ей понадобятся считаные секунды? Джиллиан не сомневалась в серьезности намерений бывшей подруги. Выстрел в голову – как это было с Томом…

Слишком рискованно. Когда же ноги оказались связаны, мысль о сопротивлении пришлось оставить. Джиллиан упустила все шансы. Удалось бы избежать всего этого, если б Самсону Сигалу не пришла в голову неудачная идея с автоответчиком? Интересно, что внушило ему подозрения в отношении Тары? Вне сомнения, Самсон прав, но как он узнал об этом? И кого имел в виду, когда говорил «мы»?

Тара вытащила из багажника машины Джиллиан теплое одеяло и набросила на связанную «подругу».

– Это чтобы ты не замерзла, – объяснила она. – Кто знает, сколько нам придется быть в пути…

Глаза Джиллиан заслезились, и не только из-за шерсти. Нахлынули воспоминания о счастливых временах. Это одеяло лежало в машине, которая была у Тома в студенческие годы. Ржавая развалина, она заводилась не иначе как после долгих уговоров, а из заднего сиденья так и лезла набивка. Поэтому Том и расстелил там одеяло. Тогда они только встретились, были влюблены и ходили по облакам. А однажды в мае поехали к морю купаться. Джиллиан долго вспоминала ледяную воду и свежий весенний ветерок. Она довольно долго плескалась, так что посинели губы. И тут опять пригодилось одеяло. Том укутал им Джиллиан и обнял за плечи, как будто хотел поделиться с ней теплом своего тела. Так они просидели целую вечность на

берегу, в уединенной бухте, где маленькие крабы зарывались в песок, бродили длинноногие морские птицы и скользкие зеленые водоросли блестящими полосками лежали на плоских камнях. Небо отражалось в лужицах, оставленных последним приливом. Уже тогда Джиллиан поняла, что никогда не забудет этот день. А старое одеяло спустя много лет положила в багажник своей машины – в шикарной «БМВ» Тома ему явно было не место.

Когда крышка багажника захлопнулась, Тара чуть отъехала вперед и закрыла ворота гаража, Джиллиан подумала, что если ей все-таки удастся выжить, ничто уже не будет прежним. Она никогда не избавится от этих переживаний, как не смогла забыть того майского дня с холодным морским купанием. Одни образы будут накладываться на другие. Убитый Том со странно вывернутыми ногами на полу возле стула. Ночь ужасов и подоспевший на помощь Люк Палм. Голос Самсона Сигала в автоответчике. Мертвые глаза Тары. Отныне все это станет частью ее жизни. Теперь Джиллиан все отдала бы, чтобы вернуться к нормальной повседневности – той самой, которой когда-то была так недовольна. Ничего другого она больше не желала.

Когда машина тронулась с места, Джиллиан взвесила свои шансы и пришла к неутешительным выводам. Когда ее хватятся? Родители и Бекки будут звонить, но заподозрят неладное не раньше, чем после второй-третьей попытки. Да и найдут ли ее вообще?

Люк Палм тоже будет искать контакта, особенно если объявятся покупатели на дом или возникнут вопросы. Той ночью Джиллиан переехала жить к подруге – вот и все, что ему известно. Возможно, он вспомнит дом, возле которого высадил Джиллиан, и это поможет установить адрес Тары и ее личность. Обратится ли Люк Палм в полицию, если молчание Джиллиан покажется ему странным?

Кто еще?

Джиллиан сказала Джону, что уезжает в отель подальше от Лондона. Если он передаст это полицейским, возможно, ее не будут искать вообще, чтобы не нарушить уединения, к которому она якобы так стремилась. Чего еще ожидать от психически травмированной женщины, чей муж убит? Но машина осталась в гараже. Это должно насторожить, если они вообще туда заглянут. Джиллиан ведь могла уехать и на поезде. Что логично, особенно с учетом погоды.

Последний проблеск надежды – Самсон Сигал. Это из-за него Джиллиан оказалась в таком положении. Так или иначе, этот странный человек угадал, что опасность исходит от Тары. Угадал? Что он намерен делать с этой своей догадкой?

И что задумала Тара? Ничто не мешало ей застрелить Джиллиан уже в доме. Можно ли считать хорошим знаком, что она этого не сделала? Совсем не обязательно. Тара далеко не глупа. Она слышала предупреждение в автоответчике и знает, что к ее дому Джиллиан подвозил Люк Палм. Соседи тоже могли запомнить момент прибытия Джиллиан. Если б ее тело обнаружили в доме, Тару подвергли бы, по крайней мере, тщательному допросу. Все это могло сильно осложнить ей жизнь.

Нет, Тара честно раскрыла свои планы. Она хотела перебраться в безопасное место, а потом принять решение, что делать дальше. Ситуация уже вышла из-под ее контроля. Сначала Тара проговорилась насчет Люка Палма, а потом в автоответчике объявился Самсон Сигал. Кроме того, она фактически призналась во всем бывшей подруге. А значит, не видела для Джиллиан возможности передать кому-либо эту информацию.

«Она не отпустит меня, – думала Джиллиан. – Просто попытается обставить все так, чтобы мое исчезновение не навлекло на нее подозрений. Ни о чем другом Тара сейчас не думает».

Дышать от этих мыслей стало еще труднее. Одеяло давило, как свинцовая плита. Скотч не только запечатывал рот, но и испускал удушающий запах клея. Машина тронулась с места, остановилась и завелась опять. Ранний вечер пятницы, пробки. Они будут продвигаться рывками, по крайней мере в черте города. Больше всего пугала тошнота. Жара, резкий запах и тряска заставляли желудок болезненно сжиматься. Джиллиан повезло, что она ничего не ела весь день. Тем не менее чувствовались позывы к рвоте.

Откуда-то из другого мира послышался приглушенный голос радиодиктора. Прогноз погоды. В ближайшие дни ожидается похолодание. Вряд ли стоит опасаться нового снегопада, но городские службы еще не разобрались с последствиями старого, поэтому автолюбителям лучше воздержаться от поездок.

Потом зазвучала музыка. Джиллиан показалось даже, что Тара когда-то напевала эту мелодию. «Нам всегда дается второй шанс –

подумала она. – Надо только им воспользоваться». И тут же отмахнулась от случайно возникшей в голове мысли: «Глупая поговорка. Кем он гарантирован, этот второй шанс? И первый-то предоставляется далеко не всегда…»

12

Он ожидал, что никого не застанет в квартире Тары Кейн. Тем не менее несколько раз нажал кнопку домофона, отступил на пару шагов и посмотрел вверх, на балкон, за которым темнели окна гостиной. Меньшее окно рядом с балконом, очевидно, тоже относилось к ее квартире. Но и там не было света.

Самое время было подключить полицию. Джон вернулся к машине. Вспомнил вечер в начале января, когда привез сюда Джиллиан. Она забрала кое-какие вещи из дома, впервые побывав там после убийства мужа. Джон помог отнести сумки к входной двери, но Джиллиан не пожелала, чтобы он входил в квартиру. Там была Бекки – обезумевшая и совершенно сбитая с толку. И она все понимала. Не хотела видеть рядом с матерью другого мужчину, даже под видом услужливого приятеля. Это беспокоило Джиллиан, а Джон уважал ее чувства.

Но теперь, глядя на темные окна квартиры, он думал, что дело, пожалуй, было не в Бекки. Возможно, Джиллиан уже тогда догадывалась насчет Тары, которая строила козни против Джона.

Или нет. Джон вспомнил, что именно в тот вечер Джиллиан рассказала Таре о том, почему он ушел из полиции. После этого женщины поссорились. Тара якобы никак не могла понять, почему ее лучшая подруга связалась с мужчиной, чью биографию изуродовало клеймо подозрения в изнасиловании. Которое не исчезло, несмотря на все заключения следователей и судмедэкспертов.

Должно быть, Тара хватила через край, потому что сразу после этого Джиллиан отправила Бекки к бабушке с дедушкой в Норвич и вернулась в свой дом – вопреки предупреждениям всех, кто желал ей добра.

Почему Джон не мог избавиться от ощущения, будто что-то проглядел именно в этом месте?

Я рассказала Таре, что ты работал в полиции. И как получилось, что ты больше не там.

Он ясно слышал голос Джиллиан. Тогда еще Джон удивился, что заставило ее вернуться в дом, и Джиллиан попыталась объяснить. Ей было неловко, что это связано с давнишней глупой историей, потому что тем самым она снова напоминала Джону, что он все еще не отмылся от этой грязи. И, вероятно, не отмоется никогда.

Тара выглядела ошеломленной. Джон выпрямился на сиденье. Именно в этом месте что-то не стыковалось. Как там говорила Кейт? Тара запросила досье Джона Бёртона еще в декабре и вернула накануне Рождества. Это значит, что в тот четверг в начале января, когда Джиллиан рассказала Таре историю Джона, та уже все знала. Более того, была проинформирована до мельчайших подробностей, о которых сама Джиллиан не имела ни малейшего понятия. То есть «ошеломление» – не более чем спектакль, который Тара разыграла специально для Джиллиан.

Но зачем? Возможно, она хотела скрыть свой интерес к Джону… Упоминание имени Бёртона – в разговоре с коллегой или подслушанное где-нибудь в коридоре – пробудило в ней смутные воспоминания. Тара навела справки и до поры решила держать информацию при себе. Но Джиллиан считала ее лучшей подругой. Разве не было бы естественным для Тары рассказать все Джиллиан, тем более что тому имелись весомые причины? Похоже, материалы дела не убедили Тару в невиновности Джона, и она по-прежнему видела в нем опасность. Но зачем было разыгрывать удивление?

Джон понимал, что на основании всего этого обвинить Тару в чем-либо невозможно. Она придумает тысячу убедительных объяснений, и ее причастность к истории Лайзы Стэнфорд также ничего не доказывает. Но обе они – и Тара, и Джиллиан – бесследно исчезли. И это больше всего пугало Джона.

Он включил мотор и развернул машину посредине дороги, не обращая внимания на озлобленные сигналы другого автомобилиста.

Джон спешил в Скотланд-Ярд.

Суббота, 16 января

1

Констебль Рик Мейерс имел все основания рассчитывать на спокойное субботнее утро в отделении полиции. В кабинете накопилось много бумажной работы, так что дежурство на выходных пришлось как нельзя кстати. Город за окнами мирно дремал под снегом. Возможно, погода и подсказала констеблю, что в ближайшие дни ничего не произойдет. Так или иначе, Рик вздрогнул от ужаса, увидев перед собой своего начальника, который сунул ему под нос листок бумаги.

– Нужно перепроверить кое-какие данные. Запрос из лондонского отделения Скотланд-Ярда. Миссис Люси Кейн-Рослин. Живет на Реддиш-лейн.

– Реддиш-лейн? В Гортоне?

– Да. По-видимому, вам придется туда съездить.

– Но в чем дело?

Мейерс только занялся отчетами, которые давно пора было написать, и страшно не хотел отрываться от работы.

– У миссис Кейн-Рослин может проживать ее дочь; это и есть то, что вам предстоит выяснить. У Скотланд-Ярда вопросы к этой особе.

– К дочери? – в отчаянии переспросил Мейерс.

– Да. Она исчезла, между тем как есть необходимость ее допросить. Это адрес ее матери. Имя дочери… – шеф заглянул в бумагу, – Тара Кейн. Прокурор из Лондона.

– Прокурор, правда? И выросла в таком районе?

– Похоже на то.

– Но почему бы нам для начала не позвонить этой… Люси Кейн-Рослин? – поинтересовался Мейерс, тяжело поднимаясь из-за стола.

Он подозревал, что мысль о звонке уже приходила в голову коллегам, но по какой-то причине этот вариант пришлось отвергнуть, или же он не сработал. А значит, ничто не спасет его от поездки в один из самых неприятных районов Манчестера.

– Ей звонили неоднократно. Никто не берет трубку. Надо торопиться, нельзя игнорировать поручения Скотланд-Ярда.

По крайней мере, на улицах не было пробок. Да и городские службы хорошо поработали в последние дни. Так что ничто особенно не задерживало Рика Мейера в пути. И все-таки это задание – последнее, что ему было нужно. И не только потому, что оно нарушило его планы. Ни один полицейский не пришел бы в восторг от перспективы поездки в Гортон на юге Манчестера, пусть даже в гости к безобидной старушке. В этой части города не было безопасных поручений. Там были кварталы получше и похуже. Худшие состояли из трущоб, населенных наркоманами, которые ни секунды не колебались, когда подворачивалась возможность раздобыть денег на очередную инъекцию. Самый низ социальной лестницы, ниже пасть некуда. И полицейские, конечно, считались самыми нежеланными гостями. А Мейер далеко не герой. Он и сам не понимал, как его угораздило выбрать стезю полицейского. В то утро он в очередной раз задал себе этот вопрос – и, как всегда, не смог придумать удовлетворительный ответ.

Между тем пейзажи за окнами машины менялись. Гортон предупреждал, заявлял о себе. Тут невозможно было появиться внезапно. Многоэтажки вдоль трассы ветшали. Скверы и зеленые лужайки мелькали всё реже, пока не исчезли вовсе. Потом потянулась промзона, выглядевшая не менее заброшенной под толстым снежным покрывалом. Магазин текстиля, куда, похоже, сегодня не заглядывали покупатели. Свалка металлолома рядом с ветшающими таунхаусами. Лишь кучи мусора – отчасти собранного в пластиковые пакеты, отчасти просто выброшенного из окон – указывали на то, что эти места обитаемы. Далее пошли многоэтажки. Испещренные надписями и рисунками стены. Выбитые окна. В одном подъезде отсутствовала входная дверь. Чем дальше – тем больше грязи и мусора, в котором – это Мейер знал как никто другой – полно шприцов. Он видел играющего на улице маленького ребенка – одного, несмотря на грязь, холод и множество других опасностей. Родители, наверное, еще спали, или обкурились, или и то, и другое сразу. Но лицо ребенка сияло. Он радовался снегу – как и все дети на свете.

Мейеру стало совсем тоскливо. Уму непостижимо, как девушка из этого района умудрилась стать прокурором. Видимо, и в самом деле

незаурядная личность…

Реддиш-лейн оказалась довольно длинной, и Мейер с облегчением увидел, что нужный ему дом располагается не в худшей его части. Здесь нижние этажи некоторых домов занимали магазины, кафе и даже парикмахерские. Некоторые безвозвратно закрылись, о чем свидетельствовали стальные жалюзи или заколоченные досками окна. Но бóльшая часть все еще держалась. В целом квартал выглядел далеко не процветающим, но и не вполне заброшенным. «Могло быть и хуже», – подумал Мейер.

Миссис Кейн-Рослин проживала в отдельном домике из красного кирпича. Имелся даже крохотный двор, в дальнем конце которого просматривался ветхий сарай. Издали дом производил впечатление вполне добротного, и лишь при ближайшем рассмотрении обнаруживалось, что им давно не занимались. Оконные рамы нуждались в покраске, дворовые ворота – в починке, часть черепицы на крыше подлежала замене. На первом этаже угадывалась витрина, закрытая синей шторой. Согласно вывеске, здесь располагалась мастерская по ремонту велосипедов. Впрочем, буквы, подвергшиеся разрушительному действию дождя, солнца и ветра, прочитывались с трудом. Да и никакой мастерской, похоже, давно не было. Вопрос, был ли здесь вообще кто-нибудь.

Мейер припарковался у тротуара, вышел из машины и с сомнением посмотрел на окна второго этажа. Свет нигде не горел, но солнце уже стояло достаточно высоко. Во всяком случае, на окнах были занавески. Мейеру даже померещились комнатные цветы на подоконниках. Окутывающая дом и двор аура безжизненности могла быть связана с закрытой велосипедной мастерской на первом этаже.

Констебль брел по снегу, который явно давно никто не расчищал. Похоже, старая Кейн-Рослин здесь больше не живет. Дочь могла разместить ее в каком-нибудь доме престарелых в Лондоне. Странно, что старушка до сих пор здесь зарегистрирована, но такие казусы случаются.

Кроме того, дочь исчезла и разыскивается Скотланд-Ярдом. Странная все-таки история. Мейер обнаружил дверь, ведущую в нижнюю часть дома, но она была крест-накрест заколочена досками. Довольно крутая лестница рядом поднималась к другой двери, на которой досок не было.

Снег на лестнице оказался настолько глубоким, что несколько ступенек дались Рику Мейеру с огромным трудом. Вдобавок не было перил и ничего такого, за что можно было бы держаться. Испытание явно не для слабых старушечьих ног. А ведь Люси Кейн-Рослин наверняка приходилось время от времени выходить хотя бы в магазин за продуктами. Впрочем, ничто не указывало на то, что она до сих пор это делает. Впечатление, что здесь давно никто не живет, укрепилось еще больше.

Наконец Рик Мейерс добрался до двери и постучал. Дверь была деревянная, выкрашенная черной краской, облупившейся по краям.

– Миссис Кейн-Рослин? Откройте, пожалуйста, – он прислушался. – Это констебль Мейер. У меня к вам один вопрос.

Ответом ему была тишина. Констебль Мейерс постучал сильнее.

– Прошу вас, миссис Кейн-Рослин. Это полиция, всего один вопрос, это не займет много времени.

Никаких признаков жизни. Мейерс подергал дверную ручку, и, к его удивлению, дверь открылась вовнутрь. Она вообще не была заперта.

В нос ударил тошнотворный запах.

– Боже милосердный…

Мейерс судорожно обшаривал карманы на предмет носового платка, но ничего такого не находилось. Тогда он направился к кухонному окну, раздвигая мебель, распахнул его без особого труда и высунулся наружу. Чистый зимний воздух… сейчас Мейерсу казалось, что он не дышал им целую вечность. Как будто за какие-то пару минут успел стать частью обволакивающего комнаты смрада.

Между тем пальцы нащупали завязанный узелком платок в кармане мундира. Мейерс ненавидел то, что ему сейчас приходилось делать, но он был полицейским. И должен был разобраться в том, что произошло в этой квартире.

Мейерс глубоко вздохнул, прижал платок ко рту и носу, отвернулся от окна и огляделся. Кухня как кухня. Все как будто в порядке, если не считать тонкого слоя пыли на буфете. На столе в тарелках гниют остатки какой-то пищи. Они покрыты голубовато-белой плесенью и, безусловно, тоже внесли лепту в этот жуткий запах, но никак не могут быть его главным источником. Рядом два наполовину полных бокала и бутылка вина. Совсем не дешевого, судя

по этикетке. Что бы там ни случилось с Люси Кейн-Рослин – а ничего хорошего от увиденного до сих пор ждать не приходилось, – это застало ее во время еды. Обеда или ужина, который она, похоже, с кем-то делила.

Мейерс заметил на буфете коричневый бумажный пакет с иероглифами. Китайская кухня на вынос. Кто-то навестил миссис Кейн-Рослин и даже принес угощение. Но что произошло потом?

Мейерс вышел из кухни. Он знал, что самое страшное впереди.

Люси Кейн Рослин обнаружилась в детской комнате. Во всяком случае, так это выглядело – раскладной диван, покрытый ярким лоскутным одеялом, шторы с цветочным рисунком на окнах. Детский платяной шкаф, одна дверца которого открыта, и в нем – два пуловера на вешалках. На стене – Кэт Стивенс[4], лицо на втором постере не показалось Мейеру знакомым. На кресле – ворох журналов и исписанной бумаги. На деревянных полках, поддерживаемых пластиковыми подпорками, книги для детей и подростков, насколько можно судить по ярким обложкам. Подбор книг, а также фотография Кэта Стивенса позволяли сделать вывод, что комната принадлежит скорее мальчику подросткового возраста. Но этот вывод констебль сделал позже, когда оправился от первого шока и смог осмыслить увиденное.

Люси Кейн-Рослин лежала на спине посредине комнаты и походила больше на вздувшийся мешок из коричневатой кожи – и это притом что сухой холодный воздух плохо отапливаемого помещения скорее способствовал сохранности останков. Лицо действительно относительно неплохо сохранилось, только глаза – точнее, то, что от них осталось – не удавалось разглядеть с такого расстояния. Подойти ближе Мейерс решился не сразу. Ему и без того с трудом удавалось сохранять самообладание.

Он вполне мог бы посчитать эту смерть естественной, при всей ее кошмарности – с пожилой женщиной случился приступ, после того как гость ушел, и она даже не успела убраться в квартире, – но этой версии противоречила одна странная деталь. Изо рта покойной что-то торчало – как будто что-то большое, но у констебля не возникло никаких идей по поводу того, что это могло быть. Взяв волю в кулак, Мейерс приблизился и склонился над зловонным трупом. Полотенце, похоже. Большой кусок клетчатой ткани, больше всего напоминающий

кухонное полотенце. Кто-то затолкал его ей в горло. И заклеил нос несколькими полосками упаковочного скотча.

Констебль поднялся и подошел к окну, которое открылось так же легко, как и окно на кухне. И снова высунулся, вдохнул полной грудью свежий воздух.

– Боже милосердный, – повторил он, вытирая влажный от пота лоб носовым платком.

Похоже, пожилая дама пролежала здесь несколько недель и ее никто не хватился. Прискорбное обстоятельство, но, к сожалению, не такое уж редкое. Сейчас многие люди, тем более пожилые, оказываются никому не нужными в момент смерти, и их отсутствия никто не замечает. И все же в случае Люси Кейн-Рослин это выглядело особенно удивительным, поскольку у той в Лондоне была дочь, которая могла до сих пор не знать, что матери нет в живых. Мейерс отвернулся от окна и оглядел комнату. Здесь было, как и на кухне, чисто и уютно – и в то же время не похоже на то, что в семье водились деньги. Мебель самая простая, занавески и одеяла и вовсе, насколько он мог судить, сшиты вручную. Квартира, где вырос прокурор?.. Сегодня жизнь Тары Кейн наверняка выглядела иначе.

Но ведь Люси Кейн-Рослин умерла не от сердечного приступа. Кто-то засунул кухонное полотенце ей в глотку. Возможно, она подавилась им. Убийство? С какой целью, интересно? Констебль с трудом мог предположить наличие в квартире ценностей, ради которых идут на такое. Тогда в чем смысл?

Тут он вспомнил свое задание. Дочь. Его прислали навести справки о дочери. Констебль давно понял, что находится один в этой квартире, тем не менее прошелся по всем комнатам. Их оказалось больше, чем можно было предположить снаружи. Гостиная, столовая, спальня и ванная – все сверкало чистотой. В гостиной на столе чайник и чашка с коричневыми разводами внутри, как будто чай испарился, потому что его не успели выпить. В кресле – недовязанная салфетка, в ней еще торчит крючок. В горшках на окнах – засохшие африканские фиалки. Возможно, у Люси Кейн-Рослин и не хватало сил на двор и фасад дома, но внутри все содержалось в идеальном порядке.

Как бы там ни было, разыскиваемого прокурора в родительском доме не обнаружилось.

Мейерс достал телефон, чтобы вызвать подкрепление. Люси Кейн-Рослин умерла незаметно для всех, зато теперь ее смерть будет расследована самым тщательным образом. И это последнее, что можно сделать для пожилой женщины.

2

Она уснула, что казалось невозможным. Усталость взяла верх над ужасом, тошнотой и полной растерянностью. Она не знала, как долго спала, и пробудилась от толчка машины, за которым последовал звук пробуксовки колес и визг мотора.

«Она застряла, – подумала Джиллиан. – *Она* – лучшая подруга. Самый близкий человек, друг, превратившийся в инопланетного монстра».

Джиллиан слышала, как Тара вышла и хлопнула дверцей. Затем рывком открылась дверь багажника, и в салон хлынул морозный воздух. «Ящик», в котором лежала Джиллиан, открылся. Яркий свет с непривычки резал глаза, и Джиллиан сомкнула веки.

– Так… Все, – сказала Тара. – Снег слишком глубокий. Выходи! – Сверкнуло лезвие ножа, и ноги Джиллиан освободились от скотча. – Выходи! – повторила Тара.

Джиллиан попыталась подняться и застонала от боли. Она слишком долго лежала, скорчившись, на твердом полу багажника, плюс страшная тряска на плохой дороге. Теперь Джиллиан чувствовала каждую косточку и даже не представляла себе, как сможет двигаться. Когда же наконец получилось открыть глаза и, моргая, оглядеться, Тара предстала в виде гигантской тени возле багажника. Над ней нависало низкое свинцовое небо. Позади открывался заснеженный простор. И ничего, хотя бы отдаленно напоминающего человеческое жилье.

Мы одни, и никого вокруг на десятки километров…

– Давай, – подбадривала Тара.

Но Джиллиан все еще не могла двигаться. Тогда Тара наклонилась, схватила ее за обе руки и вытащила из машины, продемонстрировав при этом неженскую силу. Но Джиллиан не могла устоять на ногах и ничком рухнула в снег. Он был мягкий и холодный, ледяные кристаллы больно кололи лицо. Джиллиан застонала, подняла

голову и рывком встала на ноги, из последних сил сохраняя равновесие со связанными руками.

Тара ее поддержала.

– Это пройдет, – утешала она. – Дай мышцам расслабиться. Нам предстоит неблизкий марш-бросок.

Джиллиан поборола приступ сильного головокружения и вдруг почувствовала жажду. Она не пила с полудня вчерашнего дня, между тем скотч на губах и жара в машине полностью высушили организм. В отчаянии Джиллиан попыталась донести это до Тары, потому что знала, что не уйдет далеко, пока не напьется.

Тара как будто задумалась на мгновение, а потом рывком сорвала с губ Джиллиан скотч. Он был несколько раз обернут вокруг головы и так прилип к волосам, что снять его совсем не получилось. Зато теперь Джиллиан могла говорить. Кусок скотча, закрывавший рот, висел у подбородка.

– Вода… – прохрипела Джиллиан.

Тара открыла дверцу машины и достала бутылку минералки с заднего сиденья. Руки Джиллиан оставались связаны, поэтому Таре пришлось самой отвинтить крышку и приложить бутылку к губам бывшей подруги. Джиллиан припала к горлышку.

– Пожалуйста, – взмолилась она, – пожалуйста, Тара, не заклеивай мне больше рот…

– Глупо не иметь возможности дышать, когда вокруг полно воздуха, не так ли? – Это прозвучало почти сочувственно. – Так и быть, пусть скотч так и висит на подбородке. Все равно никто не услышит, как ты кричишь. Тем не менее не советую тебе делать это. Только попробуй выкинуть что-нибудь – заклею намертво, и не только рот, но и нос, понятно?

– Да, – прошептала Джиллиан и огляделась.

Вокруг, сколько хватало взгляда, расстилалась заснеженная равнина. Но дорога, по которой они шли, была как будто расчищена от сугробов и покрыта ровным слоем утоптанного снега. Домов все еще не было видно. Тара права: можно кричать сколько угодно, никто не услышит. И бежать – далеко ли она уйдет со связанными руками… Тара догонит ее в два прыжка. Так что никаких шансов.

– Где мы? – спросила Джиллиан.

Тара открыла большую сумку и положила в нее завернутый в термоусадочную пленку хлеб и две пластиковые бутылки с водой. Потом подняла пистолет.

– Пик-Дистрикт, – ответила она. – Мы в самом центре Белого Безмолвия, можно сказать и так.

Пик-Дистрикт – большой национальный парк на севере Англии. Он охватывает несколько графств, доходя на северо-западе почти до границы Манчестера. Кстати, Тара из Манчестера…

– Ты хорошо здесь ориентируешься? – робко поинтересовалась Джиллиан.

– Достаточно хорошо. Мы почти у цели. Идеальное место, там нас никто не найдет.

– Что за место?

– Больше никаких вопросов, – коротко сказала Тара. – Двигайся!

– Куда?

– Туда, – Тара показала пистолетом через поле. – Там тропа, даже если ты ее сейчас не видишь.

За полем открылся лес, который Джиллиан не сразу разглядела из-за снежного тумана. Это ее обнадежило. Если где и было спасение, то только в лесу. В открытом поле негде спрятаться. Но Джиллиан не питала иллюзий. Только при очень большом везении она могла уйти от Тары незамеченной, да и в этом случае непременным условием успеха было найти хоть какое-нибудь человеческое жилье. При таком холоде крайне маловероятно продержаться на открытом воздухе всю ночь.

Джиллиан ступала с большим трудом, местами по колени проваливаясь в снег. В очередной раз обнаружилось, как нелегко балансировать по сугробам со связанными руками. Позади тяжело дышала Тара, которая несла сумку с провизией и держала наготове пистолет, не смея отвлечься ни на секунду. Она, конечно, не особенно боялась Джиллиан, но и для Тары ситуация не была лишена риска.

Один раз Джиллиан все-таки остановилась. Ей казалось, они идут уже много часов.

– Может, сделаем перерыв? – спросила она, повернувшись к Таре.

Та покачала головой.

– Через полчаса мы должны быть в хижине. Теперь это не так далеко.

– Тара, не могла бы ты по крайней мере объяснить, почему…

– Нет, – ответила Тара. – Мне нужно следить за дыханием. Тебе тоже. Здесь все еще крутой подъем, и было бы глупо тратить силы на болтовню. Так что заткнись и иди дальше.

Джиллиан подчинилась. Она боролась с отчаянием, которое почти овладело ею. От холода заболели легкие. Снег слепил глаза. Казалось, еще шаг – и она ляжет на землю от усталости.

Но Джиллиан шла вперед.

3

– Вы должны кое-что мне объяснить, – холодно сказала Кристи Макмарроу.

В это субботнее утро они сидели в кабинете Кристи в Скотланд-Ярде. Детектив-инспектор Филдер отправился в Кройдон поговорить с Лайзой Стэнфорд, с которой связался по телефону накануне вечером. Двое его людей отправились к Логану Стэнфорду, остальные – кто в дом Уордов в Торп-Бэй, кто в квартиру Тары Кейн в Кенсингтоне. Констебль Кейт Линвилл, только что имевшая разговор с Джоном Бёртоном, занялась сбором информации о Таре Кейн и выяснила, что единственная родственница прокурора – ее мать, проживающая в Манчестере, которая могла бы пролить свет на местонахождение дочери. Самое удивительным было, что Кейт наводила справки о Таре еще до того, как та попала в поле зрения следовательской группы. Сама Кейт, смутившись, объяснила это тем, что заинтересовалась Тарой после того, как прочитала ее имя на обложке материалов дела Бёртона. При этом она явно радовалась возможности продемонстрировать следовательское чутье, которого от нее никто не ожидал.

После нескольких неудачных попыток связаться с миссис Кейн-Рослин по телефону, в отделение полиции в Манчестере поступил срочный запрос выяснить, что случилось с пожилой женщиной и где ее дочь. Механизм следствия наконец пришел в движение, и Джон почувствовал облегчение. Накануне вечером полицейские долго беседовали с ним и, конечно, обрадовались тому, что Джон отыскал Лайзу Стэнфорд. При этом к подозрениям насчет Тары Кейн отнеслись скептически. Филдер видел Лайзу поздно вечером и беседовал с ней, но вопросы, касавшиеся Тары Кейн и Джиллиан Уорд, было решено

отложить до завтрашнего утра. Джону ясно дали понять, что его версия только сбивает следствие с правильного пути. Утром полицейские все-таки приступили к поискам Тары, но была упущена целая ночь, которую Джон провел без сна. Он бродил по квартире, выкурил две пачки сигарет. А наутро заявился в Скотланд-Ярд и попросил полицейских поделиться планами на ближайшие часы.

Кристи Макмарроу нашла время для Джона, но вскоре стало ясно, что ее миссия – не столько раскрыть Бёртону планы полиции, сколько выяснить, откуда ему самому столько известно. Джон категорически отказался выдать свой источник и все время подчеркивал, что имя информатора не имеет никакого значения.

Они с Кристи много лет работали бок о бок, нравились друг другу, иногда вместе выпивали после работы. В свое время Кристи в числе первых при каждом удобном случае повторяла, что обвинения против Джона – полная чушь. Поэтому тот рассчитывал и на этот раз найти с ней общий язык. Но Кристи будто отгородилась невидимой стеной от бывшего коллеги и никак не желала вспомнить, что когда-то они были друзьями.

Джон решил попытать счастья еще раз:

– Послушай, Кристи, я…

– У меня до сих пор нет ответа на вопрос, как у вас получилось разыскать Лайзу Стэнфорд, – перебила его Кристи. – Вы могли сделать это только через Киру Джонс, дочь Карлы Робертс. Это единственное, что приходит мне в голову.

– Нет.

– Тогда как?

Джон чувствовал, что она теряет терпение.

– Насколько это сейчас важно, Кристи? По-моему, у нас есть более серьезные проблемы. Исчезла Джиллиан Уорд, и прокурор Кейн тоже. Последняя…

– …не имеет никакого отношения к убийствам, которые мы расследуем, – перебила его Кристи. – Ваши теории слишком надуманы, Джон. Они звучат странно, и это еще мягко сказано. Вы полагаете, что Джиллиан Уорд решила заняться самопознанием в захолустном отеле?

– Я ничего не говорил о самопознании. Мне кажется, она хочет от кого-то спрятаться.

– Теперь вы по крайней мере видите в ее исчезновении опасность. И в то же время всерьез полагаете, что прокурор Кейн и есть наш серийный убийца?

– Я просто обратил внимание, что она – единственная на сегодняшний день, кто знаком со всеми жертвами. И меня беспокоит, что она исчезла одновременно с Джиллиан Уорд. На последнюю уже указывали как на потенциальную жертву – так, по крайней мере, мне говорил инспектор Филдер.

– Да, но я думаю…

В этот момент зазвонил телефон на столе Кристи. Она подняла трубку, выслушала и вышла куда-то, извинившись перед Джоном.

Он подошел к окну, буквально вибрируя от нетерпения каждой мышцей. Полиция, вне сомнения, куда-то продвигалась, но уж очень медленно. При этом Филдер не нашел лучшего времени разобраться со своим бывшим недоброжелателем, как это на него похоже! И поручил это Кристи – одному из самых способных своих сотрудников. Как будто не мог придумать для нее более важного дела…

«Еще пять минут, – решил для себя Джон. – Пять минут – и я уйду. Сам займусь поисками Джиллиан».

Кристи вернулась в кабинет спустя ровно пять минут. Она выглядела очень напряженной. Джон сразу понял, что есть тревожные новости. Он шагнул к Кристи, но та проследовала мимо него и опустилась за стол. Теперь ей как будто было все равно, стоит Джон или сидит.

– Что заставило вас заподозрить Тару Кейн? – спросила она.

Джон в отчаянии покачал головой.

– Я пытался объяснить это вчера вечером. Она – подруга Джиллиан Уорд и, конечно, была знакома с Томасом Уордом. От Лайзы Стэнфорд она узнала о Карле Робертс и Энн Уэстли. То есть была знакома со всеми жертвами. Она запрашивала материалы расследования против меня, но позже в разговоре с Джиллиан сделала вид, будто впервые слышит о моем деле. Понимаю, что этого недостаточно, тем не менее что-то подсказывает мне…

– Машина Джиллиан Уорд стоит в гараже ее дома в Торп-Бэй, – перебила его Кристи. – Следы на подъездной дорожке указывают, что недавно там побывала другая машина, которая не принадлежит ни Джиллиан, ни ее мужу.

Джон побледнел.

– Это «Ягуар»?

Кристи кивнула. Как видно, полицейские уже поняли то, до чего Бёртон дошел несколько раньше их.

– Да. И, прежде чем вы успеете об этом спросить, – да, это может быть «Ягуар» прокурора Кейн. – Она сделала паузу. – Наши люди прослушивали автоответчик в доме миссис Уорд. Вчера был очень странный телефонный звонок…

– Полицейские проникли в дом?

Джон понимал, что едва ли возможно получить ордер за такое короткое время. Что-то должно было произойти, чтобы они решились нарушить обычный порядок.

– Что случилось?

– Приказ детектива-инспектора Филдера. – Кристи медлила, как будто в чем-то сомневалась. – Вчера с нами связалось манчестерское отделение полиции… Люси Кейн-Рослин, мать прокурора Тары Кейн, найдена мертвой в своем доме. Судя по всему, ее убили.

– Черт…

– Похоже, это дело рук убийцы Робертс, Уэстли и Уорда. Некоторые улики на месте преступления недвусмысленно указывают на это.

«Полотенце во рту жертвы?» – чуть было не спросил Джон, но в последний момент проглотил эту фразу, которой выдал бы себя. Тогда Кристи точно поняла бы, что у Джона есть осведомитель в отделении полиции. Не стоило подставлять констебля Линвилл в большей степени, нежели Джон уже это сделал.

– Так что там с сообщением на автоответчике Джиллиан? – спросил он.

– Ей звонил Самсон Сигал. – Кристи резко вскинула голову. – Человек, которого мы ищем.

– Правда? – Джон сделал невинное лицо.

– Да. Он обращался непосредственно к миссис Уорд и предупреждал ее остерегаться прокурора Кейн. Сигал видел в ней опасность для Джиллиан. И не он один. «Мы за вас беспокоимся», – сказал он. «Мы»! Кто-то, кого он не назвал, разделяет его опасения. И от их имени Сигал просил Джиллиан быть осторожней. Не догадываетесь, кто может разделять опасения Самсона Сигала?

– Нет.

Кристи пристально посмотрела на Джона. Он и раньше знал, что она очень умна и проницательна.

– Где Самсон Сигал, Джон?

– Откуда мне знать?

– Его ищет полиция. Тот, кто его скрывает, подлежит судебному преследованию.

– Я знаю. Сам проработал в полиции достаточно долго.

– Джон…

– Кристи!

Джон приблизился к ней, оперся о стол обеими руками и наклонился к ней. Теперь он видел морщины вокруг ее глаз, которые заметно углубились на последние несколько лет.

– Только не говори мне, что ты до сих пор подозреваешь Самсона Сигала. Этот человек довел себя до того, что месяцами слонялся вокруг дома Джиллиан Уорд. Но он точно не сделал ей ничего плохого. Безобидный чудак, не более того. Не тратьте на него драгоценное время. Или вы совсем ничего не понимаете? – Джон выпрямился. – Джиллиан исчезла. Тары Кейн тоже нигде нет. С ней Джиллиан жила в последнее время, так что, возможно, женщины уехали из Лондона вместе. В машине Тары? В Торп-Бэй? В конце концов, возле дома Уордов обнаружены следы шин, которые мог оставить «Ягуар» прокурора Кейн. Но куда подевались Джиллиан и Тара? Не направились ли они в сторону Манчестера, где Тара выросла? Там тоже что-то не так, потому что мать Тары мертва, и…

– Миссис Кейн-Рослин не была убита только что, – перебила Джона Кристи. – Отчета о вскрытии пока нет, но коллеги из Манчестера утверждают, что она умерла давно. Минимум восемь недель назад.

Джон с недоумением уставился на Кристи. *Что же случилось?*

– Мотив, – продолжала сержант Макмарроу, как будто обращаясь скорее к себе самой, чем к Джону. – Что за мотив мог быть у прокурора Кейн для всего этого? – Она потерла воспаленные, усталые глаза. – Я не вижу ни единой связующей нити.

– Так найдите ее! – прошептал Джон. – Жизнь Джиллиан в опасности, вот что меня беспокоит. Мне известно не больше, чем вам, но у нас еще будет время разобраться между собой. Если

предположить, что Кейн убила Томаса Уорда случайно и ее целью была Джиллиан, то теперь у нее есть возможность исполнить задуманное. Джиллиан в ее власти.

– Мы объявим в розыск машину прокурора Кейн, – ответила Кристи, – потому что женщины действительно могут быть в ней. И кстати, Джон, я ценю твое участие, но поверь, мы сами знаем, что нам делать. Твое сотрудничество больше не приветствуется.

Она холодно посмотрела на Джона, который почувствовал, как в нем закипает гнев. В последнее время он знал только отчаяние и усталость, ни для чего другого в душе места не оставалось. Но теперь оба они злились. Джон задавался вопросом, что возомнила о себе Кристи Макмарроу? Она демонстрировала Джону свое презрение, между тем как это он сообщил бывшим коллегам из Скотланд-Ярда то, что им давно следовало бы знать. Его информатором была Кейт Линвилл, сотрудница полиции, поэтому Джону не могло быть известно больше, чем им. Но, в отличие от бывших коллег, он сделал из этой информации правильные выводы. Поэтому и выследил Лайзу Стэнфорд, и выяснил, что Тара Кейн была знакома со всеми жертвами неизвестного серийного убийцы, то есть с большой вероятностью этим убийцей и является. Джон хорошо поработал, и Кристи не могла этого не признать.

И это он разрушил стену, которой она от него отгородилась, после того как вчера вечером побеседовал с ней с глазу на глаз.

– Почему, Кристи? – тихо спросил Джон. – Откуда такая враждебность? Что я тебе сделал?

Наконец-то он до нее добрался. Кристи больше не играла в отчужденность. Она поднялась, обошла стол и встала перед Джоном – маленькая пухлая озлобленная женщина. Второй раз за последние несколько минут Джон мог видеть морщины на ее щеках и лбу – от постоянного напряжения лицевых мышц.

– Что ты сделал мне, Джон? – переспросила она. – Ты разочаровал меня. Ты был одним из самых способных полицейских в лондонском отделении и имел все для блестящей карьеры. Я почитала за честь работать с тобой, видела в тебе образец для подражания. Думала, вместе мы составим команду с самым высоким показателем раскрываемости преступлений во всем Скотланд-Ярде. Я связывала с тобой свое профессиональное будущее. А ты… с практиканткой…

Какой позор! Поставить на карту карьеру из-за неспособности контролировать половые гормоны! Я долго не могла в это поверить, Джон. И до сих пор не могу.

– Я и сам понятия не имел, на что способна эта девушка.

– Но ты должен был понимать, что играешь с огнем. Ты был ее боссом, Джон. Она – табу для тебя. И если б твое знание человеческой природы не замутила игра гормонов, ты разглядел бы, что она – обыкновенная истеричка. Но ты видел только пышную грудь и смазливое личико… Ты идиот, Джон!

Она чуть ли не выплюнула последнее слово. Бёртон знал, что Кристи права, но это только подогревало его гнев.

– А может, – холодно произнес он, – причина твоей злобы в том, что это другая наслаждалась неконтролируемой игрой моих гормонов, а не ты?

По глазам Кристи Джон понял, что попал в точку. И не только по глазам – Кристи ответила ему звонкой пощечиной.

– Ты…

4

Они добрались до хижины, как только Джиллиан уже перестала верить в ее существование. На машине, которую Тара оставила возле поворота, добрались бы минут за десять. Пешком на это ушло около часа. Виной тому был снег, в котором Джиллиан увязала чуть ли не по пояс, так что каждый шаг давался с неимоверным трудом. Она выпила всю минеральную воду. Больше Тара воды давать не хотела, но Джиллиан казалось, что ее жажду утолить невозможно. Организм был обезвожен сухим воздухом и неимоверными физическими нагрузками. Джиллиан не раз теряла веру в свои силы.

– Когда ты в последний раз там была? – спрашивала она Тару.

Джиллиан боялась, что никакой хижины давно не существует и Тара просто заблудилась.

– Мне было семнадцать или восемнадцать, – ответила Тара и на мгновение задумалась: – Семнадцать, да… В восемнадцать я ушла из дома и не появлялась там много лет.

Семнадцать! Сейчас Таре было почти сорок.

– Ты уверена, что она до сих пор там?

– Что-то должно от нее остаться, – неуверенно предположила Тара. – Хижина не может просто раствориться в воздухе.

– И ты в самом деле думаешь, что найдешь ее?

– Эта тропинка всегда выводила прямо к ней.

– Но тропинки почти не видно. Возможно, мы давно ее потеряли…

– Не пытайся сбить меня с толку. Я точно знаю, где мы. Лучше молчи и береги дыхание.

В конце концов они достигли леса, что нисколько не улучшило ситуации. Путь им преграждали обломившиеся или согнувшиеся под тяжестью снега ветки. Но скоро лес опять сменился равниной – ни намека на человеческое жилье, насколько хватало глаз. И только вдали, скрытая деревьями, действительно стояла хижина.

– Вот она, – сказала Тара.

Бревенчатое строение, несколько более крепкое и устойчивое, нежели Джиллиан себе это представляла. Оно стояло на поросшей лесом возвышенности, крутой склон обрывался в долину. Джиллиан бывала в Пик-Дистрикт в детстве, с родителями, и навсегда запомнила живописные пейзажи, с бесконечной чередой холмов и долин, лесов и озер, невысокими каменными заборами и истрепанными всеми ветрами живыми изгородями, редкую растительность по берегам высохших рек, обветренные скалы и между ними – луга с высокой травой. Разбросанные по пологим склонам деревушки и узкие дороги, на которых невозможно было разъехаться двум машинам. И сумасшедшую игру облаков над всем этим.

Но сейчас Пик-Дистрикт выглядел иначе. Заснеженная равнина сливалась с небом у горизонта, тучи собрались в сплошную серую массу, и это вселяло надежду на то, что местность может оказаться не такой уж необитаемой, когда погода прояснится.

– Внизу есть ручей, – сказала Тара и посмотрела вдоль склона. – Замерз, наверное, а потом завалило снегом… В детстве я играла там часами. Строила плотины из ила, ходила босиком по дну или просто сидела в воде в жаркую погоду.

– Ты бывала здесь в детстве? – недоверчиво переспросила Джиллиан.

Когда Тара вспоминала о прошлом, она снова становилась прежней Тарой. Оживали – и даже блестели – глаза. Джиллиан

вспомнила ее мертвый, стеклянный взгляд вчера вечером, в Торп-Бэй, когда сообщение Самсона Сигала все испортило, и поняла, что многое зависит от того, допустит ли она, чтобы Тара вернулась в то странное состояние.

Тара огляделась.

– Да, – ответила она на вопрос Джиллиан. – Эту хижину построил мой отец. В одиночку.

– Наверное, был умелец на все руки…

– Он умел делать все, – подтвердила Тара и выудила из кармана ключ.

Но замок не поддавался.

– Здесь слишком долго никого не было, – объяснила Тара.

– Разве твои родители здесь больше не бывают?

– Отец умер, когда мне было восемь лет.

– Мне очень жаль…

Джиллиан внезапно поняла, что раньше они никогда не затрагивали эту тему. Странно, что это пришло ей в голову только сейчас. Пока Тара боролась с замком, Джиллиан из последних сил держалась на ногах. О побеге нечего было и думать.

Наконец замок поддался, и деревянная дверь распахнулась под громкий скрип петель.

– Только после тебя, – криво улыбнулась Тара.

Джиллиан переступила порог, и в лицо ей ударил холодный, спертый воздух. Она как будто вошла в склеп. Тара достала из сумки карманный фонарик и занялась ставнями на окнах, открыть которые оказалось так же трудно, как и дверь.

Когда глаза привыкли в темноте, Джиллиан разглядела два угловых дивана и деревянный стол между ними. Чугунную печку. Небольшой шкаф и дверь, которая, судя по всему, вела в другую комнату.

– На этих диванах спали мои родители, – объяснила Тара. – У меня тоже была своя маленькая комнатка.

Ставни на одном окне поддались, и в хлынувшем внутрь свете стало заметнее плачевное состояние жилища. Стены поросли мхом и плесенью, диваны как будто были готовы рассыпаться на глазах, набивка так и лезла наружу. Пол местами покрывало нечто скользкое,

в чем Джиллиан признала лишайник. С годами влага просочилась во все щели и не просыхала, так как печкой давно не пользовались.

Жить здесь было невозможно, но Тара, похоже, полагала иначе.

Когда распахнулись ставни на другом окне, стало еще грустнее.

– Может, попробуем затопить печь? – робко предложила Джиллиан.

Тара пожала плечами.

– Можно попробовать, если за хижиной еще остались дрова… Хотя они, конечно, сырые. Присаживайся, – она показала на диваны.

Джиллиан медлила.

– Сядь! – повторила Тара приказным тоном.

Джиллиан села. Диван прогнулся под ее тяжестью чуть ли не до пола. Джиллиан подозревала, что в пенопластовой набивке гнездится всевозможная живность – черви, личинки, если, конечно, они не перемерзли, на что оставалась последняя надежда…

Тара вышла за дровами, но скоро вернулась с пустыми руками.

– Там ничего нет, так что затопить не получится.

Джиллиан сникла еще больше, если такое было возможно. Теперь, когда она не двигалась, холод давал о себе знать по-настоящему, несмотря на зимнее пальто. Тара и в самом деле нашла совершенно уединенное место, где их никто не найдет. Тем самым она хотела выиграть время, чтобы решить, что делать с Джиллиан. Но единственным результатом размышлений могло быть осознание необходимости каким-то образом избавиться от бывшей подруги. После чего Тара вернется в Лондон, одна, в надежде, что никто не узнает о содеянном. И скажет, что Джиллиан уехала в отель подальше от Лондона и с тех пор не давала о себе знать. Она может застрелить Джиллиан. Или перерезать ей горло. Может просто запереть в хижине, где Джиллиан умрет от холода и голода. Люди забредают в эту глушь не чаще одного раза в год, поэтому криков о помощи никто не услышит. И даже мертвую Джиллиан найдут очень не скоро. Нет тела – нет убийства. Подозревай – не подозревай, никто ничего не докажет.

Джиллиан еще не оставила планов на побег, но шансы были мизерные. Где-то должны быть люди, даже если сейчас кажется, что они с Тарой одни в целом свете. Можно попробовать каким-то образом раздобыть ключи от машины – вон они, лежат на холодной печке

рядом с ключом от хижины; выпали у Тары из кармана, когда она доставала бутылку с остатками минеральной воды. Но Тара стоит рядом, прислонившись к двери. У Джиллиан нет возможности даже сделать шаг в эту сторону.

Тара поежилась.

– Мы никогда не приезжали сюда зимой, – сказала она почти извиняющимся тоном. – Дачный сезон начинался самое раннее на Пасху. Иногда мы оставались здесь на все лето, самое позднее до конца октября. Тогда ночи становились холодными, часто шел дождь и гулять подолгу было невозможно. Но здесь очень красивые места. Девственная природа, так сказать…

– Мы где-то недалеко от Манчестера? – спросила Джиллиан.

Тара кивнула.

– В Дарк-Пик, северной части парка.

Джиллиан вздохнула. Она знала, что Пик-Дистрикт делится на Дарк-Пик на севере и Уайт-Пик на юге. Последний относительно плотно населен, в то время как первый – сплошные болота, тянущиеся на много миль. Иногда сюда забредают люди, ищущие уединения, но только не в это время года. Они на краю света.

– Эта земля принадлежит твоей семье? – спросила Джиллиан.

– Боже мой! – Тара криво улыбнулась. – У моих родителей никогда не было столько денег. Папа держал мастерскую по ремонту велосипедов, продавал подержанные, и это позволяло нам как-то держаться на плаву. Но земля… об этом не могло быть и речи.

– Но…

– Хижина построена незаконно, можно так сказать. Это ничейная земля, и ею никто никогда не занимался. Мои родители как-то путешествовали здесь, еще до моего рождения, и папа отметил это место, сказав, что построит здесь бревенчатый домик. Так он и сделал.

Тара огляделась. Ее лицо приняло сентиментальное выражение.

– Наверное, ты тяжело переживала его смерть, – сказала Джиллиан и, как бы невзначай, дернула руками за спиной. Ей показалось, что скотч на запястьях немного ослаб. Она не рассчитывала освободиться сразу, но, проявив терпение, можно было выпростать руки. Только делать это нужно было очень осторожно. Никаких резких движений. Тара не должна была ничего заметить.

– Он умер от сердечного приступа, – пояснила Тара, и будто тень пала на ее лицо.

Джиллиан почти физически почувствовала ее боль, – спустя десятилетия после смерти отца. Это было почти невероятно.

– Это был самый обычный день, – вспоминала Тара. – Папа работал в велосипедной мастерской на заднем дворе, я пришла из школы и побежала к нему. Он увидел меня, сел, улыбнулся… и вдруг упал. Просто так. Через несколько часов он умер в больнице. – Тара беспокойно потирала руки. – Черт, я должна была подумать о сигаретах. Мне срочно нужно закурить.

Боль немедленно обернулась гневом, и это повергло Джиллиан в ужас. Тара была чем-то вроде эмоциональной пороховой бочки. Джиллиан никогда не видела ее такой. И вот теперь оказалось, что ее непробиваемая уравновешенность – не более чем маска. Элегантно одетая, идеально накрашенная, с безупречной прической, прокурор Кейн являла собой образец рассудительности и невозмутимости. Женщины, чья жизнь полностью контролируется разумом.

«Видела ли я ее когда-нибудь раньше взволнованной?» – подумала Джиллиан. И тут же вспомнила, что такое было не так давно: когда Джиллиан рассказала Таре историю Джона Бёртона. Не то чтобы Тара взорвалась, но для нее, вне сомнения, это был сильный эмоциональный всплеск. Так, может, там и нужно искать ключ? Если б только Джиллиан заметила это раньше…

– Тара, – сказала она, – я твоя подруга. И что бы ни случилось…

– Оставь, – перебила ее Тара. – Ты была моей подругой, Джиллиан, но я ошиблась в тебе. Ты немного похожа на мою мать, и это худшее, что я могу сказать о человеке. Мать тоже была милой, легкой на подъем. Не думаю, что кто-то мог сказать о ней плохое. Ее все любили.

– Она оказалась не такой хорошей, как все думали? – мягко спросила Джиллиан.

Теперь она ясно чувствовала, что скотч на запястьях ослабевает. Вдруг захотелось сделать рывок и высвободить руки, но Джиллиан сдержалась. Не стоит делать резких движений, пока у Тары нож и пистолет.

– Мать оказалась слабой, – продолжала Тара. – Я не замечала этого, пока отец давал ей силы, но когда он умер, мать показала свое

истинное лицо. Она превратилась в нытика. Плакалась день и ночь. Жизнь отца была застрахована, и это позволило нам не впасть в нищету сразу. Думаешь, мама использовала это время, чтобы устроиться на работу? Сделать что-нибудь, чтобы вернуть свою жизнь и жизнь дочери в прежнее русло? Ничего подобного. Она сидела в углу и причитала, на что мы теперь будем жить. Мне было восемь лет, и я ничем не могла ей помочь.

– Но тогда каким образом…

– Ты хочешь знать, как мы выкарабкались? – Тара кивнула. – Да, мы выкарабкались. Наплакавшись вдоволь, мать нашла выход из положения – типичный для таких женщин. Она подцепила очередного парня. Мать просто не смогла бы выжить без мужчины. Тогда ей было тридцать пять лет, и она неплохо выглядела. Красивая женщина, можно сказать, она имела хороший выбор. Чрезвычайно приятные, симпатичные мужчины.

Тара схватила нож, которым не так давно перерезала скотч на лодыжках Джиллиан, и медленно провела по лезвию большим и указательным пальцами правой руки. Джиллиан увидела, как на порезе выступила кровь.

– Но мать выбрала Теда Рослина, – продолжала Тара. – Наверное, потому, что тот лучше других ухаживал за ней или оказался более настойчивым. Он дал ей почувствовать себя шикарной женщиной, так что мать быстро забыла, что он ничего не имеет и ровным счетом ничего из себя не представляет. Она была очарована Тедом Рослином. Незадолго до моего девятого дня рождения они поженились.

Кровь медленно проступала на руке Тары.

– Все это кончилось страшным разочарованием. Думаю, Тед Рослин не прогадал с моей матерью. Она владела домом и унаследовала отцовскую мастерскую, которая приносила стабильный доход. Моя мать его никогда не интересовала, несмотря на ухаживания, цветы и прочее. Напрасно она умоляла его после свадьбы хотя бы заключить ее в объятия. Тед Рослин оставался холоден как лед.

– Но почему? – удивилась Джиллиан. – Если она была молода и красива…

– Тед Рослин не любил женщин, – перебила ее Тара.

– Понятно, – кивнула Джиллиан. – Но в семидесятые годы гомосексуалисты уже не преследовались законом, и в женитьбе для

вида не было никакой необходимости.

– Мужчин он тоже не любил, – сказала Тара, по руке которой уже вовсю струилась кровь. – Ему нравились маленькие девочки.

5

К счастью, северный участок трассы М1 был свободен от снега, поэтому они ехали довольно быстро. Времени было далеко за полдень, скоро должны были опуститься сумерки, а Джон хотел к вечеру добраться до Манчестера. Через справочную службу он разыскал в этом городе двух Люси Кейн. Вторая часть фамилии отсутствовала, но Джон не сомневался, что одна из женщин и есть мать Тары. Два адреса, он должен был успеть.

Рядом на пассажирском месте сидел взволнованный Самсон. После заточения в четырех стенах он радовался возможности вырваться наконец на свободу, но совершенно не представлял, чем это может для него закончиться.

После малоутешительной беседы с Кристи Макмарроу в Скотланд-Ярде Джон сразу же отправился домой, чтобы быстро принять душ, позвонить в справочную службу и выехать в Манчестер. Все могло обернуться очередным тупиком, но Манчестер был его единственной зацепкой, и Джону не оставалось ничего другого, как только за нее держаться. Тара Кейн выросла там, и очень может быть, что до сих пор не окончательно порвала с этим городом. Она не могла не понимать, что кто-то идет по ее следу. Если Джиллиан в самом деле была ее целью, для Тары казалось естественным искать место, где она чувствовала бы себя в безопасности.

Самсон с нетерпением дожидался Джона в квартире и хотел было засыпать его вопросами, но Бёртон тут же его оборвал:

– Это вы звонили Джиллиан и оставили сообщение на ее автоответчике?

Самсон побледнел:

– Да.

– Это был неосторожный шаг, Самсон. Необдуманный. Джиллиан и прокурор Кейн исчезли. Более того, вчера вечером Тара Кейн, судя по всему, была с Джиллиан в Торп-Бэй. Надеюсь, она не слышала ваше

сообщение. В противном случае это может сильно усложнить положение Джиллиан.

– Но почему? – в ужасе воскликнул Самсон.

Джон злился. Он не должен был оставлять его одного. У Самсона Сигала талант делать неправильные вещи в самый неподходящий момент.

– Если Тара Кейн действительно представляет для нее опасность – а на сегодняшний день все выглядит именно так, – то шансы Джиллиан были бы намного выше, если б Кейн думала, что та ни о чем не подозревает.

– Я хотел предупредить ее, – оправдывался Самсон.

– Да, но для этого совсем необязательно использовать автоответчик. Откуда вы знаете, кто может прослушать ваше сообщение?

Самсон выглядел совсем удрученным.

– Ну почему я всегда все делаю неправильно…

Джон был готов с этим согласиться, но в последний момент пожалел своего незадачливого гостя. Когда же объявил, что собирается уехать на пару дней, Самсон вздрогнул от ужаса.

– Я поеду с вами!

– Нет, вы будете дожидаться меня здесь.

– Возьмите меня с собой, пожалуйста… Обещаю слушаться вас во всем. Я сойду с ума в этой квартире!

Подумав немного, Джон согласился. Он и сам предпочел бы держать Самсона под контролем после случая с автоответчиком. Кроме того, в некоторых ситуациях неплохо иметь рядом своего человека.

– Хорошо. Но вы будете держать рот на замке, понятно? И ничего не предпринимать без моего ведома.

– Обещаю, я же сказал. Э-э-э… куда мы едем?

– В Манчестер. Там родилась и выросла Тара Кейн. Это всего лишь моя теория, в значительной степени порожденная отчаянием, но если Тара Кейн почувствовала себя загнанной в угол, для нее логично укрыться в месте, которое она хорошо знает. То есть на малой родине.

– У родителей? – спросил Самсон.

– У нее как будто оставалась только мать, – ответил Джон, – и та сегодня утром была обнаружена мертвой в своем доме. Убита. Похоже, все тем же преступником. Возможно, Тарой Кейн.

Нижняя челюсть Самсона Сигала отвисла.

– Боже мой…

– Идемте, – поторопил его Джон.

Вечером, на подъезде к Манчестеру, Самсон наконец решился нарушить долгое молчание:

– И с чего мы начнем, как только доберемся до места?

– Будем искать дом миссис Кейн. Может, узнаем что-нибудь интересное. Должны ведь быть какие-нибудь соседи… места, где она любила бывать. Есть вероятность, что Тара увезла Джиллиан туда.

Самсон кивнул. Джон покосился на него.

«Он любит Джиллиан, – подумал Джон, – и беспокоится за нее».

– И как вы оцениваете наши шансы? – спросил Самсон.

«Легче было бы найти иголку в стоге сена», – подумал Джон, но вслух сказал ободряющим тоном:

– Не унывайте, Самсон. У нас не такие плохие карты.

В одном им точно повезло: первый адрес в самом неблагополучном районе Манчестера оказался верным. Кирпичный дом, небольшой двор. Вывеска на первом этаже гласила, что здесь можно купить или отремонтировать велосипед. Но Джона больше заинтересовала полицейская заградительная лента перед воротами и немного вдоль забора, свидетельствующая о том, что тело Люси Кейн-Рослин было найдено здесь.

Джон припарковал машину возле кучи снега на обочине дороги. Он и Самсон вышли на ледяной холод, но по крайней мере уличные фонари давали достаточно света. Джон почти никогда не молился, но накануне вечером, предвидя долгую поездку, все-таки воззвал к небу: «Пожалуйста, не надо больше снега!»

– Что будем делать? – спросил Самсон. Он посмотрел на дом, потом на полосатую ленту, которую вовсю трепал холодный ветер. – Это и есть тот дом?

– Да, – кивнул Джон. – Это он.

Дом, в котором жила и умерла мать прокурора Кейн. Джон надеялся, что Тара выросла здесь, потому что в этом случае о ней было что рассказать соседям.

Начало седьмого. В большинстве окон горит свет. Жильцы уже дома, но еще не приступили к ужину. Самое подходящее время для того, что задумал Джон.

– Значит, поступим так… – Джон доверительно наклонился к Самсону. – Раскрываем почти все карты, но не все, – он предупреждающе поднял палец. – Ничего не говорим о Джиллиан и о том, что Тара Кейн может оказаться чертовски опасной персоной. Просто говорим, что ищем ее. Мы – друзья Тары Кейн из Лондона. Они, наверное, уже знают про ее мать. Такая информация распространяется молниеносно. В общем, Тара исчезла, и нас это очень беспокоит. Мы хотим выяснить, знает ли кто-нибудь место, где она может быть. Вы меня поняли?

– Я понял, – пробормотал Самсон.

Он был так бледен, что не показался Джону подходящим для этой работы. Поэтому поначалу Джон решил, что будет лучше, если напарник подождет его в машине. Но время было дорого, а домов много. Возможно, придется обойти целый квартал, прежде чем хоть что-то прояснится.

– Послушайте, – сказал он Самсону, – вы пойдете по этой стороне улицы. Я планирую начать с ближайших соседей, а потом продвигаться вверх.

– Мне представляться своим настоящим именем?

– Конечно. Охота на вас больше не ведется. Назовитесь Самсоном Сигалом из Лондона, лучшим другом Тары Кейн. Почему бы и нет?

– Хорошо, – кивнул Самсон.

Джон перешел на другую сторону улицы. Оглянулся на дом Люси Кейн-Рослин – темные, мертвые окна.

Тара Кейн убила собственную мать? Он повернулся к соседнему дому. Нельзя было терять ни минуты.

6

Она тяжело ступала по снегу. Давно стемнело, но для луны и звезд было слишком облачно. Поднялся ветер. Скоро он разорвет тучи и прогонит их прочь.

Она была единственным живым человеком на много миль вокруг. Осознание этого успокаивало и заставляло поверить в собственную неуязвимость.

Большой палец, который она порезала о лезвие ножа, болел. Она получала удовольствие от этой боли и часто резала себе пальцы. Вид

крови завораживал. Ей нравился этот насыщенно-красный цвет, тепло и распространяющаяся по телу пульсация. Как будто сердце срывалось с места и блуждало в поисках нового дома. Большой палец, почему бы и нет… Теперь Тара сама решала, где ему место, сердцу. Могла разместить хоть в пятке. Когда-то ей больше нравилось резать себе ноги. Поэтому она и не носила юбки – только брючные костюмы.

Она знала, что не заблудится. В этих местах Тара сориентировалась бы и с завязанными глазами, но сегодняшний день вымотал ее больше, чем это представлялось до сих пор. И она не спала прошлой ночью, когда по дороге на север застряла в пробке из-за аварии грузовика.

Вскоре после этого Тара остановилась на заправке, потому что нужно было сделать перерыв. Иначе не выдержала бы. Конечно, это было небезопасно. Джиллиан лежала под одеялом в багажнике, и, даже не будучи семи пядей во лбу, легко было догадаться, что она обдумывает побег. Но Тара хорошо ее связала, машина заперта. Она растянулась на двух передних сиденьях, насколько это получилось. Для сна поза не совсем удобная, да и нервы взвинчены. И все-таки полегчало.

Перед тем как ехать дальше, она выбросила сумочку Джиллиан в мусорный бак, а сотовый телефон, который перед этим выключила, – в другой. Вряд ли его здесь найдут.

Подъем к хижине оказался утомительным, обратный путь тоже. Тара вспомнила тропинки, по которым бродила здесь много лет назад – туда и обратно, беззаботно и весело. Какой бы немудреной ни была жизнь в хижине, Тара наслаждалась ею и была счастлива. Природа. Свобода. Тогда она без колебаний сказала бы любому, что мир прекрасен.

Тара толком не рассчитала, сколько времени займет путь от трассы до хижины по такому снегу. Во всяком случае, место для парковки машины выбрала наугад. И то, что расстояние оказалось преодолимым, граничило с чудом. Повезло и в том, что основные тропинки в парке, по-видимому, все-таки расчищались. Даже здесь, в северной его части.

Она остановилась, подняла шарф, пытаясь прикрыть им лицо. Холод щипал кожу, болели легкие. Господи, как же она устала… Снег

как будто отяжелел после полудня, что, наверное, было игрой ее воображения. Похоже, она на пределе сил.

Но до машины, наверное, не так далеко. Мысль о мягком сиденье, обогревателе и уютном урчании двигателя придала ей силы. Конечно, было бы разумнее дождаться утра. Несколько часов сна могут сотворить чудо. Но Тара вдруг забеспокоилась, что может не пережить этой ночи. В хижине холодно, и температура как будто все падает. Опасность лечь и не проснуться вполне реальна. Поэтому она вывела Джиллиан наружу, чтобы та наконец смогла сходить в кусты по нужде, после чего снова связала ее по рукам и ногам, закрыла ставни и тщательно заперла дверь.

С Джиллиан все ясно: она замерзнет или умрет с голоду. Скорее замерзнет до того, как голод станет главной проблемой. Тара оставила ей два бутерброда и немного воды, главным образом, чтобы не таскать это с собой. Но еда и питье Джиллиан не спасут. Что в них толку, если руки связаны? Впрочем, даже освободившись, Джиллиан не сможет выйти из хижины.

Тара была вынуждена пойти на это, потому что Джиллиан стала опасна.

Большой палец пульсировал. Вся рука пульсировала. Это давало приятное ощущение жизни и тепла. Пока кровь пульсирует в теле, беспокоиться не о чем. Главное – жить, дышать и делать правильные вещи.

Слава богу, все наконец сложилось! Хотя Тара и оплошала, упомянув в машине фамилию риелтора. Она не сразу заметила эту ошибку, только почувствовала, что-то изменилось. Джиллиан вдруг забеспокоилась. Она боялась отправляться в неизвестность. Ей не хотелось прятаться в отеле от того, кто мог оказаться не более чем призраком. Вероятно, она боялась тех чувств, которые охватывали бы ее во время одиноких прогулок у моря и бесконечных размышлений о жизни.

Тогда Тара мысленно сказала ей: «Хорошо. Если ты решишь остаться в своем доме, мне все равно. Главное, чтобы ты больше никогда не попадалась мне на глаза». Она и в самом деле не собиралась больше покушаться на жизнь Джиллиан. С бывшей подругой все было иначе, чем с двумя старушками. Может, потому, что Тара слишком хорошо ее знала. А может, сыграл роль

подсознательный суеверный страх. С Карлой Робертс и Энн Уэстли все получилось просто и сразу. Но проблемы, с которыми Тара столкнулась, преследуя Джиллиан, могли означать предупреждение: оставь ее в покое!

Даже слово «суеверный» здесь, наверное, было бы лишним. С Джиллиан не сработало дважды, и оба раза могли плохо закончиться для Тары. Умен тот, кто умеет вовремя остановиться.

Внезапные перемены с Джиллиан на пути из Лондона в Саутенд заставили Тару насторожиться. «Следи за ней, не упускай ни на секунду», – сказал внутренний голос. И Тара прошла за Джиллиан в дом. Тут-то и объявился этот чудак. Насколько глупым может быть человек? Протрубить предупреждение об опасности на весь дом – наверное, это верх глупости…

Конечно, Джиллиан пыталась сделать вид, будто не восприняла это всерьез. Но Тара не из тех, кто поддается на подобные уловки.

Во время долгой поездки в Манчестер она не переставала думать о двух вещах. Первое – как Самсон Сигал мог узнать, что она представляет опасность для Джиллиан? Второе – кто был его союзником? Потому что Самсон Сигал говорил не только от своего имени, он употреблял местоимение «мы».

Но Джиллиан еще на пути в Торп-Бэй что-то подозревала, это было видно по ней. Что же все-таки произошло?

Ответ на второй вопрос пришел Таре где-то возле Нортхэмптона. Еще раз прокрутив в голове события вчерашнего дня, в особенности тот момент, когда стала заметна перемена в поведении Джиллиан, Тара вдруг вспомнила, что назвала фамилию риелтора, которой не должна была знать, поскольку Джиллиан никогда не упоминала ее в разговоре. Люк Палм! Тара слышала, как он назвал себя, когда вернулся за записной книжкой.

В тот день все пошло не так. Тара прибыла в Торп-Бэй, когда уже стемнело. Она собиралась позвонить в дверь Джиллиан, как когда-то сделала с Энн Робертс. Если б Джиллиан открыла, это решило бы ее судьбу. Но перед домом стояла чужая машина. Тара заподозрила, что Джиллиан не одна, и оказалась права. Пришлось ждать целую вечность, прежде чем незнакомец, оказавшийся агентом по недвижимости, наконец распрощался. Джиллиан ушла в сад, входная дверь стояла широко открытой, и Тара воспользовалась моментом,

чтобы проникнуть в дом. Хотя внутренний голос и предупреждал ее: «Не делай этого! Это слишком рискованно!»

Она дожидалась Джиллиан на кухне, но неожиданно вырубилось электричество, к чему Тара никакого отношения не имела. Джиллиан запаниковала, а тут еще снова объявился Люк Палм… Тара едва успела выскользнуть в сад и по широкой дуге вернулась к своей машине.

Первый вопрос так и остался без ответа. Какую опасность имел в виду чудаковатый сосед Джиллиан? Что, черт возьми, заставило его подозревать Тару? Она не замечала больше за собой никаких оплошностей. Впрочем, теперь это не имеет значения. До сих пор все складывалось. Если она сумеет и дальше сохранять самообладание, все закончится хорошо.

Тара увидела свою машину в тот момент, когда желание лечь в снег и уснуть стало почти непреодолимым. «Ягуар» стоял там – едва заметная тень на краю дороги. К тому времени ветер разогнал тучи и на небе высветились звезды. Но именно поэтому мороз крепчал. Еще совсем немного – и ночь станет прозрачной, как лед, и такой же холодной. Тара вспомнила о своем решении выспаться в хижине.

Она открыла сумку. Это была большая сумка, в которой Тара носила папки с материалами следственных дел. Туда же бросила связку ключей, когда они с Джиллиан вышли из машины, чтобы направиться к хижине. Они должны быть где-то здесь…

Тара порылась в сумке, хватая пальцами что угодно, только не ключи. Кошелек. Книга. Карта. Пакет бумажных носовых платков. Жевательная резинка, паспорт… Ключей не было. Тара подошла к машине, поставила сумку на капот и продолжила поиски, на этот раз выкладывая из сумки то, что попадалось под руку. Наконец выудила ключ, но бирка в форме сердца указывала, что он от хижины. Ключи от машины и от квартиры висели на кольце без бирки.

В панике Тара вывернула сумку наизнанку. Выпало много всякого хлама – бумажки, огрызки карандашей, монеты. Проклятье… Тара застонала. Она точно помнила, что бросила ключи в сумку, достаточно глубокую, поэтому выпасть они не могли.

Она стояла на ледяном ветру посреди необитаемого северного участка национального парка Дарк-Пик, рядом со своей машиной, которой не имела возможности воспользоваться. Между тем как

температура воздуха, по самой скромной оценке, достигала двадцати градусов ниже нуля.

– Хорошо, – сказала себе Тара. – Для начала надо выяснить, что, собственно, произошло.

Может, она уронила ключи по дороге? В таком случае нет ни малейшего шанса отыскать их в снегу. И все-таки это крайне маловероятно. Ключи не могли выпасть из такой глубокой сумки, разве что выпрыгнули…

Тара попыталась справиться с паникой. Теперь ее положение было намного хуже, чем если б она осталась в хижине. Тем более было важно сохранять ясную голову. И Тара сделала то, что и всегда, когда пыталась решить проблему: стала вспоминать, шаг за шагом, события, которые привели к критической ситуации.

Итак, хижина. Джиллиан, связанная по рукам и ногам, на диване. Сама она стоит, прислонившись к печке, и рассказывает Джиллиан свою историю. Рядом на печке ключ, которым Тара отперла хижину. Только ли он? Тара прищурилась, пытаясь представить себе ситуацию… О боже, там был не только ключ от входной двери, но и связка с ключами от машины и квартиры! Она выпала из сумки, когда Тара оставляла Джиллиан бутерброды и воду. Тара подняла связку и положила на печь. А потом взяла ключ от хижины, а про связку, должно быть, забыла… Или нет, такого не могло быть. Тара не могла проглядеть ключи и оставить их лежать на печке. Она вспомнила, как Джиллиан умоляла выпустить ее в кусты. Она прошла мимо плиты, когда выходила из хижины. Могла ли Джиллиан прихватить связку с собой?

Почему бы и нет? С нее станется. Но это означало, что Джиллиан могла лучше двигать руками, чем это казалось Таре. Наверное, скотч ослаб. Джиллиан дергала запястьями, пока слушала, каково это, жить с таким отчимом, как Тед Рослин, и изображала ужас…

Тара чуть не рассмеялась. Ситуация складывалась и в самом деле комичная. У Джиллиан ключи от квартиры и машины, которые ей там ни к чему, а у Тары – от хижины. И обе они замерзнут насмерть. Отличная работа!

Потрясенная, Тара дернула ручку дверцы, и произошло самое удивительное – машина оказалась не заперта! По крайней мере, Тара могла в нее сесть. Слава богу, ее «Ягуар» не из тех автомобилей,

которые запираются сами собой спустя несколько минут, если владелец забыл заблокировать дверцы.

В мгновение ока Тара собрала разложенное на капоте содержимое сумки и опустилась на пассажирское сиденье. В салоне было холодно, но укрыться от ветра само по себе много значило. В багажнике есть одеяло; может, и получится продержаться некоторое время…

На какое-то мгновение Тара подумала, не попробовать ли закоротить зажигание и включить мотор без ключей, но быстро отогнала эту мысль. Она понятия не имела, как это работает и может ли получиться конкретно с ее машиной. Риск сломать что-нибудь слишком велик.

Она взвесила свои шансы и возможности. Вернуться в хижину? Забрать у Джиллиан ключи? Или дождаться утра, в надежде на снегоуборочную машину, которая возьмет Тару на буксир?

Ты в ловушке, Тара.

Или нет… Она откинула голову на спинку сиденья и глубоко вздохнула. Главное – сохранять здравый рассудок. Это позволит избежать ошибки.

Таков был ее рецепт на все случаи жизни, и до сих пор он работал.

Рука все еще болела. Ночь обступала Тару со всех сторон, пробуждая затаившиеся в душе страхи.

7

Джон дошел почти до конца улицы, но ни на шаг не продвинулся в своем расследовании. Люди реагировали по-разному. В двух квартирах ему вообще не открыли, хотя свет и звуки шагов выдавали присутствие хозяев. Пожилая дама подозрительно посмотрела из-за страховочной цепочки, но, несмотря на отчаянные попытки Джона донести до нее свою просьбу, так и не поняла, в чем дело. Другие с ходу оправдывались, иногда в крайне агрессивной форме, хотя Джон и не думал предъявлять никаких обвинений.

– Миссис Кейн-Рослин?.. Да, теперь вам легко говорить, что мы должны были заметить, что она неделями не появляется на улице. Или у нас, по-вашему, других дел нет, как только следить за ней? У нее дочь, куда она смотрела? У меня нет возможности следить за чужими

матерями. Что я знаю о ее дочери? Совсем немного. Ездит на «Ягуаре», дорого одевается. Должно быть, высокого о себе мнения. Кажется, она большая шишка в Лондоне…

Были и такие, что радовались возможности поговорить, пусть даже не о том, что интересовало Джона. Такие с головой уходили в личные воспоминания, и Бёртону стоило немалого труда вернуть разговор в нужное русло:

– Все это очень интересно, но я ищу дочь миссис Кейн-Рослин. Тару Кейн. Может, вы знали ее ребенком? Есть место, где она могла бы скрываться?

Попадались и те, кто знал Тару. Кто проживал здесь, когда она еще не переехала в Лондон. Они описывали ее как очень красивую, но при этом необыкновенно худую и замкнутую девочку, которая не контактировала ни с кем из местных детей.

– Она производила впечатление очень несчастного ребенка, – вспоминала пожилая женщина, переехавшая в Гортон в восемьдесят первом году. – Отец умер, мать вышла замуж во второй раз. Но парень был какой-то странный… Нет, вроде не пил, не буянил, да и вообще не делал ничего плохого. Занимался велосипедной мастерской покойного мистера Кейна, и все шло как будто хорошо. Но что-то в нем было такое… Он не нравился мне. И никому на улице не нравился.

– Как он относился к падчерице?

– Не могу сказать. Мы не общались с этой семьей. Но девочка всегда казалась мне больной… не столько телом, сколько душой.

– Могла она куда-нибудь сбежать, как по-вашему? Может, было место, где она приходила в себя после семейных скандалов?

Женщина пожала плечами.

– Возможно, такое место было, но об этом я ничего не знаю. Хотела бы помочь вам, да не могу.

Джон стоял на темной улице, дрожа от пронизывающего ветра, и смотрел на пустой пакет из «Макдоналдса», который ветер гнал по тротуару. Медленно складывался в сознании образ Тары Кейн – девочки из самого неблагополучного района Манчестера, сумевшей окончить университет и получить престижную профессию в Лондоне. Гортон – это нелегкий старт. Должно быть, девочка в самом деле отличалась незаурядным умом и целеустремленностью. Она высоко взлетела…

Похоже, еще в детстве в ее жизни произошел перелом. Умер отец. Отчим не нравился соседям, хотя никто не может сказать, чем именно. Но жизнь шла своим чередом. Мастерская работала, приносила какой-никакой доход.

Тем не менее миссис Кейн-Рослин найдена мертвой в собственном доме.

Есть основания полагать, что ее дочь убила четырех человек. «*Девочка всегда казалась мне больной… не столько телом, сколько душой*». Но это ничего не говорило Джону о том, где сейчас могла скрываться Тара Кейн. И где Джиллиан.

Он не продвинулся ни на шаг, а между тем время шло. Джон не мог утверждать даже, что выбранный им путь не ведет в тупик. Он знал только, что Тара выросла в Манчестере, и это в конце концов привело его в Гортон. С тем же успехом обе женщины могли находиться в другом конце Англии.

Джон поднял глаза и увидел Самсона, приближающегося к нему через улицу. Тот помахал ему обеими руками, и Джон в три прыжка оказался рядом с ним.

– Что такое?

Самсон сиял от возбуждения.

– Кажется, я кое-кого нашел.

Очень может быть. Пожилой мужчина, знает семейство Кейнов целую вечность.

– Идемте скорее…

Оба мужчины наперегонки побежали по улице. Дом, перед которым остановился Самсон, стоял через дорогу от Кейнов и выглядел заброшенным. Сердце Джона упало, когда он представил себе выжившего из ума старика, из которого так и изливаются бессвязные истории, которые ни к чему не ведут.

Протеже Самсона жил на первом этаже и поджидал их у дверей своей квартиры. Увидев его, Джон успокоился: безумцем старик никак не выглядел. Он смотрел на гостей живыми, внимательными глазами. Джон облегченно выдохнул и пожал ему руку.

– Джон Бёртон, друг Тары Кейн. Наверное, мистер Сигал уже сказал вам, кто мы…

– Ангус Шерман, – представился старик. – Входите, пожалуйста.

Они расположились на видавшем виды диване в гостиной с бокалами хереса. Квартира выглядела опрятно, но обстановка выдавала бедность хозяина. Из мебели – только самое необходимое. Зато очень много книг.

Мистер Шерман рассказывал о детстве Тары:

– Я знал ее отца. Очень хороший человек. На редкость порядочный. Он и Тара были очень привязаны друг к другу. Его ранняя смерть стала трагедией для девочки и полностью изменила ее жизнь… Никто не ожидал ничего подобного. Сердечный приступ, а ведь ему не было и сорока лет.

– Мистер Шерман, нас интересует…

– Я понял. Я тут вспомнил кое-что, когда ваш товарищ, – он кивнул на взволнованно ерзавшего на диване Самсона, – возник у меня в дверях и стал расспрашивать о местах, где она могла бы укрыться. Тут мне и пришла мысль о хижине.

– О хижине?

– В Пик-Дистрикт. В северной его части, где сплошные болота. Там у них была хижина.

– В такой глуши?

– Да, в такой глуши. Айк Кейн, ее отец, выстроил домик из бревен. Своими руками, сразу после женитьбы на Люси. В качестве свадебного подарка, как я понимаю…

– И Таре там нравилось?

– Семья проводила там почти каждые выходные, если только позволяла погода. Тара очень любила эти места. Дом был построен нелегально, и иногда я предупреждал Айка на этот счет. Но он только смеялся. Так и не получил разрешения. «Ангус, – говорил он, – там нет ни воды, ни электричества. Это даже не дом, а хижина. И она ничем не отличается от хлева, а на постройку хлева разрешения не нужно». И действительно, проблем не возникало. Пока был жив Айк Кейн, во всяком случае.

– Она до сих пор стоит, как вы думаете? – спросил Джон.

Ангус в задумчивости покачал головой.

– Не знаю. Айк выстроил ее в первой половине семидесятых… В семьдесят восьмом он умер. После этого, насколько мне известно, семья перестала туда ездить. Но хижина-то от этого никуда не делась,

так? Она вполне может стоять, где стояла. – Он вопросительно посмотрел на Джона.

Тридцать лет… Бёртон невольно засомневался. Но это была та самая спасительная соломинка.

– Не знаете, Тара приезжала туда после смерти отца?

Ангус посмотрел на Джона с сожалением.

– Чего не знаю, того не знаю. После смерти Айка я перестал общаться с Кейнами. Не могу сказать ничего плохого о втором муже Люси, но он определенно не из тех, к кому меня тянуло. И Тара изменилась. При жизни отца это была бойкая, общительная девочка. Разговорчивая и смешливая. А потом будто закрылась. Я так и не смог найти к ней подход, поэтому совсем потерял ее из виду. Так или иначе, пока у Тары не было водительских прав, она не могла доехать до хижины самостоятельно. Даже на велосипеде – это слишком далеко. Но ездила ли она туда потом… трудно сказать.

– Вам известно, где именно находится хижина?

Ангус встал, взял с полки книгу и начал ее листать.

– Это книга о Пик-Дистрикт. Где-то здесь должна быть карта… К сожалению, я могу указать место только приблизительно. Ага, вот…

Он положил книгу на стол. Трое мужчин склонились над черно-белым разворотом. Шерман взял карандаш и обвел кружком место на разлинованной карте Пик-Дистрикт.

– Здесь, кажется… Если я правильно понял Айка.

– Хм…

Безобидная закорючка на карте в действительности означала необозримо обширный участок земли – с болотами, возвышенностями и вкраплениями леса. На прочесывание такой территории потребуется несколько дней.

Ангус показал на черную линию:

– Это дорога. Она начинается сразу за Манчестером. Наверное, так они и подъезжали к хижине. Потом шли так… по тропинке через поля. Я не знаю точно, где именно она отходит от трассы.

– Но там, наверное, десятки таких тропинок, – предположил Джон и потер глаза, которые горели от усталости.

Ангус бросил мрачный взгляд за окно.

– Наивно думать, что вы доберетесь до хижины в такую погоду. Сейчас там снег толщиной в метр. На машине проехать невозможно.

Проселочная дорога может быть расчищена, но тропа через поля… никогда в жизни.

Джон и Самсон переглянулись. Вне сомнения, Шерман был прав.

– Но в таком случае Тара Кейн тоже не доберется до хижины. Только не на машине.

– Конечно, нет, – согласился Ангус.

Тут в разговор впервые вмешался Самсон, заикаясь от волнения.

– Тогда мы наткнемся на ее машину, – сказал он. – Она должна стоять у дороги.

– Верно, – кивнул Джон, вставая. – И на снегу должны остаться следы. Стоит попробовать. Большое спасибо, мистер Шерман. Вы нам очень помогли. Мы немедленно отправляемся в путь.

Шерман тоже неуверенно поднялся.

– Возьмите с собой книгу. Она поможет вам сориентироваться.

Джон взял книгу.

– Спасибо. Мы ее обязательно вернем. Даже не знаю, как бы мы без вас выкрутились…

Старик улыбнулся:

– Ради Тары я готов на все. Если она где-то там, отчаявшаяся и всеми оставленная, ее надо найти. Тара была замечательным ребенком. Я очень любил ее… и ее отца. Для меня большое утешение хоть чем-то оказаться ей полезным.

Джон кивнул. Теперь он избегал смотреть Шерману в глаза. Если удастся найти Тару, старик сыграет важную роль в поимке серийного убийцы – так это выглядит на сегодняшний день, по крайней мере. Но сейчас ему совсем не обязательно об этом знать. Эта правда разобьет ему сердце.

8

Тара оставила в хижине фонарик. Значит, есть свет – а это немало в ее положении.

Руки и ноги свободны. Как только Тара заперла дверь снаружи, Джиллиан выпростала запястья из клейкой ленты. Снять скотч с лодыжек после этого не составило большого труда.

Да, у нее есть ключи от машины. Джиллиан схватила их с печки, когда проходила мимо, чтобы выйти в кусты, и все это время крепко

сжимала в руке. Но теперь эта хижина – ледяной гроб. Джиллиан со страхом ожидала момента, когда батарейка фонарика разрядится. Тогда мир погрузится во тьму. И все будет кончено.

Она должна выбраться отсюда. Если, конечно, хочет выжить.

План Джиллиан предусматривал, что Тара будет вынуждена вернуться. Она не может ни покинуть Пик-Дистрикт пешком, ни воспользоваться машиной. Появление здесь людей в такую погоду маловероятно. А на открытом воздухе Тара замерзнет быстрее, чем Джиллиан в хижине. Поэтому она вернется, а потом…

Что произойдет потом, Джиллиан плохо себе представляла. Сможет ли она одолеть Тару, вооруженную пистолетом и ножом? У того, кому нечего терять, свои преимущества. Тем не менее Джиллиан все больше укреплялась в мысли, что должна покинуть хижину раньше, чем сюда вернется Тара.

Она осмотрела помещение в тусклом свете карманного фонарика, но не нашла ничего, что могло бы ей помочь. Собственно, на чем они готовили, когда жили здесь? На чем сидели? Джиллиан искала столовые приборы, которыми могла бы вооружиться. Над плитой была полка с плетеными корзинами, но все оказались пусты. Похоже, старая миссис Кейн забрала все, когда поняла, что домом они больше не воспользуются. И тщательно проследила за тем, чтобы ничего не забыть.

Мысль о Люси Кейн-Рослин заставила Джиллиан вздрогнуть. Она вспомнила рассказ Тары. Но сейчас не время думать об этом. Ни к чему тратить энергию на бесполезные вздохи. Нужно выбираться.

Хорошо бы взломать замок на входной двери, либо хотя бы один на ставнях… Это единственный вариант. Нужно что-то вроде лома, но ничего такого Джиллиан не видела. Стол, диваны – ни инструментов, ни столового ножа, ни вилки. Не было даже бутылки, разбив которую можно было бы получить хоть какой-то острый предмет. Бутылки с водой, которые оставила Тара, были пластиковые.

Джиллиан посмотрела на связку ключей в своей руке. Их было два, от машины Тары и от ее же квартиры. От квартиры – у́же и с острыми зазубринами. Какое-никакое оружие, ее единственный и призрачный, но шанс. Без ключей Джиллиан была бы обречена.

Она приставила полку к входной двери и подвесила на нее фонарик, так чтобы луч оказался направлен на замок, опустилась на

колени и вгляделась в металлическую скважину. Покойный мистер Кейн ремонтировал велосипеды и своими руками выстроил бревенчатый домик в лесах Северной Англии. Безусловно, он знал свое дело и врезал в дверь не какой-нибудь простой замок, а тот, который мог надежно защитить немудреное жилище в отсутствие хозяев.

Джиллиан на пробу поковырялась в замке ключом – ничего не произошло. Она даже не почувствовала ничего, что могло бы привести в движение таким образом. Надежный замок, ничего не скажешь. Но есть еще два окна с тяжелыми ставнями. Может, с ними ей повезет больше?

Джиллиан опять передвинула полку и принялась осматривать оконную конструкцию. Маленькие квадратные окошки, одинарные ставни. Их легко открыть, отодвинув ничем не закрепленную защелку. Проблема заключалась в ставнях. Они представляли собой две деревянные створки, скрепленные висячим замком. Последний выглядел таким прочным, что у Джиллиан упало сердце. Его так же трудно открыть, как и замок на входной двери, это видно с первого взгляда.

На глаза навернулись слезы. Но каким бы соблазнительным ни казался вариант просто сесть в угол и выплакаться, Джиллиан отогнала от себя эту мысль. Рыдания ни к чему не приведут, кроме эмоционального истощения. «Сосредоточься, – сказала себе Джиллиан. – Должен ведь быть какой-то способ. Скоро здесь появится Тара, к тому времени ты должна быть далеко».

Тара убила собственную мать. Но, кроме нее, – Карлу Робертс и Энн Уэстли. Она застрелила Тома, хотя метила в Джиллиан. Потом пробралась в дом Джиллиан во второй раз, и только благодаря Люку Палму чудовищный план не сработал. До сих пор собственные действия представлялись Таре логичными и закономерными. У нее проблемы с полицией, но на уровне высшего морального авторитета Тара считает себя невиновной. Она выше человеческого закона – и убеждена в этом.

Он насиловал меня пять лет. Тед Рослин, отчим. Приходил ко мне в постель каждую ночь, и так на протяжении многих недель. Его голод было невозможно утолить. Он насиловал дочь женщины, на которой женился только ради дочери. Я была красивой девочкой –

длинноногая блондинка с большими сияющими глазами. Я понравилась ему с первого взгляда, и даже больше. Рослин «запал на меня», так он сказал. Ради этого он ухаживал за моей мамой, которая была настолько одержима идеей найти нового мужа, что игнорировала все предупреждающие знаки. Тот факт, например, что Рослин никогда не ложился с ней в постель.

Ну хорошо. Само по себе это не делает из него извращенца. Но разве она не должна была насторожиться, по крайней мере попытаться выяснить, почему это так? Она сделала это только после свадьбы, когда избавиться от него стало не так просто. В глазах Теда Рослина мама была немногим эротичнее дохлой рыбы, и это невозможно было скрыть. Равно как и «особое отношение» отчима ко мне. Тут-то до мамы и дошло, что на самом деле происходит. Начались долгие, гневные дискуссии, представляешь? То, что он делал со мной, не слишком ее беспокоило – мама больше думала о себе. Но и в словесных баталиях с ним она всегда уступала. Потому что сильнее ревности ко мне, сильнее женской обиды был страх, что он ее бросит. Мама не хотела понапрасну злить Рослина и готова была смириться с ситуацией, только бы он остался…

Усилием воли Джиллиан взяла себя в руки. Она поймала себя на том, что вот уже несколько минут смотрит на ставни, не видя их. Джиллиан слушала голос Тары, который звучал у нее в голове и несколько часов спустя. Она не могла оправиться от ужаса, несмотря ни на что. Тара побывала в аду, но вспоминала об этом без слез, даже с иронией. Джиллиан заставила себя вспомнить о собственном аде. У нее еще будет время обдумать историю Тары. Не сейчас.

Итак, ставни. Две доски, прикрепленные петлями к окнам – по две петли с каждой стороны. Петли закреплены болтами, ввинченными в дерево. В свете фонарика Джиллиан увидела, что ржавчина сильно повредила болты. Она попробовала вставить кончик ключа от квартиры Тары в один из винтовых пазов, но винт не сдвинулся с места. Ключ то и дело соскальзывал, а винты так заржавели, что, вероятно, их не получилось бы выкрутить и при помощи более подходящих для этого инструментов. Сами доски показались Джиллиан очень толстыми и плотно соединенными между собой. Взломать замок между ними казалось немыслимым.

Джиллиан осмотрела конструкцию на предмет слабых мест. Похоже, дерево не знало краски и за десятилетия приобрело пепельный цвет. Взгляд уцепился за железную петлю, которой створка крепилась к оконной раме. Вокруг петли древесина имела другой цвет, волокна были не серо-пепельными, а зеленоватыми, местами даже черными. Джиллиан ощупала древесину пальцами. Она оказалась мягче, чем в других местах. Остроконечный ключ от квартиры Тары вошел в нее, не встретив ощутимого сопротивления.

Сразу дыхание участилось. Черные волокна вылезали и вокруг других петель, где Джиллиан тыкала ключом. Там рама прогнила. Похоже, ржавеющие болты со временем заразили и прилегающие к ним участки древесины, изменив ее структуру и цвет.

Джиллиан сжала руки в кулаки и изо всех сил ударила по ставням. Эта гниль должна была поддаться! Но она устояла. Джиллиан опустила руки и чуть слышно вздохнула. Все-таки одних ее мускульных сил было недостаточно. *Мне нужен молоток*. Желание из разряда неосуществимых. В хижине не было даже столовых приборов, не говоря о слесарных инструментах. Она хорошо осмотрела все.

Итак, придется без молотка. Чем его можно заменить? Что-то вроде тарана, которым можно было бы колотить по заплесневелому дереву, пока оно не треснет. Джиллиан еще раз осветила помещение карманным фонариком. Стол. Точнее, ножки стола. Если получится выломать хотя бы одну…

Она отложила фонарик, наклонила стол, а потом перевернула его, поставив на столешницу. Осмотрела деревянные ножки. Они были прикручены к столешнице болтами и по краям приклеены к дощечкам. Если удастся соскрести клей с дощечек, это будет шагом вперед. Одни винты не могут оказать непреодолимого сопротивления. Достаточно будет как следует подергать ножку…

Страх и отчаяние охватили Джиллиан. Шанс представлялся мизерным, но она взяла себя в руки и, миллиметр за миллиметром, принялась отслаивать клей из щели между дощечкой и ножкой стола.

9

Джон вел машину, а Самсон сидел рядом с книгой Ангуса Шермана. Снаружи совсем стемнело, но послеобеденный пятничный

траффик, еще час тому назад забаррикадировавший все выезды из Манчестера, шел на спад. Не считая нескольких задержек на светофорах – которые в таких случаях всегда горят красным – и промедления из-за маневрировавшего на дороге грузовика, продвигались довольно быстро. Поначалу Джон громко ворчал из-за вынужденных остановок. Она знал, что идет гонка со временем, в которой любая потерянная минута может стоить человеку жизни. Но в конце концов и он успокоился. Что толку бить кулаком по рулю или ругаться с водителем впереди идущей машины, которая плетется, как улитка, в поисках места для парковки? Это только поднимет уровень адреналина в крови, что, помимо прочего, увеличит вероятность ошибки.

Самсон, в отличие от Джона, оставался внешне невозмутим и пристально вглядывался в карту. Водил указательным пальцем по линии дороги и объявлял, когда нужно свернуть.

– Думаю, здесь надо повернуть направо. А здесь… как мне кажется, второй поворот на кольцевой развязке.

– Вам кажется или это точно? – раздражался Джон.

С некоторых пор неуверенность Самсона действовала ему на нервы. Но, покосившись на своего незадачливого товарища и увидев, что тот, похоже, вот-вот готов разразиться слезами, Джон призвал себя к порядку. Нервный срыв им сейчас ни к чему. В конце концов, это несправедливо. Самсон проделал хорошую работу, разыскав Ангуса Шермана. Он таков, каков есть. Вечные сомнения, внешне выражаемые формулировками вроде «может быть», «как мне кажется» и «если я не ошибаюсь», – часть его натуры.

Они миновали последние пригороды к югу от Манчестера. Потянулись блочные дома. Торговый квартал. Футбольное поле. «Макдоналдс». Потом огни города остались позади. Теперь вокруг горели только фары других машин.

– Мы на Эм-шестьдесят, – пояснил Самсон. – Это кольцевая трасса, опоясывающая Манчестер. Нам нужно спуститься возле Стокпорта, потом выехать на скоростную автомагистраль, которая ведет в Пик-Дистрикт. – Самсон хотел добавить «я думаю», но проглотил обычную для него фразу в последнюю секунду. – По ней нам предстоит проехать… около пяти миль.

– Ясно, – кивнул Джон. – Но в действительности все несколько сложнее, Самсон. Не любая дорога на Дистрикт нам подходит, а только та, которая, по мнению мистера Шермана, приведет нас к хижине. В существовании которой, кстати, мистер Шерман не вполне уверен.

– Понимаю, – вздохнул Самсон. – Надеюсь, мы не опоздаем.

Они съехали на скоростную автомагистраль, где было совсем мало машин, и затормозили возле туристической автостоянки с рекламой пеших прогулок по Пик-Дистрикт. Заметили знак, указывающий путь к болотам. Джон ни в чем не был уверен, но опасался, что скоростная трасса заведет их слишком далеко на юг. «Пик-Дистрикт» – это звучало так безобидно… Сразу представлялось нечто вроде городского парка с расчищенными тропинками. В действительности их ждали многие мили занесенных снегом равнин, возвышенностей и замерзших болот. Если особенно не повезет, они могут сутками петлять по Дистрикту и ни на дюйм не приблизятся к хижине. Так или иначе, нужно найти отходящую от дороги тропинку, причем ту самую.

Как и ожидалось, там никого не было, кроме них. Джон остановил машину, включил внутренний свет и взял у Самсона книгу мистера Шермана.

– С большой долей вероятности, это она, – он показал на отходящую от дороги тропинку через поля. – Вот, на карте… Можно надеяться, во всяком случае, что это она.

Тропинка оказалась узкой, но расчищенной от снега и вела от места, где они припарковали машину, в небольшой лесок, переходящий в абсолютно голую равнину по обеим сторонам – ничего, кроме снега, насколько хватало глаз. Впрочем, в темноте снег был их спасением, так как давал возможность хоть как-то сориентироваться. Джон уже понял, что обнаружить хижину, стоящую на краю какой-то лесной тропинки, невозможно. Если б Джиллиан и Тара могли подъехать к ней на машине, поиски можно было прекратить. Но из-за обилия снега они должны были оставить машину где-то на обочине расчищенной дороги, и от этого стог сена, в котором искали иголку Джон с Самсоном, становился несколько меньше. Или иголка крупнее.

Так или иначе, где-то должен быть припаркован «Ягуар». Джон держался за него, как за спасительную соломинку, углубляясь с Самсоном в морозную зимнюю ночь.

Мы идем, Джиллиан! Держись, дорогая!

Лишь встретив удивленный взгляд Самсона, Джон понял, что произнес эти слова вслух.

10

Она заперла машину изнутри, легла на заднее сиденье и накрылась теплым одеялом, которое вытащила из багажника. Несмотря на зимние брюки, пуховик, а теперь еще и одеяло, согреться не получалось. Тара согнула ноги, так что колени чуть ли не упирались в подбородок, обхватила их обеими руками, но так и не смогла совладать с дрожью, сотрясавшей все тело. Ей казалось, вместе с ней трясется вся машина. Представив, как это выглядит со стороны, Тара ухмыльнулась. Но веселье длилось не более нескольких мгновений. Слишком пугала Тару ситуация, в которой она оказалась.

Она все время сомневалась в том, что поступает правильно. Возможно, имело смысл идти прямо, в сторону Манчестера, где рано или поздно она бы встретила людей – небольшую ферму, снегоуборочную машину, даже туристов или лыжников. Но это не могло произойти раньше следующего утра, то есть в лучшем случае спустя десять-двенадцать часов, которых Тара точно не пережила бы. Она слишком обессилела. Ноги болели, тело безмолвно кричало, требуя сна. Слишком велика была опасность рухнуть в сугроб, чтобы отдохнуть хотя бы несколько секунд. Если б она заснула, все было бы кончено. Она никогда не проснулась бы.

Поэтому решение набраться сил в машине, с тем чтобы утром тронуться в путь, выглядело вполне разумным. Но Тара не ожидала, что в замкнутом пространстве «Ягуара» будет так холодно. В любом случае она могла сохранить тепло своего тела, упаковав его в «чехол» из обивки сиденья и одеяла. Что, вне сомнения, повышало шансы дожить до утра.

О большем в тот момент Тара не думала. Идею вернуться в хижину за ключами она отбросила почти сразу. Очевидно, это было то, на что рассчитывала Джиллиан, когда забирала с печки эти чертовы ключи, – потому что ни для чего другого они ей пригодиться не могли. И это означало, что Джиллиан встретит Тару во всеоружии – ящик от

комода или что-то в этом роде вполне подойдет для удара по голове. Таре ни к чему было так рисковать.

Она не могла представить себе, как Джиллиан смогла бы выбраться из хижины. Но Таре пришлось повидать много такого, что до того казалось невозможным, поэтому, устроившись на заднем сиденье, она взяла в руку нож, а пистолет засунула под коврик. Спать с прижатым к телу заряженным «стволом» представлялось слишком опасным. Покопавшись еще в багажнике, Тара наткнулась на кусок проволоки, какую используют обычно в саду, сделала петлю и взяла в другую руку.

Она опасалась уснуть слишком глубоко, но в результате обнаружила, что вовсе не может сомкнуть глаз. Вихрь мыслей в голове не стихал, несмотря на усталость, и мешал расслабиться. Она рассказала Джиллиан, этой изнеженной дочери любящих, чрезмерно заботливых родителей, ничего не знавшей о настоящих трагедиях этой жизни, все о Теде Рослине и о кровавом пути, на который ступила Тара в попытке обрести душевный покой. И вот теперь внутри все содрогалось, как будто сердце стучало в голове. Перед глазами возникали образы, которые Тара предпочла бы не видеть. Она попыталась отогнать их, чтобы составить четкий план того, что надо будет сделать по возвращении в Лондон.

В офисе ждало много работы. На следующий вторник назначено важное судебное заседание, а еще через неделю – встреча, и к ней нужно пересмотреть кучу документов, которых Тара уже боялась. Кроме того, нужно найти время, чтобы снова увидеть Лайзу. Та слишком долго пробыла в одиночестве. От мужа как будто освободилась, но тут возникла другая опасность – тоска по ребенку. Одиночество – и никаких перспектив, вот чем грозит обернуться ее жизнь…

«Она должна заявить на мужа», – подумала Тара.

Она часто представляла себе, как предъявит обвинение Логану Стэнфорду. Это доставит ей невероятное удовольствие. Но Тара должна быть уверена, что Лайза ее поддержит. Она знала этот тип женщин, их не поймешь.

Тара рассказала Джиллиан о своей первой встрече с Лайзой в туалете отеля, где праздновали юбилей коллеги-юриста. Рука судьбы – она вошла в туалет именно в тот момент, когда жена Благотворителя

Стэнфорда пыталась замазать синяк под глазом. Тара не верила в совпадения и сразу поняла, что происходит. Для этого ей не нужно было видеть лицо Лайзы. Жертвы насилия узнаю́т друг друга даже в отсутствие внешних телесных повреждений. По особой ауре, что ли… Насилие, которое они пережили, окутывает их словно невидимым давящим плащом.

– Но почему ты сразу не начала расследование против него? – спросила Джиллиан.

Тара была готова простить ей этот вопрос. В конце концов, откуда ей знать?

– Это она должна уложить его на лопатки, а не я, – ответила Тара. – Уничтожить, в полном сознании своей силы. Только так она сможет вернуться к жизни.

Боже мой, как только Тара ее не убеждала… «Заяви на него! Посади за решетку. Покончи с этим. Отплати! Покажи, что он не на ту напал».

Но Лайза оказалась классической жертвой – безвольной и неспособной принять самостоятельное решение. И теперь Тара недоумевала, стоит ли ей браться за это самой?

Когда Лайза развернула перед ней свою горестную историю, произошло нечто неожиданное – разверзлись ворота бездны, которые Тара так долго держала закрытыми. И хлынули образы и чувства, с которыми она надеялась больше не сталкиваться. В какой-то момент стало непонятно, кто кого водит по камере ужасов собственного прошлого, Лайза Тару или Тара Лайзу.

Она была готова отчаяться из-за нерешительности Лайзы, когда вдруг поняла, что сама не лучше. Тара так же уклонялась от оплаты по счетам и только сейчас поняла, сколько яда скопилось внутри. И что кредитор ждет. Нет, не Тед Рослин – тот давно умер после долгих мучений, вызванных раком простаты и старческой деменцией. Люси Кейн-Рослин – мать, которая ее предала. Время от времени Тара навещала ее в Гортоне, не без удовлетворения похваляясь профессиональными успехами. Университет. Диплом с отличием. Работа юристом в Манчестере. Далее – прокуратура в Лондоне, высокие заработки, репутация… Она подъезжала к дому на Реддиш-лейн на шикарном «Ягуаре», козыряла модными шмотками и думала, что это принесет душевное удовлетворение. Но и Тара оказалась

слишком труслива, чтобы вызвать мать на откровенный разговор, поэтому продолжала мучиться…

Она повернулась на узком сиденье, пытаясь нащупать более удобное положение, но ничего не получилось. Тут вспомнился пасмурный ноябрьский день, когда Тара в последний раз отправилась в Манчестер…

Это случилось на выходные. Лайза еще не съехала от Логана, но ситуация между супругами накалилась до предела. Тара в полной мере пробудила свое прошлое, потому что продолжала слушать историю Лайзы. И потому что больше не могла прятаться от своей собственной.

Уже стемнело, когда она подошла к родительскому дому, но света в окнах не было. Тара опасалась не застать мать дома, хотя это и было маловероятно. После смерти второго мужа Люси вела замкнутый образ жизни и ни с кем не общалась. Теперь она выходила из дома только в магазин или раз в неделю на кладбище, навестить могилы обоих мужей. Остальное время убиралась в квартире, смотрела по телевизору мыльные оперы или листала глянцевые журналы с репортажами из жизни королевской семьи. Она не производила впечатления ни недовольной, ни несчастной женщины. Женщина, которая в молодости жизни себе не представляла без мужчины, под старость смирилась с вдовьим положением. Люси на удивление хорошо справлялась с одиночеством.

Входная дверь, как и всегда, оказалась незапертой. Тара обнаружила мать в гостиной, окна которой выходили во двор и на мастерскую. Люси, конечно, сидела перед телевизором и вязала очередную салфетку, которые раскладывала по квартире в качестве подставок под посуду. На маме была толстая пуховая кофта и меховые тапочки, потому что в доме было совсем не жарко – Люси всегда экономила на отоплении. На столе перед ней стоял чайник.

Она обрадовалась дочери. Это было видно и без бурных эмоций, которые были совсем не в ее стиле. Поскольку столовая почти не отапливалась, они с Тарой накрыли стол на кухне. Тара привезла еду из китайского ресторана и дорогое красное вино. Уже после первых глотков щеки Люси раскраснелись.

– Это как Рождество, – промурлыкала она.

Тара тоже пригубила вино, но еду не тронула. Она не чувствовала голода.

– Нам надо кое-что обсудить, – сказала Тара. До сих пор она дрожала от холода, а теперь вдруг почувствовала жар во всем теле. – Я приехала поговорить с тобой, мама.

Люси подняла на нее невинные глаза.

– В самом деле?

– О Теде Рослине.

Тут Люси совсем растерялась:

– О Теде? Что с ним не так?

– Мы никогда не говорили о нем.

Люси с сожалением покачала головой.

– Да, но теперь он мертв… Тебе надо сходить на кладбище. Я была там несколько дней назад. Поставила вазу с вереском у его надгробия. Выглядит очень мило.

– Мне? – Это прозвучало агрессивно, чего Тара как раз пыталась избежать. – Мне сходить на могилу Теда? Я еще могла бы навестить отцовскую могилу, но не его… Кстати, папе ты тоже принесла вереск?

– Конечно. Ты выглядишь такой сердитой… Что ты хотела сказать?

– Я не сержусь, мама. Извини, если это так выглядит.

Тара удивилась сама себе. Она из последних сил боролась с яростью, вызванной одним только видом матери, тем не менее ей удавалось говорить спокойно и дружелюбно. «Это все работа», – подумала Тара. В юридической практике ей приходилось общаться с самыми отпетыми субъектами тем способом, которым она могла добиться от них того, чего хотела. Прокурору нет смысла набрасываться на собеседника, который насмерть забил своего четырехмесячного ребенка, потому что тот нервировал его своим плачем. Таким людям следовало выказывать всяческое понимание и доброту, чтобы они наконец расплакались, потому что почувствовали, что могут довериться этой женщине, так похожей на их мать. После этого можно было требовать для них максимального наказания. Это часто срабатывало.

– Я всего лишь хотела кое-что себе уяснить, – продолжала Тара. – Это причина моего сегодняшнего визита. Есть одна вещь, которой я не понимаю, поэтому и бываю у тебя так редко. Хотя могла бы делать для тебя гораздо больше…

– О чем ты? – В глазах Люси мелькнула настороженность.

– Есть вопрос, который мы должны обсудить, – повторила Тара, – с тем, чтобы в дальнейшем лучше ладить друг с другом… Речь пойдет о Теде, как я уже сказала. – Тара вгляделась в лицо матери. – Ты знаешь, что он со мной сделал.

Люси тут же закрылась, как устрица:

– Ты опять поднимаешь эту тему?

– Опять? – удивилась Тара. – Ты сказала «опять»? Разве мы когда-нибудь об этом говорили?

– Ты уже приезжала с этим ко мне. – Люси встала. – Я было подумала, ты соскучилась по маме, хочешь провести приятный вечер со мной… А ты явилась сюда с упреками.

– Сядь, мама. – Это прозвучало так резко, что Люси тут же откинулась на спинку стула. – На этот раз ты от меня не отмахнешься. Сиди и отвечай на мои вопросы, ясно?

– Как ты разговариваешь со мной?

– Как ты того заслуживаешь. Как заслуживает того мать, которая пять лет наблюдала за тем, как ее маленькую дочь насилует отчим. И ни разу не вмешалась – ни разу!

– Пять лет? – переспросила Люси. – Ты, как всегда, преувеличиваешь.

– Пять лет, мама, и ты знаешь об этом не хуже меня. Мне было девять, когда это началось – через полгода после того, как ты вышла за него замуж. И мне исполнилось четырнадцать, когда он наконец остановился. Потому что я стала слишком стара для него.

– Чего ты от меня хочешь? – Дыхание Люси участилось, из груди вырвался свистящий звук. – Довести меня до приступа астмы? Убить меня?

– Оставь, пожалуйста. У тебя никогда не было астмы. Ты начинаешь хрипеть, только когда тебе что-то не нравится. Со мной это больше не пройдет.

– Но я действительно хочу знать… – начала Люси, но Тара ее перебила:

– Нет, это я хочу знать! Мне просто интересно, почему ты позволяла ему это делать? Почему даже не пыталась за меня вступиться? Почему не выбросила этого ублюдка за дверь, дав ему хорошего пинка?

Люси схватила носовой платок. Она собиралась заплакать:

– Я старая женщина… У меня никого в целом свете, а ты приходишь сюда и мучаешь меня, беззащитную старуху…

– А как насчет беззащитного ребенка?

Люси вытерла глаза.

– Боже мой, ты выставляешь это так, будто и в самом деле случилось что-то страшное… Ты нравилась Теду, только и всего. Он был добрым, сердечным парнем. Я не нашла бы себе никого другого. Кому нужна вдова с ребенком? Без тебя мои шансы были бы выше, ты должна это понимать.

Позже Тара осознала, что в этот момент у нее страшно закружилась голова. Она ощутила слабость – и в то же время почувствовала, что с ней что-то произошло. В глазах помутилось, и зашумело в ушах.

– Значит, ничего страшного не произошло, – тихо повторила она. – Для тебя это нормально, когда пятидесятилетний мужчина лезет в постель к девятилетней девочке… зажимает ей рот, когда она пытается кричать… объясняет, что отдаст в детский дом, если она кому-нибудь что-нибудь скажет… Ты не находишь в этом ничего плохого, так?

Люси высморкалась и снова взяла себя в руки:

– Мне тоже приходилось нелегко.

– Правда?

– Ты никого не замечаешь, кроме себя, – продолжала Люси. – Тебя не волнует, каково было мне. Я могла делать что угодно – Тед меня игнорировал. Он видел только тебя. Ждал у ворот, когда ты вернешься из школы. Глаз с тебя не спускал ни на минуту. Я как женщина для него не существовала. Между тем это я готовила, убиралась в квартире, содержала все в порядке, чистоте… Экономила на всем, чтобы покупать себе дорогие вещи. Я хотела быть красивой… для него. Но Тед ничего не замечал.

Звон в ушах Тары усилился.

– Ты была взрослой женщиной, мама. Я – ребенком.

Внезапно глаза Люси загорелись ненавистью.

– Ребенком? О, ты была еще та малышка… знала себе цену. Понимала толк и в узких джинсах, и в футболках с большим вырезом. Тебе нравилось издеваться надо мной, выставлять меня старой дурой… А мне было всего тридцать пять лет, и я была красивой женщиной! Но не смогла победить тебя.

Тара не сразу осознала, как поднялась со стула. Кухня вокруг закружилась. Все оказалось бесполезно, они так ни о чем и не договорились. И не договорятся – никогда. Мать не раскаивалась – даже не поняла, о чем речь. Она считала себя настоящей жертвой.

– Не думаю, что когда-нибудь смогу простить тебя, мама, – сказала Люси.

Мать тоже встала. Механически потянулась за кухонным полотенцем, висевшим возле плиты, и вытерла каплю соуса со скатерти.

– Чего ты не сможешь простить?

Это прозвучало без тени цинизма или иронии. Люси не было ни горько, ни больно. Она просто спрашивала.

А Тару будто накрыло волной – отчаяния, страха, беспомощности и брошенности. Она поняла, что это никогда ее не покидало. Что навсегда обречена жить в этом аду, потому что ее предал главный человек в жизни – женщина, которая ее родила.

Взгляд упал на кухонное полотенце в красно-белую клетку, которым мать протирала стол.

– У тебя все те же старые кухонные полотенца, – услышала Тара собственный голос.

В этот момент она перестала контролировать себя – и ощутила небывалый прилив сил.

11

Из горла вырвался крик торжества, тысячекратно усиленный тишиной. Она держала в руке ножку стола!

Джиллиан не знала, как много времени прошло. Только на то, чтобы полностью соскрести клей, она должна была потратить не меньше сорока пяти минут. После этого еще долго крутила и расшатывала ножку, пот заливал лицо… Но в конце концов болт поддался, и Джиллиан вытащила ножку из крепления настолько легко, будто никаких проблем не было с самого начала.

Невероятно – все получилось!

Еще минута ушла на восстановление сил. Джиллиан опустилась на диван, вытирая лицо, и попыталась успокоить прерывистое дыхание. *Всего на минутку*… Времени почти не осталось. Теперь Тара

могла вернуться в любой момент. И она не станет рисковать во второй раз – прикончит Джиллиан на месте. Затолкает в горло клетчатое кухонное полотенце, как сделала это с Карлой Робертс и Энн Уэстли. И со своей матерью.

Еще совсем недавно, когда Джиллиан, связанная по рукам и ногам, корчилась на просиженном диване, Тара, прислонившись к печке, прочитала ей лекцию о юридической проблеме неоказания помощи. У Джиллиан сложилось впечатление, будто Тара ждет от нее какой-то реакции, но она не нашлась, что ответить.

Неоказание помощи слишком недооценивается как преступление в нашем обществе и уголовном праве. По сути, не считается преступлением вообще. Виновный – тот, кто наблюдает со стороны и не вмешивается, ну или просто ведет себя не так, – конечно, заслуживает всяческого порицания. Но разве его можно приравнивать к убийце? В каком-то смысле люди его даже понимают. Особенно после того, как мысленно поставят себя на его место…

Джиллиан встала и сжала ножку от стола обеими руками. В первый удар она вложила все оставшиеся силы. Размахнулась и врезала по ставням – ничего не изменилось. Подождала пару минут и нанесла второй удар, потом еще и еще. «Ну, давай, Джиллиан, вложись по полной! Ты можешь и должна это сделать!»

После следующего удара раздался хруст. Что-то как будто сдвинулось с места, но Джиллиан не была в этом уверена.

…Разумеется, преступник должен быть схвачен и наказан. Но в большинстве случаев речь идет о человеке с большими странностями – настолько большими, что у него нет ни малейшего шанса с ними справиться. Биографии этих людей, в особенности в части детства, читаются как страшилки. Я далека от признания того, что любой может стать серийным убийцей. Если мать была алкоголичкой, а отец – садистом, это несколько проясняет ситуацию, не так ли? Но те, кто смотрел на это и молчал, где они? В этой стране родители морят детей голодом и замучивают до смерти, а соседи делают вид, будто ничего не происходит. Мужья издеваются над женами, и никто ничего не хочет знать. В школе дети доводят одноклассников до самоубийства, а учителя не вмешиваются. Такое происходит сплошь и рядом, только потому, что люди слишком

ленивы, трусливы, слишком довольны жизнью, чтобы что-то менять в ней…

Собственно, что Джиллиан хотела делать с этой ножкой? Образ тарана возник в голове еще до того, как стол попался ей на глаза. Может, колотить по ставням неправильно и лучше действительно попробовать протаранить их?

Джиллиан сжала ножку от стола обеими руками, хорошо размахнулась и ударила изо всей силы. Ставни задрожали, на этот раз точно. Джиллиан осмотрела петли. Древесина как будто поддалась, шурупы высвободились на несколько миллиметров.

Это может сработать! Должно же ей хоть раз повезти в этой ужасный день… Джиллиан остановилась, тяжело дыша. Руки болели. Ей требовался отдых перед следующей атакой.

Тара рассказала совершенно нелепую историю Лайзы Стэнфорд. Джиллиан не знала Логана Стэнфорда лично, но читала о нем в газетах. На фотографиях этот человек не выглядел особенно симпатичным, но она не ожидала от него такой жестокости. Логан Стэнфорд постоянно организовывал какие-то благотворительные мероприятия, за что и получил прозвище Благотворитель Стэнфорд. Складывалось впечатление, будто его заботит не столько судьба обездоленных людей, сколько собственная репутация, но, по большому счету, какая разница? Деньги, которые он собирал, шли на помощь нуждающимся, остальное не имело значения. Кого волнуют мысли и чувства дарителя? Возможно, делать добро из сильной потребности в славе и признании лучше, чем вообще ничего не делать. Но тот факт, что Логан Стэнфорд годами самым жестоким образом истязал свою жену, лишил Джиллиан дара речи.

– Благотворитель Стэнфорд? Это невозможно! Ты уверена?

– Я видела Лайзу в тот вечер в отеле. С синяком под глазом. А позже она показала мне больше – рубцы, ссадины, порезы… Господин адвокат – садист. И психопат к тому же.

– И она терпела это годами?

– Да, в такие истории трудно поверить. Они почти невероятны, но происходят постоянно. Жертвы хранят молчание, надеясь, что со временем приспособятся и все наладится. Они боятся еще больше разозлить своих мучителей. Потому что где-то в глубине души готовы верить, что сами во всем виноваты. Что-то с ними не так,

поэтому мучитель и вынужден вести себя таким образом. Настоящая жертва – Логан Стэнфорд, понимаешь? Вся его вина в том, что он женился на невозможной женщине, которая постоянно выводит его из себя.

– Неужели вокруг не было никого, кому она могла бы довериться? Кто помог бы ей уйти от такого мужа, и как можно скорее?

– За эти годы Лайза доверилась двум женщинам, на которых надеялась и от которых ждала помощи. Одну из них она считала своей подругой. Другая была педиатром ее сына… Я имею в виду Карлу Робертс и Энн Уэстли.

В этот момент Джиллиан поняла все. Произнеся эти два имени, Тара поведала историю бессмысленной гибели двух безобидных пенсионерок. И раскрыла свой мотив.

– И они не поддержали ее?

– Нет. Робертс была слишком поглощена жалостью к себе. А Уэстли долго не решалась ничего предпринять и в конце концов решила не делать ничего. Обе отошли в сторону. Лайза отчаялась получить от них какую-либо помощь.

Неоказание помощи – главная тема жизни прокурора. Карла Робертс и Энн Уэстли вели себя как Люси Кейн-Рослин. Они закрывали глаза на все. Главное – не присматриваться, иначе наживешь кучу неприятностей.

– И за это ты их…

– Я была очень зла на этих женщин, но – поверишь ты мне или нет – не хотела их убивать. Просто решила припугнуть как следует за то, что бросили человека, который на них рассчитывал, и тем самым сыграли на руку садисту Стэнфорду. Я хотела, хоть ненадолго, вывести их из благополучного, довольного состояния. Всего лишь немного припугнуть… Ведь Лайза Стэнфорд опасалась за свою жизнь день и ночь. Они должны были почувствовать, каково это.

– Ясно.

– Дверь в подъезд, где жила Карла Робертс, было легко взломать. Я могла заходить и выходить в любое время. Мне нравилось время от времени посылать на восьмой этаж лифт, из которого никто не выходил. Такое действует на нервы, согласись. И машина возле уединенного дома Энн Уэстли… Отсвет фар скользит по стенам. Двигатель выключен – и никто не выходит из машины.

– Ты правильно рассчитала.

– Да, конечно. Старушки были под впечатлением. Но…

– Припугнуть оказалось недостаточно?

…Джиллиан глубоко вздохнула. Самое страшное, что она стремительно теряла силы. Но сдаваться было поздно. Она ощутимо продвинулась к цели и имела неплохие шансы на успех. Джиллиан подумала о Бекки, которая нуждалась в ней, и предприняла последнюю, отчаянную попытку. Всей тяжестью тела обрушилась на ставни, выставив перед собой «таран».

Раздался оглушительный треск – и одна створка слетела с петель. Она увлекла за собой вторую, но не смогла вырвать ее из рамы. Сцепленные створки с силой ударились о наружную стену хижины, потом еще и еще – и повисли.

Окно было открыто. Джиллиан выглянула в снежную ночь и лишь пару секунд спустя поняла, что все получилось. Она действительно вырвалась из почти безнадежного положения. Руки тряслись, мышцы болели от непривычного напряжения.

Она свободна. Теперь главное – действовать обдуманно, с минимальным риском. Спасительные ключи Джиллиан сунула глубоко в карман пальто и несколько раз проверяла, чтобы они не выпали. В другой карман положила бутылку с остатками воды и оба бутерброда. Бутылка сильно оттопыривала карман, но было важно иметь с собой хоть какой-то запас продуктов и питья. Фонарик – тоже очень важный инструмент, как показал опыт, – опустился рядом с ключами. Теперь у Джиллиан было все, что нужно, – по крайней мере, насколько такое было возможно в сложившейся ситуации.

Она взобралась на подоконник и выпрыгнула из хижины. Ветка какого-то хвойного дерева хлестнула по лицу и поцарапала кожу, но Джиллиан этого почти не заметила. Она приземлилась в глубокий мягкий снег, тут же встала на ноги, осторожно приблизилась к краю стены и заглянула за угол – туда, где была входная дверь.

Там никого не было. Снег рассеивал свет луны и звезд, которые сияли сквозь просветы в облаках. Джиллиан пробралась сквозь небольшой пролесок и остановилась. Перед ней расстилалась равнина, которую они с Тарой пересекли за несколько часов до того. До сих пор на снегу виднелись следы. По ним отыскать дорогу к машине не составит труда.

Самым неприятным было, что Джиллиан шла по открытому пространству – ничем не защищенная, резко очерченная черная фигура на белом. Тара могла увидеть ее издалека, если б решила вернуться в хижину. Но ведь и Джиллиан тоже видела бы Тару…

Она еще раз огляделась и подумала было свернуть к дальней кромке леса, чтобы идти под защитой деревьев. Однако это означало сделать большой крюк, не говоря об опасности сбиться с пути. Джиллиан не хотела терять из вида следы, несколько часов тому назад оставленные ею и Тарой. Заблудившись в бескрайних лесах, она не выдержала бы и двух дней на морозе. Тару она увидит издалека и тогда решит, что делать дальше. В том, что Джиллиан готовилась к этой встрече, было ее небольшое преимущество. Тара ее не ждала.

Джиллиан утопала в снегу. Она знала, что после перенесенных испытаний может не выдержать трудного перехода. Но радость от недавнего успеха придала энергии, которой не должно было быть.

«Я смогу. Она не убьет меня».

Но тут в ушах снова раздался голос Тары, и по телу пробежала дрожь.

– В какой-то момент я поняла, что только лишь напугать Робертс и Уэстли недостаточно.

– И ты убила их?

– Ты не понимаешь, это совсем другое. Я искала удовлетворения. Но, убив Робертс и Уэстли, вдруг поняла, что уже никогда не смогу прекратить.

– Прекратить?

– Да. Что никогда не смогу прекратить убивать собственную мать.

12

До сих пор Джон не думал, что в Пик-Дистрикт могут быть тупики, но как иначе это можно было назвать? Они ехали по шоссе целую вечность, а машины все не было. А потом шоссе внезапно закончилось. Впереди стеной стоял лес, по обеим сторонам тоже. И никаких признаков машины или хижины, не говоря о двух женщинах.

Джон развернулся.

– Видимо, мы поехали не той дорогой.

– Здесь еще много таких дорог, – печально отозвался Самсон.

– Не сомневаюсь. Дайте мне карту. – Бёртон еще раз внимательно изучил местность. – Думаю, мы где-то здесь. То есть всё еще в пределах области, которую Шерман обвел в кружок. Где-то в нижней ее части. Хижина, похоже, ближе к центру.

– Если она вообще находится здесь… Ведь Шерман ее не видел. И в последний раз слышал о ней тридцать лет тому назад.

Джону захотелось зашвырнуть книгу мистера Шермана подальше, но он удержался.

– Разумеется, у него могло быть неправильное представление о местонахождении хижины. Если она вообще существует. И очень возможно, что Тара Кейн укрылась где-то в другом месте. С тем же успехом они с Джиллиан могут быть где-нибудь в Корнуолле. Или в Шотландии. Или в каком-нибудь богом забытом городке в Уэльсе. Но эта хижина – единственное, что у нас есть. И меня сводит с ума одна мысль о том, что мы тратим здесь время впустую. Но у нас нет другого варианта, кроме как искать здесь. Все остальное еще более абсурдно.

– Согласен, – кивнул Самсон. – Итак, мы возвращаемся?

Джон снова включил мотор.

– Да. Помнится, где-то там была развилка и дорога в северном направлении. Думаю, имеет смысл опробовать этот маршрут.

– Но это была очень узкая дорога…

– Мне показалось, она расчищена. Кто знает, может, она выведет нас на широкую трассу… Сеть дорог в Пик-Дистрикт похожа на паутину, в которой все нити в конечном итоге связаны между собой. В конце концов, мы опробуем их все.

Они снова погрузились в темноту. Самсон смотрел в окно, в надежде найти хоть какую-то зацепку. Одну вещь он уяснил четко: женщины могли пользоваться только главными трассами, но не отходящими от них тропинками, которые вообще невозможно было разглядеть под снегом.

«Все будет хорошо», – убеждал себя Самсон – и при этом как будто не вполне себе верил.

Он даже не заметил, что они вот уже целую вечность плетутся по этой дороге. Так или иначе, потребовалось слишком много времени, чтобы добраться до развилки, на которой в первый раз они выбрали другое направление, потому что эта дорога показалась слишком узкой.

– Слишком долго, – процедил Джон сквозь зубы.

Они повернули. Дорога вывела в холмистую, безлесную местность.

– Это болота, – сказал Джон. – Шерман упомянул их. Мы заехали слишком далеко на юг, я должен был понять это раньше.

Он затормозил на развилке. Можно было ехать налево и направо.

– Черт, – выругался Самсон. – Впору подбрасывать монетку… – Он выглянул из окна, пытаясь сориентироваться. – Шерман говорил, что хижина стоит на краю леса. Что вполне логично. Если отец Тары выстроил домик собственными руками, вряд ли он таскал бревна за много миль по холмам и долинам… Итак, ищем лес.

Они вышли из машины. Ветер, как будто усилился и стал еще холоднее. Джон выругался и попытался дышать на руки, которые замерзли уже через несколько секунд.

– Надеюсь, Джиллиан сейчас не на открытом воздухе.

– Вон там, – Самсон показал на север, – кажется, лес.

Вдали и в самом деле темнело что-то похожее на деревья, и это означало, что надо двигаться туда. Ни на западе, ни на востоке ничего подобного не просматривалось, но это не означало, что там не было леса. Местность могла быть более холмистой и, соответственно, хуже обозреваемой. Самсон с Джоном могли видеть только до первой возвышенности и не дальше.

– Поедем прямо, – решил Джон. – Может, вы правы, Самсон, и там действительно лес. В остальных направлениях, во всяком случае, мы ничего подобного не видим, так что будем использовать те подсказки, которые имеем. Вперед.

Они опять сели в машину и поехали дальше – навстречу своему мизерному шансу.

13

В конце концов случилось то, чего она хотела избежать, – уснула. Пробудилась, вздрогнув от сумбурного сна, попыталась сесть, но боль пронзила все тело. Что это с ней? Казалось, ныла каждая кость, каждый мускул, каждый нерв. Она застонала. До полусонного сознания не сразу дошло, что это не внезапно обрушившаяся таинственная болезнь. Всему виной скрюченная поза, которую она

была вынуждена принять на заднем сиденье. И лютый холод, конечно. Ей еще повезло, что вовремя пробудилась и не замерзла во сне…

Но что ее разбудило? Сновидение? Она видела мать, Люси, которая что-то говорила. Настолько тихо, что Тара ничего не могла понять, хотя очень старалась. Она умоляла Люси говорить громче, но та только улыбалась и игнорировала просьбы дочери. Между тем Тара сходила с ума при мысли, что мать хочет донести до нее что-то важное. От волнения сердце забилось быстрее, и она проснулась.

Ей пришло в голову, что это мать спасла ее от смерти в морозную ночь. Если это так, то это первый случай, когда мать ей помогла. Тара сама не знала, как к этому относиться. Долгие годы она ждала, когда Люси станет вести себя как мать, но сейчас совсем не была уверена, что хочет этого.

«Нет, я этого не хочу», – сказала себя Тара и села, не обращая внимания на боль.

Потом увидела Джиллиан, которая стояла шагах в десяти от машины. Строго говоря, узнать ее Тара не могла. Все, что она видела, – черную фигуру в лунном свете на фоне белого снега. Фигура стояла неподвижно и как будто смотрела на машину.

Это могла быть только Джиллиан. Кто еще станет бродить здесь ночью?

Сон как рукой сняло. Тара снова осторожно легла на сиденье. Она спрашивала себя, видела ли ее Джиллиан, заметила ли хотя бы движение в салоне машины. Во всяком случае, она никак не отреагировала. Да и Тара поднималась так медленно и все-таки не успела как следует выпрямить спину, поэтому совсем необязательно ее перемещения были заметны снаружи.

Черт подери! Ей стало плохо при мысли, что Джиллиан могла застать ее спящей. В этом случае у Тары не было бы никаких шансов.

Но как, черт возьми, ей удалось выбраться из хижины? Тара заперла ее так, что и мышь не проскочила бы. Разве что Джиллиан удалось найти что-то, чем она взломала замок или открыла ставни… Но в хижине не было ничего, что могло бы заменить столярные инструменты. Ни столовых приборов, ни консервного ножа, ни штопора, ни зубной щетки – абсолютно ничего. Два ключа – вот и все, что имелось в распоряжении Джиллиан.

Ключи, и среди них – от машины… Теперь он был в пределах досягаемости. Если удастся обезвредить Джиллиан, Тара завладеет ключом и наконец сможет покинуть это негостеприимное место. При мысли, что можно будет включить двигатель и обогреватель на полную мощность, у Тары начало покалывать во всем теле. Она чуть не расплакалась, настолько непреодолимым было стремление к теплу.

И все-таки главное сейчас – сохранять ясную голову. Тара попыталась достать пистолет, но тот слишком далеко завалился под сиденье. В любом случае Тара не считала себя хорошим стрелком и могла попасть только в цель, находящуюся непосредственно перед дулом. Оставался нож, который она все еще держала в руке, но нельзя было исключать, что и Джиллиан тоже вооружена. Не могла же она освободиться голыми руками… В общем, положение Тары не было особенно благоприятным, когда Джиллиан заглянула в машину, перед тем как сесть в нее.

Тара осторожно натянула одеяло на голову и расправила его по всему сиденью. Вжалась, насколько было возможно, в мягкую обивку. Конечно, раньше одеяло лежало в багажнике. Но Тара сомневалась, что Джиллиан в состоянии обращать внимание на такие детали. И все-таки Тара видела чуть дальше, чем она, потому что знала, где Джиллиан. Которая, в свою очередь, даже не подозревала о местонахождении женщины, которая хочет ее убить. Вероятно, она полагала, что Тара отправилась пешком в сторону Манчестера…

Тара подскочила на сиденье, когда машину пронзил характерный металлический звук. Это Джиллиан открыла дверцу при помощи дистанционного пульта. Тара ухмыльнулась. Хорошо все-таки, что она заперлась изнутри. Теперь Джиллиан решит, что дверцы все время были заблокированы, а значит, в машине никого быть не может.

«Садись за руль, – шепотом уговаривала ее Тара. – Ну, садись же…»

Снег заскрипел под шагами Джиллиан. Тара затаила дыхание, слилась с сиденьем и огромным, мятым одеялом. Сжалась в комок. Стала невидимой.

Дверца водительского сиденья открылась. Тара сжала в руках нож и проволочную петлю.

14

Подгоняемая страхом, который оказался сильнее истощения, Джиллиан довольно быстро преодолела обратный путь. Увидев машину, вздохнула с облегчением. Собственно, в этом не было ничего удивительного, потому что уехать без ключей Тара не могла. Тем не менее при виде «Ягуара» Джиллиан замедлила шаг. Так как Тара не встретилась ей по дороге, Джиллиан решила, что та не стала пробовать заполучить ключи и отправилась в Манчестер пешком.

Некоторое время она внимательно приглядывалась к автомобилю на обочине дороги, изучала его с безопасного расстояния. Увидела много следов на снегу – вероятно, старые, ее и Тары. Похоже, только возле машины Тара заметила, что у нее нет ключа. Джиллиан представила себе, как бывшая подруга лихорадочно роется в сумке и в конце концов ее охватывает паника. Действительно, ужасный момент – спасение так близко и в то же время недосягаемо…

Не заметив никакого движения в салоне, Джиллиан направила пульт на машину и разблокировала дверцы. На какую-то долю секунды вспыхнул свет. Джиллиан знала, что, если б дверцы не были заблокированы, звук был бы другим. Значит, в машине никого нет.

Джиллиан медленно приблизилась. Дойдя до водительской дверцы, оглядела салон. В фонарике не было необходимости. К тому времени ветер разогнал тучи. Снег отражал и рассеивал лунный свет, поэтому все хорошо просматривалось. Машина была пуста. Одеяло лежало на заднем сиденье.

Джиллиан открыла дверцу, стряхнула снег с сапог, прежде чем сесть на водительское место. Лишь с третьего раза удалось окоченевшими пальцами вставить ключ в замок. Джиллиан повернула его. Мотор издал звук, как будто чихнул, и опять заглох.

«Это все холод. Тара говорила, что машина плохо заводится, когда очень холодно… Ну, давай же!»

Вторая попытка также окончилась неудачей. По опыту обращения с собственной машиной Джиллиан знала, что в таких случаях лучше выждать минутку-другую. Обычно это срабатывало. Джиллиан откинулась на подголовник, попыталась успокоиться, но тело дрожало от напряжения. Она дошла почти до конца. Вышла из самой безнадежной за всю свою жизнь ситуации. Оставалась самая малость – завести машину, и тогда можно будет вздохнуть с облегчением…

«Перестань же трястись как осиновый лист. Ты победила!»

Но Джиллиан не могла избавиться от ощущения, что опасность все еще где-то рядом. Сердце тяжело колотилось, разгоняя с кровью адреналин по всему телу. Пока Джиллиан не села в машину, ничего этого не было.

«Не впадай в истерику!»

Она уже собиралась предпринять третью попытку с двигателем, когда вдруг поняла. Одеяло! Старое колючее одеяло, оно должно быть в багажнике… Точно не на заднем сиденье…

Джиллиан толкнула дверцу и собиралась выскочить из машины, но опоздала на долю секунды. Огромная тень, внезапно возникшая сзади, заполнила собой все зеркало заднего вида. Почти одновременно проволочная петля врезалась в шею – настолько сильно, что помешала Джиллиан покинуть машину и вернула на водительское сиденье.

Джиллиан в панике схватилась за проволоку обеими руками. Проволока душила, грозя перерезать гортань. Джиллиан издала хриплый звук.

– Сиди тихо, – послышался за спиной спокойный голос Тары. – Иначе задушишь себя.

Джиллиан подчинилась, и давление немного ослабло. Глоток воздуха отозвался болью в горле. Тара так сильно дернула проволоку, что та глубоко впилась в кожу. Отпечаток не сойдет и за месяц. Если, конечно, у Джиллиан есть этот месяц…

Ее голова оказалась прижата к подголовнику сиденья. Пытаясь контролировать дыхание, Джиллиан мысленно обозвала себя дурой и идиоткой. Из того, что дверцы машины разблокировались при помощи пульта дистанционного управления, она сделала вывод, что в последний раз Тара запирала их, когда они сюда приехали. Тара не могла быть в машине, поскольку, чтобы открыть дверцы, нужен ключ. Вариант, что машина была открытой, Тара села в нее и заперлась изнутри, даже не пришел Джиллиан в голову. Она просто не видела такой возможности. Переутомленная голова туго соображала, и лишь заметив на заднем сиденье одеяло, Джиллиан насторожилась.

«Господи, какая же я дура…» – подумала она.

– Дура, дура, – вслух подтвердила Тара, словно прочитав ее мысли. – Но не вини себя, с кем не бывает.

Джиллиан начала кашлять, и боль из гортани распространилась на шею и плечи. Тара так затянула петлю, что Джиллиан мысленно

распрощалась с головой.

– Чтто… – прохрипела она.

– Лучше молчи, – посоветовала Тара, и Джиллиан услышала, как щелкнул складной нож.

Мгновение спустя она почувствовала холодное лезвие чуть пониже правого уха. Попробовала двинуться – и тут же в горло снова врезалась проволока. Джиллиан издала скулящий звук и вернулась в прежнее положение.

– Хорошая девочка, – похвалила Тара, – быстро схватываешь. Только не пытайся сопротивляться, будь умницей. Тебе меня не победить.

– Чтт… – снова попыталась Джиллиан.

– «Чтт… Чтт»… – передразнила Тара и осторожно провела лезвием по мочке ее уха. – Ну, говори. Что ты хотела сказать?

Безнадежность, как свинец, лежала на сердце Джиллиан. Проиграть после такой борьбы… Но, несмотря на боль в горле, она еще была способна на членораздельную речь.

– Почему? – спросила Джиллиан. Голос звучал так, будто у нее воспалились миндалины. – Почему я?

– Почему ты? – переспросила Тара. – Мы столько раз об этом говорили, а ты до сих пор не можешь понять… Ты совершила ошибку, Джиллиан. Непростительную ошибку.

Джиллиан молчала, но в этот момент все поняла. Ошибка – так в понимании Тары выглядело повторение ее собственной истории.

– Джон, – процедила сквозь зубы Джиллиан.

Тара почти нежно коснулась ее лезвием ножа.

– Верно, Джон. Он был твоей ошибкой.

Джиллиан снова принялась кашлять.

– Я полагала, что он невиновен, – прохрипела она. – И твой коллега прокурор… разделял эту точку зрения.

Тара презрительно фыркнула.

– Ты знакома с моим коллегой? Тем, который вел дело Бёртона?

– Нет.

– А я – да. Он из тех, кого волнует только собственная карьера. Видишь ли, мы всегда делаем все возможное, чтобы защитить себя, прежде чем брать дело. Кому охота иметь разборки с проигравшей в суде стороной? Но никто не может быть уверен на все сто процентов.

Мы не знаем, что может прийти в голову адвокату обвиняемого. Каких свидетелей он может вызвать, какие непредсказуемые повороты примет после этого дело… Наконец, что решит судья. Мы всегда рискуем. Кто-то склонен к риску больше, кто-то меньше. Бёртону повезло. Парень, на чей стол легло его дело, известен тем, что очень хорошо защищает себя. И реже любого из нас предъявляет обвинение. Признание как минимум – вот что нужно, чтобы он решился на такой шаг. А в деле Бёртона действительно много неясного. И там ничего не сказано насчет того, что обвинение не было предъявлено. Пусть даже таким добрым прокурором, понимаешь?

– Но…

– Что «но»? Хочешь сказать, что ты этого не знала? Но у тебя дочь, беззащитный ребенок… А ты встречаешься с мужчиной, который уже находился под следствием за сексуальное преступление. Ты рискуешь дочерью только потому, что больше не выносишь мужа и не можешь без мужчины. Ты играешь с психическим и физическим здоровьем своего ребенка; по-твоему, это нормально?

– Но я…

– «Я», да… Ты думаешь только о себе. Ты была увлечена Бёртоном и отмахнулась от всего остального. Он ничего плохого не сделал! Невинный агнец! Такое поведение простительно женщине, которая отвечает только за себя и ни за кого больше. Но у тебя Бекки! Вот я и решила ее спасти. Потому что не хочу, чтобы она повторила мою судьбу.

Джиллиан закашлялась. Голос пришел в норму, но тело горело.

– И ты знала об этом еще до Рождества? – спросила она Тару.

Джиллиан рассказала Таре историю Джона сразу после Нового года, но первую попытку убить бывшую подругу Тара предприняла еще накануне Рождества, когда застрелила ни в чем не повинного Тома.

Это было тем более ужасно, что никто ничего не заподозрил. Следствие развивалось в каком угодно направлении, но на прокурора не пало ни малейшего подозрения. Поэтому Тара без помех продолжала изливать свою ненависть и жажду мести.

– Что-то будто щелкнуло у меня в голове при упоминании имени Бёртона. Я не смогла сразу вспомнить, потому что жила еще в Манчестере, когда это произошло, но об этом деле определенно что-то

слышала. Мне не составило большого труда заполучить материалы. Кстати, я сразу поняла, что ты все знаешь. Ты не умеешь лгать, Джиллиан. И потом, когда ты наконец раскрыла мне глаза, я только разыграла ужас. На самом деле к тому времени мне все было известно.

Джиллиан снова закашлялась. Огненный шар в горле никак не хотел остывать. Ей хотелось проглотить горсть снега.

– Остановись, Тара, прошу тебя. Погибло достаточно невинных людей. Эти две пожилые женщины, в Лондоне и Танбридже, может, они в чем-то и неправы, но точно не заслужили такой смерти. Не говоря о Томе… После того, что ты рассказала мне о своем детстве, я поняла, почему ты встала на этот путь. Я правда поняла тебя, Тара.

– Правда? – с издевкой переспросила та.

– Да.

Джиллиан вложила в это короткое слово все свое отчаяние. Она чувствовала, что Тара не верит, но в этот момент говорила чистую правду. Тара прошла самый страшный круг ада, который только может пройти ребенок. И никто ей не помог. Ни мать, ни кто-либо другой из ее окружения не желали видеть в характере девятилетней девочки перемену, которая, несомненно, произошла. Соседи, учителя, родители одноклассников – все отвернулись от нее. Но Джиллиан не видела в Таре хладнокровного убийцу. Она чувствовала в ней бездонное отчаяние беспомощного ребенка.

– Я буду свидетельствовать в твою пользу, Тара. Любой судья, который услышит твою историю…

– Отпустить тебя? – предупредила ход ее мыслей Тара. – Неужели ты настолько наивна, Джиллиан? Они упекут меня за решетку на остаток жизни, если только до меня доберутся. Скажут, что, конечно, мое прошлое ужасно, но нельзя же оставлять на свободе эту мину замедленного действия… Забавно все выходит, правда? Рослин не попал за решетку. Моя мать – тоже. Бёртон как ни в чем не бывало разгуливает на свободе. Благотворитель Стэнфорд тоже избежит обвинительного приговора, потому что идиотка Лайза никогда на него не заявит. Они могут добраться только до меня. И тогда я проведу остаток жизни в тюрьме… Вот как выглядит справедливость в этом мире.

Тара снова натянула проволоку, и Джиллиан на мгновение закрыла глаза. Она не знала, как еще можно достучаться до Тары. Но

когда снова открыла глаза, ей почудилась на дороге вспышка света. Видение исчезло, прежде чем Джиллиан успела отмахнуться от него как от очередной уловки переутомленного мозга. Но потом оно возникло снова и на этот раз длилось несколько дольше, а затем свет опять погас. И загорелся.

Джиллиан вглядывалась в ночь, как будто хотела пронизать ее взглядом. Этого не могло быть. Наверное, какое-нибудь атмосферное явление. Свет звезд, отраженный от снега, или что-нибудь в этом роде. В другой ситуации она решила бы, что это автомобильные фары. Машина приближается, но свет иногда пропадает из-за неровностей холмистого ландшафта. Абсурд. Здесь, конечно, могут быть и охотники, и туристы, но не ночью! Даже молодые любовники ради уединения не стали бы заезжать так далеко зимой.

«Не надейся, Джиллиан, никакая это не машина. Ты здесь совсем одна, если не считать этой сумасшедшей, у тебя на шее проволочная петля, а у щеки нож. Теперь ты действительно попала в безвыходную ситуацию. Это конец».

Джиллиан снова закрыла глаза и открыла их, как будто пытаясь повторить то, что только что видела, чтобы иметь хоть какой-то противовес гнетущим мыслям. И это сработало. Свет появился снова. Более того, на этот раз Джиллиан разглядела, что на дороге действительно два огня. Это машина, которая куда-то едет ночью. И она приближается.

Только Тара, похоже, ничего пока не замечала. Она сказала еще что-то, чего Джиллиан не расслышала, а потом подвела итог:

– Итак, время настало.

Эту фразу Тара сопроводила очередным рывком петли. Джиллиан издала жалобный звук.

– Я не хотела делать этого своими руками, Джиллиан, – продолжала Тара. – Ты слишком долго была моей лучшей подругой. Но теперь ты стала опасна. Лучше б ты замерзла насмерть в хижине… После того как ты оттуда вырвалась, мне не остается ничего другого, как только обезвредить тебя. Я не хочу в тюрьму, понимаешь?

– Да.

– Значит, так. Сейчас мы медленно выходим…

Джиллиан отчаянно пыталась придумать, как бы протянуть время. Кто-то ехал по дороге, и если очень повезет и он не свернет куда-

нибудь в другую сторону, то должен быть здесь самое большее через десять минут. Наверняка его удивит припаркованная в таком месте машина. Может, он подумает, что с водителем что-то случилось, остановится и решит посмотреть…

«Глупо получится, если к тому времени я буду мертва».

Должна же быть хоть какая-то тема, которой можно заинтересовать Тару…

«Я буду задавать ей вопросы, – решила Джиллиан. – Вопросы о ее прошлом. Люди с такой биографией чувствуют потребность выговориться, объясниться».

И Джиллиан пришла идея, за которую она уцепилась как за спасительную соломинку. Тара рассказала ей, как убила свою мать: затолкала в горло кухонное полотенце, а затем заклеила нос упаковочным скотчем. Несчастная женщина задохнулась, после чего Тара перетащила тело в бывшую детскую, на место давнишнего преступления, с которого все началось.

Кухонное полотенце – вот подходящая тема.

– Я только хотела кое о чем тебя спросить, – начала Джиллиан. И быстро добавила, прежде чем Тара успела ее перебить: – Те кухонные полотенца…

– Которыми я задушила маму и других?

– Да. Мне просто интересно… как тебе такое пришло в голову? Или это случайность?

Похоже, Джиллиан в самом деле затронула значимую для Тары тему. Каждая выигранная секунда могла иметь решающее значение. Джиллиан снова увидела огни, теперь ближе. Значит, до сих пор машина никуда не свернула.

– Случайность? В этой истории нет ничего случайного, – презрительно заметила Тара и тут же поправилась: – Кроме Тома. Он оказался не в тот момент не в том месте. Я действительно ничего не имела против него.

– Кухонные полотенца, – напомнила Джиллиан.

– Ах да… Разве я не говорила об этом? – Голос звучал абсолютно бесстрастно, в той неестественно-безэмоциональной манере, которую Тара демонстрировала все это время. – Мама была очень хорошей хозяйкой, постоянно что-то чистила и вытирала. «Мы можем есть с пола» – так она говорила. Сверкающий чистотой дом – это было важно

для нее. Вязаные салфетки, шторы, сшитые собственными руками, и жуткие африканские фиалки в белых фарфоровых горшках с орнаментом. И эти клетчатые полотенца… они всегда должны были быть под рукой…

Тара сделала паузу. Казалось, она тщательно подбирает слова, чтобы у Джиллиан не сложилось ложного впечатления о Люси Кейн-Рослин. Тара ведь была юристом и не бросала обвинения просто так.

– Не то чтобы она была одержима чистотой, но отличалась дотошностью в этом плане. С появлением Теда все стало только хуже. Позже я много над этим размышляла.

– Вот как, – заинтересованно заметила Джиллиан, как только Тара остановилась.

«Главное – говорить!»

– Наверное, это был ее способ справиться с ситуацией. Чтобы грязь, которую Тед принес в нашу семью и о которой она прекрасно знала, была не так заметна. Этой грязи она могла противопоставить только чистоту в доме, и когда в тот вечер я увидела это кухонное полотенце, то сразу вспомнила…

Больше Джиллиан не решилась ни о чем спрашивать. Тара вздрогнула, Джиллиан почувствовала это по тому, как болезненно дернулась на шее проволочная петля.

Потом Тара выпрямилась, и Джиллиан ощутила еще один сильный рывок.

– Там машина, – произнесла Тара. – Проклятье…

15

– Это они! – Джон резко затормозил.

Чувство неописуемого облегчения от того, что поиски наконец завершились успехом, сменилось ужасом от осознания опасности ситуации: обе женщины вышли из машины и стояли посреди трассы, Тара на полшага сзади. Секунду спустя Джон заметил нож в ее руке и лицо Джиллиан, похожее на гипсовую маску.

– Боже мой, – пробормотал Самсон.

Бёртон выключил двигатель, но оставил гореть фары.

– Оставайтесь в машине! – крикнул он Самсону. – Вы меня поняли?

– Да. Куда вы?

Джон открыл дверцу водительского сиденья.

– Хочу поговорить с Тарой Кейн. Повторяю: вы остаетесь на месте.

Самсон кивнул. За лобовым стеклом предстала картина, лишившая его дара речи. Джон искренне надеялся, что Самсон выполнит его указание и не покинет машины. Вне сомнения, этот человек обладал даром делать не то в самое неподходящее время и повсюду сеять хаос.

Бёртон осторожно пошел в сторону двух женщин.

Тара приставила к горлу Джиллиан нож. Подойдя ближе, Джон понял, почему Джиллиан вытянула шею и держала голову неподвижно в таком совершенно неестественном положении. Вокруг ее шеи блестела проволочная петля, причем, судя по всему, проволока глубоко врезалась в кожу. Джиллиан выглядела совершенно беззащитной и не имела ни малейшего шанса освободиться.

Тем не менее у Тары не было пистолета, из которого она застрелила Томаса Уорда. Поэтому убить Джона она не могла.

– Ни шагу дальше, Бёртон, – послышался властный голос.

Тара не сомневалась, что ситуация полностью под ее контролем, и Джон внезапно представил ее в зале суда. Наверное, там она демонстрировала подобное поведение – холодную решимость, бесстрастность, гарантирующие успех. Бёртон спросил себя, насколько обоснованным было ее чувство превосходства. К сожалению, у Тары действительно были лучшие карты – по крайней мере, на тот момент.

Джон остановился.

– Чего вы хотите?

– С чего вы взяли, что я вообще чего-то от вас хочу? – в свою очередь спросила Тара.

– Будем и дальше смотреть друг на друга? – Джон заглянул ей в глаза. – Это ни к чему не приведет.

– Я могу прямо сейчас убить вашу подругу, – сказала Тара. – И вы мне не помешаете.

– Все верно, но что это вам даст? Полсекунды спустя я скручу вас, и все будет кончено. Думаю, вы представляете себе перспективы…

Раздался душераздирающий стон. Джон заметил, как Тара потянула проволочную петлю. Стало ясно, что за каждую одержанную

Джоном риторическую победу расплачиваться будет Джиллиан. Рука Бёртона невольно сжалась в кулак. Не существовало границ, через которые не могла бы переступить Тара Кейн.

Джон выжидающе смотрел на нее.

– Ключи от машины, – сказала Тара. – Бросьте их, чтобы я могла дотянуться ногой.

– Ключи от машины?

– Да, и ваш мобильный телефон. Не знаю, есть ли здесь связь, но не хочу рисковать.

Джон понял, что она задумала, – сбежать на его машине, прихватив с собой Джиллиан. А его оставить здесь.

– Вы всё поняли правильно, умный мальчик. Я оставляю вам свой «Ягуар», чтобы было где укрыться от ветра. Без ключей, разумеется – они останутся у меня. Путь до Манчестера неблизок, и вы, конечно, заблудитесь. Есть шанс, что кто-нибудь объявится здесь и вызволит вас, но в это время года здесь мертвый сезон.

– И вы действительно думаете, что это сойдет вам с рук? – тихо спросил Джон. – Полиция всей страны ищет вас, прокурор Кейн. Тело вашей матери обнаружено. Вы подозреваетесь в четырех убийствах. Самое разумное – сдаться сейчас. И освободить Джиллиан.

– Это мне ничего не даст, – холодно отозвалась Тара. – Я не так удачлива, как вы, Бёртон. Мало того что в вашем случае ничего толком доказать было невозможно, вам еще посчастливилось иметь дело с первым халтурщиком лондонской прокуратуры. Поэтому вам все сошло с рук. Со мной выйдет по-другому.

– Я не совершил никакого преступления.

– Ложь не становится правдой от того, что ее часто повторяют.

Джон задумался.

– У меня к вам предложение, мисс Кейн. Вам, насколько я понимаю, нужен заложник. У Джиллиан несовершеннолетняя дочь, которая уже потеряла отца. Пожалуйста, не отнимайте у нее и мать. Отпустите Джиллиан и возьмите вместо нее меня.

Жалкая попытка. Тара слишком умна, чтобы не понимать, насколько опасно менять заложника на пустынной ночной трассе. Кроме того, Джиллиан легче контролировать. Джон – тренированный полицейский, на голову выше Тары и вполовину не так измучен, как Джиллиан. Его она не удержит.

– Мобильник, – повторила Тара. – И ключи.

Джон выудил из кармана телефон, присел на корточки и подтолкнул его к женщинам. Мобильник заскользил по обледенелому снегу и остановился возле правой ноги Тары.

– Отлично! Теперь ключи.

Джон выпрямился.

– Я оставил их в машине.

– Так возьмите их оттуда. Я не желаю сесть в вашу машину только для того, чтобы убедиться, что вы мне солгали. Ключи!

Джон вернулся к машине. «Она не заметила, что в машине еще кто-то есть, – подумал он. – Иначе велела бы Самсону выйти и заодно принести ей ключи. Конечно, фары слепят… Она не видит, что творится внутри салона».

Джон задумался. То, что Тара Кейн полагает, что у нее только один противник, между тем как их два, можно было бы считать козырем в рукаве. Если б только этим козырем не был Самсон Сигал.

Только рядом с машиной Джон повернулся и открыл дверь водительского сиденья. Ему едва удалось сдержать возглас удивления: переднее пассажирское место было пустым. Заднее, как удалось ему заметить беглым взглядом, тоже. Равно как и багажник.

Самсон Сигал покинул машину. Вне сомнения, через заднюю дверь. Джон не поверил бы, что он способен на такое, если б не видел собственными глазами. Должно быть, Самсон обнаружил и нажал кнопку разблокировки рядом с рулем, и выскользнул через приоткрытую заднюю дверь на дорогу.

Но что потом? Что он вообще задумал? Джон забеспокоился. Справа и слева было несколько кустов, голых в это время года, которые под толщей снега превратились в большие сугробы. Где-то за ними он должен быть, ничего другого просто невозможно себе представить.

Теперь все полетит к черту…

«Я же велел ему оставаться на месте, – сердито подумал Джон. – Ему не поздоровится, если я только его поймаю».

– Вы скоро? – раздался голос Тары.

Джон взял ключи. Оставалось надеяться, что Самсон не затеял очередное безумство. Не самый подходящий момент для геройства. Между тем Самсон безнадежно влюблен в Джиллиан и, конечно,

страстно желает стать ее спасителем, что может закончиться только трагедией.

«Мне не следовало брать его с собой. Эта идея не нравилась мне с самого начала».

Сжимая ключ в руке, Джон медленно приблизился к женщинам. Ему хотелось осмотреть местность по обеим сторонам дороги, чтобы найти Самсона и понять, что тот задумал, но это невозможно было сделать под пристальным взглядом Тары. В очередной раз недооценить ее – самая непростительная ошибка, какую только мог совершить Джон.

– Вот ключ.

– Сюда, – Тара мотнула головой. – Тем же способом, что и телефон.

Джон опустился на корточки. Он хотел бы, чтобы ключ остановился не так близко от телефона. Ни к чему было облегчать Таре задачу.

– Вы, случайно, не прихватили с собой пистолет, бывший полицейский? – спросила Тара.

– Нет.

– Ну-ка, снимите куртку и забросьте ее куда-нибудь подальше.

Джон подчинился. Тара пробежала глазами по его свитеру, но не заметила ничего похожего на выпирающую под одеждой кобуру. Ситуация не позволяла более обстоятельного осмотра.

Джон увидел, как Тара очень медленно присела. С проволочной петлей на шее, Джиллиан была вынуждена сделать то же самое. Нож оставался у ее горла. Критический момент приближался. У Тары было всего две руки, в одной из которых она держала проволочную петлю. Другой ей предстояло схватить и положить в карман телефон. Что касается ключа, до него нужно было еще дотянуться. Может, она возьмет нож в зубы? Или все-таки будет держать в руке? Другого шанса может не представиться. Джон оценил расстояние, отделявшее его от женщин. Слишком далеко.

Тара угадала его мысли и замерла на полудвижении.

– Назад! – приказала она. – В машину, немедленно!

Она сопроводила приказ рывком проволочной петли. Джиллиан застонала, схватившись обеими руками за шею и отчаянно пытаясь

просунуть пальцы между проволокой и кожей. Но петля была слишком тугой.

Джону ничего не оставалось, как только подчиниться. Он медленно попятился.

– Вот так, – одобрила Тара, когда он остановился возле машины.

Она переложила нож в руку, державшую петлю. Другой потянулась за телефоном и сунула его в карман куртки. Потом попыталась дотянуться до ключа – и не смогла. Он был слишком далеко.

В этот момент за «Ягуаром» нарисовался Самсон. Он и в самом деле незаметно проскользнул мимо женщин, укрываясь за кустами, и обогнул машину. Всего несколько шагов отделяли его от Тары и Джиллиан. У Самсона были все преимущества, которые понадобились бы Джону, чтобы одолеть Тару. Прежде всего, он стоял достаточно близко к ней. Второе – она не подозревала о его существовании. Если ловко все обставить, можно было бы приблизиться к Таре так, чтобы она ничего не заметила.

Ловкость – то качество, которого можно было ожидать от Самсона в последнюю очередь, но Джон упрямо цеплялся за эту возможность, какой бы ничтожной она ни представлялась. Он и сам до сих пор ничего не мог сделать, кроме как послушно выполнять приказания Тары, а теперь был обречен на роль пассивного наблюдателя. Самсон, по крайней мере, сумел поставить себя в более выгодное положение. Теперь главное – не упустить шанс.

Тара снова поднялась, следом за ней Джиллиан. Им пришлось отойти на два шага, чтобы Тара дотянулась до ключа. Джон видел, как ее бесстрастное лицо исказила ярость. Конечно, Тара понимала, что ключ не случайно отлетел в сторону.

Ну… ну же…

Джон смотрел на Самсона.

Возможно, сработала телепатия. Самсон сорвался с места и достиг женщин как раз в тот момент, когда Тара, почувствовав движение за спиной, обернулась. Тут Самсон ударил ее с такой силой, что она, даже не успев подумать о сопротивлении, отпустила Джиллиан и упала на землю, все еще сжимая нож, который в следующий момент могла воткнуть между ребер Самсона. А тот застыл, словно был не в состоянии осознать собственную смелость.

Но Джон уже был там. Оттолкнул Самсона, поставил колено на грудь Тары и резким движением выбил у нее оружие. Затем вскочил, медленно поднимая Тару и заводя ей руки за спину.

– Одно неверное движение – и будет очень больно, – предупредил он.

Тара казалась настолько ошеломленной, что ничего не говорила и даже не пыталась оказать сопротивление. Она потерпела поражение – и на данный момент не могла представить себе, что с этим делать.

Тем не менее Джон ни на секунду не ослаблял бдительности. Тара все еще была опасным противником, которому абсолютно нечего терять.

– Сейчас мы идем к моей машине, – велел он. – Медленно. Шаг за шагом. Если будете делать, что я говорю, мне не придется причинять вам боль. Это понятно?

Тара кивнула. Джону хотелось позаботиться о Джиллиан, но с этим пришлось подождать. Главное сейчас – обезвредить преступницу. Краем глаза Джон видел, как Джиллиан опустилась на корточки посреди дороги, шокированная не меньше Тары. Для нее, правда, сразу нашелся утешитель. Самсон опустился рядом, поддерживал Джиллиан и гладил по волосам. Она не плакала, просто положила голову ему на плечо – поза, выдававшая не столько потребность в защите, сколько полнейшее переутомление.

Самсон тоже как будто был немного не в себе. Возможно, только что он пережил самый важный момент в своей жизни.

Среда, 20 января

Свернув на Торп-Холл-авеню, Джон почувствовал что-то вроде умиротворения. Он ухмыльнулся, осознав неожиданную реакцию на ухоженные особнячки, расчищенные от снега уютные дворики, улицы и аккуратные городские скверы. Кое-где во дворах стояли снеговики, голые кусты превратились в снежные шары, а на садовых заборах лежали пышные белые шапки. Снегопада не было вот уже несколько дней, но дул холодный северный ветер. На следующей неделе он сменится южным, и тогда это сверкающее великолепие растает, обернется неопрятными разводами на тротуарах, а потом наступит февраль с его слякотью. Но сегодня город выглядел как рождественская открытка.

Джон надеялся, что Джиллиан не оторвет ему голову, если он внезапно объявится на пороге ее дома. Она сказала, что сегодня в обед отправляется поездом в Норвич и рассчитывает к половине третьего быть у родителей. Джон всего лишь хотел подвезти ее до вокзала. Накануне он звонил Джиллиан, чтобы сказать, что собирается поговорить с бывшей коллегой, сержантом Макмарроу из Скотланд-Ярда, и Джиллиан просила сообщить ей, если будут какие-то новости о Таре, которую недавно перевели в Лондон. Джон с радостью обещал выполнить просьбу Джиллиан. Он никогда не упускал возможности с ней пообщаться.

Он попросил Кристи о встрече, прежде всего чтобы перед ней извиниться, о чем Джиллиан не нужно было знать. Разумеется, поднимались и другие темы, в том числе Самсона Сигала.

– Не могу обещать, что вам удастся избежать неприятностей, – сказала Кристи. – Сигала разыскивала полиция, а вы его приютили, и не важно, чем все потом обернулось. Не мне вам объяснять…

– Разумеется, я все понимаю, – перебил бывшую коллегу Джон.

– Я замолвлю за вас доброе словечко, и за Сигала тоже, – пообещала Кристи. – Насколько я понимаю, он отличился в Пик-Дистрикт?

– Задержание Тары Кейн – целиком и полностью его заслуга. Трудно сказать, чем бы все закончилось, если б не Сигал.

Кристи прищурилась и внимательно вгляделась в лицо Джона.

– Как я уже говорила, меня смущает ваша информированность. Вам были известны подробности, не подлежащие огласке. Либо вы экстрасенс, либо… Не хотите объясниться по этому поводу?

– Нет, – твердо ответил Джон.

– Так я и думала.

Бёртон поспешил сменить тему:

– Что с Кейн?

– Заключена под стражу. Уже успела кое в чем сознаться, но, кроме того, у нас есть показания Джиллиан Уорд. Многое сходится.

– Можете со мной поделиться?

Кристи принялась загибать пальцы:

– Убийство Люси Кейн-Рослин. Убийство Карлы Робертс, доктора Энн Уэстли и Томаса Уорда. Похищение и покушение на жизнь Джиллиан Уорд. Этого более чем достаточно на пожизненное. Безумие, правда? Такая респектабельная, сдержанная женщина… Но именно этот ее образ сыграл роковую роль. Карла Робертс не знала Тару Кейн лично, но открыла ей дверь, ни на секунду не почуяв опасности.

Теперь Джон знал историю Джиллиан. В ту ночь в Пик-Дистрикт она рассказала все, преисполненная жалости к женщине, которую совсем недавно считала лучшей подругой.

– Тара Кейн – сама жертва, – сказал Джон. – Она прошла через ад, а теперь отправляется в тюрьму на остаток жизни…

Кристи пожала плечами.

– Так бывает. Не забывайте, что погибли трое ни в чем не повинных людей. Карла Робертс и Энн Уэстли – безобидные пожилые женщины, которые, возможно, недооценили серьезность ситуации Лайзы Стэнфорд или чего-то недопоняли. В этом вся их вина. Что касается Томаса Уорда, он всего лишь имел несчастье попасться на глаза сумасшедшей в самый неподходящий момент. Люси Кейн-Рослин, безусловно, заслуживала хорошего тюремного срока, но решать проблему, как это сделала Тара Кейн… Она не имела никакого права убивать ее, наше общество не допускает подобного самосуда.

– Да, конечно, – согласился Джон.

…Он затормозил перед домом Джиллиан – нарядным, как праздничный торт, посреди заснеженного сада и с выходящим во двор

эркерным окном. Джон понимал Джиллиан, которая не могла здесь жить. Помимо того, что она обнаружила здесь труп мужа, что делало пребывание по меньшей мере в одной комнате невыносимым, этот дом больше не подходил ей. Идиллическое гнездышко для счастливой семьи – фронтон, башенки и плодовые деревья в саду. Это время миновало для нее безвозвратно. Джиллиан стала другим человеком, заплатив за это ужасную цену.

Джон вышел из машины, направился к дому по садовой дорожке и позвонил в дверь. Он надеялся, что Джиллиан не покинула дом раньше, чем планировала.

И она действительно открыла ему. Черные легинсы, толстый свитер, босые ноги в бесформенных домашних тапочках. Ее вид удивил Джона. Было начало третьего, и он ожидал увидеть ее более или менее готовой к путешествию.

– О… – в свою очередь, удивилась Джиллиан. – Я не ждала гостей.

– Извини, что без предупреждения. Я просто подумал, что… – Джон заикался, как смущенный восемнадцатилетний мальчишка, и злился на себя за это. – Я просто хотел еще раз увидеть тебя. Могу отвезти на вокзал, если хочешь.

– Входи, – пригласила Джиллиан.

Джон вошел в дом. В коридоре громоздились коробки, при этом ни чемодана, ни дорожной сумки Джон не увидел.

– Я не поеду в Норвич, – сказала она.

– Не поедешь?

– Нет. Сегодня утром разговаривала с родителями по телефону. Они привезут Чака и Бекки на выходные. В начале февраля Бекки пойдет в школу, так что у нас есть немного времени привыкнуть друг к другу.

Джон уставился на нее в непонимании.

– Хочешь эспрессо?

– С удовольствием. – Он последовал за ней на кухню. – Что это значит, Джиллиан? Бекки возвращается в свою старую школу?

– Пока я не продам дом и не найду что-нибудь другое, во всяком случае. – Джиллиан загрузила зерна в кофемашину. – В общем, я не переезжаю в Норвич.

– Нет?

– Я много передумала вчера вечером. И сегодня ночью тоже. Знаешь, что-то мне в этом не нравится. Дома, с родителями… раньше мне казалось, что я смогу обрести там покой. Но теперь знаю, что этого не будет. В обозримом будущем, по крайней мере. – Джиллиан достала маленькие чашки для эспрессо и включила машину. – Я не могу вернуться под их теплое крылышко… – Она замолчала на несколько секунд и добавила: – Это было бы неправильно. Видишь ли, до смерти Тома я не была вполне взрослым человеком, но это нужно менять. Я должна повзрослеть.

– Понимаю, о чем ты, – ответил Джон. – Но, мне кажется, за последние несколько дней ты повзрослела. Что бы там ни было раньше и как бы беспощадно ты ни судила себя сейчас. Посреди этого кошмара, в котором мы оказались, ты проявила силу и мужество. Я восхищаюсь тобой.

Подобные мысли пришли ему в голову, после того как он увидел ее сказочно-белый домик. Это больше не для Джиллиан. После того, что произошло, она могла смотреть только вперед. Ни о каком возвращении в прошлое речи больше не было.

– Я восхищаюсь тобой, – тихо повторил Джон.

Она подала ему кофе.

– Решила подыскать квартиру в Лондоне для себя, Бекки и Чака. И не продавать фирму – я буду управлять ею одна. Будет трудно, я знаю. Поэтому так важно жить где-нибудь недалеко от офиса. Но все получится. Другие ведь справляются и без мужей…

– Конечно, получится. Ты справишься.

Джону пришлось проследить, чтобы это не прозвучало слишком пафосно и оптимистично. «Она остается, даже переезжает в Лондон!» Он вздохнул с облегчением.

Джиллиан чувствовала, что с ним происходит.

– Джон… – начала она.

Он понял, что она хочет сказать.

– Я знаю, тебе нужно время, Джиллиан. Но может… мы могли бы где-нибудь посидеть вместе… выпить или поесть… Это помогло бы нам лучше узнать друг друга. Я имею в виду, до сих пор…

– До сих пор мы только спали вместе, – закончила Джиллиан, когда он запнулся. – Да, было бы неплохо узнать друг друга. Но я ничего не могу тебе обещать.

– И не надо. Просто дай мне еще один шанс.

Он допил эспрессо и поставил чашку на стол, надеясь, что это не последняя их встреча. Что и в дальнейшем, как сейчас и всю предыдущую неделю, он будет заезжать к ней, без предупреждения и приглашения, и она окажется достаточно вежлива, чтобы предложить кофе. Но сегодня Джону хотелось большего – прижать к себе Джиллиан, зарыться лицом в ее волосы, почувствовать биение ее сердца. Следующий шаг в этом направлении могла сделать только она. Остальное было лишнее.

– Я обязательно дам тебе шанс, – пообещала Джиллиан и тепло улыбнулась. – Ты спас мне жизнь, Джон. Полиция ни за что не нашла бы нас вовремя. Если б не ты…

– Нет, – Джон приложил палец к ее губам. – Нет. Ты тысячу раз благодарила меня той ночью в Пик-Дистрикт. Этого достаточно, больше я не хочу.

– Но…

– Как бы там ни сложилось у нас в дальнейшем, больше не нужно. Не хочу, чтобы ты чувствовала себя в долгу передо мной. Я имею в виду, если ты когда-нибудь позвонишь мне, чтобы предложить встретиться, это не должно быть из чувства благодарности. Делай это лишь в том случае, если действительно хочешь меня увидеть.

Джиллиан кивнула.

– Это я тебе обещаю.

Они помолчали несколько мгновений, после чего Джон сказал:

– А теперь мне лучше уйти. Уверен, что у тебя много дел.

– Есть какие-нибудь новости о Таре? – спросила она.

– Тара содержится под стражей. Она во всем призналась полиции.

– Мне так жаль ее… Понимаю, что она творила ужасные вещи, но ничего не могу с собой поделать. Я вижу в ней жертву, Джон. Не преступницу.

– Тем не менее мы не можем позволить ей разгуливать на свободе. Тара серьезно больна и представляет угрозу обществу. Ей будет оказана психологическая помощь, в которой она давно нуждается.

– Обязательно навещу ее, если получится… Не сейчас, позже. А что с той женщиной, с которой все началось, с Лайзой Стэнфорд?

Эту тему Джон также успел обсудить с Кристи.

– Лайза заявила на мужа, – ответил он. – Полиция поместила ее в женский приют. Сын с ней. Конечно, все будет очень непросто: ей придется доказывать виновность мужа. Доктор Уэстли и Тара Кейн могли бы быть хорошими свидетелями – но первая мертва, а вторая в тюрьме по обвинению в четырех убийствах. А Логан Стэнфорд, разумеется, заручится лучшей юридической поддержкой. Его шансы не так плохи, к сожалению… И все-таки главное, чтобы она к нему никогда больше не вернулась. Очень на это надеюсь.

– Лайза была всего лишь маленьким камушком на краю пропасти. И запустила такую мощную лавину событий…

– Она сыграла роль спускового крючка, это так, – согласился Джон. – Но то, что кипело внутри Тары Кейн столько десятилетий, искало выхода. Если не Лайза Кейн, то кто-то другой… На мой взгляд, это было неизбежно.

Джон прав, Джиллиан понимала это. Как и то, что остановить Тару могла только тюрьма. «Я не могу перестать убивать свою мать» – так сказала Тара той ночью в Дарк-Пик.

Возможно, она искренне сочувствовала Лайзе Стэнфорд и желала ей помочь, но после убийства Люси Кейн смысл борьбы с преступлением неоказания помощи свелся исключительно к удовлетворению потребности Тары в мести. Она принялась искать жертвы. Карла Робертс и Энн Уэстли подходили идеально. Не без труда удалось вписать в эту схему и Джиллиан: Тара защищала Бекки от любовника матери, якобы совершившего когда-то преступление на сексуальной почве, чего, впрочем, никто так и не смог доказать. Именно этим Тара оправдывала свои действия, хотя бы перед самой собой.

Следовало ожидать, что со временем она становилась бы все менее щепетильной в плане соответствия потенциальной жертвы схеме преступления и список убитых все активнее пополнялся бы ни в чем не повинными людьми. А число случаев сознательного отказа от мести, о чем она якобы одно время подумывала в отношении Джиллиан, напротив, быстро свелось бы к нулю. С Джиллиан Тара дважды потерпела неудачу и, как следствие, самообладание. В этом состояла главная причина того, что Тара отказалась от убийства бывшей подруги. Но тут вмешался Самсон…

Джиллиан проводила Джона до двери. Он чувствовал, что уйти сейчас значит сдаться, и в то же время понимал, что в сложившейся ситуации это самый правильный поступок.

– Ты объявишься, надеюсь? – спросил он. – Сообщи мне свой новый адрес.

– Конечно, – пообещала Джиллиан.

Джон протянул руку и погладил ее по щеке, после чего по садовой дорожке направился к машине. Когда он обернулся, Джиллиан уже закрыла дверь.

Тем не менее Джон готов был кричать от счастья.

В этот момент он заметил, что к нему приближается Самсон – в надвинутой на лоб плотной вязаной шапке и с обмотанным вокруг шеи несколько раз шарфом. Самсон как будто прогуливался и выглядел таким беззаботным, что Джону невольно подумалось: «Он опять взялся за свое. Снова слоняется вокруг дома Джиллиан, как будто ему недостаточно недавних неприятностей…»

– Здравствуйте, Самсон, – сказал Джон.

Тот как будто немного перепугался, как случалось каждый раз, когда с ним заговаривали на улице.

– А, Джон… – Он кивнул в сторону дома. – С Джиллиан всё в порядке, надеюсь?

– Всё в порядке.

– Жаль, что она уезжает так далеко.

– М-да… – неопределенно промычал в ответ Джон.

Ему не хотелось рассказывать Самсону об изменившихся планах Джиллиан. При желании она сделает это сама. Или же он сам может расспросить ее об этом.

– Хотел прогуляться немного, – пояснил Сигал, и его лицо сразу приняло озабоченное выражение.

Джон посмотрел в тот конец улицы, где стоял дом Самсона.

– Как вы? – участливо поинтересовался он. – Надеюсь, ваша невестка извинилась?

Самсон покачал головой.

– Нет, что вы… Она не из тех, кто может это сделать. Милли упрекала меня в том, что я сбежал. И не меньше злилась из-за того, что вернулся.

– Но должно же ей быть стыдно!

– На самом деле это ее поступок спас жизнь Джиллиан. Если б Милли не заявила на меня, мне не пришлось бы скрываться. Я не встретился бы с вами в отеле и впоследствии не оказался бы в Пик-Дистрикт. Кто знает, чем бы тогда все закончилось…

– Действительно, – согласился Джон. – Мы должны быть благодарны вашей невестке.

Он не стал говорить, что, если б не бездумный звонок Самсона, Тара Кейн, возможно, не оказалась бы загнанной в угол и не подалась бы на север, прихватив заложницу как свой единственный шанс на спасение. Джон хотел, чтобы Самсон в полной мере почувствовал себя героем.

– И все-таки, – продолжал он. – Вы намерены как-то менять свою жизнь или так и останетесь пятым колесом в телеге? Сколько можно наблюдать за другими? В конце концов, не пора ли обустроить собственную жизнь? – Тут же пожалел о своих словах и спешно добавил: – Прошу прощения, это, конечно, не мое дело…

– Всё в порядке, – успокоил его Самсон. – Вы правы.

Джон посмотрел на него и вспомнил ночь в Пик-Дистрикт. Трудно было представить этого неуклюжего, заикающегося человека бросающимся в схватку с вооруженным преступником. Но Джону не нужно было ничего воображать, он все видел собственными глазами. Самсон действовал решительно, смело и умно. Он заслужил, чтобы кто-нибудь дал ему наконец шанс на счастливую семейную жизнь.

– Знаете, я много думал о вас… – начал Джон. (Что было неправдой, потому что эта мысль пришла ему в голову только что.) – В прошлую пятницу уволился один из сотрудников моей фирмы. И это значит, что у меня есть вакансия, которую я предлагаю вам. Что скажете?

У Самсона от неожиданности отвисла челюсть.

– Вы имеете в виду, что я…

– Вы только что доказали, что умеете сохранять хладнокровие и действовать обдуманно в самые критические моменты жизни, – пояснил Джон. – Ситуации, в которых оказываются мои сотрудники, и вполовину не так опасны, могу вас в этом заверить. Не хотите попробовать?

Самсон все еще не мог в это поверить.

– Да… это было бы… это ведь… – смущенно бормотал он.

– Вам нужна работа, – сказал Джон. – И квартира, если позволите дать вам еще один совет. Пусть брат компенсирует вам стоимость вашей доли наследства. Что он, безусловно, сможет сделать, взяв кредит под дом. Ну а потом вы подыщете себе жилье неподалеку от новой работы. Небольшая уютная квартира – вот то, что вам нужно. Пора наконец… – Тут Джон запнулся, потому что сам терпеть не мог, когда кто-то вмешивался в его жизнь; между тем именно это он делал сейчас в отношении Самсона.

– Что? – спросил Самсон, когда пауза затянулась.

– Пора наконец начать новую жизнь, – закончил мысль Джон. – Сейчас самое время. – И тихо добавил: – Для всех нас.

– Тут вы правы.

Последнюю фразу Самсон произнес как нечто само собой разумеющееся – уверенно и без заикания. Он стоял в ярком солнечном свете зимнего дня, и Джону показалось, что в нем действительно что-то изменилось.

– Вы абсолютно правы, – повторил Сигал и улыбнулся.

Джон понял, что стал свидетелем редкого момента: Самсон был счастлив.

---

notes

Сноски

1

«Секонд лайф» (*англ.* Second Life) – трехмерный виртуальный мир с элементами социальной сети. Проект запущен в 2003 году и насчитывает около 1 млн активных пользователей.

2

Прими или отпусти (*англ.*).

3

999 – номер телефона, по которому человек может связаться с экстренными службами в ряде стран и территорий, в т. ч. в Великобритании.

4

Кэт Стивенс (наст. Стивен Деметр Георгиу, позже Юсуф Ислам; р. 1948) – британский певец, автор песен и мультиинструменталист.